

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко

**ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА
И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2014

УДК 323.1 (470.6)
ББК 63.3. (235.7)
Х352

*Программа фундаментальных исследований секции истории
Отделения историко-филологических наук РАН
«Нации и государство в мировой истории» (2012–2014).*

*Проект «Нациестроительство на Северном Кавказе:
исторический опыт и современные практики»*

Рецензенты:

д.и.н., профессор Н.Ф. Бугай
д.и.н., профессор Ю.Ю. Клычников

Х352 Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 434 с.

ISBN 978–5–4358–0096–8

Книга посвящена проблемам взаимосвязи истории, политики и нациестроительства в одном из самых неоднозначно воспринимаемых регионов страны. На основе широкого круга источников (архивных материалов, глубинных интервью, визуального наблюдения) рассматриваются советский опыт нациестроительства на Северном Кавказе и его итоги; современные практики поддержания национального самосознания народов региона; роль в этом процессе профессиональной историографии и политической конъюнктуры.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем тем, кто интересуется историей Северного Кавказа.

УДК 323.1 (470.6)

ISBN 978–5–4358–0096–8

© Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, 2014
© Т.П. Хлынина, 2014
© Е.Ф. Кринко, 2014

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF SOCIAL-ECONOMIC
AND HUMANITIES RESEARCHES

T.P. Khlynina and E.F. Krinko

**HISTORY, POLICY
AND NATION BUILDING
IN THE NORTHERN CAUCASUS**

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2014

UDC 323.1 (470.6)
K58

*The program of basic researches
of Department of historical-philological sciences
by the Russian Academy of Sciences
«The nations and state in the world history» (2012–2014).*

*The project «Nation building in the Northern Caucasus:
historical experience and modern practices»*

Reviewers:

Dr (History) Professor N.F. Bugay
Dr (History) Professor Yu.Yu. Klichnikov

K58 Khlynina, T.P. and Krinko, E.F. (2014). History, Policy and Nation Building in the Northern Caucasus. Roston-on-Don. SSC RAS Publishers. 434 p. (in Russian).

ISBN 978-5-4358-0096-8

The book is devoted to the problems of the relationship of history, polity and nation-building in one of the most controversial perceived by regions of the country. On the basis of a wide range of sources (archival materials, in-depth interviews, visual observation) are considered the Soviet experience of nation building in the Northern Caucasus and its outcome; modern practice of maintaining national consciousness of the region; role in this process of professional historiography and political situation.

Publication is addressed to researchers, teachers, graduate students and all those interested in the history of the Northern Caucasus.

ISBN 978-5-4358-0096-8

© Institution of Russian Academy of Sciences
Institute of Social-Economic and
Humanities Researches, 2014
© Khlynina, T.P., 2014
© Krinko, E.F., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
Глава I. Беспокойное прошлое беспокойного региона: кто виноват и что с этим делать?	17
1.1. Несколько лирических отступлений, или История и историки в эпоху перемен	18
1.2. Профессиональная историография, политика и историческая память в общественно-политической жизни народов Северного Кавказа	41
1.3. «И государство, и народы имеют право на защиту своей истории»: историческая политика и общественное сознание эпохи российского транзита	68
Глава II. «На Северном Кавказе мы не застали оформившихся наций»: советский проект нациестроительства и его итоги	91
2.1. Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами	93
2.2. «Черкесский вопрос»: незавершенный проект нациестроительства на Северном Кавказе	108
2.3. Коренизация и нациестроительство в регионе	122
2.4. Национальные кадры: идеи и люди в формировании руководящего аппарата северокавказских автономий	133
2.5. «Казачи просят автономию, а нации-то такой нет»: издержки нациестроительства и его современное состояние	150
Глава III. «Наркомнац ушел, а проблемы остались»: кем и как решаются национальные вопросы в регионе	162
3.1. «Мозаичность в национальном составе требует особых причудливых организационных форм Советского правления как в крае, так и на местах»	164
3.2. «Вопрос в праве»: репатриация соотечественников и Черкесский конгресс Адыгеи	184
3.3. Шапсугская проблема и Общественный парламент – «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов-шапсугов	200
Глава IV. Институционализация исторической памяти и практики ее поддержания	219
4.1. Национальные музеи республик Северного Кавказа в процессах нациестроительства	220

4.2.	Отражение Кавказской войны в мемориальном пространстве региона	238
4.3.	Триумф и травма: память о Великой Отечественной войне и депортациях в мемориальной культуре Северного Кавказа. . .	256
Глава V.	Национальное образование в контексте нациестроительства	281
5.1.	Создание системы национального образования на Северном Кавказе: опыт первых советских десятилетий	282
5.2.	От коренизации к унификации: национальное образование во второй половине 1930-х – 1980-х гг.	300
5.3.	Современный этап в развитии национального образования на Северном Кавказе: правовое закрепление и практики реализации	317
Глава VI.	Общеобразовательная школа. Между любовью к «малой Родине» и конструированием национальной идентичности	344
6.1.	От исторического краеведения к национально-региональному компоненту	345
6.2.	Региональные учебники в «боях за историю»	364
6.3.	Тема Кавказской войны в учебной литературе.	384
Глава VII.	«И за пределами своих государств мы остаемся не просто россиянами»: национально-культурные автономии Ростовской области	398
7.1.	«Евреи – это, прежде всего, религия»	399
7.2.	«Здесь на юге армяне живут испокон веку»	405
7.3.	«Свою историю и культуру украинцы знают и любят»	419
	Вместо заключения	429

TABLE OF CONTENTS

Foreword.....	10
Chapter I. Troubled past troubled region: who is to blame and what to do . . .	17
1.1. Several lyrical digressions, or History and historians in the era of instability	18
1.2. Professional historiography, politics and historical memory in social-political life of the peoples of the Northern Caucasus	41
1.3. «Both the government and the people have the right to protection of their history»: the historical politics and social consciousness of era Russian transit	68
Chapter II. «In the Northern Caucasus we have not found decorated nations»: the Soviet project of nation building and its outcome	91
2.1. Formation of the Soviet national policy: between the invention of tradition and imagined communities	93
2.2. «Circassian question»: unfinished project of nation building in the Northern Caucasus	108
2.3. Indigenization and the solution of the national question in the region.	122
2.4. National Personnel: ideas and people in the formation of the governing apparatus of the Northern Caucasus autonomies .	133
2.5. «The Cossacks are asked to autonomy and a nation there is no such»: costs of nation building and its current status	150
Chapter III. «Narkomnats left, but problems remain»: who and how solved national questions in the region	162
3.1. «... The mosaic in the national composition requires special organization forms of Soviet rule, as in the province, and in the places»	164
3.2. «The question of the right»: repatriation and Circassian Congress of Adygea	184
3.3. Shapsugskaya problem and the Public Parliament–Adyge Khase the Circassians-Shapsugs.	200
Chapter IV. Institutionalization of historical memory and its maintenance practices	219
4.1. National Museums Northern Caucasus republics in the process of nation building	220
4.2. Reflection of the Caucasian War in memorial space region	238

4.3. Triumph and trauma: the memory of the Great Patriotic War and deportations in the memorial culture of the Northern Caucasus	256
Chapter V. The system of national education in the context of nation building	281
5.1. Creating a system of national education in the Northern Caucasus: the experience of the first decades of Soviet rule	282
5.2. From indigenization to unification: national education in the second half of 1930s – 1980s.	300
5.3. The present stage of the development of national education: legal consolidation and implementation practices.....	317
Chapter VI. Secondary school between her love for «small Motherland» and the construction of national identity.....	344
6.1. From local history to national-regional component	345
6.2. Regional textbooks in «battles for history».....	364
6.3. The theme of the Caucasian War in the educational literature. . .	384
Chapter VII. «We remain not just Russians and beyond their borders»: the national-cultural autonomy of the Rostov region	389
7.1. « Jews are first and foremost a religion»	399
7.2. «Armenians living in the south since time immemorial».....	405
7.3. «Ukrainians know and love of the history and culture»	419
Instead of a conclusion	429

«История вышла за пределы узкого горизонта, актуального исключительно для профессиональных историков, чтобы во все большей мере стать темой дискуссий в СМИ, музейных и выставочных экспозиций, автобиографий и семейных романов, видеопроизведений и художественных инсталляций, а также документальных шоу и игровых фильмов, что и обусловило усиление эмоционального восприятия истории. Возможно, растут группы тех людей, которых история не интересует, но это отнюдь не означает, что горячие зоны истории сделались холодными».

А. Ассман «Длинная тень прошлого:
Мемориальная культура и историческая политика»

«Но, на мой взгляд, история, которую пишут профессиональные историки, тоже является разновидностью социальной памяти, и я бы не стал резко противопоставлять ее последней... Ведь то “прошлое”, которое представляют себе современные образованные люди, в той или иной мере связано с историческими знаниями, добываемыми профессиональными историками. Поэтому скорее следует согласиться с современными исследователями в том, что “история и коллективная память влетают в сложную ткань национального и культурного самосознания”, и это превращает историческую реальность в культурную конструкцию».

В. Шнирельман «Быть аланами:
Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в.»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Своим появлением на свет «очередная книга о Кавказе» обязана, на первый взгляд, случайным и практически не связанным между собою событиям, произошедшим в профессиональной жизни ее авторов. В 2007–2008 гг. мы начали работать в одном из структурных подразделений Южного научного центра РАН, где, пожалуй, впервые столкнулись с необходимостью столь активного освоения академическим знанием прошлого реалий окружающей нас действительности. Непривычность поставленной задачи и впечатляющие результаты, получаемые на основе применяемой технологии визуализации современного состояния, угроз и рисков развития юга России¹, стали хорошим стимулом к перенастраиванию устоявшейся исследовательской оптики. В фокусе нашего внимания теперь оказывались не просто интересные и забытые страницы истории северокавказских народов, а сюжеты актуальной памяти, зачастую рвущие, казалось бы, давно сложившееся единство страны; мемориальные конфликты; затяжные войны сторонников разных версий понимания прошлого и практики его проработки. Крепко усвоенные еще со студенческой скамьи представления о неразрывной связи времен, внятно иллюстрируемые, пожалуй, лишь на уровне преемственности поколений, «как-то исподволь» стали обретать недостававшую им наглядность. В свою очередь, зримые следы «длинной тени прошлого», все еще будоражащего воображение современников, потребовали поиска новой исследовательской рампы. Серьезным подспорьем в этой оптической перенастройке стали, прежде всего, разнообразные исследования исторической политики и различных видов памяти, получившие в текущем тысячелетии мощный импульс своего междисциплинарного

¹ Ее разработка принадлежит председателю Южного научного центра РАН, академику Г.Г. Матишову, а результаты применения уже по достоинству оценены профессиональным сообществом макрорегиона.

изучения¹. Существенную помощь в понимании происходящего на Северном Кавказе и его связи с событиями прошлого оказали много-часовыми интервью с представителями органов власти и лидерами общественных организаций. Их видение интересующих нас проблем нередко заставляло задуматься над некогда крепко усвоенными профессиональными штампами.

Итогом всего этого «ахматовского сора», собственно, и стала книга о тесной взаимосвязи истории, политики и нациестроительства на Северном Кавказе. Их «странное» сопряжение в одном ряду – дань профессиональным увлечениям авторского коллектива и более четверти векового изучения им процессов «собрания» северокавказских народов под сенью советской власти. Заключительным аккордом к выстраиванию этого ряда соположений оказались разработывавшиеся на протяжении последних пяти лет научно-исследовательские проекты, так или иначе связанные с историческим знанием и «сборкой» северокавказских наций². Именно в ходе их реализации мы вплотную подошли к осознанию опаляющего воздействия прошлого и его осязаемого присутствия в сегодняшней общественно-политической жизни народов региона. И именно тогда появилось осознанное понимание того, что многими своими проблемами современные этносы обязаны незавершенности процессов нациестроительства, берущих свои истоки в неоднозначно оцениваемой советской эпохе. Внезапно

¹ В этом длинном и, безусловно, полезном ряду особо хотелось бы отметить работы В.А. Шнирельмана и А. Ассман, под обаянием идей которых во многом сложилась эта книга: *Шнирельман В.А.* Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006; *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

² Проект «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг.; Проект «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» на 2012–2014 гг.

вспыхнувшая догадка постепенно стала обретать недостающую ей оснастку и вылилась в поиск сюжетного сопровождения, как представлялось, достаточно интересной и новаторской идеи. Его выбор не вызвал существенных затруднений и нашел свое отражение в практически сразу же выстроившемся оглавлении будущей книги. Трудности начались потом. Пытаясь понять логику и механизмы найденного сопряжения истории, политики и нациестроительства, мы наметили целый ряд экспертных площадок, на базе которых и собирались найти подтверждение выдвинутой гипотезе. Поиск необходимых точек и респондентов осуществлялся как по официальным каналам, так и с привлечением личных связей, что оказалось более действенным. Однако даже в последнем случае не всегда удавалось найти «верный» профессиональный тон и объяснить смысл затеваемого. Многие собеседники соглашались ответить на интересующие нас вопросы «только при условии анонимности». Нередко разрешение на использование материалов интервью ставилось в прямую зависимость от согласования его текста с автором. Результатами таких согласований становились, как правило, избавление от стилистических «некрасивостей» наговоренного и превращение живого разговора в плакатную этикетку. Немалых усилий стоило убедить потенциальных интервьюеров и в том, что проект имеет сугубо научное значение, а не является «очередной политикой и пиаром новомодных теорий в этом деликатном вопросе».

Непредвиденные трудности возникли и с работой в отдельных региональных архивах. Во время нашей командировки во Владикавказ в 2013 г. часть документов Архивного фонда Республики Северная Осетия-Алания, относящаяся к 1920–1940-м гг. (решения о передаче г. Владикавказа Северной Осетии, территориальных спорах, связанных с расформированием и последующим восстановлением Чечено-Ингушской АССР) оказалась засекреченной и в читальные залы не выдавалась. Государственный архив Чеченской Республики до сих пор не восстановлен, а его фонды советского периода, времени наиболее активного процесса нациестроительства, начинают постепенно пополняться копиями из других архивов. Причем это пополнение, по признанию сотрудников, в первую очередь, связано с документами административно-территориального устройства

области, а затем и республики, «вынужденной доказывать соседям вполне очевидные вещи». В Национальном архиве Республики Адыгеи мы столкнулись с практикой, когда органы государственной власти на протяжении десяти–пятнадцати лет не передавали на постоянное хранение документы, относящиеся, в частности к становлению современной системы национального образования. Во многих региональных и муниципальных архивохранилищах документы общественных организаций и национально-культурных автономий отнесены к «необязательным источникам комплектования», что создает определенные трудности в получении полной информации о характере, направлениях их деятельности, уставных целях и задачах. Ее «добор» осуществлялся в процессе личных встреч, электронной переписки и звонков, в чьем пространстве какие-то значимые вехи деятельности и обстоятельств возникновения институциональных форм национального представительства нередко обрастали не попавшими в сухую хронику отчетности и уже плохо верифицируемыми подробностями.

В результате в нашем активе оказались Республика Адыгея, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская, Карачаево-Черкесская и Кабардино-Балкарская республики, города Ростов-на-Дону, Шахты, Таганрог, Сочи, поселок Лазаревское Краснодарского края. Их география предопределила не только возможности встреч с представителями органов власти, общественных организаций и национально-культурных автономий, но и саму логику постановки и реализации исследовательской задачи. Если изначально пристальное внимание планировалось уделять «титульным» народам региона, то по мере сужавшихся как шагреновая кожа возможностей и одновременно появлявшихся новых ракурсов видения проблемы в поле зрения оказывались северокавказские землячества южнороссийских городов, а затем и диаспоры других народов, традиционно в них проживающих. Невольно вырисовавшееся сравнение помогало понять, как и посредством чего на сегодняшний день представители разных народов поддерживают национальное самосознание и преодолевают груз обид прошлого. Многие из использованных в книге сюжетов уже прошли свою «обкатку» в целом ряде авторских публикаций, не раз выносившихся

на суд профессионального сообщества. Их присутствие на страницах этой книги – итог длительных размышлений и оттачивания собственных позиций в понимании тех порой неочевидных составляющих, из которых строятся нынешние нации. Именно о них – памяти, истории, территории, традициях, учебниках, меморатных практиках – и идет речь на ее страницах. Речь, может быть не всегда отвечающая представлениям профессионального читателя о механизмах сборки современных наций, однако органично вытекающая из многолетнего опыта авторского коллектива по исследованию процессов нациестроительства на Северном Кавказе. Увиденная нами траектория обретения полноты национального существования отдельных народов региона – лишь одна из многих вероятных версий того, как это «есть на самом деле». Хочется надеяться, что она не останется незамеченной коллегами по цеху и встретит их заинтересованный отклик.

В заключении хотелось бы выразить искреннюю признательность всем тем, кто на протяжении этого времени оказывал неоценимую помощь и поддержку в реализации наших замыслов. Прежде всего, тем собеседникам, без готовности и заинтересованности к многочасовому общению которых мы едва ли смогли бы увидеть и прочувствовать «в реальности» «как все это строится и сохраняется на века»:

Республика Адыгея: директору Национального архива А.И. Брантову и его заместителю Ф.З. Гонежук; директору Национального музея Ф.К. Джигуновой; лидеру Черкесского конгресса М. Берзегову, старшему методисту кабинета общественных дисциплин Адыгейского республиканского института повышения квалификации С.Ю. Булгакову;

Республика Северная Осетия-Алания: министру культуры и массовых коммуникаций Ф.С. Хабаловой; директору Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН и Республики Северная Осетия-Алания, доктору исторических наук, профессору З.В. Кануковой; директору Национального музея Л.Х. Сохиевой; доктору исторических наук, профессору Северо-Осетинского государственного университета Р.С. Бзарову; заведующей отделом национального образования Министерства образования и науки Р.Р. Шанаевой;

Карачаево-Черкесская Республика: министру по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати Е.В. Крагову; заместителю директора по научной работе Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника Т.У. Байрамуковой;

Кабардино-Балкарская Республика: лидеру Черкесского конгресса Р. Кешеву;

Ростовская область: заместителю начальника Управления по национальным вопросам и работе с общественными объединениями Министерства внутренней и информационной политики Ростовской области Г.П. Ломакину; начальнику Комитета по межнациональным вопросам, религии и казачеству Администрации г. Ростова-на-Дону Ю.Н. Сергиенко; президенту Ростовской региональной украинской национально-культурной автономии В.П. Макаrchуку; президенту осетинского культурно-просветительского общества «Алания-ИР» Э.К. Киргуеву; председателю национально-культурной автономии украинцев г. Таганрога В.И. Кравченко; руководителю еврейской религиозной общины г. Таганрога Т.М. Отерштейну;

Краснодарский край: председателю Общественного парламента – «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов-шапсугов М.Х. Чачуху; председателю Сочинской городской осетинской национально-культурной общественной организации «Алания» А.Д. Маргиеву.

Выражаем искреннюю признательность младшему научному сотруднику лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН Т.Г. Курбат и студентке (а теперь и аспирантке) ЮФУ Ю.С. Панфиловой, на чьи плечи легла расшифровка привозимых из командировок записей интервью, а нередко и хаотичного включенного наблюдения. Особо хочется поблагодарить Ю.С. Панфилову, на протяжении трех лет составлявшую банк данных «этнополитической активности» северокавказских народов¹. Отдельной признательности заслуживает кандидат исторических наук А.Т. Урушадзе, чье

¹ Данные по Республике Адыгея, Республике Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесской Республике и Республике Ингушетия в качестве «Приложения» были опубликованы: Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: сб. науч. статей и материалов. Ростов н/Д, 2014. С. 194–242.

участие в обсуждении сюжетов книги и реализации ряда проектов помогало двигаться вперед и находить выверенные оценки подчас очень непростым событиям и процессам, попадавшим в поле нашего профессионального зрения.

Надеемся, что поставленную перед собою задачу – понять, как и посредством чего взаимодействуют история, политика и нациестроительство в регионе, давно ставшим для нас не просто местом приложения профессиональных усилий, но и настоящим домом – мы выполнили. А вот, насколько нам это удалось, судить читателю.

Глава I.

БЕСПОКОЙНОЕ ПРОШЛОЕ НЕСПОКОЙНОГО РЕГИОНА: КТО ВИНОВАТ И ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ?

Мы далеки от мысли, что вопросы, вынесенные в название этой небольшой по академическим меркам главы, найдут на ее страницах свое внятное и окончательное разрешение. Тем не менее, как специалисты, вот уже четверть века занимающиеся советской историей региона, мы постоянно задаем их себе и своим коллегам. Почему одни события прошлого стираются из памяти целых поколений, не вызывая ничего кроме чувства легкой растерянности перед бездонной пропастью вечности, а другие так остро и болезненно переживаются до сих пор? Отчего именно Северный Кавказ, привычно воспринимавшийся не одним поколением «строителей социализма» туристической Меккой и краем заповедной природы, в одночасье превратился в самый взрывоопасный и беспокойный регион страны? Насколько этот «беспокоящий» коллективное воображение образ соответствует реальному положению дел, а не вызван вполне обоснованным стремлением поискать причины обострения сегодняшней ситуации в дне минувшем? И, наконец, какое отношение ко всему этому имеет прошлое, в последнее время все чаще используемое в качестве арбитра разрешения множащихся в геометрической прогрессии взаимных претензий народов друг к другу и предыдущему «антинародному» режиму?

Попыткой ответа на эти и многие другие вопросы как раз и станут размышления о роли истории и ее профессиональных исследователей в жизни современного российского общества; о механизмах, актуализирующих болевые точки исторической памяти народов региона; о мерах, предпринимаемых государством и «широкой общественностью» к сохранению желаемого образа прошлого.

1.1. Несколько лирических отступлений, или История и историки в эпоху перемен

Оценивая переживаемое современным обществом время, подавляющее большинство специалистов сходится на двух присущих ему особенностях: быстротечности и неоднородности. При этом скорость происходящих перемен и глубина их освоения в различных точках земного шара поставили под сомнение не только единство временного потока, но и его направленность. На смену еще вчера казавшейся незыблемой идее «стрелы времени» пришло понимание нелинейности социального развития. Живя в едином календарном измерении, мы оказываемся свидетелями качественно разного наполнения времени и эффективности его использования. Размышляя над скоростью социально-технологических обновлений, известный английский социолог польского происхождения З. Бауман пришел к выводу о возрастании ценности времени, меняющем конфигурацию современного мира в направлении текучести и проницаемости его границ. Экстерриториальная подвижность, становящаяся, по его мнению, символом общественного прогресса, приводит к формированию «общества слабых связей», усложнению личности за счет переработки больших объемов информации и падению ее внешней активности. В свою очередь, торжество либеральных идеалов в глобальном масштабе обозначило переход от социально-правового государства, традиционно сосредоточенного на решении проблем безработицы и инфляции, к государству индивидуальной безопасности, где приверженность коллективным интересам перестает восприниматься в качестве безусловной жизнеобеспечивающей ценности¹.

В ситуации удвоения знания, происходящего каждые 5–6 лет, общество подошло к осознанию порога «собственно человеческих возможностей». Возможностей, которые обеспечивали бы необходимую реакцию на быстротечность происходящих перемен². На фоне утраты способности к принятию рационально обоснованного и оперативного

¹ Бауман З. *Текучая современность*. СПб., 2008.

² Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 19.

решения проблем настоящего наблюдается возрастающий интерес к прошлому, в течение длительного времени воспринимавшемуся бастионом стабильности и источником неиссякаемой национальной гордости. Однако по мере крушения прежних идеалов и все возрастающего осознания непрочности представлений о прошлом вновь актуализируется вопрос о его месте и роли в развитии современного общества. И, прежде всего, тех социальных функций, которые может и готово выполнять научное сообщество историков. Подобного рода вопросы, связанные с профессиональным самоопределением, для отечественного историка являются проблемой не только выживаемости, но и поиска своего нового социального предназначения. В данном случае речь идет не о необходимости смены идеологических и методологических вех в развитии исторического знания, а об учете им тех изменений, которые переживает российский социум под воздействием предельного сжатия исторического времени. С.П. Капица, одним из первых в отечественной науке обративший внимание на собственно социальный характер изменений эпохи демографического перехода, пришел к ряду довольно тревожащих выводов. Во-первых, исторический процесс стал определяться не течением исторического времени, а практически эффективным временем жизни человека или же еще меньшим масштабом текущих политических решений. Во-вторых, время и инвариантный объем информации уплотнились до предела, произошло сокращение диапазона памяти и, как следствие, невосприятие нынешним поколением событий довоенной и дореволюционной истории, спрессовавшейся в пространстве коллективных представлений в одно давно прошедшее время. В-третьих, ускорение исторического времени привело к тому, что на протяжении жизни одного поколения его нормы и ценности не успевают сформироваться¹.

Характерным тому подтверждением стал потрясший в свое время интернет-сообщество случай пересдачи студенткой одного из довольно престижных российских вузов экзамена по отечественной истории. Будучи уроженкой и жительницей Волгограда, она так и не смогла вспомнить времени начала Сталинградского

¹ Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 3–16.

сражения, мотивируя это тем, что не является патриоткой. Свое учебное предназначение она связала с «занятием политикой», а не изучением «историй и языков». Непатриотизм же, понимаемым привязкой к определенной местности, объяснила нежеланием « всю жизнь провести в Волгограде»¹. Такого рода казусы, становящиеся повсеместной практикой отношения к истории как к «предмету программному, где-то интересному, но абсолютно ненужному», свидетельствуют о довольно любопытном восприятии ее современным российским обществом. С одной стороны, наблюдается стремительный рост его исторического невежества, когда путаются не только отдаленные и близлежащие эпохи, но и стираются из памяти их знаковые представители, казалось бы, еще совсем недавно вызывавшие ожесточенные дискуссии в обществе. С другой – чувствуется явное увлечение эмоциональной стороной батальных событий прошлого, чьим зрелищным воплощением становятся масштабные реконструкции, множющиеся тематические сайты и электронные игры. Создается впечатление, что из некогда весомого идеологического подспорья власти и обязательной составляющей багажа образованного советского человека история оказывается лишь частным уделом своих почитателей. Однако в действительности все выглядит намного сложнее и определяется общим положением науки в современном российском обществе. Его индикатором как раз и является разворачивающаяся на наших глазах реформа РАН, одним из поводов к которой послужила ситуация, связанная с защитой и прохождением аттестации ряда «покупных» диссертаций. С тех пор в средствах массовой информации всерьез обсуждаются проекты «борьбы за возрождение института репутаций, престижа исследовательской работы и ученых степеней». Объявленный по этому поводу Министерством образования и науки Российской Федерации конкурс вызвал к жизни уже не одну гражданскую инициативу, чья реализация повлечет за собою масштабную проверку диссертаций, защищенных после 2000 г.². Видимо, именно

¹ Передача экзамена по истории, студенткой из Волгограда. РГГУ, июль 2013 года. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=SmaPTakKzyg> (дата обращения: 21.01.2014).

² Удар по плагиаторам // Ведомости. 2014. 29 января. С. 6.

этот год призван стать своеобразным водоразделом, отделяющим науку от плагиата и недобросовестных исследователей, марающих ее высокое призвание. Не говоря уже о том, что подобного рода действия наносят ощутимый удар по выросшему за этот период времени новому поколению созидателей научного знания, подавляющее большинство которого люди, по-настоящему увлеченные профессией, они формируют и агрессивно равнодушное отношение к судьбе науки в целом. Подтверждением чему, собственно и стала реакция социально активной части общества на преобразование главной научной институции страны. В одной из публикаций с весьма характерным названием член-корреспондент РАН А.И. Иванчик с горечью отмечает, что в противостоянии власти и академии «выяснилось неожиданное для академического сообщества обстоятельство – наука и ее судьба в России почти никого за пределами этого сообщества не интересуют». Более того, от нее отвернулись и казавшиеся естественными союзниками «оппозиционно настроенная творческая интеллигенция и журналисты». При этом мерилom ценности гибнущей институции для «креативного класса» оказалась не выполняемая ею функция по производству нового знания, а ее неучастие в общественно значимых акциях протеста¹. Растущий градус напряженности во взаимоотношениях науки, власти и общества требует более детального рассмотрения тех изменений, которые переживает и современная корпорация профессиональных исследователей прошлого.

Последние десятилетия ушедшего и начавшегося столетий стали свидетелями настоящего историографического бума. Одно только количество опубликованных за этот период времени статей, монографий и популярных изданий поставило под сомнение статус истории как научной дисциплины². В свою очередь, попытки переосмысления ряда ключевых событий недавнего прошлого вызвали довольно

¹ Иванчик А. Кто их просил становиться академиками? URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/21261611/kto-ih-prosil-stanovitsya-akademikami> (дата обращения: 02.02.2014).

² Батыгин Г.С. Тематический репертуар и язык социальных наук // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 98.

нервную реакцию со стороны государства¹. Неослабевающий интерес к прошлому, его незримому и явно осязаемому присутствию в окружающей нас действительности свидетельствует об особой роли истории в жизни российского общества². Начавшийся еще в эпоху Просвещения поиск надлежащего нам цивилизационного ряда, который вмещал бы в себя и безбрежное, разбегающееся пространство страны, и ее высокое христианское предназначение, привел к постепенной реификации прошлого: из наследия-символа оно превратилось в живое подтверждение онтологической избранности и высокого предназначения российской цивилизации. Подобного рода метаморфозы не могли не сказаться и на положении гуманитарного знания в социальном пространстве страны. Как отмечают специалисты, оно все еще остается «не совсем привычным. Нормальным признается его маргинальное место. Когда общество готово забыть о своих насущных заботах и обуяно страстью узнать, что случилось в далеком или недавнем прошлом, с ним что-то не в порядке: оно страдает либо от внутреннего антагонизма, либо от комплекса национальной вины, либо от комплекса национальной неполноценности. Для обычного общества его история и его культура остаются данностью, в принципе важной для его самосознания, но лишенной злостного азарта»³.

Современное общество все чаще обращается к истории как к науке, которая «стабилизирует наш образ прошлого, тогда как нормальным процессом является именно его изменение»⁴. Завораживающая обращенность в прошлое, а также активная апелляция к нему харак-

¹ Указ Президента РФ от 20.05.09 о создании «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. Федеральный выпуск. № 4913 (89). 2009. 20 мая.

² *Глебова Н.И.* Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в современной России // Россия и современный мир. 2009. № 1. С. 5–25.

³ *Живов В.* Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение. Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. С. 27.

⁴ *Зенкин С.* Свидетели, историки, филологи // Новое литературное обозрение. Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». С. 559.

терны для многих российских народов. Одна из причин тому – вовлеченность в модернизационные преобразования последних трех столетий, поставившая под угрозу саму возможность сохранения и передачи историко-культурного наследия последующим поколениям. Ощущение этой угрозы, нередко воспринимаемой массовым сознанием как «этнический геноцид и культурная ассимиляция» со стороны более успешных и численно превосходящих соседей, активно обсуждается и профессиональными сообществами регионов. Помимо вполне обоснованной обеспокоенности судьбой этнических культур, они пытаются прояснить и причины нынешней обостренности массового исторического сознания, состояние которого во многом определяется развитием и достижениями все той же профессиональной историографии.

В итоге расколотое общественное сознание эпохи демографического перехода утрачивает интерес к привычной версии прошлого, охватывающей огромный по своей протяженности промежуток времени. Оно сосредотачивается на переломных этапах развития страны и ищет в прошлом внятные ответы на вопросы о том, что с ним случилось сегодня. Однако, как показывает многовековой опыт, находящийся отражение в афоризмах классиков, «история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы» (Г. Гегель), хотя и «наказывает за невыученные уроки» (В.О. Ключевский). В конце 1990-х гг. один из авторов этой книги оказался на встрече с весьма известным в ту пору создателем альтернативного школьного учебника по истории раннего Нового времени И.А. Мишиной. Горячо пропагандируя заложенные в нем новации, в том числе и сугубо содержательного характера, она все время (разговорная конструкция) сетовала на консерватизм высокой академической науки, не желающей видеть происходящих вокруг себя изменений. Отчетливо помнится высказанная И.А. Мишиной в пылу полемики и мысль о необходимости придания истории «практической, востребованной жизнью, оснастки». В чем эта оснастка должна была выражаться, понять так и не удалось, но ощущение неуверенности в прочности занимаемых историей позиций «врачевательницы дурных пороков общества» и «прорицательницы будущего» осталось. С тех пор улеглись перестроечные страсти по ликвидации «белых пятен» нашего недавнего

прошлого, опубликованы многотомные документы о неоднократных преступлениях советского режима, историки активно включились в «войны памяти», в бесчисленном количестве возникшие на постсоветском пространстве, многие из них получили международное признание и стали узнаваемыми медийными лицами страны. Но изменилось ли представление самих историков о своем профессиональном предназначении и взаимоотношениях с обществом? Каким во времена нестабильности им видится будущее науки о прошлом? И чему оно способно научить в эпоху высоких технологических рисков и явно выраженных индивидуальных предпочтений?

С момента написания книги М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка» прошло более семи десятилетий. Для научного сообщества историков России этот отчет начался с 1973 г., времени ее перевода на русский язык. С тех пор небольшая по объему книжка французского историка для многих наших коллег стала неопровержимым аргументом, «последним доводом разума» в оправдании существования истории как профессиональной деятельности, занятие которой требует не только всемерной государственной поддержки, но и достойного вознаграждения. При этом время от времени возникавшие внутрицеховые дискуссии относительно пределов академической свободы и степени ответственности за состояние исторического просвещения в обществе не выходили за пределы традиционных суждений о высокой гражданской миссии истории, ее прогностических возможностях и располагаемых знанием о прошлом многочисленных примерах, предотвращающих последующие поколения от повторения некогда совершенных ошибок. Правда в последние годы в спорах о социальном предназначении служителей Клио все отчетливее звучит мысль о необходимости профессионализации занятия историей, ограждения ее от дилетантских подходов и превращения исторической науки в «храм для посвященных». Замыкание в «башне из слоновой кости» и активное участие в общественно-политической жизни страны все чаще становятся основными стратегиями взаимодействия профессионального историка и общества. Взаимодействие, которое парадоксальным образом не учитывает тех изменений, которые произошли не только в самом историческом знании, но и в жизни современного общества.

Несмотря на перемены, буквально взорвавшие наши представления об истории, предмет приложения усилий нынешнего поколения его внимательных слушателей практически остается неизменным. Постигание прошлого во всем многообразии и изменчивости его проявлений по-прежнему оказывается вожделенной целью профессионального исследователя. Излагаемые на страницах учебной литературы представления о границах истории как науки, ее местоположении в жизни общества и выполняемых (практически неизменных со времен Геродота) гносеологических и социальных функций, давно уже стали анахронизмом. А попытки серьезного переосмысления онтологического статуса знания о прошлом широкого понимания в профессиональном сообществе так и не получили. Хотя все увеличивающийся разрыв между академической историей и ее образовательной ипостасью, стремительная национализация некогда единого пространства общей памяти и превращение истории во влиятельный ресурс современной политики вновь актуализируют проблемы определения профессионального домена Клио и ее взаимоотношений с реалиями дня сегодняшнего: *«Если профессиональное сообщество претендует на тот или иной публичный статус, общественную роль, поддержку государства и т.п., то принципиально важно понимать, для чего такое сообщество в принципе существует. Иными словами, какова его “социальная миссия”. Это отнюдь не высокопарная тема. Речь идет о конкретных вопросах: чего мы стоим как профессиональное сообщество? почему мы существуем? что именно из наших усилий может быть конвертируемо в общественное признание и заработную плату?»*¹.

Стартовавший во второй половине 1980-х гг. проект обновления прошлого ознаменовался по большей части переоценкой марксистского теоретического наследия и перенесением на почву отечественного историописания различного рода «интеллектуальных поворотов». Результатом такого рода перемен стало разукрупнение предмета исторических исследований и сосредоточение усилий

¹ Интервью с Михаилом Викторовичем Пономаревым от 23 апреля 2009 г. // Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М., 2010. С. 529.

профессионального сообщества на антропологической составляющей прошлого. Начавшаяся гуманизация процесса исторического познания привела к появлению не только новых направлений исследовательского поиска, но и «лирической» историографии как «методико-стилевой тенденции культурной истории к пересмотру статуса исследователя, теоретически легитимной как минимум с позиций философской герменевтики и практически реализуемой при помощи репрезентации в тексте фигуры автора (лирического героя)». Ее возникновение напрямую связывается с культурным поворотом, включающим в себя «в первую очередь внимание к частному человеку и обстоятельствам его жизни». Он требует «пересмотра этики и эстетики научного произведения, в рамках которого становится возможным равноправный диалог исследователя со своими героями, людьми описываемой эпохи»¹. Рождающееся на наших глазах авторское письмо, идущее на смену многовековой практике индивидуального безмолвия историков, требует от профессионального сообщества выработки иных критериев оценки исследований в области изучения прошлого. Принципиальная невозможность решения данной задачи в рамках существующей на сегодняшний день системы квалификационных требований, предъявляемых к соискателям статуса «ученого от истории», приводит к весьма печальным последствиям. Историки все чаще становятся заложниками корпоративной этики, идущей в разрез с личными убеждениями и исповедуемыми методологическими принципами.

Результатом подобного рода «онтологических» конфликтов становится прогрессирующая деинституционализация исторического знания, где на смену научным школам и десятилетиями формировавшимся исследовательским направлениям приходят «невидимые колледжи» и научные анклавы. Первые представлены небольшими группами единомышленников, которые объединены конкретной научной ориентацией и непосредственно контактируют друг с другом; вторые состоят из приверженцев особого теоретико-методологического инструментария и демонстрируют «убеждение в исключительности

¹ Иванов В. Антропологический поворот: регуманизация гуманитариев? XI Банные чтения // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/> (дата обращения: 20.01.2012).

своей “истины” и в правоте своей модели мышления»¹. Пытаясь найти наиболее действенные и оперативные способы реагирования на вызовы времени, они становятся альтернативными практиками официально существующей системы профессионального взаимодействия и верификации полученных результатов исследования. В ситуации осознания того факта, что фундаментальными особенностями социально-исторической действительности выступают интенсивная изменчивость и практическое отсутствие повторяемости, большое число значимых переменных, а также трудность проверки выдвигаемых гипотез², занятие историей все чаще напоминает профессиональное хобби. Удовлетворение интеллектуального любопытства, сопровождаемого мучительными поисками его производственной оправданности и научной значимости, оказывается одной из наиболее расхожих форм времяпрепровождения в профессии. Причиной тому, помимо всего прочего, – существующая система подготовки кадров высшей научной квалификации, вокруг которой на сегодняшний день сломан не один десяток копий.

Развернувшаяся полемика вокруг инициативы департамента научных и научно-педагогических кадров Министерства образования и науки Российской Федерации по упразднению степени кандидата наук наглядно продемонстрировала разность административного и внутрицехового восприятия сложившейся иерархии научных степеней. Если позиция департамента исходила из необходимости «повышения уровня работ российских ученых, а также обеспечения прозрачности оценки этих работ», то научное сообщество руководствовалось исключительно соображениями профессионального самосохранения. Хотя аргументы последнего исходили из тех же высоких соображений отстаивания национальных интересов страны: «Эта система бакалавр-магистр может быть обоснована и принята в обществе, которое решило определенные этапные технологические задачи, когда нужны магистры, чтобы разрабатывать новое, и бакалавры

¹ Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы. С. 18.

² Розов Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 154.

как люди для инструктивного труда. Но дело в том, что у России другая технологическая ситуация. Если Запад вышел на определенный уровень индустриализации, то России нужно решать вопросы технологического рывка, а для этого нужны люди, которые каждый на своем участке сможет обеспечить творческое решение вопросов. Бакалавр всегда приравнивался к нашему выпускнику техникума, магистр – к нашему специалисту. Поэтому то, что происходит сейчас, – это девальвация нашего образования, штамповка недоучек. У нас задача – обустроить свою экономику, а не поставлять конкурентов на Запад. Если там нужны специалисты из России, может быть, следовало бы создавать профилированные вузы. Не думаю, что это так уж нужно России: сама по себе унификация уничтожает своеобразие национальной системы и существующие наработки, а зачем это нужно?»¹. Не вдаваясь по существу в ведущуюся полемику, отметим лишь, что в самом научном сообществе историков (по крайней мере, активной его части) система воспроизводства профессиональных носителей знания о прошлом оценивается не столь однозначно: *«Мы должны признать, что для историков-профессионалов наличие такой академической системы воспроизводства – это достаточно комфортная, удобная и привычная среда, с которой не хотелось бы расставаться. Для современного общества – не уверен, что это именно та историческая наука, которая является востребованной»*².

Претензий к нынешнему состоянию исторического знания и его участию в жизни современного общества накопилось превеликое множество. Претензии высказываются как самим обществом, утратившим веру в моральную безгрешность и объективность суждений историков о прошлом, так и историками, переживающими очередную волну эпистемологической рефлексии и все более осознающими ограниченность собственных возможностей в постижении минувшей реальности. Подобному положению дел во многом способствовало

¹ В России больше не будет кандидатов наук: мнение высказывает Сергей Чернышовский, доктор политических наук, профессор. URL: <http://mnenia.ru/rubric/society/v-rossii-bolshe-ne-budet-kandidatov-nauk/> (дата обращения: 24.01.2012).

² Интервью с Михаилом Викторовичем Пономаревым от 23 апреля 2009 г. С. 530

и занимаемое социальными науками место в обществе, согласно которому они подчинялись «задачам социального преобразования действительности»¹. В данной связи следует отметить, что в определении местоположения исторической науки в отечественной интеллектуальной традиции до сих пор отсутствует ясность. Ее относят к социальным, гуманитарным и социально-гуманитарным наукам. При этом противопоставление социальных и гуманитарных наук сохраняется только в англосаксонской интеллектуальной традиции, рассматривающей гуманитарные науки как науки о человеке, а социальные – как технологию преобразования мира².

Наблюдающийся «конфликт интерпретаций» между самоопределением профессиональной принадлежности истории как гуманитарного знания и ее общественным восприятием в качестве социальной практики усугубляется и стремительной потерей интеллектуалами (представителями гуманитарных и социальных наук) своих позиций в современном обществе. Анализируя феномен возникновения и развития этого социального слоя в европейской культуре, Д.Р. Хапаева отмечает, что «исчерпанность “великих нарративов” не могла не сказаться на судьбе интеллектуалов. Конец XX в. стал их концом как особой социальной группы и как особого способа вовлечения общества в публичное пространство»³. Однако, как показало проведенное ею исследование среди французских и венгерских интеллектуалов, речь, скорее всего, идет об исчезновении амплуа «классического» интеллектуала, традиционно выступавшего от лица «неспособных к самовыражению» и защищающего незыблемые нравственные основы общества. В настоящее время, когда «демократический строй предоставляет каждому возможность выступать в публичных дебатах и высказывать свое мнение как благодаря множеству ассоциаций и неформальных объединений, так и благодаря развитию средств массовой информации», отпала всякая необходимость в их существовании как привилегированной группы людей. Тем не менее,

¹ Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 8.

² *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 231.

³ *Хапаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 50.

мир, находящийся в состоянии полной неуверенности и не имеющий никакого внятного проекта будущего, нуждается в наделении смыслом происходящего. И эту функцию, по мнению большинства интеллектуалов, способен выполнить только интеллектуал, становящийся социальным мыслителем¹.

Его новым профессиональным прибежищем все чаще оказывается экспертная деятельность, в определении сущности и возможностей которой (прежде всего в социальной сфере) сохраняется немало неясностей. Социогуманитарная экспертиза – это становящийся вид экспертных оценок, для которого характерно отсутствие общепризнанного представления о собственном смысле и предназначении. Тем не менее, подавляющее большинство специалистов сходится во мнении, что таковой следует признать определенный вид исследования, направленного на решение какой-либо социально значимой задачи. В данном случае речь идет о классе трудноформализуемых задач, для разрешения которых требуется привлечение профессионалов, обладающих соответствующим опытом и знаниями. Целью экспертного заключения является установление соответствия деятельности органов власти принятому законодательству и интересам граждан, а также выработка рекомендаций для достижения этого соответствия. Экспертное заключение включает в себя диагностику состояния исследуемого объекта (процесса), установление информации о нем и окружающей среде, прогнозирование последующих изменений и влияния на другие объекты (процессы), выработку рекомендаций для принятия последующих управленческих решений. Самым уязвимым местом социогуманитарной экспертизы остается ее полная зависимость от позиции специалиста, его профессиональной подготовленности и осознания гражданской ответственности.

В последние годы вопрос о формах участия «специалистов в жизни Града» породил немало дельных предложений, направленных, прежде всего, на преодоление той огромной пропасти, которая образовалась между науками об обществе и его реальной жизнью². По мнению президента Всемирной ассоциации социологов М. Вевьрки, таких

¹ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов... С. 49, 52.

² Буравой М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 3–9.

форм, как минимум, две. Она из них, осуществляемая сверхкритичным интеллектуалом, сочетает исследовательскую активность специалиста с его политической деятельностью; другая, реализуемая экспертом, проводит обучение властей и передачу им знаний. При этом «проблемы науки и проблемы вовлеченности в дела общества не должны разделяться»¹. Экспертами, как правило, выступают работающие в различных областях социогуманитарного знания ведущие ученые, в поле научных интересов которых входит подлежащая экспертированию проблема. Так, при исследовании конфликта цивилизаций в российских регионах таковыми оказался «41 специалист из всех федеральных округов России. Состав экспертов сформировался в ходе нескольких конгрессов конфликтологов, научных конференций, а также совместно подготовленных монографий и научных сборников»². Одно время усилиями Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук РАН проводилась работа по развитию интернет-экспертного сообщества России, мыслившегося «аналогом известного экспертного сообщества ЦРУ США, возможностями которого широко пользуются официальные структуры американского государства»: «Речь идет о сетевом интеллекте как о современном инструменте научного процесса. Экспертное сообщество решает конкретные задачи: проводит анализ и дает прогноз развития социально-экономической и политической ситуаций в стране, участвует в инициативных проектах по актуальным и проблемным сторонам российской действительности (демографии, госуправления, экономики)»³.

Историческая экспертиза является разновидностью социогуманитарной, но намного превосходит ее по возрасту. Использование «груза прошлого» в разрешении политических конфликтов и дипломатических споров восходит ко времени первых цивилизаций.

¹ Вевьерка М. Некоторые соображения по прочтению статьи М. Буравого «Что делать?» // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 12.

² Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Хоц А.Ю. Конфликт цивилизаций: pro and contra (Мнения экспертов) // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 75.

³ Из «Обращения к участнику конференции», состоявшейся в июне 2010 г. в г. Москве // Личный архив Т.П. Хлыниной.

Его возможности по достоинству были оценены и использованы при развязывании множества вооруженных конфликтов и полномасштабных войн, этнических столкновений и пропаганде культурного превосходства одних народов над другими. К сожалению, по прошествии стольких столетий мало что изменилось: историей по-прежнему оправдывается сложившееся положение дел и обосновывается его вековая предопределенность. Вместе с тем, проведение исторической экспертизы не только возможно, но и необходимо, что обусловливается, по крайней мере, двумя вполне очевидными обстоятельствами. Во-первых, высокой значимостью знания о прошлом в общественном сознании российских народов; его «живым» присутствием в обеспечении жизнеспособности их национальных образований, границы и смысл существования которых обретают свою легитимность только в пространстве исторических реалий. Во-вторых, специфическим характером взаимосвязи исторической науки и социальной практики, наиболее характерной для национальных регионов и обеспечивающей поддержание желаемого образа прошлого. Выход в свет любого исторического сочинения, так или иначе затрагивающего судьбу «титulyного» или «коренного» этноса, становится здесь событием общественно-политической значимости и предметом не всегда научных споров.

Именно с экспертной деятельностью, несмотря на сложности достижения объективных (или хотя бы конвенциональных) оценок, интеллектуалами связывается упрочение своего положения в обществе и возрождение былой легитимности профессиональной деятельности: «Поколебленная за последние двадцать лет вера в то, что социальные науки нужны современному обществу, находит себе опору в идее о необходимости экспертизы по различным вопросам общественной жизни. В ней отражается нерешительное и противоречивое переосмысление социальных задач и роли гуманитарного знания в современном обществе»¹. А что же историки? Будучи интеллектуалами по своей сути, они также оказываются вовлеченными в процесс поиска нового и социально востребованного приложения своих усилий. По заключению Н.Е. Копосова, исследовавшего

¹ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов... С. 54.

антропологические идеалы, вдохновляющие современного российского историка на работу, отечественная историография в различные периоды своего развития культивировала «идеал члена сражающегося коллектива, который навязал историкам марксистский дискурс»; затем образ «аполитичного эксперта, которому соответствовала идеология профессионализма», сменившийся идеалом носителя культуры. На сегодняшний день вдохновляющим идеалом историка является образ «частного лица, прекрасно сочетающегося с идейным конформизмом»¹, который не мешает ему активно включаться в процесс освоения медийного пространства и выступать экспертом по довольно широкому кругу вопросов, не имеющих прямого отношения к его непосредственной специальности. Он все отчетливее осознает, что история интересует нынешнее общество постольку, поскольку она касается актуальных проблем современности.

Видимо, именно это обстоятельство и служит побудительным мотивом привлечения к экспертной деятельности людей по большей степени случайных, чье нахождение «в теме» возникает «буквально вчера». Необремененность грузом специальных познаний позволяет им с большой «душевной легкостью» выносить заключения по проблемам, очевидцами течения которых они оказываются. При этом очевидцами, порой далекими от реального режима наблюдения, заменяемого оперативной «инет-информацией». Наглядным тому подтверждением все чаще оказывается ситуация на Северном Кавказе, причины эскалации которой тем же экспертным сообществом упорно связываются с непреодоленностью наследия прошлого. Прошлого, прочитываемого из несвойственных ему реалий настоящего и конструируемого под воздействием меняющихся представлений о сути и движущих силах исторического процесса. Поэтому привлечение исторического знания к преодолению множащихся как снежный ком «кавказских вопросов» по большей части малопродуктивно. С одной стороны, непонятно (либо, напротив, предельно очевидно) к какому образу прошлого апеллировать. С другой – изменчивость самого образа прошлого ставит под сомнение и стабильность принимаемого

¹ *Копосов Н.Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М., 2011. С. 192.

под его воздействием решения. Поэтому многочисленные «круглые столы» и организуемые экспертные площадки по животрепещущим темам «ожившей истории» с претензией на «обустройство Кавказа» или иной российской территории в практическом отношении приближаются к нулю. Принимаемые по их итогам резолюции, в лучшем случае, отражают гражданские позиции их участников и к науке имеют лишь опосредованное отношение.

Историки перестроечного призыва развенчивали марксистский интеллектуальный и социальный проекты, веря в высокую миссию освободителей страны от тяжелого и долгое время замалчиваемого прошлого. Они строили новый мир, разгребая авгиевы конюшни репрессивной машины советского тоталитаризма. Сегодняшнее поколение историков с таким же упорством борется с пороками современного государственного порядка или же отстаивает ниспровергнутые ранее «бесспорные достижения эпохи социализма». Пишет разные учебники и исповедует разные общественно-политические идеалы. Поддерживает усилия официальной власти по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России и готово пожертвовать социальным благополучием во имя обретенной профессиональной свободы. Как свидетельствуют многочисленные исследования, «людей, целиком и полностью отрицающих социальную ответственность исторической науки найдется в ее рядах не так уж много, а отсюда с неизбежностью следует вывод о невозможности ее пребывания в башне из слоновой кости»¹. При этом представления об этой ответственности и формах участия историка в жизни общества существенно разнятся. Размышляя о том, какая академическая история нужна современному российскому обществу, уже цитировавшийся выше источник отмечает, что, с одной стороны, она должна удовлетворять социально-консервативные потребности общества – формировать внутренне непротиворечивое сознание нации, основы национальной идентичности как системы общепризнанных мифов, эмоционально окрашенных стереотипов. С другой – стимулировать историческую и ценностную рефлексию

¹ Дедков Н. Историческое сообщество и творцы сенсаций // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 292.

общества, постоянно обращаясь к вопросам о том, что происходит? куда мы идем? во имя чего?¹. Если же *«так называемый академический историк не принимает ни первую, ни вторую роль (мифотворца или рефлектирующего скептика) и замыкается в своей “теме”, занимается “просто историей”, то его профессиональная деятельность превращается в хобби. Он может быть интересен обществу, но, по большому счету, он бесполезен обществу»*².

Едва ли подавляющее большинство представителей академической науки согласится с тем, что прожитая и проживаемая в профессии жизнь оказалась лишь «сбором коллекций для посвященных»³. Тем более что отмеченные роли «рефлектирующего скептика» и «мифотворца» с успехом выполняются социальными мыслителями от философии, социологии и культурологии, а знатоками в области прошлого становятся люди, не обремененные грузом профессиональных познаний. В интервью авторам книги студент Южного федерального университета (далее – ЮФУ), оказавшийся экспертом на проводившемся его вузом и рядом солидных общественно-исследовательских организаций в октябре 2011 г. «круглом столе» по «черкесскому» вопросу, так объяснил использование исторических познаний в своей экспертной деятельности: *«Я еще учусь, я студент Южного федерального университета, отделения политологии, уже заканчиваю образование. Я пришел в эту специальность сознательно, потому что проблемы исторические и политологические интересовали меня на протяжении довольно значительного периода времени. Пожалуй, главным фактором стала встреча с различного рода интересными людьми, которые влияли на меня в той или иной степени, заинтересовывали различными проблемами международной проблематики и, находясь на первых курсах своего образования, я старался овладеть этой наукой, этой специальностью и быть максимально объективным, т.е. работать в междисциплинарной области. Использовать как и историческую науку, так и использовать какие-то политологические*

¹ Интервью с Михаилом Викторовичем Пономаревым от 23 апреля 2009 г. С. 530, 531.

² Интервью с Михаилом Викторовичем Пономаревым от 23 апреля 2009 г. С. 532.

³ Эко У. Баудолино. СПб., 2007. С. 534.

техники, методики и т.д. И, конечно, мое становление как эксперта только происходит, и я не думаю, что оно завершится в ближайшее время, но, тем не менее, ориентация на каких-то ведущих экспертов нашего региона, знакомство с их работами и трудами, знакомство с классикой, основными концепциями, работающими сегодня, позволяют мне совершенствоваться в этой области».

Показательно, что свое участие в экспертных мероприятиях респондент рассматривал не в качестве специалиста, готового предоставить необходимую информацию и высказать собственное мнение по обсуждаемой проблеме, а просто как одну из возможностей пополнения багажа собственных познаний¹. В другом интервью респондент, получивший базовое историческое образование и успешно в течение тридцати лет занимающийся политологией, связал возникшее буквально на наших глазах повсеместное увлечение российскими интеллектуалами экспертной деятельностью с новой формой самоорганизации научного и, прежде всего, исторического сообщества: *«Наверное это какая-то форма проявления социальной ответственности. Ситуация заставляет шевелиться, особенно в регионах, где жизнь людей напрямую связана с последствиями политики. Поэтому есть такое стремление, но с одной стороны, достаточное количество экспертов, а с другой стороны, реальных ну 3–4 человека на субъект Федерации, не гигантское количество. Вот это, наверное, какие-то ростки гражданского сознания, но вот если мы посмотрим опять, то все разбито на тусовки, которые из года в год в узком кругу обсуждают, и друг с другом практически не пересекаются».*

Весьма скептически оценивая реальные экспертные возможности научного сообщества историков, он отмечает, что в основе ее неэффективности *«лежат, по крайней мере, две вещи: прежде всего, модная ныне междисциплинарность, о которой мы последние двадцать лет говорим. Она понимается только таким образом, что*

¹ Интервью с Н., студентом 5-го курса факультета политологии и социологии ЮФУ. Интервьюеры Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Запись 19.10.2011. Продолжительность 48 мин. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

историки занимаются не своим делом, другие не своим, но это не междисциплинарность, а такой вот профессиональный дилетантизм, когда профессионал в одной сфере пытается работать в другой. Вот скажем [речь идет о довольно известной региональной школе – Т.Х., Е.К.], там достаточно большая группа, активная, но вот так если сверху смотреть – это действительно напоминает секту, с другими они не очень контактируют, а если контактируют, то вплоть до угроз юридической разборки. То же самое в Чечне и Дагестане, и можно продолжить... Пока вот эта сегментация исторического сознания, если мы о нем, ну или вообще шире – гуманитарного, его замыкание идет все дальше и дальше. Но, пожалуй, главное в этом “сотрясании бури в стакане” – желание навязать обществу свою “правду”. Мы провели “круглый стол” по Кавказской войне, и там представлен был разный люд, благо заочно, и достаточно, по крайней мере, взгляды, которые показывают, что можно вести диалог. Через какое-то время я получаю из Чечни письмо от одного такого интеллектуального журналиста, где он школу [идейного противника – Т.Х., Е.Ф.] размывает, говорит, что надо их привлечь к суду. Я звоню в Чечню и говорю: “Ну, зачем Вы опять все это”, они со мной соглашаются. Буквально через 2–3 дня я получаю книжку, где написано “из истории борьбы Российской государственности с хищническими...”. Вот, понимаете, после этого опять все заново. И так у нас, к сожалению, все эти войны, мы сблизаемся, и в этот момент опять все начинается на пустом месте»¹.

В то же время само профессиональное сообщество историков активно включается в освоение ранее не принадлежавших ему территорий. Некогда внимательные слушатели прошлого, видимость которого ограничивалась горизонтом сохранившегося источника, становятся полноправными игроками на поле современности. Сомнительность подобного рода деятельности, нередко влекущая за собою неоправданные

¹ Интервью с Черноусом Виктором Владимировичем, директором Центра системных региональных исследований и прогнозирования Института повышения профессиональной квалификации (далее – ИППК) при ЮФУ. Интервьюеры Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Запись 10.11.2011. Продолжительность 122 мин. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИППК ЮФУ // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

аналогии с прошлым, неоднократно становилась предметом заинтересованного обсуждения профессионального сообщества. Между тем о полезности и до некоторой степени оправданности нового амплуа историка говорится весьма неохотно. Его экспертная деятельность вызывает неоднозначную реакцию интеллектуально ангажированной общественности, а попытки возрождения «охранительной» функции науки о прошлом уже спровоцировали не одну дискуссию о потере ею своего научного предназначения. Начавшиеся со времен перестройки разговоры о кризисе отечественной исторической науки в настоящее время дополнились пространными рассуждениями и о стагнации самого исследовательского жанра. Высокое научное письмо, облаченное в форму обезличенного повествования и предназначенное для особой аудитории, не только потеряло рядового читателя, но и сказалось на качестве исторической продукции. По признанию коллег, да и свидетельствам сокращающейся подписки на старейшие для нашей профессии академические издания, привычные формы историописания практически полностью себя исчерпали. Сегодня, чтобы быть читаемым, необходимо драматизировать, обращаясь к опыту построения героических историй, практикам беллетризации и мультимедийным средствам¹. Одной из таких форм становятся исторические телешоу, пытающиеся посредством современных технологий вдохнуть новую жизнь в прошлое, придав ему характер зрелищной и увлекательной игры.

В свое время на примере двух популярных телешоу – «Суда времени» и «Исторического процесса» – мы попытались проанализировать новые возможности истории, предоставляемые ей телевидением; выявить круг проблем, которые она способна разрешить в качестве досуговой практики; наметить перспективы ее использования в качестве ресурса дисциплинарного роста современного исторического знания. Выводы оказались не столь однозначными, как предполагалось изначально². Отмеченные передачи

¹ Чарнявска Б. Процесс организации: как его изучать и как писать о нем // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 19.

² Более подробно см.: Хлынина Т.П., Урушадзе А.Т. Теле-шоу: историческое знание за пределами научного жанра // Научный диалог: журнал научных публикаций. 2012. № 4. История. Социология. Культурология. Этнография. С. 238–252.

не стали источниками ликвидации исторической неграмотности и формой научно-популярного освоения прошлого нашей страны. Демонстрируемые ими практики использования прошлого едва ли приблизили массового потребителя к пониманию сложности и многогранности исторического процесса, в недрах которого рождается не менее противоречивая и многоликая истина. К сожалению, зрительская аудитория, ради которой и зачинались обе программы, так и не стала полноправным творцом создаваемого на ее глазах образа прошлого, по большей части оставаясь заложницей риторических хитросплетений защиты и обвинения. Хотя сам опыт сопричастности к его сотворению не мог остаться для нее незамеченным.

Вместе с тем, несмотря на ряд издержек, неизбежно сопутствующих телевизионному шоу, история получила возможность попробовать себя в качестве досуговой практики. Именно в этой, относительно новой для себя ипостаси она оказалась довольно успешным интеллектуально-развлекательным проектом. В его пространстве реализовалось, пожалуй, самое главное предназначение знания о прошлом – формирование представлений о настоящем как об исторической реальности. Звучавшие в эфире не всегда корректно проведенные исторические параллели с рассыпающейся системой доказательств, тем не менее, демонстрировали крепкую родовую взаимосвязь между днем сегодняшним и днем минувшим. В то время как профессиональному историописанию решить данную задачу так и не удалось. А между тем, по свидетельству различных социологических замеров и признанию самих историков, наука о прошлом интересна обществу только как преддверие и объяснение современности. Может быть, настало время выйти за пределы традиционного жанра и посмотреть на историю как на широкую интеллектуальную практику, позволяющую человеку удовлетворять не только социальные, но и эмоционально-эстетические потребности? Ведь благодаря истории, понимаемой занимательным повествованием, у нашего современника сохраняется возможность прожить жизнь, полную приключений и неожиданностей. Причем в отличие от литературы в реально существовавшем формате.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, изучение прошлого для многих историков остается самодостаточной ценностью¹. Одна их часть все еще твердо верит в то, что в минувшей реальности можно отыскать один единственный правильный ответ на вопрос о том, как это было на самом деле, показав обществу, какие дороги не ведут к храму. Другая, более скептически оценивающая эпистемологические возможности исторического знания, видит предназначение своей профессии в формировании национального самосознания общества; выработке дорожной карты прошлого, которая «поможет современным государственным деятелям не наткнуться на ухабы застарелых этнических и национальных конфликтов и спокойно заниматься своими делами – “без фантазий”»². Вместе с тем сегодняшними интеллектуалами все более осознается тот факт, что «научное знание, как и знание вообще, не является “реальностью”. Оно – часть общества и его культуры и поэтому им и определяется, “конструируется”»³.

В ситуации, когда историческая наука больше не может давать готовых результатов, а общество не в состоянии оценить полезности производимого ею продукта, есть все основания прислушаться к мысли классика о том, что «она, скорее, ставит под вопрос наши представления о прошлом и, тем самым, предостерегает нас от завышенной оценки нынешней эпохи. Именно в этом заключается задача, которую историческая наука выполняет в “жизни”; и она должна выполнять ее, а не замыкаться в своей “башне из слоновой кости”»⁴.

¹ Показательно, что французские историки неэффективность своего участия в экспертной деятельности связывают с тем, что от них требуется больше, чем можно было бы ожидать от исторической профессии: «Превращение историков-профессионалов в экспертов натолкнулось, таким образом, на неожиданные трудности, связанные с нежеланием историков покинуть уютную атмосферу академической уюности, выйти за пределы замкнутого профессионального сообщества с его профессиональными требованиями» // *Хатаева Д.Р.* Герцоги республики в эпоху переводов... С. 55.

² Национальные истории на постсоветском пространстве – П. М., 2009. С. 14.

³ *Зарецкий Ю.П.* Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 52.

⁴ *Гуревич А.Я.* Медиевистика на распутье. О книге Х.-В. Гетца // *Одиссей. Человек в истории.* 2004. М., 2004. С. 356.

1.2. Профессиональная историография, политика и историческая память в общественно-политической жизни народов Северного Кавказа

Однако какие бы задачи не ставила перед собою профессиональная корпорация исследователей прошлого, как бы к нему не относилось нынешнее поколение наших соотечественников, история была и остается важнейшим социальным ресурсом развития Российского государства. В этой очевидной, граничащей с банальностью сентенции отражается, по сути, и ее единственно верное предназначение, осознание которого становится основным мотивом использования знания о прошлом при строительстве или «починке» фундамента настоящего. О крепкой и нерушимой взаимосвязи истории и современности написано немало. При этом среднестатистический обыватель непосредственно с самой историей сталкивается нечасто, да и к опыту ее обращается не каждый день. Подобное небрежение прошлым уже дало повод профессиональному исследователю заключить, что «массовый потребитель не признает истории как таковой, “не берет” ее ни в каком из вариантов»¹.

Со столь однозначной оценкой взаимоотношений массового человека с историей едва ли можно согласиться, тем более что именно обращение к прошлому оказывается для него наиболее действенным мобилизирующим механизмом и фактором самоопределения. Именно в длительной исторической перспективе тот же потребитель находит оправдание своему нынешнему положению или его резкому изменению, а также подтверждение испокон века сложившемуся миропорядку. Однако путь движения исторического продукта к своей целевой аудитории довольно извилист, а порой и непредсказуем. Рецепция авторского замысла, как правило, ограниченного решением сугубо научной проблемы, зачастую оказывается ему прямо противоположной. Между тем актуализация различных сюжетов

¹ Вусатюк О.А. Современный массовый человек и история (на примере Украины) // Россия и современный мир. 2009. № 2. С. 75.

прошлого обязана своим происхождением не только потребностям дня сегодняшнего и жгучему любопытству ценителей прошлого. Не малую, если и не основную, роль в этом играет состояние профессиональной историографии, вернее тех ее областей, которые в течение определенного промежутка времени испытывали на себе воздействие цензуры или запрета. Их взаимодействие с разнообразием внешних факторов, зачастую сводящееся к политизации знания о прошлом, намного шире и только ею не ограничивается.

На сегодняшний день знание о прошлом вновь оказывается на опасном перепутье между долгом исследователя «показать всю полноту того, что было на самом деле» и государственной заинтересованностью лишь в ее определенной части. Перепутье, которое, подобно мифологическим Сцилле и Харибде, становится непреодолимым препятствием для достижения стоящей перед ним задачи – научного изучения минувшей реальности. Предпринимаемые усилия по его преодолению привели профессиональное сообщество к осознанию парадоксального положения, поставившего под сомнение сам факт возможности существования в истории объективности так таковой. Внеположенное нашему сознанию объективное представление о прошлом традиционно связывалось с наличием репрезентативного источника, которым на протяжении длительного времени являлись любые его свидетельства как вещественного, так и письменного происхождения. Однако ограниченность материальных останков, большие трудности, сопряженные с их толкованием и локализацией, привели к тому, что единственно достоверным знанием о прошлом стали признаваться письменные источники, а впоследствии только те из них, что «осели» в государственных архивохранилищах.

За последние десять – пятнадцать лет страна пережила грандиозную архивную революцию. Взрыв интереса к историческому прошлому, одновременно совпавший с ниспровержением его советских устоев, вызвал не только профессиональную, но и общественную ажитацию вокруг отечественных архивов. Из учреждений «для посвященных» они практически в одночасье превратились в мекку «политического отдохновения», неиссякаемый источник исторической правды и залог национального возрождения страны. Архивные документы стали исчерпывающим аргументом в многочисленных

дебатах того времени относительно выбора пути развития общества, его избавления от неясного и сомнительного прошлого. Однако по мере открытия архивов и увеличивающегося количества документальных публикаций ясности в понимании прошлого не прибавлялось. Напротив, оно все чаще становилось и по-прежнему остается ареной ожесточенных идеологических столкновений и требует своего однозначного истолкования.

В складывавшейся ситуации, когда вплотную столкнулись интересы государства, нуждавшегося в стабилизации исторической памяти, общества, все еще ждавшего от своего непредсказуемого прошлого сенсационных разоблачений, и профессиональных исследователей, пожалуй, впервые получивших возможность беспрепятственной работы в архивах, история превратилась в весьма опасное занятие. Она перестала удовлетворять не только эмоциональные запросы общества, настойчиво продолжавшего поиски собственной национальной идентичности, но и потребности государства, стремящегося превратить прошлое в источник консолидации общества и предмет его гордости. Более того, целенаправленное разрушение образа великой страны, в особенности его советской составляющей, к началу 1990-х гг. привело «к денационализации памяти. Она перестала быть подвластна только государству, служить исключительно целям обеспечения подчинения и господства, консолидации и чрезвычайным мобилизациям общества. Память обрела частный, приватный характер»¹. Неизбежным следствием хаотизации прошлого становилось постепенное закрытие архивов, которые от меморатных практик первых перестроечных лет постепенно вернулись к государственным учреждениям, осуществляющим надзор за хранением, комплектованием и надлежащим использованием архивных документов.

В этом своем качестве архивы вполне могли бы существовать и дальше, если бы не стремление профессионального сообщества видеть в архиве не столько учреждение, сколько овеществленный образ прошлого, некий источник его неиссякаемого присутствия в настоящем. За долгие годы своего существования архивы стали

¹ Глебова Н.И. Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в современной России. С. 6.

для историка больше чем строительным материалом прошлого, они приобрели характер оценочной институции, посредством которой труд специалиста получает свое профессиональное признание и дисциплинарную прописку. Именно использование архивного документа определяло и по-прежнему определяет собственно научность исторического сочинения и его принадлежность к академической истории. Поэтому состояние архивов, их открытость и возможность беспрепятственного получения интересующей исследователя информации весьма болезненно переживается профессиональным сообществом.

Вместе с тем в последние десятилетия классические концепты истории и исторического знания испытывают сильнейшее давление как со стороны внешних геосоциальных обстоятельств, так и «собственных внутренних колебаний и вызовов». Происходит переоткрытие природы исторического знания, усиливаются тенденции «радикального скептицизма, адресованные классической глобальной истории», меняются представления о значимости и месте исторического источника в процессе познания прошлого¹. Все эти перемены оказались неизбежным следствием расширения области традиционного историописания, вторжения в его пространство уже со второй половины XX в. принципа междисциплинарности. Осознание его возможностей привело к становлению «новой исторической науки», выступавшей против «событийно-описательной истории и объяснения событий прошлого действием универсальных закономерностей», а также глубоко укоренившегося в сознании профессионального исследователя представления «о полной зависимости ученого от документа»². В недрах «новой исторической науки», пожалуй, впервые со времен В. Дильтея источник ставился в прямую зависимость от творческой активности самого исследователя и решаемой им научной проблемы, определяющей не только отбор свидетельств прошлого, но и ракурс их освещения.

¹ Дахин А.В. Новая волна в изучении социально-исторической памяти: философия, история, социология // Судьба исторической науки в современной Восточной Европе: материалы науч.-практ. конференции. Вып. 2. Волгоград, 2009. С. 82.

² Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 228–229.

Идея междисциплинарности и поиски нового методологического синтеза привели к осознанию родовой близости истории и литературы; появлению представлений о труде историка как о литературном произведении, историческом нарративе, где неизбежно возникающая дистанция между источником и его толкователем (профессиональным читателем) восполняется силой воображения последнего. При этом сам источник перемещается в плоскость породившей его культуры и рассматривается в качестве текста, вбирающего в себя разнообразные смысловые коннотации времени, пристрастия его автора и коллективные представления о значимости передаваемых событий. Таким образом, в пространстве нового междисциплинарного синтеза исторический источник окончательно утрачивает статус самодостаточного и внеположенного сознанию исследователя фрагмента реальности, все более наделяясь свойствами рукотворности происхождения и схожести с литературным произведением.

Исчезновение диктата и монополии на истину письменной истории, пристальное внимание к ее деталям и реабилитация творческого воображения исследователя как раз и актуализировали наследие бесписьменных культур, заставив исследователя обратиться к нетрадиционным для исторической науки источникам – фольклору, этнографии и эпическому наследию. Проблема достоверности содержащихся в них сведений неоднократно обсуждалась на страницах профессиональных изданий, указывавших на крайнюю осторожность использования подобного рода информации. Она не интересуется событием как таковым, сосредоточивая внимание на его оценочном и эмоциональном восприятии, придавая, тем самым, прошлому обличительный пафос, травмирующий сознание современника. Однако сомнительность эта довольно быстро преодолевается, обретая надежное методологическое обоснование в обновленной региональной историографии.

Между тем изменения, переживаемые историей как наукой и частью массового сознания, не столь однозначны и предельны в своих проявлениях. С одной стороны, знание о прошлом все более тяготеет к повествовательности (*historia rerum gestarum*), утрачивая свойственные рациональному познанию аналитичность и склонность к выявлению законосообразностей общественного развития.

С другой – порождает вполне обоснованный вопрос о своей практической значимости. Если в эпоху торжества социализма в «одной отдельно взятой стране» история являлась идеологическим рупором его достижений и ежечасно множащихся побед, превратившись в последующие годы в инструмент научно обоснованного предугадывания будущего мирового социализма, то в настоящее время она практически утратила свой созидательный пафос. Попытки государства и части общественности вернуть ей изначальное предназначение *magistra vitae*, источника мудрости и неиссякаемой любви к родине, натолкнулись на сопротивление профессионального сообщества, желающего видеть в истории, прежде всего, науку. Причем такую науку, которая не дает готовых результатов.

Утратив подчиненность задачам социального преобразования действительности и обеспечения легитимности социального порядка, история получила возможность попробовать себя в несколько ином качестве – в качестве эксперта, профессионального оценщика наследия прошлого и использования его опыта в построении прочного будущего. Однако реализация этой задачи наталкивается на ряд трудностей гносеологического порядка, вызванного начавшейся в 1990-е гг. новой проблематизацией по преимуществу нашего недавнего прошлого. Длительное однообразие в изучении советского прошлого народов Северного Кавказа к началу 1990-х гг. сменилось поразительным разномыслием. Еще совсем недавно восторженно оцениваемое наследие «дружбы народов» переместилось в разряд «этнических чисток и геноцида», а промышленные стройки эпохи социализма, некогда воспринимавшиеся «бескорыстной помощью великого русского народа», стали рассматриваться «разрушением основ многовековой традиции и культуры». При этом, как и ранее, за советской историей признается немало славных дел и ратных подвигов, принесших народам региона освобождение от «социального и национального гнета прошлого». Оно все еще остается ареной ожесточенных идеологических столкновений и нередко воспринимается источником многочисленных бедствий и незаживающих ран памяти целых народов.

Историографические изменения последних двух десятилетий при всей неоднозначности вызываемых ими перемен в области

изучения советского прошлого народов региона привели к двум вполне очевидным последствиям. С одной стороны, обозначилась группа событий (историографических сюжетов), довольно болезненно воспринимаемых общественным сознанием, с другой – сохраняется огромный пласт истории, как бы застывший в своей неподвижности и практически не вызывающий интереса у исследователей. К событиям первого ряда тяготеют те из них, которые на сегодняшний день оказались в большей степени связанными с судьбами народов региона, а также признаются таковыми историографией. К ним следует отнести национально-государственное строительство и вызвавшие его к жизни революционные потрясения начала прошлого века, повстанческое движение и репрессии 1930-х гг., участие народов в Великой Отечественной войне, породившее различные формы сотрудничества и противоборства советских граждан с идейным противником. В свою очередь, сюжетный ряд «застывшей истории» образуют события в принципе не менее важные для понимания советской истории Северного Кавказа. Однако они не актуализированы современными практиками жизнеобеспечения самих народов, в силу чего остаются на периферии общественного сознания и до определенной поры не интригуют воображение профессионального исследователя. В их историографическом восприятии преобладают суждения нейтрального характера, а основными способами позиционирования выступают констатация свершившегося факта и отнесенность к определенному времени.

События первого ряда образуют так называемые «проблемные зоны» в изучении советского прошлого северокавказских народов. Они «проблемны» по причине отсутствия общепринятой конвенции специалистов в их оценке, которая чутко соотносится с общественным мнением и официальной позицией российской власти в регионе. Вместе с тем их изучение влечет за собою своеобразный эффект воронки, втягивающий в орбиту собственного разрушительного действия не только близлежащие события, но и примыкающие к ним целые временные Атлантиды. В результате образуются обширные историографические зоны, которые подобно северным термокарстам появляются в процессе подтаивания долголетней мерзлоты, а затем живут своей обособленной

жизнью, постепенно вовлекая в нее все новые и новые территории. Причинами их появления в современном историографическом пространстве признаются обстоятельства как собственно научного, так и общественно-политического порядка. Последние десятилетия ушедшего века подвели научное знание к осознанию не только безграничных возможностей человеческого разума, но и пониманию его пределов. В наиболее сложном положении оказалось знание об обществе и в особенности знание о прошлом, которому с момента своего возникновения была уготована участь «наставницы жизни», а со временем и идеологического рупора достижений власти. Однако в новой постсоветской России «социальные науки не только обеспечивают легитимацию социального порядка, но и создание эзотерического языка, с помощью которого устанавливается идентичность особой группы людей». Смысл их деятельности перемещается в плоскость «рационализации и развертывания будущего посредством критики настоящего»¹. Историческое знание, дискредитировавшее себя многолетней практикой сотрудничества с властью, признаваемой ответственной за совершение ряда преступлений перед обществом в целом и его отдельными представителями, потеряло не только моральное право на осуждение правящего режима, но и профессиональные навыки осмысления его достижений.

Появление проблемных зон в изучении советской истории одного из наиболее взрывоопасных в этом отношении регионов страны свидетельствует, помимо всего прочего, и о начавшемся процессе избавления как профессиональной историографии, так и общественного сознания от признаков прошлого. В отличие от предыдущего, «перестроечного» времени сфера их деятельности значительно сужена и приобретает все более рационально обоснованный характер. Показателями (индикаторами) этой рациональной обоснованности становятся попытки нахождения непротиворечивой логики в действиях власти; появление попыток их систематизации и «вписания» в контекст рассматриваемого времени; сосредоточенность на тех моментах советского прошлого, чье понимание не поддается

¹ Социальные науки в постсоветской России. С. 63.

однозначному измерению и зачастую выходит за границы здравого смысла. Именно последнее обстоятельство проблематизирует и придает особую остроту отдельным сюжетам советского прошлого, чье изучение встраивается в контекст современных этнополитических реалий в регионе. Формированию новой исследовательской практики способствуют и сложившиеся традиции изучения прошлого, обращение к которому всегда требует актуализации настоящим. Утоление интеллектуального голода или элементарного профессионального любопытства в качестве веского основания для занятия историей всерьез никогда не воспринималось. Поэтому даже робкие попытки со стороны исследователя создать такого рода прецедент в отношении того же национально-государственного строительства или депортации народов вызывает осудительную реакцию со стороны как профессионального сообщества, так и различного рода культурно-политических организаций, претендующих на сохранение мира и стабильности в регионе.

Индикаторами «проблемных зон» в изучении советского прошлого народов Северного Кавказа на сегодняшний день являются не только излишняя полемичность и злободневность тех или иных сюжетов, но и их прямое воздействие на состояние и перспективы развития региона в целом. Осознание народами «исторической несправедливости», допущенной по отношению к ним советской властью, во многом деформирует профессиональное изучение прошлого, обрекая его на поиски виновников и их наказания. В свою очередь, длительная артикуляция болевых зон памяти превращает их в «историю сплошной линии и одного цвета», в пространстве которых не остается места разрывам и иным цветам, а следовательно, и самой истории.

На сегодняшний день взаимоотношения, складывающиеся между историей и политикой, уже не представляются столь однозначными и не могут быть сведены к известной формуле о том, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Существующие между ними связи гораздо глубже и могут быть представлены двумя исследовательскими парадигмами, несущими различную логику разработки конкретных сюжетов. В одной из них социально-исторический контекст задает рамки интерпретации политической

реальности. В другой – политический контекст диктует прочтение исторических реалий¹. Впрочем, на практике их проявления трудно разграничиваемы. Тесное переплетение прошлого и настоящего, манипулирование историей для решения текущих политических задач наиболее характерно для кризисных периодов развития общества. Пик напряженности на юге России пришелся на 1990-е гг. Именно в этот период инструментом этнокультурной идентификации северокавказских народов стала историческая память с ее весьма болезненным отношением к событиям Кавказской войны XIX в., национально-государственному строительству и депортациям².

По наблюдениям современного исследователя, именно фактор депортации сообщил «этносоциальному опыту балкарцев новейшего времени элемент исключительности, который не мог не оказать в дальнейшем глубокое и долгосрочное воздействие на все этнополитическое развитие... С принятием Закона о реабилитации репрессированных народов в сознании и политической практике балкарской национальной элиты происходит полное отождествление понятия “реабилитация” с понятием “политическое самоопределение балкарского народа”, а набор требований о выполнении этого закона совпал с программой суверенизации Балкарии (а значит, соответственно, Кабарды) и “федерализации” республики»³. В свою очередь, период активного противостояния власти и действующей оппозиции в Карачаево-Черкесии, который пришелся на 2000–2003 гг., был отмечен начавшейся «мифологизацией истории, удревнением этносов, искажением исторических фактов в интересах тех или иных народов в политических целях – обоснования своего древнего права на землю, на государственность»⁴.

¹ Боров А.Х. Кабардино-Балкария в XX в.: история и этнополитика // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 75.

² Хлынина Т.П. История, социальная практика и социогуманитарная экспертиза на Юге России // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т. V: Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д, 2009. С. 187.

³ Боров А.Х. Кабардино-Балкария в XX в.: история и этнополитика. С. 71, 73.

⁴ Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2008. С. 279.

Наглядным примером вторжения политики в область прошлого и его активизации являются ведущиеся уже не один год в Адыгее споры о дате основания ее столицы – города Майкопа. Официальная дата, нашедшая отражение в целом ряде публикаций и закреплённая в Уставе города, связывает его основание со строительством русской военной крепости. Однако представители адыгских общественных организаций считают, что празднование указанной даты закрепляет результаты «колониальной войны» и оскорбляет чувства коренного населения – «потомков черкесов, подвергшихся геноциду с конца XVIII до начала XX вв.»¹. Требование празднования Дня города без указания даты его основания было поддержано и учеными республики. Более того, именно статья археолога Н.Г. Ловпаче «К истории основания Майкопа», собственно, и стала катализатором активного неприятия советом республиканского движения «Адыгэ Хасэ» официальной даты основания города. На это обстоятельство было обращено внимание в информации, размещенной на официальном сайте Черкесского конгресса Адыгеи: «Напомним, данный вопрос уже выносился на рассмотрение Совета организации – летом прошлого [2006 г. – Т.Х., Е.К.] года. Однако тогда руководство организации должного внимания к предстоящему празднованию не проявило»².

Еще одним наглядным политическим поводом для оживления «горечи прошлого» в отношении событий Кавказской войны и ее трагических последствий стало решение Международного олимпийского комитета (далее – МОК) о проведении Олимпиады в Сочи. Напомним, что официальным завершением Кавказской войны считается парад русских войск 21 мая 1864 г. на территории нынешней Красной Поляны, где и планировалось проведение Олимпийских игр. Уже в феврале 2007 г. на заседании Адыгейской республиканской организации «Адыгэ Хасэ» было объявлено, что «Совет организации не намерен выступать против проведения данного мероприятия в Сочи. Однако если местом проведения будет избран Сочи, то российское руководство и весь мир должны знать, на чьей исторической земле

¹ Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. С. 293.

² Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи. URL: <http://circassiangenocide.org/> (дата обращения: 22.01.2011).

проходит олимпиада»¹. В дальнейшем радикализм выдвигаемых требований усилился. В марте 2010 г. «Джеймстаунский фонд»² обратился в МОК с просьбой не проводить Олимпиаду в Сочи, в связи с тем, что «неправильно проводить игры на месте трагических событий Кавказской войны XIX вв.»³. Трагическая судьба местного населения стала объектом пристального внимания не только исследователей, но и современных общественных организаций. По оценкам специалистов, «в условиях политизированной этничности Кавказская война интерпретируется как событие, нанесшее адыгам непоправимый ущерб. Она трактуется как агрессия имперской России с целью колонизации Северного Кавказа, геноцид, изгнание адыгов с мест их исторического проживания в “дальнее зарубежье”»⁴.

С требованием официального признания геноцида адыгов неоднократно обращался в Государственную Думу Российской Федерации и Европарламент Черкесский конгресс – организация, сам факт возникновения которой является наглядной иллюстрацией воздействия истории на современность. Согласно официальному сайту Черкесского конгресса Адыгеи, трагические последствия «Русско-Кавказской войны» привели к тому, что только 20 % адыгского этноса проживает в настоящее время на Кавказе, а остальные 80 % являются «изгнанниками, ставшими гражданами других государств».

Именно осознание необходимости сохранения языка и культуры адыгов, а также их консолидации на исторической родине явилось причиной создания новой мобильной организации. Вот как описывает

¹ Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи.

² Джеймстаунский фонд (The Jamestown Foundation) – американская неправительственная исследовательская организация, основанная в 1984 г. Своей миссией полагает «информирование разработчиков политики и более широкое политическое сообщество о событиях и тенденциях в тех обществах, которые стратегически или тактически важны для США и которые зачастую ограничивают доступ к такой информации». URL: www.nr2.ru/moscow/154144.html (дата обращения: 22.01.2011).

³ Северо-Западный Кавказ в преддверии Олимпиады 2014: геополитические аспекты информационной войны. URL: geopolitica.ru/Articles/996/ (дата обращения: 22.01.2011).

⁴ Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. С. 292.

процесс ее становления председатель Черкесского конгресса Адыгеи М. Берзегов: «Такая организация была создана в Республике Адыгея 6 декабря 2004 года группой единомышленников. Мы назвали ее Черкесский конгресс. Спустя год Черкесские конгрессы появились в двух других республиках Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, в разных странах мира. Они представляют собой сеть общественных организаций, преследуют одни цели и согласовывают свои действия»¹.

В активе деятельности Черкесского конгресса «сбор и систематизация около 500 архивных документов периода Русско-Кавказской войны», размещенных на его официальном сайте; обращение 1 июля 2005 г. «с приложением архивных документов» в Государственную Думу Российской Федерации с требованием «признания геноцида черкесского народа»; «деятельность по сохранению статуса Республики Адыгея в ответ на намерение федеральной власти России ликвидировать республику, отказав черкесам в праве на самоопределение». Анализ этих направлений деятельности Черкесского конгресса свидетельствует о широком использовании истории в осуществлении насущных политических целей, одной из которых декларируется «правовое решение черкесского вопроса через признание геноцида мировым сообществом». При этом сама практика обращения к прошлому носит откровенно тенденциозный характер. Рубрика сайта «Архивные документы» с характерным и предопределяющим их отбор внутренним названием «Документы по геноциду», помимо собственно архивных документов, содержит многочисленные извлечения из книги кубанского историка Ф.А. Щербины «История кубанского казачьего войска», резолюции всероссийских научных конференций по вопросам противостояния адыгов и России. Такого рода извлечения именуются «историческими источниками». Те же документы, которые действительно таковыми являются, зачастую плохо атрибутированы и не всегда содержат указания на непосредственное место своего хранения. Ни в одном из документов, самый ранний из которых датируется 1728 г., а самый поздний – 1990 г., не находят своего отражения ни разнообразные хозяйственные связи,

¹ Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи.

складывавшиеся в тот период времени между адыгами и русскими переселенцами, ни начавшийся процесс культурного обмена и влияния.

Требования признания геноцида адыгов вновь прозвучали на научной конференции «Сокрытые нации, длящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим», которая состоялась 21–22 марта 2010 г. в Тбилиси при непосредственной поддержке «Джеймстаунского фонда» и «Международной школы изучения Кавказа» при Тбилисском государственном университете. Ее участниками была принята резолюция, направленная парламенту Грузии с просьбой «признать геноцид черкесского народа Российской империей в XIX веке»¹. Координационный совет адыгских общественных организаций Кабардино-Балкарии осудил подобного рода обращение, заявив, что адыгский народ «еще в XVI столетии сделал свой выбор в пользу дружбы с русским народом. Наши народы, несмотря на некоторые зигзаги истории, с честью и с достоинством пронесли знамя дружбы и взаимопомощи через века... И сегодня их потомки, безусловно, остаются верными традициям дружбы и братства между народами нашей страны... Мы исходим из того, что проблемы адыгов должны обсуждаться и решаться в нашей стране, в российском правовом поле, без вмешательства со стороны»². Показательно, что заявление Координационного совета вызвало обостренную полемику в интернет-сообществе, обозначив болезненность и неоднозначность самой проблемы для современников.

Начавшаяся в 2005 г. административная реформа по оптимизации управления и объединению ряда территорий спровоцировала еще один всплеск интереса к прошлому, прежде всего к образованию национальных автономий северокавказских народов. В своем противостоянии центру активисты того же Черкесского конгресса Адыгеи взывали к «справедливости и нерушимости решений советской власти по национально-государственному устройству Кавказа в 1920-х гг.». Однако, когда речь заходила о необходимости консолидации адыгов в составе единой республики, решения той же власти признавались

¹ Северо-Западный Кавказ в преддверии Олимпиады 2014: геополитические аспекты информационной войны.

² www.sknews.ru/.../33372-zayavlen...izacij-kbr.htm.l (дата обращения: 22.04.2012).

не только ошибочными, но и направленными на разобщение и ослабление единого народа. Выходом «черкесского вопроса» на новый уровень стало намерение создать в конце 2009 г. «Черкесское правительство в изгнании». Его целью объявлялось «возвращение Черкесии к статусу государственной независимости» и объединение адыгов. В достижении поставленной цели будущее правительство намерено было опираться на «“Декларацию независимости Черкесии” времен Кавказской войны, 1835-го года, и на Декларацию о признании независимости Черкесии, которую Генеральная ассамблея Организации Непредставленных народов приняла в 1996-м году»¹. Для усиления эмоционального эффекта значимости исконной независимости адыгов в настоящее время широко обсуждается и поэтический вариант «Декларации» 1830 г., известный как «Обращение черкесов к народам Европы»².

«Исторический» фон конфликтности в регионе нередко провоцируется и непродуманными мероприятиями и инициативами самой власти. К их числу можно отнести широко праздновавшиеся юбилеи «добровольного вхождения» северокавказских республик и их народов в состав России. Не говоря уже о научной некорректности и сомнительности подобных оценок, их политическая непродуктивность оказалась более чем очевидной. Юбилейные мероприятия в Кабардино-Балкарии в конце 2007 г. вызвали протестные реакции со стороны ряда общественных организаций республики. Общественная организация «Черкесский конгресс Кабардино-Балкарской республики» опубликовала заявление, в котором выразила протест против официально принятой формулировки «450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства»³.

¹ Правительство Черкесии в изгнании. URL: www.7kanal.com/article.php3?id=261705 (дата обращения: 22.04.2012).

² С текстом и обстоятельствами обнаружения поэтической версии «Декларации» можно познакомиться в Интернете. См.: URL: www.djeguako.ru/content/view/226/50/ (дата обращения: 22.04.2012).

³ Черкесский Конгресс Кабардино-Балкарии считает исторически необоснованным празднование 450-летия добровольного присоединения республики к России. URL: <http://circassiangenocide.org/> (дата обращения: 22.04.2012).

Аналогичную позицию заняла Адыгейская республиканская организация «Адыгэ Хасэ», выступившая против принятой формулировки «вхождения Адыгеи в состав Российского государства». В своем заявлении она ссылалась на состоявшееся десять лет тому назад специальное расширенное заседание Ученого совета Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований с приглашением ученых-историков Северного Кавказа, а также специалистов Российской академии наук. На нем было заявлено, что события тех лет при всей их исторической значимости нельзя рассматривать как присоединение или вхождение: «Это – заключение союза, в данном случае военно-политического»¹. Часть балкарской общественности посчитала, что праздник – исключительно кабардинский, так как 450 лет назад в союз с Россией вступили именно они, а балкарцы оказались в составе России намного позже. В мае 2008 г. по инициативе общественной организации «Совет Старейшин балкарского народа» был организован балкарский праздник, посвященный 180-летию добровольного вхождения Балкарии в состав России. Реакция научного сообщества на празднование юбилеев и их оценка событий прошлого также оказалась неоднозначной, что отразили названия проводившихся в их честь научных конференций. Так, в Чеченской республике была проведена Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни. В Карачаево-Черкесии научная конференция была приурочена к 180-летию присоединения Карачая к России. В Республике Адыгея ученые вообще выступили против проведения юбилейной конференции в связи с дискуссионностью статуса данного события.

При этом нередко иницилируемые и проводимые центром мероприятия становятся невольными заложниками прошлого, выступающего в качестве провокативного фактора мобилизации этноса. Степень ее успешности определяется самыми различными обстоятельствами, среди которых травматичность конкретного

¹ Позиция Адыгэ Хасэ Республики Адыгея относительно празднования 150-летия основания г. Майкопа и 450-летия присоединения к России кардинально изменилась. URL: <http://circassiangenocide.org/> (дата обращения: 22.04.2012).

исторического события, его артикуляция профессиональной историографией и стоящие перед этносом задачи оказываются определяющими. Так, не будучи профессиональными исследователями истории Кавказской войны и практически не сталкиваясь с проявлением ее последствий в своей повседневной жизни, мы, тем не менее, довольно часто оказываемся вовлеченными в «высокие» академические штудии, с нею связанные. Их все еще сохраняющийся, хотя и явно снизившийся по сравнению с 1990-ми гг., идейный накал, а также заметное присутствие в общественно-политическом дискурсе заставляют задуматься о механизмах актуализации травматического опыта прошлого¹. Опыта, в пространстве которого события давно минувшего времени приобретают несвойственный им изначально пафос «утраты и боли», а их использование в качестве *ultima ratio* разрешения ситуации дня сегодняшнего и вовсе дезавуируют зыбкую границу между общепринятыми стандартами научных исследований и новым форматом знаний о прошлом. Наглядным подтверждением их слабой взаимоувязываемости становится и состояние самой исторической науки, где пристальный интерес современного исследователя к событиям полуторастолетней давности, ставшим поворотным моментом в развитии адыгского этноса, едва ли исчерпывается соображениями сугубо профессионального характера. Так, исследовательская актуальность изучения Кавказской войны связывается либо с необходимостью «объективного исследования прошлого и настоящего в единстве и взаимосвязи разноаспектных факторов»², либо со «стремлением историков, политологов разобраться в специфике русско-кавказских отношений, понять логику процессов, изменений, протекающих в северокавказском регионе в наши дни»³.

¹ Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 (125). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/125/> (дата обращения: 23.06.2014).

² Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: Вторая половина XIX–XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Черкесск, 2003. С. 3.

³ Солдатов С.В. Кавказская война 1817–1864 годов в оценке современников. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Челябинск, 2004. С. 3.

В пространстве историографического нарратива эпохи пост-модерна с его принципиальной открытостью и ориентацией на активное взаимодействие с разнообразием свидетельств прошлого Кавказская война занимает более чем скромное место. Начавшаяся антропологизация ее изучения, наиболее заметно проявившаяся в области взаимодействия культур, расширение корпуса традиционно используемых источников и добрая профессиональная воля к снижению потенциала «конфликтности письма» так и не смогли вывести ее из поля «болезненной актуализации процесса включения Кавказа в состав Российской империи» и множащихся как снежный ком «войн памяти». В итоге, даже попытки раздвинуть традиционные хронологические и географические рамки Кавказской войны «связываются исключительно с политическими спекуляциями – стремлением представить всю историю взаимоотношений России и Кавказа как один непрекращающийся конфликт»¹. При этом пока профессиональная историография преодолевает «родимые пятна» советского прошлого, массовое сознание обзаводится (не без помощи все той же обновленной историографии) новыми представлениями о войне как геноциде адыгского народа, последствиями которого стали не только резкое сокращение численности этноса, но и потеря им прежнего этнополитического единства.

В этой связи обращение к современным практикам осмысления Кавказской войны и ее последствий позволяет ответить на ряд вопросов, выводящих на понимание и такой, казалось бы, давно решенной проблемы как общеадыгское единство. Освещенное авторитетом этнографической науки прошлого века и не подвергаемое сомнению нынешним поколением ее наследников, оно все чаще становится заложником непростой ситуации, складывающейся на Северном Кавказе. Ситуации, при которой общеадыгская идентичность оказывается в прямой зависимости от конкретных и насущных задач развития региона, а степень ее монолитности колеблется от безусловного признания до полного отрицания. Наглядным тому подтверждением стало проведение Всероссийской переписи населения 2010 г.

¹ *Лалин В.В.* Новейшая историография Кавказской войны. С. 179, 182, 184. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Lapin_00.pdf (дата обращения: 24.06.2014).

Следует особо отметить, что привычное восприятие переписи компендиумом сведений о народонаселении страны значительно сужает ее источниковые возможности. За пределами профессионального внимания исследователя остаются многие вопросы, напрямую не связанные с задачами ее проведения и характером полученной информации. Тем не менее, именно эта «факультативная инфраструктура» любой переписи позволяет взглянуть на ее далеко не исчерпываемый официальным предназначением потенциал под иным углом зрения. Речь идет, прежде всего, об использовании проводимых переписных кампаний отдельными гражданами и группами таковых для манифестации социального статуса и этнической принадлежности. В отличие от других способов их обнародования перепись обладает несколькими неоспоримыми преимуществами. Во-первых, ее масштаб позволяет быть услышанными всей страной. Во-вторых, процесс проведения переписи и полученные ее результаты обладают обязательной дескриптивностью, а значит, будут прочитаны большей, чем обычно аудиторией. В-третьих, поднимаемые в связи с проведением переписи вопросы, а также полученные на них ответы помнятся еще долгие годы. Так, в ходе проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. «правом на существование» обзавелись «эльфы», «хоббиты» и «готы». Зачисленные официальной статистикой в разряд «экзотических персонажей», они до сих пор памятны массовому сознанию россиян.

Подобного рода идентификационные казусы стали следствием одного из главных принципов современных переписей населения (национальная принадлежность граждан фиксируется только с их собственных слов, не требуя документальных тому подтверждений) и с определенной долей условности могут рассматриваться подтверждением ситуативной природы этнической/национальной идентичности. Этническая идентичность как атрибут коллективного состояния складывается под воздействием множества самых разнообразных факторов, отсутствие четкой иерархии которых и давление конкретной ситуации все чаще склоняет исследователя к мысли об ее сложно сконструированном происхождении.

Между тем, вопрос о национальной принадлежности (как «высшей формы» проявления этнической идентичности), исчезнувшей

из анкет и главного удостоверяющего личность документа гражданина Российской Федерации – паспорта, имеет принципиальное значение не только для государства, но и ее носителей. Первое, исходя из этнического многообразия населения, формирует национальную политику, а последние являются наглядным ее воплощением. Их интересы не всегда совпадают, но требуют взаимного согласования. Поэтому сокращение или увеличение численности отдельных этнических групп – повод для обоюдного беспокойства, зачастую перерастающий в затяжное противостояние сторон. Подтверждением тому может служить так называемый «черкесский вопрос», чье возникновение и последующее бытование стали своеобразной проверкой на прочность не только приамурдиалистской доктрины и идеи «единства субэтнических групп одного народа», но и формирования основополагающих принципов национальной политики страны. Накануне проведения переписи 2010 г. ряд общественных организаций Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи обратился ко всем адыгам с призывом использовать единое название «черкес» и записать свою национальность в переписных листах под этим этнонимом. Перепись должна была продемонстрировать «исторически сложившееся единство черкесского народа» и стать веским доводом в пользу окончательного разрешения самого «черкесского вопроса», порожденного геноцидом Кавказской войны.

Признание геноцида адыгов Россией – одно из основных требований радикального крыла черкесских общественных организаций и ряда представителей творческой интеллигенции. Их суть сводится к признанию вины царизма (в лице его нынешней правопреемницы демократической России) за целенаправленное уничтожение адыгского этноса в прошлом и его нынешнее состояние. Массовый исход адыгов с исторической родины рассматривается ими как гуманитарная катастрофа, приведшая не только к резкому сокращению численности этноса, но и его последующему распылению в составе нескольких административно-территориальных образований.

С распадом Советского Союза в адыгских субъектах все чаще стала звучать идея создания черкесского государства, рассматривавшегося в качестве восстановления исторической справедливости

в отношении народа, некогда изгнанного с исторической родины¹. Однако многообразие этнонимов, «навязанных адыгам» все той же «антинародной властью» и воспринимаемых массовым сознанием различными народами, требовало приведения к единому знаменателю их общего названия. Выходом из создавшегося положения как раз и должна была стать Всероссийская перепись населения. Именно единое для адыгов название, по мнению ряда региональных исследователей, позволило бы черкесскому народу консолидироваться.

«Один народ – одна нация». Этот слоган, выдвинутый рядом общественных организаций и горячо поддержанный черкесскими активистами, призван был не только объединить российских адыгов, но и послужить началом их территориальной консолидации. Высказывались предположения, что в ходе проведения переписи их число намного возрастет и решение «черкесского вопроса» уже не заставит себя ждать. Однако в реальности все оказалось намного сложнее. Накануне проведения переписи Международная Черкесская ассоциация (далее – МЧА) обратилась ко всем входящим в нее черкесским организациям с призывом «придерживаться принципа, что все эти субэтноты составляют единый народ, который на русском языке правильно называть черкесами [подчеркнуто в тексте – Т.Х., Е.К.]. Такой подход имеет глубокие исторические корни. Понятно, что в силу недостаточной информированности и инерции мышления, не каждый представитель нашего народа готов сегодня отказаться от привычного локального наименования этнической группы (убых, шапсуг, адыгеец, кабардинец и т.д.). Но это вовсе не означает, что они не являются черкесами или частью черкесского народа». Показательно, что в подтверждение правильности избранной позиции МЧА апеллировала к экспертному заключению Института

¹ См. подробней: Хлынина Т.П. Динамика социального самочувствия репатриантов как показатель адаптивных возможностей традиционной культуры // Сбережение народа: традиционная народная культура: материалы науч.-практ. конф. (8–9 июня 2007 г., г. Краснодар). Краснодар, 2007. С. 133–137; *Ее же*. Косовские адыги-репатрианты в миграционном потенциале Республики Адыгея // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы: сб. материалов междунаро. науч.-практ. конф. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 74–77.

этнологии и антропологии РАН от 25 мая 2010 г., в котором делался вывод о том, что убыхи, шапсуги, адыгейцы, черкесы и кабардинцы являются «субэтносами одного – черкесского (адыгского) народа»¹. С целью преодоления «дальнейшего разобщения народа администрация независимого информационного Черкесского портала www.eLot.ru» приняла решение о корректировке всех размещаемых на страницах Интернет-ресурса русскоязычных публикаций в соответствии «с приведением названия нашего народа и его производных к использованию единого, научно аргументированного, исторически обоснованного написания». Таковым признавались: «черкесы, черкесский, черкес (мужской род), черкешенка (женский род)». Администрация призвала и своих пользователей «в собственных сообщениях, комментариях, а также в повседневной жизни придерживаться этих правил»². Пользователям сайта был предложен опрос, «проведенный среди представителей адыгского народа по решению Исполкома МЧА от 19 февраля 2011 г. рекомендовать всем адыгам называть себя на русском и других языках черкесами». Опрошенные в числе 50 чел., в основном представители научной интеллигенции и студенческой молодежи, выразили свою единодушную поддержку принятой инициативе, находя ее исторически оправданной и полезной для народа в целом. Правда, прозвучали и более трезвые ее оценки, так и оставшиеся незамеченными в общем потоке одобрительных откликов. На тот момент времени уже бывший президент МЧА К.Ф. Дзамихов отметил: «Я разделяю это решение. Считаю его правильным. Я сам возглавлял МЧА, и само название Международная Черкесская ассоциация говорит о том, что адыги – это черкесы. Вопрос чрезвычайно важный. Рад, что МЧА приняла такое решение. Осталось донести важность такой постановки вопроса до общественного сознания нашего народа. У МЧА есть шанс показать хоть какую-то свою связь с собственным этносом. Жаль, что такие мощные по замыслу

¹ МЧА: Мы единый народ, который на русском языке правильно называть черкесами. URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2059&Itemid=94 (дата обращения: 14.06.2014).

² Заявление администрации eLot.ru. URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1844&Itemid=94 (дата обращения: 14.06.2014).

и потенциалу организации, как МЧА и АМАН¹, существуют практически сами по себе, а народ – сам по себе»². Черкесская молодежь Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Краснодарского и Ставропольского краев выступила с акцией «Один народ – одно название – одно будущее». В своем обращении к «братьям и сестрам» она призвала внести свой личный вклад в восстановление единства народа «и во время переписи населения 2010 года, которая будет проводиться на русском языке, указывать переписчикам свою национальность как “черкес” и “черкешенка”, в какой бы республике, крае или области вы ни жили»³.

Между тем несмотря на, казалось бы, внятные и активно одобряемые инициативы, широкой поддержки среди адыгов они так и не получили. Причинами тому оказались не только «навязанная им региональная идентичность», которую сторонники «одного народа – одной нации» полагают основным источником приверженности кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугам к своим этнонимам: «Адыги и черкесы, на мой взгляд, практически синонимы. Нет такой национальности “черкесы”. Это объединенные адыги». Но и предпереписный напор, предпринятый черкесскими активистами и вылившийся в массовую кампанию навязываемого выбора: «Думаю, что пропаганда в таких случаях не нужна. Каждый взрослый человек должен знать историю своей страны, своего народа, своей семьи. Он самостоятельно должен изучить исторические материалы о своем этнониме, которых полно в Интернете, книгах. И сам должен решить, что он хочет, что выбирает»⁴. Однако самой неожиданной оказалась позиция руководства Общественного парламента – «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов-шапсугов, выступившего с призывом

¹ Адыгская Международная академия наук.

² Что думают черкесы о решении МЧА рекомендовать всем адыгам называть себя черкесами? URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1844&Itemid=94 (дата обращения: 14.06.2014).

³ Сделай копию – помоги своему народу восстановить имя. URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1844&Itemid=94 (дата обращения: 14.06.2014).

⁴ Результаты переписи адыгов Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи будут известны в мае 2011 года. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/178073/> (дата обращения: 14.06.2014).

к шапсугам писаться исключительно таковыми. Председатель Общественного парламента М.Х. Чачух спустя три года ее объяснил следующим образом: *«Есть федеральный закон “О гарантиях прав коренных малых народов” Российской Федерации. Там сказано, какие народы являются коренными, малочисленными, те народы, которые проживают на территории своей исконной среды обитания традиционно. Есть там по определениям ООН, какие народы признаются коренными, там свыше 500 лет кто на этом месте проживает. Мы там 5000 лет проживаем, во-первых, и менее 50 000 населения <...> Ну, если мы себя как субэтнос обозначаем “шапсуги”, тогда мы можем претендовать на вот такой статус коренного малочисленного народа»*¹.

На тот момент времени эта позиция вызвала резкое осуждение лидеров адыгских общественных организаций. Однако чуть позже в переписке один из лидеров Черкесского Конгресса Кабардино-Балкарии пояснил, что на самом деле *«все это не имеет никакого значения»*: *«Они – адыги, это их самоназвание, шапсуги – это второе название, примерно как русский и сибиряк. Там другая история, записавшись в малочисленные народы как отдельно шапсуги, они получают от края какие-то преференции (не знаю, реальные или мнимые) <...> Они малочисленные, и особо не имеет значения, если им лучше так решать в крае свои вопросы – да, Бога ради. Проблема в другом, что субэтнические названия в советский период власти стали считать этническими, но это именно власти, а не народ. На черкесском и “кабардинец” и “шапсуг” скажет “сы адыгэ”, т.е. проблем нет. Та история с переписью была не за то, чтобы что-то переделать, а за то, чтобы в позиции переписи стало так, как оно есть в реальности. Но это все не особо важно – кому сейчас важна та перепись». Он же не согласился и с использованием нами термина «сборки адыгской нации», пояснив: *«...мы не собираем ничего из разнородных кусочков, иначе поддерживали бы панисламистские и панкавказские проекты, или проект по включению в черкесы разных народов, чем некоторые**

¹ Интервью с Чачухом Маджидом Харуновичем, председателем Общественного Парламента – «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов-шапсугов. Интервьюер Т.П. Хлынина. Запись 23.06.2013. Продолжительность 93 мин. Место проведения: поселок Лазаревское, помещение общественной организации // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

пытаются заниматься. У черкесов единое самоназвание “адыга”, и оно не является продуктом “нац. строительства”, как у некоторых наших соседей, и даже народов, имеющих государства. Тут мы ничего не “собираем”»¹.

Перепись 2010 г. так и не стала инструментом общеадыгского единства. По ее результатам в Российской Федерации адыгов-черкесов не стало больше; не исчезли и их региональные этнонимы. Тем не менее, она наглядно продемонстрировала возможности и ограничения переписной кампании по этнической сборке народа, оказавшегося разделенным административно-территориальными границами и связывающего свою судьбу с конкретными регионами проживания. В процессе этой сборки произошла реактуализация памяти о Кавказской войне, травматическому опыту переживания которой был придан статус вневременного «события-катастрофы». Война, закончившаяся полтора столетия назад, стала символом не прерывавшегося единства народа, волей истории (по мысли наиболее влиятельной и заметной части этнических активистов) лишенного органичной формы своего существования. И хотя активная апелляция к Кавказской войне как коллективному сопереживанию общей боли в ходе проведения переписи 2010 г. была замещена ее пагубными последствиями, именно ей отводилась заглавная роль безусловного аргумента в пользу единства современного адыгского мира. Единства, уже поставленного под сомнение современной эпистемологической практикой познания прошлого и его символической связью с настоящим.

В последнее время мы все чаще оказываемся свидетелями вторжения прошлого в течение, казалось бы, весьма далекой от него жизни современного общества. Его властным напоминанием о себе становятся широко отмечаемые события из местной истории, лезгинка, непривычно смотрящаяся на улицах далеких от региона городов, вызывающее «образовательные» скандалы ношение хиджаба. Реакция на все эти зримые проявления «дня минувшего» свидетельствует о том, что отношения истории (исторической памяти) и современности могут иметь разное измерение, одним из наиболее удачных регистров

¹ Личный архив Т.П. Хлыниной.

которого выступают предложенные французским историком П. Нора «места памяти». «Места памяти» – «это красивое выражение, ставшее золотой жилой, находкой, благодаря его способности удовлетворить потребности коллективных переживаний»; это «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени, превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности»¹. Такими памятными местами для народов региона являются вхождение в состав России; Кавказская война и ее последствия; национальные республики и исторический контекст их возникновения; депортации народов и незавершенность процесса их реабилитации. Этномобилизующий потенциал каждого из этих «мест памяти» во многом определяется текущими задачами развития народов и вниманием, проявляемым к ним этническими активистами и профессиональным сообществом региона. Активно используемые в одних республиках, они остаются совершенно незамеченными в других или обретают иные формы своего бытования. Так, события из истории Кавказской войны в адыгских субъектах чаще всего используются в качестве основного аргумента необходимости восстановления справедливости в отношении той части этноса, которая оказалась в принудительном изгнании; признания геноцида адыгов; их административно-территориальной консолидации в пределах единой республики. При этом для Республики Адыгея наиболее актуальным из последствий этой войны оказывается репатриация соотечественников на историческую родину, а для «адыгской части» Карачаево-Черкесской Республики – создание еще одного адыгского субъекта Российской Федерации. В Чеченской Республике история Кавказской войны на сегодняшний день и вовсе утратила свою общественно-политическую значимость, переместившись в плоскость профессиональной дискуссии. Следует отметить, что как таковая она для национального самосознания чеченцев не являлась безусловной исторической травмой. Травмирующим диссонансом прошлого оказалось «добровольное вхождение Чечни в состав России», ставшее одним из катализаторов эскалации военно-политических событий начала 1990-х гг. в республике.

¹ Нора П. Франция – память. СПб., 1999. 76, 78.

Подобная избирательность исторической памяти, рукотворный характер происхождения которой уже не вызывает серьезных возражений со стороны профессионального сообщества, позволяет предположить и во многом рукотворный механизм ее актуализации. В свою очередь, степень и накал ее присутствия в общественно-политической жизни народов региона с определенной долей условности позволяет разделить ее на ту, которая постоянно присутствует в жизни народов и все происходящее как бы пропускает через себя, и ту, которая действует избирательно, актуализируясь только при определенных обстоятельствах. Общества с первым типом воздействия памяти мы вслед за К. Леви-Строссом назовем «горячими». С определенной долей условности к ним можно отнести:

- Кабардино-Балкарию, наличие двух «титულных» этносов в которой провоцирует столкновение двух типов памяти;
- Адыгею, где «титулное» меньшинство ощущает постоянную угрозу «утраты национальной идентичности» со стороны русскоязычного большинства и нуждается в не менее постоянном подтверждении своего исторического преимущества;
- Карачаево-Черкесию, где признание и уважение культурно-исторического наследия пяти народов требует формирования гибкой модели исторической памяти, поддержание которой наталкивается на официальную двухтитулность республики;
- Северную Осетию, находящуюся в состоянии разделенного этноса и нуждающуюся в исторической легитимации его воссоединения.

Общества со вторым типом воздействия памяти нами отнесены к «холодным». К ним с такой же долей условности принадлежат:

- Чечня, где «жизнь по заветам великих предков» подчинена решению насущных проблем развития этноса;
- Ингушетия, для которой «торжество исторической справедливости», в частности возвращение Пригородного района и самостоятельное существование, имеет сугубо прагматическое значение.

Превращение истории во влиятельный ресурс современной политики и кардинальные изменения, происшедшие в самом знании о прошлом за последние полтора – два десятилетия, актуализируют проблему социального экспертирования самих исторических исследований. Необходимость выработки нового формата оценки

создаваемых образов прошлого осознается не только официальной властью, но и профессиональным сообществом, все активнее включающимся в процесс выработки критериев «социально безопасного прошлого». К сожалению, в последние годы история все чаще утрачивает свой созидательный потенциал, становясь источником конфликтов и роста напряженности в обществе. Причинами тому оказываются как особенности развития самого знания о прошлом, так и нарастающее социальное неблагополучие населения, становящегося заложником разнообразных политик памяти и всевозможных манипуляций на исторической почве. Преодолению сложившейся ситуации и возвращению истории ее академического предназначения не в последнюю очередь будет способствовать осознание профессиональным сообществом своей возрастающей ответственности в деле обеспечения социально приемлемого и безопасного прошлого.

1.3. «И государство, и народы имеют право на защиту своей истории»: историческая политика и общественное сознание эпохи российского транзита

Вопрос о сущности и предназначении знания о прошлом давно уже вышел за пределы внутрицехового обсуждения. Пожалуй, впервые со времен «Краткого курса истории ВКП(б)» его рейтинг в списке приоритетных государственных проектов не опускается ниже третьей позиции, а потребность общества в достойном прошлом становится все более ощутимой. При этом и государство, и общество видят в истории, помимо всего прочего, неразрывную взаимосвязь минувших и нынешних поколений, полагая ее незыблемым залогом вневременного величия страны. Между тем именно время, вернее переживаемое им предельное сжатие, вносит ощутимые перемены в занимаемое историей место в жизни современного российского общества. Общественным сознанием эпохи российского транзита, направление движения которого все еще вызывает всполохи

гражданского противостояния, история воспринимается областью почти эфемерной. В ее пределах соседствуют зачастую плохо совместимые между собою версии одного и того же события, а их диаметрально противоположные оценки становятся предметом головной боли не только учителей истории, но и их облаченных учеными степенями коллег. Перестроечная эйфория, накрепко связавшая «ошельмованную власть историю страны» с правдой, хранимой за закрытыми дверями архивов, сменилась периодом глубокого разочарования. Ее открытие и публичное обсуждение обернулись для российского общества настоящей трагедией: с легкой руки публицистов история превращалась в «наше непредсказуемое прошлое», любые попытки переосмысления которого со временем стали восприниматься синонимом очернительства. На сегодняшний день от истории уже не ждут библейских откровений, не связывают с нею и надежд на обретение предопределенного прошлым будущего. Она все чаще оказывается разменной монетой большой политики, вытесняясь на периферию общественного сознания.

Вместе с тем предельное увеличение объемов потребляемой обществом информации, ее по преимуществу открытый и слабо подверженный цензуре характер требуют от государства больших, чем когда-либо усилий по поддержанию «работающей памяти» о прошлом. Памяти, способной не только служить живым напоминанием нынешним поколениям о былом величии страны и ее героическом прошлом, но и оставаться безукоризненным нравственным ориентиром их дальнейшего развития. Вместе с тем изменения, переживаемые современным историческим знанием с их принципиальной нацеленностью на относительность получаемых результатов и отсутствие окончательных ответов на злободневные вопросы дня сегодняшнего, решению подобного рода задач не способствуют. В ситуации прогрессирующего паралича традиционной функции истории, растущей потребности общества в стабилизации научных оценок прошлого именно государство становится его главным охранителем. Оно вырабатывает образовательные стандарты, определяет приоритетность исторических исследований, устанавливает допустимые границы истолкования прошлого и области его бытования. Иными словами формирует и задает историческую политику, понимаемую «набором

практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие»¹.

По оценкам специалистов, историческая политика свойственна лишь «плюралистическим обществам, в которых невозможна прямая идеологическая монополия, реализуемая средствами цензуры и административного контроля над профессиональной историографией»². Она, как правило, представляет собою разновидность «мягкой власти» и опирается на разветвленную инфраструктуру государственных и общественных институтов, призванных поддерживать общепринятую версию прошлого и противостоять ее намеренной фальсификации. В современной России историческая политика, начиная с конца 1980-х гг., сталкивается с наличием целого ряда подобного рода версий, существенно осложняющих ее реализацию. Речь идет не только о наличии конкурирующих между собою профессиональных видений прошлого, но и их национально окрашенных образов, нередко ставящих под сомнение общность исторических судеб целых народов и отдельных территорий страны. Механизмами их согласования в разное время выступали национально-региональный компонент государственного стандарта общего образования, основывавшийся на принципе включения обучающихся в родную этнокультурную среду и национальные традиции; расширение сюжетного ряда содержания федеральных учебников по истории России. Одной из наиболее памятных попыток официальной власти защитить историю стала созданная в 2009 г. по инициативе Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Непосредственным поводом к ее появлению послужило состояние современного исторического знания о Великой Отечественной войне, все чаще оказывающегося ареной ожесточенного идеологического

¹ Миллер А. Историческая политика: update. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/11/05/istpoli> (дата обращения: 12.05.2014).

² Колеров М. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка. URL: <http://www.iarex.ru/articles/40226.html> (дата обращения: 12.05.2014).

противоборства. Среди основных задач Комиссии значились: «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации; рассмотрение предложений и координация деятельности органов государственной власти различных уровней и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России; выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий и по нейтрализации их возможных негативных последствий»¹. По словам ее председателя, руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.Е. Нарышкина, Комиссия не должна была «являться каким-либо надзирающим органом, понуждающим историков делать конъюнктурно-политические выводы из своих исследований. Комиссия должна, первое, организовать работу историков, комиссия должна сделать выводы о том, какие фальсифицированные факты или события истории наносят ущерб интересам России. Сейчас фальсифицированная история проникает во многие кабинеты руководителей партийных групп и даже руководителей соседних государств, которые пытаются вместо налаживания нормального политического диалога с Россией, организации взаимовыгодного сотрудничества, предъявить России всевозможные претензии территориальные, политические, материальные претензии. Мы, конечно, этого допустить не можем»².

Появление Комиссии в качестве «важного и своевременного шага» было воспринято и частью профессионального сообщества историков³. Член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров, исполнявший тогда обязанности директора Института российской истории РАН,

¹ Указ Президента РФ от 20.05.09 о создании «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». URL: www.rg.ru/gazeta/rg/2009/05/20.html (дата обращения: 21.05.2009).

² Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 21.05.2009).

³ О другой реакции см.: «Нужна совместная кропотливая работа ученых, а не чиновные приказы». URL: <http://www.polit.ru/article/2009/08/10/istorija> (дата обращения: 04.08.2014).

отметил, что «к заведомым фальсификациям советской истории прибегают и россияне – по причинам националистического порядка, и по причинам задетого национального самосознания, и просто недобросовестные авторы»¹.

Существование и деятельность Комиссии, чье появление изначально вызвало изрядную долю общественной ажитации, прошли сравнительно незаметно. Она не получила сколько-нибудь заметного освещения в средствах массовой информации, а ее закрытие оказалось и вовсе неожиданным для ряда членов самой Комиссии. Тем не менее, под ее эгидой и при непосредственном участии были инициированы и состоялись обсуждения широкого круга вопросов, связанных с необходимостью сохранения исторической памяти народа России, формированием патриотизма, признанными «жизненно важными условиями сохранения и развития российского общества и государства». На одном из «круглых столов» обращалось внимание на предпринимающиеся попытки «исказить выдающуюся роль содружества народов России в отстаивании на протяжении многих веков независимости своей Родины, навязать обществу представления о негативном значении для развития некоторых народов их вхождения в состав российского государства <...>. При этом игнорируются многочисленные источники и исследования ученых-историков, убедительно свидетельствующие об обратном, в том числе о таких фактах новейшей истории, как деятельность советского государства по ликвидации неграмотности, созданию государственности, письменности на национальных языках, строительству учреждений образования, медицины и культуры. Такие искажения истории способствуют росту недоверия между народами, разжиганию национальной и религиозной вражды, других проявлений экстремизма. В настоящее время имеются многочисленные примеры систематической фальсификации истории некоторых народов России в целях публичного обоснования требований, имеющих политический экстремистский характер»².

¹ Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

² «О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб интересам России». URL: http://www.council.gov.ru/structure/committees/4/activity/round_tables/30331 (дата обращения: 04.08.2014).

Вызванная к жизни «несовпадением геополитических интересов России с интересами других стран», Комиссия, по заключению А.Н. Сахарова, не ставила себе целью борьбу с фальсификацией истории, «она занималась научной работой. То есть комиссия не создавала многотомные труды, а опиралась на уже существующие. Но и помогала в некоторых новых проектах. К примеру, издана замечательная работа “Зимняя война”, которая показала реалии советско-финской войны 1939–1940 годов. Со всеми ее плюсами, минусами, изъятиями, со всеми ее коллизиями, противоречиями, воровством и головотяпством». Ей также удалось определить болевые точки идеологической борьбы против «России по некоторым геополитическим линиям»: «... например, Грузия. Ее вхождение в состав России вопреки историческим фактам трактуется как захват, как интервенция, как насилие над грузинским народом. Второй пример – на Украине фальсифицируется история периода борьбы России со Швецией на полях Украины. Во-первых, говорится о том, что русская армия уничтожала украинские селения для того, чтобы выжженную землю оставить перед наступлением Карла XII. Этого не было, это противоречит истине. Да, были какие-то моменты, связанные с военными какими-то решениями Петра, но говорить о том, что это была борьба с украинским народом, совершенно противоестественно. Еще один момент касается того, что украинский народ поддержал Мазепу и Карла XII. Это тоже противоречит абсолютно любым историческим истинам. Но все-таки основной вопрос – это результаты Второй мировой войны, когда замалчивается реальный вклад Советского Союза в великую Победу». По мнению другого участника Комиссии, директора Института всеобщей истории РАН, академика А.О. Чубарьяна, она «просто выполнила свою позитивную роль. Было издано очень много трудов преимущественно по проблемам Великой Отечественной войны, ее предыстории, по международным отношениям послевоенного времени. Причем издавались книги и самой комиссией, и по ее рекомендациям. Было важное заседание, на котором решался вопрос по облегчению доступа в архивы. В нем принимали участие, в том числе, и руководители всех архивов и главы межведомственных комиссий по рассекретиванию. Было много нареканий, что рассекретивание документов идет очень медленно, что мешает историкам.

Мне кажется, мы нашли взаимопонимание». Комиссия была упразднена в 2012 г. указом Президента Российской Федерации, и этим же указом в России учреждался год истории. С упразднением Комиссии задача противодействия попыткам исказить историю возлагалась на все профессиональное сообщество и должна была «приобрести более долговременный» характер¹.

Этой же цели посвящена и ведущаяся под руководством академика А.О. Чубарьяна разработка «единого» учебника, вернее историко-культурного стандарта, на базе которого будет создана целая линейка учебников нового поколения. Исходя из его замысла, современный учебник истории призван стать навигатором в «нынешних информационных потоках», «должен быть написан хорошим языком, чтобы увлечь школьника». Конкурс на его создание будет объявлен Российским историческим обществом², а в экспертизе примет участие большое общественное жюри. Концепция учебника строится на отказе от стадильной парадигмы развития исторического процесса. Взамен ей предложен новый историко-культурный стандарт, призванный отражать закономерности, складывающиеся из пересечения, сплетения интересов государства, общества и человека. Его главным пафосом становится представление о том, что «история не складывается исключительно из подвигов, но также из ошибок и трагедий. Важно только не политизировать историю,

¹ Защитить историческую правду в России теперь некому? Борцов за историческую правду распустили. URL: http://www.yuri-kuzovkov.ru/journalism/mifs/10_comiss (дата обращения: 12.05.2014).

² Российское историческое общество было основано в 1866 г. и просуществовало до 1917 г. В 1925–1939 гг. оно возобновило свою деятельность в Праге. С немецким вторжением в Чехословакию было запрещено и возрождено лишь в 2012 г., объявленным в России годом истории. Целью общества является «объединение усилий общества, государства, ученых, творческих деятелей и любителей истории для формирования общероссийской исторической культуры на основе объективного изучения, освещения и популяризации отечественной и мировой истории, сохранения национальной памяти», а одной из его основных задач выступает «оказание научно-просветительского противодействия дилетантизму и попыткам фальсификации исторических фактов». URL: <http://rushistory.org> (дата обращения: 12.05.2014).

и тогда место в ней найдется всему». Именно поэтому в первоначальном проекте стандарта были «определили трудные вопросы, по которым нет единого мнения в обществе, нет общей оценки среди профессионалов-историков».

Таковыми вопросами, помимо всего периода советской истории, движущих сил и масштабов крестьянских войн, эпохи Смуты, петровских преобразований, оказываются и проблемы взаимоотношений России с сопредельными государствами и отдельными народами, ставшими впоследствии неотъемлемой частью ее многонационального населения. Одним из первых пробных «камней преткновения» на пути выработки единого видения общего прошлого народов страны стал вопрос об «ордынском иге», точнее роли мира кочевников в создании Древнерусского государства. Теперь вместо привычного не одному поколению школьников словосочетания «монголо-татарское иго», отнесенного к разряду беллетристических понятий, стандарт «предполагает говорить о монгольских завоеваниях и “системе зависимости русских земель от ордынских ханов (так называемом ордынском иге)”»; включить в тексты будущих учебников понятия Степи и степного коридора. По признанию академика А.О. Чубарьяна, «региональная проблематика была самой спорной при обсуждении стандарта». С одной стороны, его разработчики столкнулись с реальной проблемой того, как преподавать «историю России в целом и историю конкретного региона. Это проблему, видимо, придется решать на практике тем, кто будет писать учебники. Чтобы историю Татарстана знали не только школьники этой республики, а история Сибири не начиналась с Ермака». С другой стороны, коллектив рабочей группы вынужден был признать, что «самым сложным после XX века оказался вопрос о присоединении территорий, о вхождении народов в состав России». Выходом из сложившейся ситуации видится его оценка с позиции «последствий присоединения»: предполагается писать не только о давлении центра и его взаимодействии с национальными элитами, но и о «доступе к достижениям мировой культуры, который через Россию получили присоединившиеся народы. Кроме того, на этих территориях шел процесс роста национального

самосознания»¹.

Следует отметить, что еще вчера казавшиеся болезненными и практически непреодолимыми вопросы подобного рода постепенно теряют свою остроту, перемещаясь в плоскость профессиональных дискуссий и поиска взаимоприемлемых компромиссов. Так, полыхавшие в начале 1990-х – 2000-х гг. на юге России «кавказские войны историографий» получают все более взвешенную оценку специалистов, свидетельством чему служат проводящиеся в регионе научные форумы, посвященные 150-летию ее окончания. Их общий пафос выразил исполняющий обязанности главы Кабардино-Балкарской Республики Ю.А. Коков, подчеркнувший на открытии международной научной конференции «Адыги (Черкесы): история и современность», что «Кавказская война – это в первую очередь драма народа, и адыги, понесшие огромные потери, вправе ожидать уважения к своим чувствам. Но человек не может постоянно смотреть в прошлое, нельзя все время беречь старые раны. В мире нет народа без трагедии в истории, и адыги уже осознали это, не спекулируя на своем прошлом и не унижая другие народы. Яркий тому пример – уважительное отношение к Олимпиаде в Сочи!»². Вместе с тем тлеющие поленья разворачивавшихся на Северном Кавказе событий второй половины XIX в. по-прежнему остаются для части его населения зримым воплощением «чудовищной исторической несправедливости», вылившейся в изгнание сотен тысяч черкесов с мест традиционного проживания. Необходимость ее исправления находит свое воплощение в республиканских программах возвращения и поддержки соотечественников на исторической родине; требованиях этнических активистов признания геноцида черкесов. При этом вопрос о количественной составляющей этой части населения и степени ее влияния на принимаемые в регионах решения,

¹ Александр Чубарьян: Важно только не политизировать историю, и тогда место в ней найдется всему. URL: <http://www.rscf.ru/?q=node/41> (дата обращения: 12.05.2014).

² В Нальчике открылась Международная конференция по вопросам адыгской истории. URL: <http://fond-adygi.ru/page/v-nalchike-otkrylas-mezhdunarodnaja-konferencija-po-voprosam-adygskoj-istorii> (дата обращения: 04.05.2014).

состояние общественного сознания остается открытым¹.

Помимо выработки версии общего прошлого современная историческая политика артикулирует и определяет значимость отдельных событий, возводя их в ранг сакральных вех отечественной истории. Эта по большей части оправданная сакрализация прошлого нередко оборачивается стагнацией исторических исследований, приводя к поискам черных кошек в темной комнате. Наглядным тому подтверждением является изучение истории Великой Отечественной войны, традиционно находящееся под пристальным вниманием государства. В своем стремлении оградить жертвенный подвиг народа от злонамеренных фальсификаций, оно провоцирует не только неразумные правовые решения в виде поправок к Уголовному, Уголовно-процессуальному кодексам и Кодексу об административных правонарушениях, но и вмешивается в профессиональную деятельность

¹ В 2012 г. мы брали интервью у одного из руководителей Черкесского Конгресса Адыгеи. На вопрос о том, интересы какой части населения представляет возглавляемая им организация, он ответил: *«Вы знаете, этот вопрос недавно задавали, я ответил так. Существует старшее поколение, у которого никогда не было и нет никакой идеи, идеи выживания. Это поколение сталинизма я называю. Скажем так, да. Это поколение сегодня практически заканчивается... Люди, которые прошли прессинг, страх сталинских лагерей, все эти варианты писать на соседа, они никогда и ничего не могли бы решить. Они бы не могли страну изменить, они не могли бы вперед шаг бы сделать. Это люди, которые будут всегда делать шаг назад. Но это поколение практически заканчивается. Остались единицы. Кого я представляю? Я представляю ту часть населения, которая будет в будущем. Это молодежь, это люди, которые читают Интернет, которые задают острые вопросы, которые хотят что-то сделать»*. При этом опрошенная (правда, небольшая – 20 чел.) часть «продвинутой» черкесской молодежи о существовании подобной организации ничего не знала. Их интересы не выходили за пределы обычных для этого возраста (18–25 лет) потребностей в досуге, развлечениях, путешествиях, хорошо оплачиваемой работе. Кавказская война для них – не более чем история своего народа, о которой они помнят. Многие принимают участие в памятных мероприятиях с ней связанных, однако смысла «ворошить прошлое» не видят. Сын приятельницы, 19-летний юноша, по собственному почину провел экспресс-опрос среди молодежи на двух адыгейских свадьбах. После чего с гордостью сообщил, что *«среди кучи народа только двое знают про эту организацию»* // Личный архив Т.П. Хлыниной.

историка, очерчивая коридор его возможностей. Согласно принятому 5 мая 2014 г. Федеральному закону, известному как «закон Яровой», «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», будут наказываться не только штрафом в крупных размерах, но и тюремным заключением на срок от трех до пяти лет¹.

В преддверии принятия этого закона уже прошли общественные обсуждения учебного пособия по истории России А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина. Выдержавшее несколько переизданий, мало чем отличавшихся от своей последней версии, 6 сентября 2010 г. Общественной палатой оно было признано «книгой, способствующей разжиганию национальной розни». Доказательствами тому послужили публикация на его страницах «непроверенных» статистических данных относительно участия чеченского народа в Великой Отечественной войне и приводимые статистические подсчеты о еврейском происхождении большинства членов высшего партийного и государственного руководства СССР. Три года спустя Советский районный суд г. Брянска признал исследования немецкого военного историка С. Штоппера, занимавшегося изучением партизанского движения в Брянской области, «имеющими экстремистскую направленность». По заключению суда, записи в его блоге могли способствовать «формированию у читателей негативной установки по отношению к социальным идеалам и духовным ценностям <...>, существующим в современном обществе, истории Великой Отечественной войны в целом и партизанского движения на Брянщине в частности, негативно влиять на общественное и индивидуальное сознание, мировоззрение, на процесс формирования социокультурной идентичности у молодежи и на ее содержание у более старшего поколения». В апреле 2014 г. они были включены в федеральный список экстремистских

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575 (дата обращения: 10.05.2014).

материалов, хотя еще в 2013 г. его исследования, основывавшиеся на найденных в немецких архивах и переданных впоследствии в Россию источниках, были отмечены вниманием губернатора Брянской области, большим интервью на Первом канале российского телевидения и рассказом о его нелегком исследовательском пути на страницах журнала «Огонек»¹.

По мнению самого историка, это «странный ход. Естественно, есть в России несколько человек, которым не нравятся результаты моей работы. Когда я нахожу исчезнувший дневник, они аплодируют, но если то же исследование дает результаты, которые не совпадают с прежними представлениями, тогда эти люди сердятся. Они не работают по-научному, они знают, что актуальная политическая линия России поддерживает это поведение, консервацию устаревшей картины истории». Независимая экспертиза, проведенная правозащитным центром, нашла судебное решение неправомерным, полагая что «в данном случае, как представляется, Брянский районный суд признал экстремизмом историческую дискуссию и запретил распространение точки зрения, несколько (даже не радикально) отличной от представлений судьбы»².

Историческая политика эпохи российского транзита отражает характерную для переходного времени содержательную неопределенность знания о прошлом. Неопределенность, в пространстве которой все явственнее проступает необходимость равнения на одобряемые властными институциями стандарты его истолкования, неизменно апеллирующие к состоянию общественного сознания. Между тем последнее в отличие от десятилетий «сталинской несвободы» и вялотекущей позднесоветской геронтократии все менее напоминает собою подверженную идеологической суггестии массу. Да и само профессиональное сообщество «внимательных слушателей прошлого» едва ли готово к столь радикальному повороту событий. Поиск взаимоприемлемого компромисса между эпической версией

¹ Воробьева Е. Ради правды о войне. URL: <http://www.kommersant.ru/pda/ogoniok.html?id=1628763> (дата обращения: 10.05.2014).

² Понадобился гитлеровец. Немецкого историка, изучающего партизанское движение на Брянщине, в России объявили экстремистом. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/25370399.html> (дата обращения: 10.05.2014).

прошлого и его научным аналогом станет, пожалуй, одной из самых трудных задач в выработке современной исторической политики и ее региональных ответвлений.

Последнее десятилетие российской истории ознаменовалось не только распадом единого государства, но и некогда общего историографического пространства. Поиск новых форм самоорганизации народов стал прологом становления и нового знания о прошлом. Ведущиеся с попеременным успехом позиционные бои за его «правильное» истолкование охватили не только бывшие союзные республики, но и нынешние национально-территориальные образования Российской Федерации. Особенно остро проблема формирования пространства примиряющей исторической памяти ощущается на Северном Кавказе – регионе, в сравнительно небольших пределах которого сосуществуют представители различных языковых и этнических групп, чей исторический опыт взаимоотношений с российской государственной властью переживается по-разному. Следствием его проработки уже стали далеко небезопасные проекты административно-территориального переустройства региона, консолидации его отдельных народов, а также не лишённые основания предложения по созданию новых национальных историй.

Однако процесс обретения исторического метанарратива, удовлетворяющего сложившимся представлениям народов о своем прошлом, оказывается не столь безболезненным. Встречающиеся на его пути трудности, сопряженные с встраиванием «неудобных» сюжетов в бережно охраняемое общероссийское историографическое пространство, порождаются не только актуализировавшимися застарелыми обидами и претензиями народов к нынешней власти. Причинами их зачастую становится неготовность самого профессионального сообщества к обсуждению не совсем этичных с точки зрения интересов Российского государства вопросов прошлого. Для народов Северного Кавказа такими вопросами на сегодняшний день стали различные аспекты взаимоотношений с имперской и советской властью. Их начавшееся обсуждение уже породило не одну жаркую баталию, ведущуюся порой на грани профессионального фола. Однако при всех издержках осуществляющегося обмена мнениями, полученный в итоге опыт окажется добротным подспорьем

для объединения совместных усилий по выработке нового формата знаний о прошлом. В этом отношении весьма показателен пример современного чеченского общества, нормализация социально-экономической и политической жизни которого сопровождается «построением» достойного и приемлемого образа прошлого.

Наведение «конституционного порядка» в Чеченской Республике, вылившееся в две военные кампании и последующее восстановление разрушенной экономики, в сознании среднестатистического россиянина предстают несвязанными между собою сегментами. Силовые действия находят свое оправдание в широко тиражируемом и разделяемом массовым сознанием тезисе о «Чечне как неотъемлемой части России». В свою очередь, непонимание необходимости прямого финансирования республики воплощается в довольно популярном ныне лозунге «Хватит кормить Кавказ!»¹. Столь амбивалентное представление о местоположении одного из полноправных субъектов Российской Федерации находит свое отражение и в исторических исследованиях последнего времени.

В центре внимания многих из них – «беспокойный» нрав и «хищнический» образ жизни чеченцев в имперском прошлом; «склонность к бандитизму», повстанчеству и «массовому предательству» в годы Великой Отечественной войны в советское время; сепаратизм дня нынешнего. Все они, в той или иной мере, оказываются результатом двух, на первый взгляд, абсолютно несвязанных между собою процессов: возвращением Чеченской республики к мирной жизни, сопряженным с поиском гражданского мира, и начавшимся еще в конце 1980-х гг. обновлением исторической науки. Архивная революция конца 1980-х – середины 1990-х гг., с которой связывались надежды на восстановление «беззастенчиво попираемой» все предыдущие годы исторической истины, привела к введению в исследовательский оборот огромного количества источников. Их документальный статус, подкрепляемый находением в государственных архивохранилищах,

¹ «Россияне об обстановке на Северном Кавказе, национализме, политике, и финансировании региона, лозунге: «Хватит кормить Кавказ!» Опрос 18–21 и 25–28 ноября 2011 г. URL: <http://www.levada.ru/15-12-2011/rossiyane-ob-obstanovke-na-severnom-kavkaze-natsionalizme-politike-i-finansirovanii-regio> (дата обращения: 06.07.2012).

а также охватившая профессиональное сообщество эйфория относительно появившихся возможностей избавления от всевозможных пятен нашего прошлого, привели к далеко неоднозначным последствиям. Прежде всего, был резко ослаблен критический иммунитет исследователя по отношению к источнику. Отечественная исследовательская практика (по крайней мере ее значительная часть) в одночасье вернулась к временам Л. фон Ранке, когда источник признавался единственным зеркальным отражением прошлого. В результате многие зеркала оказались с изрядной долей искривления, так как воспринимались исследователями в качестве фотографического отображения исторической реальности. Тот факт, что любой источник – это, прежде всего, продукт рукотворной деятельности конкретного человека или олицетворяемого им ведомства, как-то перестал определять собою профессиональную жизнь историка.

Последствием столь вольного обращения с главным строительным материалом любого (претендующего на научность) исторического исследования и оказался новый ракурс освещения истории чеченского народа. С одной стороны, появились национальные версии, прославляющие глубокую древность и хеттское наследие вайнахов, помноженное на вековую вольность горских обществ; с другой – работы общероссийского масштаба, документально подтверждающие наличие причин выселения целого народа и присущие ему «сепаратистские» наклонности. В складывающейся ситуации историографического противостояния вполне закономерно задаться вопросом о принципиальной возможности создания единого пространства исторической памяти российских народов и сосуществования в ней диаметрально противоположных исследовательских оценок.

Для современного чеченского общества образ стабильного и внушающего уважение прошлого – не просто дань традиции. Это, прежде всего, уверенность в полноценности национального существования, связанного прочными узами с российской историей. Признаваемое «историческое родство» вовсе не означает оправдания «колониальной имперской политики» или признания легитимности нынешнего административно-территориального членения региона. Оно означает лишь то, что полагая себя гражданами России, чеченцы хотели бы иметь (и в настоящее время активно его отстаивают) право на

собственное видение своего прошлого. Прошлого, оценки которого зачастую противоречат его восприятию не только общероссийской, но и региональной историографией. При этом борьба за реализацию рассматриваемого права ведется не только по направлению переосмысления чеченской истории, осуществляемой силами профессионального сообщества в самой республике; но и по отслеживанию правильного истолкования прошлого в изданиях, выходящих за ее пределы.

Одним из наиболее масштабных и резонансных примеров отстаивания «исторической справедливости» в отношении чеченского народа стал скандал вокруг уже упоминавшегося учебника (вернее, учебного пособия) А.С. Барсенкова, А.И. Вдовина «История России. 1917–2009». На «содержащиеся в учебном пособии сведения экстремистского характера» обратил внимание руководства Чеченской республики и широкой общественности известный журналист, телевизионный деятель и член Общественной палаты Н.К. Сванидзе. Свою позицию и суть претензий к авторскому коллективу он выразил следующим образом: «Чему учит это учебное пособие будущих историков? Вдовин и Барсенков, перечисляя дезертиров с фронтов ВОВ и останавливаясь на чеченцах, дают цифру, которой нет основания доверять. Первая же цифра, по которой у коллег авторов возник вопрос, оказалась непроверенной. Если так, нет доверия ни к одной цифре. Но даже если б оно и было, зачем об этом писать: для того, чтобы унижить, показать мнимое превосходство одних наций над другими? Если господа Вдовин и Барсенков задавались целью разжечь национальную рознь, то их учебное пособие этой цели достигает»¹.

Реакцией Академии наук и Министерства образования Чеченской Республики на тиражирование в учебнике «фальсифицированных данных об участии чеченского народа в Великой Отечественной войне» стало требование «предварительного вычитывания всех методических материалов по истории России». Необходимость столь жесткой меры обосновывалась «невозможностью допустить учебники, в которых искажаются факты и пишется, что в истории Чечни был

¹ Мамедов А. «Сущя правда» от Вдовина и Барсенкова: на четыре вопроса отвечают: Василий Жарков, Александр Морозов, Николай Сванидзе, Глеб Черкасов. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/223/4x4.htm> (дата обращения: 06.07.2012).

только терроризм»¹. Уполномоченный по правам человека в Чечне Н.С. Нухажиев сообщил о готовящемся им по поводу учебного пособия обращении в суд, считая, что в нем содержатся «клеветнические измышления» в адрес чеченского народа². Еврейская общественность обошлась без посредников и в лице председателя Федерации еврейских общин России А.М. Бороды обратилась к ректору МГУ с просьбой «положить конец “антисемитской пропаганде” и “разрешить вопрос” о профпригодности авторов учебного пособия»³.

Столь разнящаяся реакция чеченской и еврейской общественности на представление фрагментов истории своих народов на страницах малотиражного и, в общем-то, не имеющего широкого хождения учебного пособия, а также сосредоточенность скандала по преимуществу на его «чеченской» составляющей, свидетельствуют, помимо всего прочего, и о все еще продолжающемся процессе возвращения республики к мирной жизни. Причем процессе, в благополучном исходе которого заинтересовано не только ее руководство и подавляющее большинство населения, но и профессиональное сообщество историков страны. Примером тому оказался еще один скандал, разгоревшийся вокруг одного из томов нового издания «Большой энциклопедии». Помещенная в нем статья «Чеченская Республика», по заключению экспертов из Института Востоковедения РАН (подготовленном по просьбе Ассоциации чеченцев России), «содержит грубую фальсификацию истории чеченского народа, ненаучные и предвзятые оценки, которые могут вызвать ненависть и вражду к народам Северного Кавказа и особенно к чеченскому народу по признаку национальности и религиозной принадлежности»⁴. На

¹ Чеченские ученые рецензируют учебники по новейшей истории России. URL: <http://republic.com.ua/article/19720-old.html> (дата обращения: 06.02.2012).

² Эксперты продолжают спорить по поводу пособия «История России. 1917–2009». URL: www.kavkaz-uzel.ru/articles/174160/ (дата обращения: 13.09.2010).

³ Дело Вдовина – Барсенкова. URL: <http://wyradhe.livejournal.com/156659.html> (дата обращения: 06.07.2012).

⁴ Научное экспертное заключение о фальсификации отечественной истории в статье «Чеченская Республика» в «Большой энциклопедии» (М.: ТЕРРА, 2006. Том 58). URL: <http://www.ivran.ru/component/content/article/119> (дата обращения: 24.06.2012).

сей раз дело дошло до судебного разбирательства. По его итогам, «суд Заводского района г. Грозного вынес решение о признании информационного материала “Чеченская Республика” в 58 томе книжного издания “Большая энциклопедия” экстремистским и постановил конфисковать данный том. Решение суда будет направлено в Минюст России для включения 58 тома БРЭ в федеральный список экстремистских материалов». Особое возмущение научной общест-венности республики вызвал тот факт, что «в составлении столь мерзкого пасквиля приняли участие не люди с улицы, а десять членов Академии наук России». Научная общественность республики в лице ее Академии наук оказалась инициатором «в разоблачении античе-ченских материалов, помещенных в этой энциклопедии, и приняла активное участие в подготовке и проведении суда по ним»¹.

В обращении Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике к Председателю Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронову материалами с «ан-тичеченской направленностью» признаны «весь набор негативных стереотипов о чеченцах, когда-либо появившихся в печати, начиная со времен царской колонизации»; вытащенные «из запасников старые, неоднократно разбитые в пух и прах мифы и басни о “разбойничьих набегах на своих соседей”», «массовом предательстве и сотрудничестве с немцами», «геноциде русскоязычного населения», «генетической предрасположенности к насилию». В нем также обращается внимание на недопустимость освещения событий, происходивших в Чечне, в отрыве от общероссийских процессов, нарушение принципа исто-ризма. Нельзя не согласиться и с совершенно справедливым выводом о том, что при таком освещении истории «третьего по численности коренного народа России, который, неся многочисленные жертвы, борется на передней линии с международным терроризмом», вопрос о единстве народов страны остается, по крайней мере, открытым².

¹ Суд в Грозном признал экстремистским 58-й том энциклопедии. URL: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=17&PubID=17729> (дата обращения: 24.06.2012).

² Материалы судебного слушания по факту публикации в 58 томе «Большой энциклопедии» /издательство «Терра»/ статьи «Чеченская Республика» / Репортажи, отзывы, документы/. URL: <http://www.nana-journal.ru/index>.

Начавшаяся в республике кампания по защите «чести и достоинства чеченского народа» уже ознаменовалась инициативами по учреждению официального Института Национальной памяти¹; заявлением представителя исполнительной власти по поводу намерения телекомпании НТВ показать фильм, «сплошь и рядом противоречащий многовековым морально-нравственным устоям чеченского этноса»²; призывом к ответу (пока еще в формате научной конференции) своих ингушских соседей, из-под пера отдельных представителей которых «вышел ряд не достойных порядочных людей (нах болчу нахехь товш доцу) клеветнических статей и книг» в отношении чеченцев и их истории³. Звучащие в них аргументы, как правило, апеллируют к академическому и беспристрастному научному знанию, а также к необходимости уважительного отношения к многовековым традициям и культурным ценностям чеченского народа. Однако в этом, безусловно, выстраданном праве народа на бережное отношение к своей истории и встраивании ее в динамично меняющуюся и порой не отвечающую его представлениям картину общего для всей страны прошлого ощущается определенная доля односторонности.

За высокими формулировками «защиты чести и достоинства» целого народа нередко просматривается навязывание не только

php <http://www.nana-journal.ru/states/dowt/371-58-html> (дата обращения: 24.06.2012).

- ¹ Существующий более двадцати лет его неофициальный аналог Нохчийн къоман иэсан Хьюьжар по крупницам собирает факты, значимые явления чеченской истории, культуры, языка и не может противостоять массовой атаке по лишению «нохчи исторической памяти». См.: *Наишоев М.* Нам нужен Институт Национальной памяти... URL: <http://www.nana-journal.ru/index.php> <http://www.nana-journal.ru/states/dowt/371-58-html> (дата обращения: 24.06.2012).
- ² Заявление Министра ЧР по внешним связям, национальной политике, печати и информации Ш.Ю. Саралиева по поводу предстоящего показа фильма «Откричат журавли» на телеканале НТВ. URL: <http://www.nana-journal.ru/index.php> <http://www.nana-journal.ru/states/dowt/371-58-html> (дата обращения: 24.06.2012).
- ³ *Умхаев Х.* «Историческое» мифотворчество. URL: <http://www.nana-journal.ru/index.php> <http://www.nana-journal.ru/states/dowt/371-58-html> (дата обращения: 24.06.2012).

оппонентам, но и самому обществу новых стереотипов и абсолютно безжизненных характеристик этноса. Так, основу причисления к разряду «провокационных опусов» и «примитивного кинофарса» телевизионного повествования «Откричат журавли» составили увиденные в анонсе не соответствующие «национальной психологии чеченцев» «сцены выяснения отношений между отцом и дочкой, тогда как у чеченцев между детьми и родителями тема любовных переживаний являлась запретной»; а также сама идея «истории любви русского офицера и чеченской девушки, воспринятая чеченской общественностью как оскорбление, плевок в душу народа», потому как «истинная чеченка никогда и ни при каких обстоятельствах не позволит мужчине прикоснуться к себе до своего замужества»¹. Намерение телеканала, судя по комментариям в сети, натолкнулось и на акции протеста молодежи и общественности республики против показа фильма, где «речь идет об этических моментах», проигнорированных его авторами. По мнению чеченских правозащитников, показ фильма мог бы вызвать «бурю негодования в Чечне», так как «анонсируемые эпизоды фильма противоречат религиозным канонам и национальному менталитету чеченцев»².

Создается впечатление, что ни возрастная структура населения, ни опыт общероссийской социализации, полученной многими поколениями чеченцев за пределами республики, никоим образом не сказались на приверженности овеянному вековой романтикой нормам поведения. Однако даже в случае абсолютной правдивости излагаемого положения дел, остается нерешенным вопрос о том, какое все это имеет отношение к разрушению «межнациональной стабильности» в стране, о сохранении которой в последнее время так много говорят чеченские правозащитники? Предоставляемая жителям республики, являющимся гражданами Российской Федерации, просмотра того или иного телевизионного продукта решается простым переключением канала. Тем более что в данном случае речь велась не о документальном проекте, а о жанре

¹ Заявление Министра ЧР по внешним связям...

² Чеченские правозащитники против показа фильма «Откричат журавли» на федеральных телеканалах. URL: www.ChechnyaTODAY.com (дата обращения: 24.06.2012).

художественного кино, допускающем творческий вымысел автора. Формируемое таким образом представление о традиции (не как о проявлениях самобытности народа, а об уцелевших рудиментах) едва ли будет полезно и самому этносу, обрекаемому на выпадение из реального времени¹.

Стоящие перед республикой проблемы, сопряженные с поиском нормализации жизни общества, вышедшего из войны – это проблемы общероссийского масштаба. Их «национальная» специфика, проявляющаяся в повышенном внимании к истории и культуре своего народа, вполне оправдана и объяснима. Как и у любого иного российского народа у чеченцев есть неотъемлемое естественное право на достойное историко-культурное наследие, никак не связанное с интерпретациями прошлого. Разгоревшиеся вокруг него настоящие военные баталии свидетельствуют лишь о начавшейся политизации истории, неизбежной для посттравматического развития этноса. Болезненность и повышенная чувствительность, характерные для данного состояния, требуют особого профессионального такта и исследовательской этики. К сожалению, категория деликатности пока не является «сильным» местом отечественного историописания и рассматривается скорее как дань ситуативной конъюнктуре. Проанализированные *case studies* по «защите чести и достоинства чеченского народа» свидетельствуют и о довольно показательном примере бессилия самой науки перед решением возникшей сравнительно недавно проблемы – примирения разбуженной перестроенными экспериментами многоликой памяти народов и рационально обоснованного знания о прошлом.

Рождающийся на наших глазах новый формат исторического знания, активными участниками которого помимо профессиональных исследователей становятся носители неофициальной памяти, а также представители властных структур и широкой общественности, возвращает науку о прошлом к дилемме конца XIX в. Дилемме о том, является ли воскрешаемое ею прошлое тем, что было на самом деле, или же лишь нашими представлениями о нем. К сожалению, появившиеся

¹ Головнев А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 6.

для ее разрешения возможности практически не используются или расходуются крайне неразумно в бесконечных выяснениях «правд» о прошлом того или иного народа. Захлестнувший историческую науку поток национальных самовосхвалений и оправданий едва ли окажется спасительной панацеей от ее «злонамеренных фальсификаций». Представляется, что в сложившейся ситуации «архимедовым рычагом» могла бы стать широкая научная дискуссия вокруг вопроса о причинах и механизмах актуализации на сегодняшний день интереса профессионального сообщества к чеченской теме; ее взаимосвязи с состоянием источниковой базы и большой политикой. Хочется надеяться, что она не выльется в новую правозащитную кампанию, а станет площадкой для заинтересованного обсуждения достаточно болезненной и крайне политизированной исследовательской проблемы. Только совместными усилиями, разговаривая друг с другом, мы можем выйти за пределы (во многом порожденного нашими руками) порочного круга взаимных претензий и исторических обид.

* * *

Зримые следы прошлого, властно вторгающиеся в современную жизнь народов региона, за последние десять – пятнадцать лет создали ему репутацию «одной из самых беспокойных российских территорий». Между тем степень его опаляющего воздействия и провоцируемые вспышки активности избирательны и далеки от того «беспокойного» образа, который за эти годы сформировался в общественном сознании среднестатистического россиянина и стал «общим местом» серьезных аналитических рассуждений о происходящем на Северном Кавказе. Отношения прошлого и настоящего в регионе – процесс сложный и противоречивый. При этом механизмы их запуска и актуализации универсальны и ничем не отличаются от взаимодействия в других российских регионах. За исключением, пожалуй, частоты обращения к истории как вескому аргументу решения проблем дня сегодняшнего и более эмоциональной формы ее публичной проработки. Причинами тому, на наш взгляд, являются все еще сохраняющаяся дискуссионность и изрядная доля реификации в освещении травмирующих событий прошлого, рассматривающихся в качестве поворотных вех

развития этносов и их несостоявшихся возможностей. Фактически навязанные обновленной историографией и любительскими изысканиями общественному сознанию представления об ответственности истории перед современным состоянием народов региона, превращают их в заложников сомнительных научных истин, чья прочность уже давно предопределяется настройкой исследовательской оптики, а не документальными свидетельствами времени.

На Северном Кавказе, где прошлое в большей степени является живой традицией, чем застывшей историей, обращение к нему подобно восприятию себя в зеркале, помнящем предыдущее изображение и постоянно возвращающемся к нему. Отсюда и настойчивое стремление к сохранению выдержавших проверку временем его лучших образцов, требующих всемерной защиты и поддержки. Одним из них как раз и является процесс сборки наций, заложенный еще советской эпохой и прерванный с ее завершением.

Глава II.

«НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ МЫ НЕ ЗАСТАЛИ ОФОРМИВШИХСЯ НАЦИЙ»: СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И ЕГО ИТОГИ

Вопрос о природе возникновения и обстоятельствах формирования советских социалистических наций относится, пожалуй, к одной из наиболее ангажированных и иррациональных областей знания о прошлом российского общества. Рассматриваемые результатом советской национальной политики, они вместе с тем мыслились в категориях примордиализма, не позволявшего увидеть во многом рукотворный характер их происхождения. Степень этой рукотворности зависела от внутриэтнической консолидации будущих наций, конкретных обстоятельств их взаимоотношений с имперским центром в прошлом и решения текущих социально-экономических и политических задач власти в настоящем. Свои особенности процесс построения социалистических наций имел и на Северном Кавказе. В 1925 г. секретарь Северо-Кавказского бюро ВКП(б) А.И. Микоян, один из архитекторов нациестроительства в регионе, выступая на краевой конференции по национальной культуре, отмечал: *«Что отличает наши горские народы от других наций? Например, Закавказья, я не говорю уже о более культурных нациях. Советская власть застала в Закавказье уже сложившиеся национальные образования, оформившие свое национальное самосознание, так например, грузины, армяне и азербайджанские турки. На Северном Кавказе мы не застали оформившихся наций. Они только теперь начинают формироваться. Самое интересное то, что Советская власть создает нации. Советская власть помогает оформиться отдельным племенам как нациям. У нас племена, а не нации. Национального самосознания как такового у нас не было»*¹. Другой влиятельный участник этого процесса назвал и основную форму разрешения сложившейся ситуации: *«...в Советском Союзе все наимельчайшие народы, даже те, которых на большой географической карте не было видно, <...>*

¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 48. Л. 58, 59.

получили разрешение национального вопроса и самоопределились в порядке государственного оформления»¹.

На практике процесс самоопределения народов оказался процедурой далекой от волеизъявления его непосредственных участников и превратился, по образному выражению современного исследователя, в «спонсируемый государственный эволюционизм». Большевики не только пытались, но и взяли под свой контроль «неизбежный процесс образования наций посредством ускорения продвижения отсталых народов через марксистские стадии исторического развития»². Для Северного Кавказа это ускорение вылилось в создание национальных автономий, которые должны были поднять их до уровня «промышленных наций»; закрепить за каждой из них некогда занимаемые исторические территории с присущим им культурным колоритом и вырастить плеяду национальных кадров, чье интернациональное воспитание позволило бы сохранять прочную взаимосвязь центра и бывших окраин. О том, как и посредством чего, происходило национализм в регионе и пойдет речь в этой главе. Хочется сразу предостеречь заинтересованного читателя, что он не найдет в ней батальных полотен, посвященных процессам создания автономных образований и связанных с ним издержек. Об этом написано множество книг, в том числе и авторами³, повествующих о драматизме и достижениях советской национальной политики. Здесь же на конкретных примерах мы рассмотрим лишь наиболее характерные практики национализма и их итоги.

¹ Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северокавказском крае. Итоги и перспективы. Ростов н/Д, 1926. С. 9.

² Цит. по: Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 126.

³ См.: Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; Национализм на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола. Ростов н/Д, 2012; Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: сб. науч. статей и материалов. Ростов н/Д, 2013.

2.1. Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами

Если попытаться одним словом охарактеризовать суть советской национальной политики, то им рано или поздно окажется конфликт. Конфликт, по большому счету, между дореволюционным прошлым, когда формировались взгляды теоретиков большевистской партии на природу и сущность национального вопроса в России, и пореволюционным настоящим, когда изменившаяся действительность потребовала принципиально иных практик его разрешения. Такими практиками на протяжении всей истории советского государства оказывались изобретение традиции и строительство воображаемых сообществ, во имя освобождения которых она, собственно говоря, и изобреталась¹. Будучи легко узнаваемыми и расхожими понятиями современного гуманитарного дискурса, они наиболее емко и последовательно отражают драматизм и идейный накал становящейся национальной политики государства «победившего пролетариата».

Одним из главных изобретений советской власти, позволившим ей относительно быстро освоиться на «инородческих территориях», стала «колониальная политика царизма», нашедшая свое отражение в ленинской формуле «Россия – тюрьма народов». Не особо заботясь о толщине ее стен и степени комфортности, лидер большевистской партии на долгие десятилетия определил ее восприятие в качестве таковой не только современниками, но и их потомками. Однако если первое поколение ниспровергателей «ненавистных оков прошлого» твердо верило своим идейным вдохновителям, то их преемники не особенно задумывались над содержимым этого наследия. Более того, со временем оно превратилось в неиссякаемый источник вдохновения для строителей нового социалистического общества. Именно им, ставшим вместилищем всех бед «эксплуатируемого трудового народа», обосновывалась необходимость «преодоления дикой отсталости

¹ Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011.

и закрепощенности» населения национальных окраин страны. Будучи эффективной практикой решения текущих задач власти, подобное видение весьма пагубно сказывалось на состоянии исторических исследований, все чаще оказывавшихся выразителями социального заказа эпохи кардинальных преобразований.

Одним из таких изобретений как раз и является «национально-колониальное наследие царизма» – вплоть до недавнего времени привычное и практически единственное историографическое обобщение опыта национальной политики Российской империи. Его содержание в советской исторической науке, за редким исключением, оценивалось как негативное. Исследователи пытались совместить в нем, с одной стороны, уровень удовлетворения требований национального равноправия народов, с другой стороны, – практическую целесообразность государственной политики в области национальных отношений. Поэтому, когда возникала необходимость конкретизации данного понятия, реальные события неизбежно приобретали характер «колониальных устремлений царского правительства по отношению к инородческим окраинам». Объективными причинами тому служило и многовековое расширение границ Российской империи, зачастую имевшее далеко не мирный характер. Постоянная реификация исследовательских категорий, в конечном итоге, порождает образ лишь отчасти соответствовавший действительности. Его частичность не могла не сказаться и на восприятии национального вопроса, состояние которого в дореволюционное время стало неотъемлемой составляющей большевистской политики. Для современного исследователя, да и образованного читателя, сам факт существования национального вопроса в многонациональной стране не вызывает сомнения. Тем не менее его появление именно в такой формулировке датируется не ранее второй половины – трети XIX в. и скорее навеяно интеллектуальным обаянием эпохи Просвещения, нежели отечественными реалиями. Более привычным и употребительным вплоть до начала прошлого столетия оставалось словосочетание «инородческий» или «окраинный» вопрос, суть которого сводилась к правовому урегулированию взаимоотношения центра и включаемых в орбиту его деятельности территорий.

Существующие на сегодняшний день исследования, несмотря на всю небесспорность содержащихся в них положений, позволяют

говорить о трех, по крайней мере, наиболее очевидных, принципах его регулирования. Во-первых, основным типом взаимосвязи между отдельными территориями империи являлась хозяйственная иерархия, не обязательно сопровождавшаяся «нещадной» эксплуатацией нижестоящих. Во-вторых, механизм распространения российской системы управления на окраины имел волнообразный и не всегда рациональный характер, военные методы насаждения порядка сочетались со стремлением учитывать местные особенности и сохранить традиционные формы регулирования общественной жизни. В-третьих, национальные отношения регулировались на государственно-юридическом уровне и отражали общую проблему правового неравенства российских подданных. Стержнем в подходе к решению инородческого вопроса являлся постоянный поиск государством надежной связи с окраинами. В разное время эта связь обеспечивалась посредством торговых, культурных, политических контактов, позже – правовой регламентацией взаимоотношений. Стремления к ее прерыванию среди российских народов вплоть до начала революционных потрясений 1905–1917 гг. за редким исключением не наблюдалось. Так, на состоявшемся в конце июня 1916 г. в Лозанне III съезде Союза национальностей представители Финляндии, Бухары, Хивы и одна польская группа требовали полной «территориальной» независимости. Представители черкесов и дагестанцев довольно нерешительно настаивали на освобождении их от «московского ига» перед союзниками (Англией, Францией, США), грузинская и среднеазиатская делегации выдвигали исключительно культурно-просветительные лозунги¹.

Неопределенность национальных «ощущений» получила отражение и в законодательных актах Временного правительства. Сложные процессы государственного строительства послефевральской России являлись следствием социальных конфликтов и недостатков прежней системы управления². Парализовав на какое-то время старый аппарат управления, Февральская революция внесла в его деятельность

¹ Милюков П.Н. Национальный вопрос в России: происхождение национальности и национальных вопросов в России. Прага, 1925. С. 181.

² Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской Республики. 1917–1918 гг. Краснодар, 1987. С. 9.

частичные изменения. Была проведена глубокая децентрализация, разрушено органичное единство центра и мест. Во многих городах и районах стали параллельно функционировать советы и гражданские комитеты. Опубликованное 20 марта 1917 г. постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений носило предельно общий характер. События значительно опережали законодательную деятельность правительства. В результате усиливались автономистские и федералистские тенденции, регионы настойчиво выдвигали перед центром свои требования. Рассмотрим на конкретном примере самоопределения кубанских адыгов, как происходило осознание необходимости обретения автономии и что изначально она подразумевала.

9 апреля 1917 г. I съезд представителей населенных пунктов Кубани принял «Положение о временном самоуправлении Кубанской области». Согласно ему, высшим органом гражданской власти в области стал Кубанский областной совет, призванный обеспечить проведение в жизнь указаний Временного правительства, свободу выборов в Учредительное собрание и поддерживать общественный порядок. Кубанская войсковая рада конституировалась как самостоятельный и не подлежащий ведению совета орган. Координация и согласование деятельности местных учреждений области возлагались на Исполнительный комитет, состоявший из 7 представителей от казачьего сословия, 7 – от иногородних, 4 – от горцев, 8 – от Казачьей рады и 2 – от Совета рабочих и войсковых депутатов. В структуре Исполкома предполагалось создание Комиссии по самоуправлению горцев. Однако затянувшийся период становления органа «социального согласия» дал возможность комиссару Временного правительства на Кубани К.Л. Бардижу 4 июля 1917 г. издать указ о его роспуске. Отдельные представители адыгов, ратовавшие за получение самоуправления и автономии, первоначально безоговорочно поддерживали органы Временного правительства и Кубанскую раду, неоднократно подчеркивая отсутствие стремления к «особому краевому выделению». Как правило, их заявления ограничивались требованиями открыть школы и организовать обучение на родном языке. Но период активного сотрудничества с Кубанской радой в надежде на получение «культурно-просветительского» самоуправления

закончился в связи с появлением лозунгов «единой и неделимой, самостийной Кубани» и переориентацией адыгской знати и интеллигенции на национальные круги Северного Кавказа.

1 и 5 мая 1917 г. на съезде горских племен Северного Кавказа было принято решение об образовании Союза горцев и племенных самоуправлений для более решительной борьбы против революционных сил края. 7 октября Кубанская краевая рада приняла «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае». Высшим органом государственной власти провозглашалась Краевая рада, исполнительным – Кубанское правительство, в состав которого, помимо казаков, должны были войти два представителя от иногородних и один – от горского населения. 20–25 сентября 1917 г. II конференция представителей горских народов предприняла попытку создания федерации «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кубани и вольных народов степей» для поддержания порядка и спокойствия на территории союза, содействия его участникам в устройстве внутренней жизни и решения других задач¹. В ноябре 1917 г. Союз горцев Кавказа попытался оформить свою государственную независимость под турецким протекторатом. Но владикавказское правительство Г. Бамматова – Т. Чермоева, поставившее вопрос об отделении Северного Кавказа от России, просуществовало недолго. Уже широко распространились большевистские лозунги «национального самоопределения». Кратковременность первого периода существования советской власти в области (март 1917 – январь 1918 гг.), несмотря на деятельность Комиссариата по горским делам в составе Кубано-Черноморской Советской Республики и Коллегии по национальным делам ЦИК Северо-Кавказской Советской Республики, не позволила Союзу осуществить собственный вариант решения национального вопроса в регионе.

Возникшие в период Гражданской войны идеи создания Южно-Кавказского государства с включением территорий Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, а также Юго-восточного Союза казачьих областей так и остались проектами². В целом, «белый этап» в истории

¹ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской Республики. 1917–1918 гг. С. 17.

² Кавказский горец. Прага. 1924. № 1. С. 70.

Кубани усилил казачий сепаратизм и стремление к «самостийности», вылившиеся в конфликт краевого правительства с А.И. Деникиным, обострил проблему взаимоотношений региона с центром. Борьба между кубанской «самостийностью» и «национальной Россией» окончательно предопределила позицию адыгских национальных кругов. Слабость северокавказских «национально-сепаратистских» сил, существенно подорванных войной и внутренними распрями, политическая индифферентность населения горских аулов, ориентация на Турцию националистических групп, не находившая поддержки в общественном сознании, не позволили реализовать идею автономного самоуправления, оставив ее в эмбриональном состоянии.

Идеи социального и национального освобождения, порожденные Манифестом 17 октября 1917 г., мировая война усилили центростремительные стремления окраин и процесс роста национального самосознания народов. Конституционные дебаты Временного правительства, ограничившиеся заявлениями общего, сугубо декларативного характера об отмене национальных ограничений, и активно развернувшаяся агитация большевиков, щедро обещавших самоопределение вплоть до территориального отделения, толкали национальные движения на поиски сближения с самой радикальной частью российской социал-демократии. К сближению, в котором, прежде всего, виделось настойчивое стремление оградить себя от надвигавшегося революционного хаоса.

Революционное обновление всех сфер общественной жизни сопровождалось и поиском принципиально иных способов решения национального вопроса. Вопроса, который требовал не только принятия безотлагательных мер, но и теоретического осмысления своего места во внутренней и внешней политике большевистской партии. Такое осмысление началось еще до революции и получило свое наиболее полное воплощение в трудах В.И. Ленина и И.В. Сталина. Анализ их произведений, посвященных природе возникновения национального вопроса, его значения для судеб революции, а также ее исхода, свидетельствует о двух важных обстоятельствах. Во-первых, об отсутствии принципиальных разногласий между позициями архитекторов советской национальной политики. Во-вторых, о довольно специфической особенности самой национальной политики,

которая разрабатывалась для решения проблем по большей части воображаемых сообществ, наделяемых «идеальными» качествами и призванных в перспективе стать советскими нациями.

Содержание так называемых «украинских», «кавказских» и иных «национальных вопросов» в организационном плане сводилось В.И. Лениным к поиску наиболее приемлемых, эффективных форм и методов, механизмов управления окраинами из центра (Москвы) и, в конечном итоге, к созданию марксистских национальных государств, зависимых от одного революционного центра¹. Ленинская идея медленной, более мирной, менее насильственной ассимиляции народностей, нашедшая воплощение в далеко идущих проектах создания различных союзов (Союза Советских Республик Европы и Америки, мировой советской республики, Союза Советских Социалистических Республик) была использована Сталиным в качестве фундамента построения унитарного социалистического государства и осуществлялась форсированными методами.

Первое обращение Сталина к национальному вопросу относится к сентябрю 1904 г., когда он связал его происхождение с появлением пролетариата. По словам Сталина, «на арену борьбы выступил новый класс, пролетариат, и вместе с ним возник новый вопрос, национальный вопрос пролетариата». Почвой для его возникновения он назвал необходимость объединения всех рабочих без различия национальности для победы пролетариата². В разрушении национальных перегородок и уничтожении национальной замкнутости в целях более тесного сплочения российских пролетариев заключалось основное содержание программ решения национального вопроса российской социал-демократией. Два десятилетия спустя, будучи главой советского государства, Сталин четко обозначил вехи «ленинской эпохи» в развитии национального вопроса: превращение его из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный. Переход его из чисто правовой проблемы в вопрос о поддержке, действенной и постоянной помощи угнетенным

¹ Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины // Полн. собр. соч. Т. 40. М., 1974. С. 42–47.

² Сталин В.И. Как понимает социал-демократия национальный вопрос // Соч. Т. 1. М., 1946. С. 32–55.

нациям в их борьбе с империализмом¹. Причем этой «действенной и постоянной» поддержки заслуживали лишь те национальные интересы и требования, которые двигали или могли двинуть вперед классовое сознание пролетариата. Так как численность пролетариата в отношении общего количества населения «национальных окраин» являлась незначительной, то функции их «освободителя» были переданы Российской социал-демократической рабочей партии. Именно ей надлежало завоевать угнетенным нациям право на решение национального вопроса и добиться, чтобы желания этих наций оказались подлинно социал-демократическими, исходили из классовых интересов пролетариата².

Необходимым пунктом в решении национального вопроса признавался принцип национального самоопределения, «ставшего одним из стержневых ведущих понятий столетия»³. Первоначально зафиксированное в партийной программе в качестве «права устраивать свои национальные дела соответственно своим желаниям»⁴, данное понятие постепенно уточнялось, меняя свой смысл. В получившей восторженный ленинский отзыв статье Сталин, трактуя право на самоопределение как самостоятельное определение нацией своей судьбы, когда никто не смеет насильственно вмешиваться в ее жизнь, разрушать школы и прочие учреждения, ломать нравы и обычаи, стеснять язык и урезать права, пояснил, что это вовсе не означает поддержки социал-демократией всех и всяких национальных обычаев и учреждений⁵. В марте 1917 г. в качестве одного из путей к действительному уничтожению национального гнета большевики предполагали обеспечить право на самоопределение тем нациям, которые по тем или иным причинам не могли оставаться в рамках единого государства⁶. Но уже сталинское выступление на VII (Апрельской)

¹ Сталин И.В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. М., 1947. С. 139.

² Сталин В.И. Как понимает социал-демократия национальный вопрос. С. 52.

³ Боффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 70.

⁴ Сталин В.И. Как понимает социал-демократия национальный вопрос. С. 49.

⁵ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. М., 1946. С. 290–367.

⁶ Сталин И.В. Об отмене национальных ограничений // Соч. Т. 3. М., 1946. С. 19.

конференции РСДРП(б) 1917 г. и принятая на ней резолюция по национальному вопросу свидетельствовали о том, что большевики сделали серьезный шаг в определении возможностей практической реализации принципа самоопределения наций. Предоставляя угнетенным народам, входившим в состав России, самостоятельность в решении вопроса устройства политической жизни, резолюция акцентировала внимание на «непозволительности смешивать вопрос о праве наций на свободное отделение с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент». Несомненно, что последний решался в каждом отдельном случае с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата¹.

Право наций на самоопределение нашло свое окончательное оформление в резолюции III Всероссийского съезда советов, состоявшегося в январе 1918 г. и связавшего его с «самоопределением трудовых масс всех народностей России»², и новой программе РКП(б) 1919 г., разъяснившей с историко-классовой точки зрения, кто являлся носителем воли нации к определению³. Право на самоопределение предусматривало две основные формы реализации: 1) областную автономию для территорий, представлявших целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения, с деломпроизводством и преподаванием на своем языке; 2) отделение для наций, которые не могли и не хотели оставаться в границах целого⁴. Еще в январе 1913 г. Сталин охарактеризовал областную автономию как «единственно верное решение для наций, которые по тем или иным причинам предпочитают оставаться в рамках целого»⁵. В качестве ее преимуществ он назвал определенное население, живущее на определенной территории, слом национальных перегородок и объединение населения для размежевания другого рода, по классам, возможность наилучшим образом использовать

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 1. М., 1983. С. 503–504.

² Декреты Советской власти. В 3 т. Т. 2. М., 1957. С. 31.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 1. С. 39.

⁴ Сталин И.В. Об отмене национальных ограничений. С. 19.

⁵ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. С. 361.

природные богатства области. Четыре года спустя Сталин связал создание автономии областей России с радикальным и окончательным решением национального вопроса¹. III Всероссийский съезд советов отнес область, естественно сочетавшую в себе особенности быта, своеобразие национального состава и некую минимальную целостность экономической территории, к субъекту федерации².

Возрожденный в послеоктябрьский период принцип федеративного устройства как формы взаимодействия советских республик на время переходного периода стал необходимым связующим звеном на пути от декларативно независимых областей к унитарному социалистическому государству добровольно объединившихся трудящихся. Конституированная как федерация советских национальных республик на основе свободного союза свободных наций³, Советская республика нуждалась в обеспечении прочного союза между центром и окраинами России. Необходимость подобной связи, прежде всего, диктовалась доведением до конца дела революции, что являлось невозможным без поддержки менее развитых, но богатых ресурсами окраин⁴. В выступлении на III Всероссийском съезде советов Сталин подчеркнул, что принцип территориального отделения противоречил не только «постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами», но и интересам народных масс, подрывал революционную мощь центральной России. По его мнению, отделившиеся неминуемо должны были попасть «в кабалу международного империализма»⁵.

Право на отделение, постепенно заменявшееся правом на объединение, принимало разнообразные формы советской автономии. Ее эластичность – от узкой административной автономии (немцы

¹ Сталин И.В. Выступление на 3 Всероссийском съезде Советов РСИКД // Соч. Т. 4. М., 1947. С. 27.

² Сталин И.В. Выступление на 3 Всероссийском съезде Советов РСИКД. С. 352.

³ Ленин В.И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1969. С. 221.

⁴ Сталин И.В. Выступление на 3 Всероссийском съезде Советов РСИКД. С. 351.

⁵ Сталин И.В. Выступление на 3 Всероссийском съезде Советов РСИКД. С. 352.

Поволжья, чувашаи, карелы) к «более широкой политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), к расширенной форме автономии (Украина, Туркменистан) и высшей ее форме – договорным отношениям (Азербайджан)» – позволила охватить все многообразие окраин России, стоявших на различных ступенях экономического и культурного развития, а также «поднять к политической жизни самые отсталые и разнообразные в национальном отношении массы, связав их с центром самыми разными путями»¹. По мнению Сталина, производя административный передел на началах областной автономии (абсолютно неважным признавалось, где пройдет граница, лишь бы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией), Россия сделала крупный шаг вперед по пути сближения власти с широкими народными массами окраин, сплотив их вокруг пролетарского центра.

Исследования советских правоведов 1920-х гг. в области государственно-правовых форм решения национального вопроса едины в понимании чрезвычайной условности возможностей автономии, обладавшей правовым статусом лишь до тех пор, пока он признавался вышестоящим органом власти. При таком положении существовало два пути закрепления автономии: насильственный переход в самостоятельное государство и превращение союза в конфедерацию, либо, что больше соответствовало большевистской установке, узкий автономизм с уклоном в сторону унитаризма. В данном случае гарантом автономии выступала федерация. Взаимосвязь автономии с центром вырисовывалась в качестве принятия «дружеского совета» центра взять на себя столько самоуправления, сколько ей по плечу. Правоведы отметили трудности и оригинальность решения национального вопроса в первые годы революции. Не «национальные окраины» обращались к центральной власти с требованиями свободы и самоопределения, а центр настойчиво приглашал эти «забытые, брошенные, униженные окраины» созывать свои учредительные съезды советов, организовываться в своих территориальных границах и, в зависимости от революционных возможностей той или

¹ Сталин И.В. Выступление на 3 Всероссийском съезде Советов РСИКД. С. 355.

иной нации, от численности трудящихся, материальных ресурсов, установить соответствующие формы развития нации (эта функция закреплялась за центром)¹.

Весьма показательны в этом отношении исследования региональной специфики осуществления ленинской национальной политики в первые годы советской власти. Вопреки утвердившемуся в отечественной историографии положению о популярности в народном сознании идеи национального самоопределения, советские историки убедительно продемонстрировали, с одной стороны, отличное от представлений центра понимание трудящимися массами окраин этой идеи в ее советском варианте. С другой стороны, показали упорное и длительное сопротивление местных руководящих органов самоопределению «как вредному для революции и разъединявшему народы» процессу. Достаточно вспомнить известные в литературе примеры, квалифицированные как «ошибочное» нежелание руководства будущих Белорусской и прибалтийских республик самоопределяться.

Так, своим выступлением в печати в октябре 1918 г. секретарь Северо-Западного обкома РКП(б) В.Г. Кнорин, выражая мнение подавляющего большинства членов партии, подвел итоги дискуссии о «нецелесообразности создания (Белорусской) республики, которое неизбежно повлечет за собою ослабление единства с Россией, породит национальную рознь между поляками, евреями, русскими и белорусами». В.Г. Кнорин заявил: «Мы считаем, что белорусы не являются нацией, и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты»². В этом же ключе были выдержаны и многочисленные резолюции латвийских коммунистических организаций: «Пролетариат Курзенской организации стоит за присоединение Латвии к России, так как с Россией мы связаны культурными и экономическими связями. Пролетариат

¹ См., подробнее: Хлынина Т.П. Советская национальная государственность: понятие, природа, образ. Майкоп, 2001; *Ее же*. Становление советской национальной государственности... С. 28–55.

² Куличенко М.И. О налаживании государственных взаимоотношений народов страны Советов в 1917–1919 гг. // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973. С. 108.

не признает никакого самоопределения народов, потому что самоопределение народов превратилось только в вопрос власти для укрепления буржуазии» (ноябрь 1918 г.)¹.

В подобных многочисленных свидетельствах трудно вычлнить определяющую их причину. Ортодоксальное ли это следование предреволюционной большевистской тактике на полное неприятие «буржуазной» идеи национального самоопределения, внезапно приобретшей «пролетарскую необходимость», или практические соображения элементарной стратегии выживания, гарантированной надежной и постоянной связью с революционной Россией? Однако, учитывая сложность внутренней и международной обстановки 1920-х гг., следует помнить и о тактических соображениях центральной власти. Объяснение столь настойчивому призыву к независимости «пограничных» территорий можно найти в письмах Центрального Комитета, успокаивавших «самоопределяющиеся части» федерации следующими аргументами:

- предлагаемая форма самоопределения не являлась актом отделения от России;
- «империалистическое» окружение упрекнуло бы советскую Россию в невыполнении обещанного самоопределения;
- наиболее существенный момент, как правило, не афишируемый, заключался в том, что пограничные территории рассматривались в условиях продолжавшейся войны в качестве «буферных зон», смягчавших удары международного империализма.

По окончании Гражданской войны в отношении значительного числа народов, не успевших самоопределиваться, советской власти предстояло выполнять несколько необычную и специфическую функцию: оказывать помощь в оформлении отдельных племен в нации с соответствовавшим определением². Различные ступени автономизма и федерализма должны были олицетворять практическое воплощение в жизнь идеи советов, советской формы самоопределения и, не являясь «уступкой националистическим тенденциям», стать естественным стилем советского государства.

¹ Куличенко М.И. О налаживании государственных взаимоотношений... С. 113.

² Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура... С. 9.

Период между III и V съездами советов отличался существенными изменениями в системе взаимоотношений между центральными и местными органами власти. Были ликвидированы наиболее самостоятельные областные объединения, проведена некоторая критическая переоценка принципа самоопределения наций. Игра в суверенитет начала серьезно восприниматься на местах и сопровождалась стремлением отделения от советской республики. Закрепленный в Конституции РСФСР 1918 г. статус национальной автономии с правом самостоятельного определения личного состава высших органов власти не подвергался изменениям вплоть до принятия Конституции 1924 г. Единственным добавлением к политическим гарантиям автономных областей и республик стало учреждение Совета Национальностей вместо упраздненного Наркомата по делам национальностей. Особенности возникавших автономных образований в этот период являлись: выход за рамки, предусмотренные первоначальной идеей автономии, образование в рамках прежних границ новых административно-территориальных единиц и, как правило, недолговечность подобных форм «упрочения советской власти». Анализ союзного законодательства, проведенный советскими исследователями 1920-х гг., показал сравнительную незначительность разработок правового положения автономной области, которая легче поддавалась обрисовке негативными, чем позитивными чертами и до принятия Конституции 1924 г. оставалась «национальной губернией».

Поворотным в национальной политике советской власти и административно-территориальном строительстве можно считать 1920 г. Отчетливо обозначилось стремление власти сосредоточиться на практическом воплощении провозглашенных принципов. Наблюдалось форсирование организации новых автономных единиц среди народностей, их не имевших; активно велась законодательная разработка прав и обязанностей существовавших органов местной и центральной власти; вырабатывались конкретные мероприятия по подъему производительных сил, улучшению «экономического быта» национальных окраин¹. Законодательные

¹ Котляревский С.А. Обзор правовой деятельности органов РСФСР в области национальной и автономно-федеративной политики за 1921 год // Советское право. 1921. № 1. С. 100–107.

решения национального вопроса, с одной стороны, сводились к юридическому оформлению политических установок правящего режима, видевшего в административно-территориальной автономии «успешный залог нарастания сознания трудящихся масс, переходную ступень от племенной изолированности к полному экономическому единству, грандиозный культурный прогресс, идущий по руслу советского строительства и условие последовательного отслоения трудящихся от мулл и буржуазии»¹. С другой – являлись отражением большевистской концепции государственных национальных образований как переходных форм к полному объединению различных национальностей России в единое централизованное советское государство. Их длительность и целесообразность существования целиком зависели от грядущей мировой пролетарской революции.

В интернациональной доктрине РСДРП(б) национальный вопрос и призванная к его разрешению национальная политика являлись частью общего вопроса о преобразовании существовавшего строя, служили средством борьбы за социализм и подчинялись принципам его строительства. Центробежная энергия растущего самосознания «нерусских народов окраин» была своевременно использована партией российского пролетариата в борьбе за власть и упрочение диктатуры пролетариата с помощью весьма условного и динамичного принципа «самоопределения наций». Наций, многие из которых еще только предстояло построить из весьма *«разношерстного материала то ли племен, то ли уже народностей»*². В этом строительстве заглавная роль отводилась автономии, предоставление которой рассматривалось советской властью главным условием и составляющей процесса нациестроительства.

¹ Трайнин И.О. О племенной автономии // Жизнь национальностей. 1923. № 2. С. 19.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 48. Л. 60.

2.2. «Черкесский вопрос»: незавершенный проект нацистроительства на Северном Кавказе

Предшествующий опыт разрешения российской государственностью вопросов, связанных с определением политико-правового статуса включаемых в ее состав «инородческих» территорий, на сегодняшний день остается, пожалуй, одной из наиболее востребованных страниц прошлого. Внимание к ней как со стороны профессионального сообщества, так и различных игроков на поле современного государственного строительства связано, прежде всего, с поисками эффективных механизмов взаимодействия федерального центра и регионов, представленных наряду с административно-территориальными и национально-территориальными образованиями. Интеграция последних в состав единого государственного организма оказалась сопряженной с рядом трудностей, не преодоленных и по сей день. Речь идет, прежде всего, о начавшихся в имперский и незавершенных в советский периоды российской истории процессах нацистроительства. Практики их осуществления, варьировавшиеся от учета местных традиций и обычаев в управленческой политике до предоставления народам различных форм национальной автономии, способствовали не только их этнической консолидации, но и росту самосознания.

Обозначившиеся в конце имперского периода институциональные различия между русским и нерусским населением¹, своим возникновением во многом обязанные усилиям официальной власти, вылились в активную и оригинальную политику позитивной дискриминации национальных меньшинств². Ее результатами явилось масштабное национально-государственное строительство, в ходе которого в практиках национальной политики и сознании народов утвердилось представление о том, что полноценность любой нации определяется территориальной консолидацией составляющих ее этнических групп, высшей формой проявления которой выступает национальная государственность. Несоответствие между данными

¹ Кадио Ж. *Лаборатория империи: Россия/СССР. 1890–1940*. М., 2010. С. 102.

² Мартин Т. *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. М., 2011.

представлениями и реальным положением дел породило не один конфликт, подтверждением чему является так называемый «черкесский вопрос». Его возникновение связано с завершением Кавказской войны и вызванного ею вынужденного переселения адыгов за пределы Российской империи. Во второй половине XIX в. содержание «черкесского вопроса» определялось сложным и неоднозначным по своим последствиям процессом вхождения адыгов в состав Российского государства. В годы советской власти – построением различных по своим политико-правовым возможностям автономных образований; в настоящий период – стремлением к достижению идеальной модели консолидированной нации.

Уже со второй половины XVIII в., с образованием Российской империи, начинается завоевание Северного Кавказа и его колонизация. При этом отношения Российского государства с различными группами адыгов складывались по-разному и зависели как от текущих потребностей освоения региона, так и внутренних процессов, протекавших в самих горских обществах. Одними из первых адыгских народов, оказавшихся в сфере влияния империи, стали кабардинцы. В 1760-е гг. в Кабарде началось строительство военных укреплений, что послужило основанием для возведения Кавказской линии и усиления военно-казачьей колонизации региона. В 1769 г. российской администрацией в Кабарде на фоне начавшегося упадка феодальных владений учреждается приставское управление, в соответствии с которым кабардинские князья и дворяне все свои действия должны были согласовывать с приставом. Новая система управления опиралась на военную силу в лице приставов, назначавшихся российским военным командованием из числа местных князей, и сохраняла традиционные институты самоуправления горцев. Вооруженные выступления кабардинской знати против приставства были подавлены, а их депутация в Петербург не увенчалась успехом.

В 1774 г. по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией Россия получила Правобережную Кубань и Кабарду. С этого времени резко меняется характер российской политики на Северном Кавказе: от заигрывания с местными властителями, склонявшимися к политическому союзу с Россией, она переходит к жесткому военному контролю над территорией и населением региона, следствием чего

становится лишение кабардинских князей прав суверенных владельцев. В 1793 г. по инициативе командующего Кавказской линией генерал-аншефа И.В. Гудовича в Кабарде учреждались родовые суды для князей и расправы для остального населения под руководством моздокского коменданта. В своей деятельности они руководствовались нормами обычного права, разбирали мелкие преступления и бытовые тяжбы. Уголовные дела рассматривались по законам империи в Верхнем пограничном суде в Моздоке, который, помимо всего прочего, являлся и апелляционной инстанцией для родовых судов и расправ, подчинялся астраханскому генерал-губернатору. В 1794 г. кабардинские князья под предводительством И. и А. Атажукиных подняли восстание против насаждения судов, но оно было подавлено. В 1799 г. в Кабарде вновь вспыхнуло освободительное движение. Его результатом стала замена родовых судов и расправ шариатскими судами – Мехкеме. В 1822 г. их заменил Временный кабардинский суд. В его ведение передавались все гражданские дела, рассматривавшиеся в соответствии с нормами шариата, обычного права и частичным использованием российского законодательства. Суд являлся исполнительным органом власти внутреннего управления Кабарды. На местах действовали приставы. Создание суда окончательно подчинило кабардинскую знать российскому военному командованию.

В 1785 г. учреждается Кавказское наместничество, в состав которого включались Астраханская и вновь образованная Кавказская губерния, охватывавшая территории проживания кабардинцев. Никаких специальных мер в их отношении предпринято не было. Правительство исходило лишь из необходимости проявления ко всем кавказским народам лояльности и поощрения торговли на Кавказской линии. В 1796 г. с преобразованием наместничества в Астраханскую губернию Кавказская губерния вошла в ее состав. Губерния вновь была восстановлена в 1802 г., в 1822 г. преобразована в область и в 1847 г. переименована в Ставропольскую губернию.

В XVIII в. в Западной Черкесии произошел социальный переворот, итогом которого стало изгнание дворян у шапсугов, натухайцев и абадзехов. Дворянская депутация обратилась за помощью в подавлении восстания к Петербургу. Вооруженное вмешательство России во внутренние дела черкесов привело к длительной войне и расколу

в адыгском обществе. Потомственное дворянство, а затем и крестьяне начинают ориентироваться на сотрудничество с Россией, в то время как феодальные старшины в качестве основного внешнеполитического союзника видят Османскую империю. Впрочем, внешнеполитическая ориентация адыгов не отличалась особым постоянством и менялась в зависимости от обстоятельств.

Дальнейшее укрепление российских позиций в крае, строительство военных укреплений и продолжавшаяся крестьянско-казачья колонизация стали причинами участвовавших столкновений с местным населением и, в частности, с адыгами. В 1811 г. после ряда из них кабардинцы, отдельные союзы и общины закубанских адыгов приняли российское подданство. По Адрианопольскому мирному договору с Турцией 1829 г. черноморское побережье от устья Кубани до пристани св. Николая, включая земли, населенные адыгами, отошли к России. Однако закубанские адыги трактат не признали, что и спровоцировало начало их длительного вооруженного противостояния с Россией.

Сложившаяся на Северном Кавказе в ходе войны административная система была довольно запутана. Она включала в себя как территории, находившиеся под прямым российским управлением, так и области с сохранившимися мусульманскими владениями и союзами горских общин под протекторатом России. Наряду с общеимперским гражданским управлением действовало и военное, которое осуществлялось Штабом при Кавказском наместнике через офицеров Кавказской армии¹.

В 1859 г. на Северном Кавказе началась реформа военно-народного управления. Ее суть заключалась в опоре имперского центра на адаты и сельскую общину, которые должны были действовать под контролем военной российской администрации. Реформа сводилась к преодолению административно судебной раздробленности и созданию единой местной светской администрации, пользовавшейся доверием населения. В состав сельской администрации и суда вводился сельский старшина, а горцы получали право выбора большинства членов суда. Военно-народные округа включали в себя все территории,

¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 189.

компактно населенные адыгами: Псекупкий, Лабинский, Урупский и Зеленчукский округа Кубанской области, а также Кабардинский округ Терской области. Границы округов определялись рядом принципов, основными из которых являлись: административно-территориальная преемственность по отношению к ранее существовавшим образованиям; хозяйственно-политическая общность, исходившая из включения в состав округов различных этнических групп, связанных между собою практиками хозяйствования или отношениями вассалитета; формирование округов на территориальной основе преимущественного расселения той или иной этнической общности¹.

Военно-народные округа стали формой административно-территориального размежевания адыгского населения от других его категорий, а также закреплением итогов Кавказской войны. В 1865 г. произошло разделение Малой Кабарды на две части – западную, преимущественно заселенную кабардинцами, и восточную, где размещались другие группы горского и «иногороднего» населения. В закубанских округах сосредоточивалось «разноплеменное адыгское, абазинское и ногайское население», тем самым создавая рамки для этногрупповых категорий и организации управления ими в будущем². Во главе системы кавказского военно-народного управления стояло Кавказское горское управление, находившееся при Главном штабе Кавказской армии. Оно было преобразовано в мае 1865 г. из Отделения по управлению горскими народами и по своей сути напоминало специальную канцелярию при Кавказском наместнике. Начальник управления подчинялся наместнику и являлся лишь исполнителем передаваемых сверху приказов.

В 1860 г. с упразднением Кавказской линии на Северном Кавказе были созданы три области – Дагестанская, Кубанская и Терская. Большая часть Кубанской и примерно половина Терской областей закреплялись за казачеством и изымались из ведения военно-народного управления. В них вводилось раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Следует отметить, что это разделение сохранялось недолго и только отчасти реализовало

¹ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 24–25.

² Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). С. 25.

свои отдельные принципы. Так, в 1860-х гг. были созданы сельские общества и отделы (округа). В последующее десятилетие произошел отказ от военно-народного в пользу общегражданского управления¹. Включение военно-народного управления в систему общегражданского нашло свое отражение и в новом административном делении края. В 1871 г. в Терской области образовались 7 округов, адыгское население (кабардинцы) вошло в состав Нальчикского округа. Кубанская область подразделялась на 7 отделов. Адыги компактно проживали в Екатеринодарском, Майкопском и Баталпашинском отделах.

В 1870 г. для Терской и Кубанской областей принимается «Положение об аульных обществах», в соответствии с которым начинается формироваться система местного самоуправления. Ее главой становился выбираемый на сельском сходе старшина, подчинявшийся вышестоящим российским властям. В 1871 г. вводятся горские суды, ставшие переходными от обычного правового и мусульманского к российскому судопроизводству.

В 1881 г. в связи с начавшимся ужесточением внутренней политики было упразднено Кавказское наместничество, а годом позже – и Кавказский комитет. Наместника заменил Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе, а функции комитета перешли к Совету главнначальствующего. Терская и Кубанская области с населявшими их адыгами выводились из гражданского управления и передавались в подчинение Военному министерству. На этих территориях устанавливался военный режим или система «военно-казачьего управления» с передачей военной, судебной и исполнительной власти военным (казачьему) начальству. В таком виде управление инородческим населением просуществовало до 1917 г.

На административно-территориальном устройстве Кубанской и Терской областей сказались и особенности их населения. На Кубани преобладание казаков и русских привело к тому, что даже после административной реорганизации второй половины 1880-х гг. населенные адыгами территории остались в составе общих уездов и отделов. В Терской области с ее ярко выраженным двусоставным населением, представленным казаками и горцами, произошло

¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 198.

разделение гражданских округов на казачьи отделы и горские округа. Смысл этого размежевания заключался в недопущении дальнейшего размывания войскового землевладения, вызванного активной арендой казачьих земель горцами. В 1883 г. Малая Кабарда была включена в Сунженский (казачий) отдел для придания ему большей территориальной связности и получения выхода в Закавказье. Но уже в 1905 г. она была возвращена в Нальчикский округ, который наряду с другими территориями, преимущественно населенными адыгами, обрел устойчивую административную определенность¹. Восстановление Кавказского наместничества в 1905 г. внесло сколько-нибудь значимых изменений в систему управления ни края, ни его отдельных территорий.

Процесс интеграции адыгов в имперскую административно-территориальную систему подчинялся общей логике формирования единого Российского государства, в которой четко прослеживалось взаимодействие двух административных практик – централизма и регионализма. Отражением этого взаимодействия стало, с одной стороны, стремление российской власти сохранить особенности самоуправления адыгских народов, с другой – включить их в общие административные образования края. Поиск оптимальной модели управления нередко сопровождался непониманием и конфликтами сторон, что провоцировало дальнейший рост национального самосознания адыгов. Однако завершение этого процесса пришлось не на годы революции, а на период упрочения позиций советской власти. К началу развернувшегося на Северном Кавказе национально-государственного строительства адыги компактно проживали на территориях Кубано-Черноморской области (Туапсинского округа, Екатеринодарского, Майкопского, Баталпашинского отделов) и Нальчикского округа. Их общая численность на начало XX в., по современным оценкам, составляла около 200 тыс. чел. Необходимость предоставления им национальной автономии обуславливалась как соображениями общего порядка, так и политически нестабильной обстановкой, сложившейся в регионе и настоятельно требовавшей своего скорейшего разрешения. Провозглашение «белой» Горской

¹ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). С. 30.

республики и развернувшееся повстанческое движение, ставшее для ряда его участников продолжением Кавказской войны, не могли не сказаться на характере и формах административно-территориального обустройства адыгских народов. Для каждого из них оно имело свои особенности и вылилось в создание автономных областей и национального района.

В настоящее время в связи с активно обсуждаемым лидерами черкесских общественных организаций проектом создания единой Адыгской республики все чаще звучит идея о сознательном разьединении адыгов советской властью. Полученные ими автономии расцениваются в качестве умелого политического маневра, отвлекшего адыгов от борьбы за национальную консолидацию. При этом полностью игнорируются территориальная разобщенность народов и социально-экономические трудности, сопряженные с выделением национальных областей (районов), в пределах которых неизбежно оказывались представители иных этнических групп.

Первым опытом национального самоопределения для кабардинцев, проживавших на территории Нальчикского округа, стало вхождение в состав Горской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – АССР) на правах Кабардинского национального округа. Создававшаяся как коллективная автономия северокавказских народов, Горская АССР, провозглашенная 17 ноября 1920 г., призвана была выработать и коллективные механизмы решения их хозяйственных и культурных проблем. Наиболее сложным и фактически взорвавшим республику изнутри оказался земельный вопрос, потребовавший перекраивания границ национальных округов. Найденный способ его разрешения сводился к перераспределению земельного фонда между признанными в этом отношении благополучными кабардинцами и остальными народами Горской автономии. Расценив начавшийся земельный передел как «национальную катастрофу» (с 1918 по 1921 гг. Кабарда лишилась около 30 % земель¹) и воспользовавшись правом обжалования республиканских решений, руководство округа возбудило вопрос о его

¹ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 50.

выходе из состава Горской АССР. Основная роль в этом процессе принадлежала председателю Кабардинского окружного исполкома Б.Э. Калмыкову. Именно ему предстояло найти приемлемую как для общероссийского, так и для краевого руководства причину, обусловившую необходимость выхода Кабарды из состава Горской АССР. Такой причиной на тот момент была признана изначальная искусственность и непрочность Горской автономии как государственного образования, а также экономическое и культурное тяготение кабардинцев «в сторону областей РСФСР»¹.

1 сентября 1921 г. постановлением ВЦИК РСФСР была образована Кабардинская автономная область (далее – АО) с непосредственным подчинением общероссийским органам власти. Она расценивалась формой волеизъявления кабардинского народа и фактически явилась компромиссом между руководством автономии и центром, позволявшим на тот период времени решать обеим сторонам вполне определенные задачи. Выделение кабардинцев из состава Горской АССР повлекло за собою и необходимость решения вопроса о самостоятельности Балкарского округа. Однако невозможность урегулирования границ новой автономии, прочная территориальная и экономическая связь с Кабардой в конечном итоге подвели центр к идее создания объединенной Кабардино-Балкарской АО. 16 января 1922 г. постановлением ВЦИК РСФСР было принято решение об образовании национальной автономии кабардинского и балкарского народов. В целях обеспечения обоюдных национальных интересов сохранялись и действовали областные исполкомы, обладавшие правом в случае их нарушения апелляции к федеральной власти.

Судьба черкесского населения Баталпашинского отдела оказалась тесно связанной с дальнейшим существованием еще одного участника коллективной автономии горцев – Карачаевского округа. Его выход из состава Горской АССР и изначальное экономическое тяготение к Кубани стали основанием для создания отдельной

¹ Улигов У.И. Формирование национальной государственности у народов Кабарды и Балкарии: трудности становления, развитие // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 105–106.

автономии карачаевского народа – «наподобие Кабарды на Тереке». Однако процесс ее образования, мыслившейся изначально в качестве многонациональной области, столкнулся с рядом трудностей. Прежде всего, с невозможностью выделения Карачая без присоединения к нему ряда дополнительных территорий, что создавало немалые проблемы в отношениях с другими народами. Положение осложнялось и самим многонациональным составом населения будущей автономии, которое требовало определенных гарантий своих прав. Многочисленные архивные документы того времени свидетельствуют о том, что стремление к обретению собственных автономий находило отражение на съездах всех народов, проживавших на ее территории – карачаевского, черкесского, русского, абазинского, караногайского.

Причины образования Карачаево-Черкесской АО, как правило, сводятся к решению заседания коллегии Наркомата по делам национальностей от 9 января 1922 г. с участием представителей Карачая и Черкесии. В соответствии с ним из состава Горской АССР выделялся Карачаевский округ, а из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области – Черкесия и 6 казачьих станиц, которые и составили объединенную автономную область. Насколько непродуманным оказалось данное решение, показало последующее развитие события. 26 апреля 1926 г. Постановлением ВЦИК РСФСР из Карачаево-Черкесской АО области были выделены Баталпашинский и Зеленчукский округа в самостоятельный Баталпашинский район, вошедший в состав Армавирского округа Северо-Кавказского края. Этим же постановлением упразднялась Карачаево-Черкесская АО. На ее месте образовывались Карачаевская АО и Черкесский национальный округ с непосредственным подчинением Северо-Кавказскому краевому исполнительному комитету. В 1928 г. округ был преобразован в Черкесскую АО. Пытаясь объяснить логику столь быстротечных преобразований, историки обычно связывают их с включением области в состав Северо-Кавказского края. Едва ли подобную точку зрения следует признать исчерпывающей. Представляется, что одной из причин непрочности объединенной автономии оказалась так и не преодоленная в процессе совместного проживания застарелая неприязнь между карачаевцами

и черкесами, находившая свое отражение в разнообразных конфликтах и обоюдных жалобах в вышестоящие инстанции¹.

Несколько иначе сложилась судьба адыгов, проживавших в Майкопском и Екатеринодарском отделах Кубано-Черноморской области. В отличие от остальных северокавказских народов, получивших свой первый опыт национального самоопределения в составе Горской АССР, кубанские адыги в нее не входили. Тем не менее, как и в остальных национальных районах края, в Кубано-Черноморье создавались специальные органы власти, призванные непосредственно руководить адыгским населением области. Таковыми в разное время являлись Мусульманская и Горская секции, Горский окружной ревком и исполком, которые действовали при соответствующих органах областной власти. Именно они стали основными формами и этапами национального самоопределения кубанских адыгов, завершением которого стало предоставление им национальной автономии. В качестве причин столь постепенного обретения адыгами национальной самостоятельности называются сложности как объективного, так и субъективного порядка: «отсутствии национального отряда пролетариата, несовершенное административное управление, осязаемое засилье клерикальных элементов, полное отсутствие партийных организаций, экономическая разруха и разгул бандитизма»².

Противостояние областных и горских органов управления, сопровождавшее собою весь период поиска наиболее оптимальных форм национального самоуправления адыгов, привело стороны к взаимному осознанию необходимости выделения горского населения в самостоятельную административно-территориальную единицу – автономную область. Необходимость ее предоставления связывалась и со все чаще звучавшей на горских съездах идеей территориальной консолидации адыгских народов в независимую Северо-Кавказскую

¹ Хлынина Т.П. Советы и традиционное общество Юго-Востока Европейской России // 1917 год в судьбах народов и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 278–279.

² Мекулов Д.Х. Национально-государственное и советское строительство в Адыгее: начальный этап, тенденции // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ... С. 68.

республику, а также с наличием национально-территориальных образований у остальных адыгских народов.

27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) АО. Черкесская (Адыгейская) АО вошла в состав Кубано-Черноморской области на правах самостоятельной административно-хозяйственной единицы. Центром ее временно был определен город Краснодар. С 24 августа 1922 г. была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) АО, а с 1928 г. – в Адыгейскую АО. Несмотря на давние экономические связи и культурную близость населенных пунктов, составивших территорию областей, отношения между ними складывались не всегда просто. Сказывались неопределенность границы, основанной на принципах «экономического и административного тяготения населенных пунктов к той или иной области», отсутствие четкого законодательно оформленного положения об автономной области, наличие спорных территорий, принадлежность которых во время образования автономной области определялась зачастую произвольно. Многие из этих факторов еще долгое время неблагоприятно сказывались на взаимоотношениях Кубани и Адыгеи.

Одним из таких факторов стал вопрос о включении в состав автономии ряда населенных пунктов, оставшихся за ее пределами и получивший в Федеральном комитете по землеустройству РСФСР название «адыгейского дела». Его суть заключалась в *«желании адыгейской стороны присоединить к автономной области Карамурзинский, Урупский и Каноковский аулы Армавирского отдела, Кургановский и Суворово-Черкесский аулы Таманского отдела, а также 11 аулов Туапсинского округа с городом Туапсе»*¹. Комитет полагал дело «старым и темным» и не видел, равно как и руководство Кубано-Черноморской области, существенных причин для пересмотра сложившего положения дел. Обретение национальными автономиями административных границ потребовало усиления их экономического потенциала, наращивание которого осуществлялось за счет территориальных приращений соседних, по преимуществу, русских округов

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 314. Л. 35.

и городских центров. Новая хозяйственно-политическая стратегия привела к тому, что с конца 1920-х – начала 1930-х гг. начался отказ от национального принципа административно-территориальной организации края. В 1931 г. большая часть бывшего Баталпашинского района была разделена между Карачаевской АО и Черкесской АО. В 1932 г. в состав Кабардино-Балкарской АО была включена часть Прохладненского района. В 1936 г. к Адыгейской АО присоединены Гиагинский район, часть Майкопского района, а также сам Майкоп, ставший административным центром области.

В 1924–1934 гг. автономии входили в состав Северо-Кавказского края, в управленческой вертикали которого был создан Национальный совет по делам республик и областей. Несмотря на достаточно оперативное реагирование и разрешение возникавших вопросов, совет воспринимался автономиями в качестве промежуточного звена, лишавшего их непосредственной связи с центром. В 1934 г. после разукрупнения края Адыгейская АО вошла в состав Азово-Черноморского (с 1937 г. – Краснодарского), а Черкесская АО – Северо-Кавказского (с 1937 г. – Орджоникидзиевского, переименованного в 1943 г. в Ставропольский) краев. В начале 1990-х гг. факт нахождения в составе краевых объединений был использован руководителями автономных областей как неопровержимый аргумент в пользу создания республик. Именно в нем виделись неэффективность экономического развития и отсутствие у автономий административной самостоятельности, достижение которых связывалось с обретением полноправной государственности.

Одним из итогов административно-хозяйственного переустройства края стало усиление экономического потенциала, расширение территории, а также повышение политико-правового статуса ряда национальных образований. В 1936 г. Кабардино-Балкарская АО была преобразована в автономную республику, которая рассматривалась как переход к более высокой форме национальной государственности. В 1943–1944 гг. с упразднением национальных автономий карачаевского и балкарского народов образовывались Кабардинская АССР и Черкесская АО. В 1957 г. после реабилитации депортированных народов были восстановлены Кабардино-Балкарская АССР и Карачаево-Черкесская АО. При этом, как и ранее в конце 1920-х гг.,

восстановление их территорий опиралось на принцип экономической целесообразности.

В ходе национально-государственного строительства, развернувшегося в регионе, адыги вошли в состав трех автономных областей, одна из которых впоследствии была преобразована в автономную республику, и одного национального района. Их административное разделение основывалось, прежде всего, на отсутствии общей границы и компактности проживания на территориях будущих автономий. Конкретные формы национальных образований, их включение в состав более крупных объединений, подвижность границ определялись как необходимостью решения конкретных задач советского строительства, так и представлениями правящей партии о сути национального вопроса и практиках его разрешения. Найденные на тот период времени механизмы «встраивания» различных групп адыгов в социально-экономическое и административно-территориальное пространство советской России отвечали не только потребностям государства, но и интересам самих народов. Вместе с тем «матрешечный» принцип соответствия формы предоставляемой автономии (район – округ – область – республика) численности и политической благонадежности этносов стал катализатором роста недовольства адыгов своим административным положением. Ситуация обострялась и наличием «двухтитульных» автономий, где, как в случае с Карачаево-Черкесией, черкесы, количественно уступая карачаевцам, постоянно ощущали «превентивную» угрозу своим национальным интересам. Национальные по форме, но многонациональные по составу населения адыгские автономии стали вызовом национализма внутренних меньшинств, нередко ставившего их на грань распада.

Нынешнее обострение «черкесского вопроса» является, помимо всего прочего, и логическим продолжением стремления адыгов к обретению идеальной государственности, в пространстве которой (по представлениям этнических активистов) они получат единственно достойную перспективу своего дальнейшего развития. Незавершенность предшествующего этапа нациестроительства в регионе и его фактическое продолжение современной национальной политикой являются, таким образом, основными источниками порождения подобного рода вопросов и их жизнестойкости.

2.3. Коренизация и нациестроительство в регионе

Установление советской власти и борьба за упрочение ее позиций на Северном Кавказе оказались неразрывно связанными с решением национального вопроса в регионе. По мнению большевиков, своим происхождением он был всецело обязан русскому царизму, на протяжении веков нещадно эксплуатировавшему народы. Избавление от национального гнета и сопутствовавших ему «отсталости и невежества народных масс» связывалось партией победившего пролетариата с правом нацией на самоопределение. Однако при всей ясности и кажущейся простоте поставленной задачи ее реализация потребовала больших, нежели изначально предполагалось, усилий, а порой и изобретательности¹. На Северном Кавказе, «крае пестром, мозаичном в отношении национального состава, быта и культуры населения», большевики не застали оформившихся наций. Отсутствие главной составляющей национального вопроса в крае – угнетаемых наций – существенно затрудняло его решение, но не делало в принципе невозможным. В отличие от экономически более состоятельных регионов, где усилия правящей партии были направлены на их удержание в орбите советского влияния, национальный вопрос на Северном Кавказе изначально принял форму «спонсируемого государственного эволюционизма». Одним из его направлений как раз и призвана была стать политика коренизации.

Термин «коренизация», несмотря на кажущуюся содержательную прозрачность, до сих пор не получил своего внятного истолкования. Согласно наиболее популярному информационному ресурсу, коренизация представляла собою «политическую и культурную кампанию советской власти в национальном вопросе в 20-е и начале 30-х годов XX вв., призванную сгладить противоречия между центральной властью и нерусским населением СССР»². Традиционные справочные издания связывают ее по преимуществу с кадровой политикой

¹ Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Советский Северный Кавказ в 1920-е–1940-е годы: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник Южного научного центра. 2009. Т. 5. № 3. С. 78–79.

² Коренизация // Википедия: сводная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.05.2014).

по «подготовке, выдвижению и использованию в национальных образованиях национальных кадров (в особенности из “титульных национальностей”) для работы в государственных и общественных органах, в хозяйственных и культурных учреждениях»¹. Происхождение самого слова «коренизация» возводится к производной форме глагола «коренизовать» – «организовать (местные учреждения национальных областей) так, чтобы работа производилась представителями честного, коренного населения»². Американский историк, автор наиболее интересной на сегодняшний день работы по национальной политике советской власти Т. Мартин полагает, что само слово «коренизация» является «производным от прилагательного “коренной”, используемого в словосочетании “коренной народ”. Слово “коренизация” появилось в рамках большевистской риторики, которая систематически благоприятствовала притязаниям на превосходство коренным народам, получившим независимость, над “пришлыми элементами”». Исследователь обратил внимание и на то обстоятельство, что в 1923 г. понятия «коренизации» еще не было в ходу. Предпочтение отдавалось термину «национализация», подчеркивавшему перспективу национального строительства. Особенно отчетливо, по его мнению, «этот акцент прозвучал в национальных республиках, где политика просто называлась по коренной национальности... Термин “коренизация” возник позже; его ввела центральная бюрократия, проводившая национальную политику; бюрократия служила, прежде всего, экстерриториальным национальным меньшинствам и поэтому предпочитала термин, обозначающий все коренные народы, а не только коренное население республик. “Коренизация” постепенно стала предпочтительным термином, характерным для этой политики, но следует отметить, что Сталин всегда использовал термин “национализация»»³.

¹ Коренизация // Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/981/word/korenizacija> (дата обращения: 13.05.2014).

² Коренизовать // Толковый словарь Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/840746> (дата обращения: 13.05.2014).

³ Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Сб. статей. М., 2011. С. 96–97.

Впервые само слово «коренизация» в значении комплекса практических мероприятий по решению национального вопроса прозвучало на III Всероссийском съезде советов в 1925 г. В одном из принятых им постановлений указывалось на необходимость «*введения во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств, организации школ и съездов на родном языке*»¹. С этого времени коренизация стала пониматься политикой по вовлечению «*наших внутренних националов и наименьшинств в русло советского строительства*», а ее основными направлениями были признаны выдвижение национальных кадров в партийный и советский руководящие аппараты; подготовка для отраслей промышленности и сельского хозяйства; перевод делопроизводства и образования в национальных автономиях на «коренные» языки. Однако, как и любое полезное начинание, работа по коренизации очень скоро превратилась в кампанейщину, вызвав волну сопротивления как со стороны коренизируемого населения, так и руководства самих национальных областей. Будучи финансово весьма затратным мероприятием, но обязательным к своему исполнению, она на месяцы парализовывала работу областных и районных исполнительных комитетов, ввергая их в «*пучину бумагомарательства и поиска денег*». Так, схема построения ежемесячного «Доклада о ходе работ по коренизации аппарата в автономных республиках и автономных областях», разработанная Северо-Кавказским краевым исполнительным комитетом в 1924 г., включала в себя 12 пунктов. Они охватывали широкий круг вопросов – от общих сведений о количестве населенных пунктов до «*трудностей, вызываемых переводом делопроизводства на коренные языки, в отношениях с соседними административными единицами, как внутри республик, так и за их пределами*»².

Каждые три – шесть месяцев административный и обслуживающий аппараты колхозов, предприятий и учреждений национальных областей и республик рекрутировались на курсы коренизации.

¹ Съезды Советов в документах: Съезды Советов Советских социалистических республик, 1922–1936. Т. III. М., 1960. С. 82–83.

² Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее – ГАКЧР). Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

К середине 1930-х гг. частота их проведения и сроки обучения несколько снизились, однако затраты на их организацию и порядок частичной оплаты краевыми органами власти оставались на прежнем уровне. Так, годовой срок обучения 30 курсантов-секретарей в 1936 г. обошелся Черкесскому областному исполкому совета рабочих, крестьянских, красноармейских, горских и казачьих депутатов в 105 758 руб. 75 коп. Из них большая часть расходов приходилась на выплату стипендии слушателям, рассчитывавшейся из 175 руб. в сутки на человека. Трехмесячная подготовка 35 счетоводов составила 120 143 руб. 75 коп., а месячное обучение 31 председателя районных советов *«стала взятыми из другой статьи»* 47 332 руб.¹ Представление об эффективности работы курсов по коренизации управленческого аппарата дают итоговые аттестационные листы их слушателей и типовые сетки часов по читавшимся на них предметам. Типовой учебный план шестимесячных курсов подготовки и переподготовки работников горсоветов 1934 г. насчитывал 900 учебных часов, из которых большая часть времени отводилась на изучение истории ВКП(б) и ленинизма; советского государства и советского строительства (по 100 часов). Родной язык, преподавание которого часто срывалось из-за нехватки квалифицированных учителей, занимал 60 часов учебного времени. На трехмесячных курсах переподготовки работников сельских советов его изучению отводилось 40 часов, что в два раза уступало часам по политической грамотности и советскому строительству². Нередко курсанты жаловались на отсутствие дисциплины в классах и общежитии; срыв занятий; замену одних предметов другими, с их точки зрения, *«менее важными и нужными»*³. В итоге немногие из выпускников могли похвастаться твердыми знаниями основ теории и практики советского строительства, где в своем подавляющем большинстве имели *«слабые удовлетворительные оценки»*. При этом знание родных языков *«оставалось выше всяких похвал»*, хотя и вызывало небезосновательные сомнения относительно *«широты их хождения даже в пределах своих областей»*⁴.

¹ ГАКЧР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 192. Л. 2, 3, 7.

² ГАКЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.

³ ГАКЧР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 190. Л. 4об., 5.

⁴ ГАКЧР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 190. Л. 20–29об.

Однако очень скоро эти сомнения уступили место реальной практике, где знание родного языка стало необходимым, а нередко и достаточным условием к получению престижной работы или «заветной должности». Подобного рода «ненормальности» вызывали достаточно обостренную реакцию со стороны тех, кто коренизации не подлежал. Весьма показателен в этом отношении акт обследования одной из производственных бригад, проводившегося по проверке постановления Президиума Адыгейского облисполкома о коренизации от 5 февраля 1931 г. Особое внимание в нем обращалось на взаимоотношения между администрацией и работниками-черкесами. В частности, проверяющей комиссией было замечено нежелание бригадира «*возиться с выдвиненцами*»: «*Работал у них черкес, специалист по работе, плановик т. Дагужиев, ушел с работы ввиду нездоровых отношений с т. Назаровым, это подтверждено словами самого т. Назарова: "Я не могу нянчиться с ним, просить я не стану, покада я здесь, он не будет работать у меня в аппарате"*. Вот его подлинные слова, из-за чего ушел Дагужиев». В результате «нездоровых отношений» из бригады ушли еще два человека, по мнению бригадира «*абсолютно никудаишных*». Члены комиссии пришли к выводу, подтвержденному и рабочим, что «*т. Назаров в общем не желает проводить коренизацию в системе потребкооперации, и вообще он считает, что черкесы не способны работать в его аппарате. Этот факт бригада рассматривает как проявление великодержавного шовинизма со стороны т. Назарова*». Те же самые факты отмечались и в Адыгторте, Промкредитсоюзе и Колхозсоюзе¹.

Процесс коренизации как «*наиболее понятная широким народным массам и справедливая форма решения национального вопроса*» находился в сфере постоянного внимания центрального и краевого руководства. Именно центру принадлежала инициатива по ускорению выдвижения «националов» на руководящие посты и скорейший перевод делопроизводственной документации на родные языки. 14 апреля 1924 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях

¹ Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 385. Л. 61.

и республиках на местные языки». Однако уже 5 июня 1928 г. Совет народных комиссаров РСФСР признал *«нецелесообразным принятие в настоящее время внесенного Отделом Национальностей ВЦИК проекта постановления об изучении лицами, состоящими на государственной службе в автономных республиках и областях РСФСР, местных национальных языков»*¹. За сравнительно небольшой промежуток времени, разделявший эти инициативы, центру удалось вызвать к жизни две взаимообратные линии в проведении политики коренизации в национальных автономиях Северного Кавказа.

Одна из них – «идеальная» – исходила из необходимости последовательного выполнения руководящих директив партии и правительства, несмотря «ни на какие трудности и встречающиеся препятствия». Наглядным тому подтверждением стали принимавшиеся на уровне отдельных учреждений «Планы коренизации и перехода делопроизводства на коренной язык». Согласно графику областной комиссии по коренизации, аппарат Карачаевского областного финансового отдела переходил на карачаевский язык *«постепенно, с 1/X-30 г. по 1/X-33 г.»*. Его руководящий состав, представленный карачаевцем, русским и латышом, должен был «коренизоваться» к 1932 г. Специалисты различных подразделений, в которых работали поляки, армяне, грузины и евреи, – к 1933 г. Не справившиеся с поставленными задачами подлежали увольнению *«по достижении намеченных сроков»*. Ревностное выполнение директив руководящих органов по коренизации зачастую приводило и к межнациональным столкновениям. Так, в декабре 1932 г. Адыгейское областное бюро ВКП(б) вынуждено было *«особо рассмотреть вопрос о выселении русских из национальных аулов»*. Как отмечалось в его постановлении, *«национал-шовинистические элементы в области извратили правильную директиву секретаря обкома Хакурате о борьбе с беглым кулачеством и репрессивным элементом из районов Кубани, превратив эту расправу над русскими вообще»*².

Вторая линия – более «реалистичная» – ориентировалась на понимание невозможности полностью перейти на национальные

¹ ГАКЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.

² НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 38. Л. 68.

языки даже в пределах сравнительно небольших районов. Черкесский обком ВКП(б), столкнувшись «с прямым сопротивлением со стороны остатков классово-враждебных, буржуазно-националистических и шовинистских элементов в деле практического осуществления национальной политики нашей партии», в январе 1936 г. для всех районов области установил «перевод делопроизводственной документации на языки коренных народов с сохранением русского языка». Свое решение он обосновывал многонациональным составом населения районов, где основным языком становился язык численно преобладающей «группы народностей», а остальные «в силу незнания такового должны были пользоваться русским». Например, в Кувинском районе области, объединявшем 2 черкесских, 5 абазинских, 1 ногайский, 1 русский и 1 греческий сельсоветы, делопроизводство переводилось на абазинский язык с сохранением «для внешних сношений и внутреннего удобства русского языка»¹. В то же время, сталкиваясь с «низкой подготовленностью наших националов к управлению делами», областной исполком внес в истолкование политики коренизации небольшое новшество: в состав выдвиженцев стали включаться не только представители коренной национальности, но и «местные» граждане, хорошо знавшие людей и способные к руководству районами².

Следует отметить, что проблема перевода делопроизводственной документации на язык «коренной» национальности оказалась довольно болезненной и практически неразрешимой на протяжении 1930-х гг. для всех северокавказских автономий. Наиболее «бедственной», по заключению краевого исполкома, ситуация оказалась в Адыгейской АО, что выражалось в отсутствии потребностей у большинства управленцев пользоваться родным языком в «канцелярских целях». Многочисленные обследования нижестоящих органов власти, проводившиеся облисполкомом, и их собственные отчеты о ходе и результатах коренизации свидетельствовали о «полном провале данной кампании». В материалах о состоянии обследования и инструктаже Шовгеновского райисполкома, проводившегося с 6 по 20 апреля 1930 г., отмечалось, что «Советы работают почти на русском языке

¹ ГАКЧР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 195. Л. 3.

² ГАКЧР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 196. Л. 20.

и небольшой частью на родном (введение некоторых протоколов Пленумов и выдача справок). Несмотря на то, что в некоторых советах и председатель, и секретарь черкесы, грамотные на черкесской основе, а работают на русском. В ответе на вопрос «Почему не работают на родном языке?», мотивируют тем, что на русском языке легче работать, да и РИК не принимает ни одной бумаги на родном языке <...> В избах-читальнях – ни одного лозунга на родном языке». Основной причиной подобного положения дел называлась позиция самого районного исполнительного комитета, который, по заключению проверяющей инстанции, «невольно встал на линию подавления охоты работы на родном языке»¹. Схожая ситуация наблюдалась и во многих других районных и аульных аппаратах власти. В отчете Ходзинского аульного совета того же времени указывалось, что «аульный совет, как и другие, работает частично на черкесском языке, не переходя полностью на родной язык». Объяснение тому виделось в том, что «в свое время не нажимали, ну и работаем по-русски». Показательно, что такого рода причина оказалась преобладающей в отчетах подавляющего большинства советов и исполкомов, что и послужило своеобразным сигналом к «настойчивому внедрению коренизации во все направления советской работы»².

Предпринимались меры и по введению осетинского языка в делопроизводстве Северо-Осетинской АО. В 1924 г. по предложению Северо-Осетинского обкома партии отдел народного образования разработал план организации трехмесячных курсов осетинского языка для всех служащих, но необходимых средств не нашлось. В январе 1925 г. решение о переходе на осетинский язык в делопроизводстве приняли 1-й Областной съезд советов Северо-Осетинской АО и 1-й Областной съезд учителей Северо-Осетинской АО. На организацию курсов по обучению служащих, работу терминологической комиссии, изготовление осетинских шрифтов для типографии, издание справочников по делопроизводству на осетинском языке, приобретение 100 печатных машин с осетинским шрифтом требовалось выделить 62 925 руб. Пленум Северо-Кавказского крайисполкома

¹ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 339. Л. 11.

² НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 339. Л. 92.

в июле 1925 г., отметив успехи «в деле национализации советского аппарата в смысле укомплектования его работниками-осетинами», постановил «считать необходимым ускорение перехода делопроизводства на осетинский язык в первую очередь в сельских советах». 8 декабря 1925 г. открылись одномесячные курсы для ответственных работников, но вследствие их плохого посещения слушателями они закончили свою работу, не достигнув цели. Съезды советов округов Северо-Осетинской АО в феврале 1926 г. признали «отсутствие действительных мероприятий» в данном вопросе и постановили: «Добиться перевода делопроизводства на осетинский язык в этом же году». Но ничего опять не было реализовано¹. Даже отдел народного образования, который должен был первым перейти на осетинский язык с 1 апреля, в начале октября 1927 г. продолжал вести делопроизводство на русском языке².

Только в 1928 г. в Северо-Осетинской АО начался перевод делопроизводства на родной язык. 24 августа Северо-Осетинский облисполком принял постановление, посвященное «осетинизации управленческого аппарата» области. В нем говорилось: «Основным для официальных сношений в Области установить осетинский язык (иронский диалект)». В Дигорском округе предусматривалось ведение делопроизводства на дигорском диалекте, в Притеречном округе (83 % населения – русские) – на русском языке, в сельсовете колонии Михайловской Дзауджикауского округа (1,5 тыс. немцев) – на немецком языке». Полный перевод делопроизводства на осетинский язык следовало завершить к 1 января 1930 г.³.

7 января 1936 г. Президиум ВЦИК СССР своим постановлением «О нарушении национальной политики в Северо-Кавказском крае» признал «работу Северо-Кавказского крайисполкома и национальных областных исполкомов в области коренизации колхозно-совхозного и кооперативного аппаратов и обслуживания национальностей и национальных меньшинств на их родном языке крайне неудовлетворительной». Краевому исполкому под личную ответственность его

¹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 25. Л. 37. Д. 189. Л. 4–4об. и др.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 189. Л. 5–6.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 139. Л. 34–36.

председателя было предложено в двухмесячный срок совместно с областными исполкомами разработать план конкретных мероприятий по коренизации сельскохозяйственных и кооперативных аппаратов, подготовки и выдвижения национальных кадров, вовлечения коренных национальностей и нацменьшинств в производство и обслуживание их на родном языке. Центр требовал от краевого руководства *«обеспечить в дальнейшем суровую борьбу со всякими искривлениями ленинско-сталинской национальной политики»*. 3 марта состоялся IV Пленум Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета, где было обсуждено январское постановление Президиума ВЦИК СССР и утвержден ряд конкретных мероприятий по устранению отмеченных в нем *«недостатков в деле коренизации»*. 15 мая инструктор Президиума ВЦИК СССР Богданов подготовил докладную записку по итогам их проверки. Из нее следовало, что, несмотря на определенное улучшение работы в этом направлении – *«развернута сеть различных курсов по подготовке национальных кадров с охватом 1614 чел., имеется рост вовлечения их в предприятия местной промышленности»*, она так и не достигла требуемого уровня.

Основные нарекания были связаны с крайне медленным и явно неохотным продвижением национальных кадров в органы краевого руководства (*«в краевом управлении нарсуда из 60 чел. только 3 национала, в крайзу даже план коренизации до сих пор не разработан»*). Издание учебников на национальных языках отмечалось им как *«совершенно неудовлетворительное»*¹. Особое внимание уделялось положению дел в двух автономиях: Чечено-Ингушетии как примера *«полного запустения работы по коренизации»* и Кабардино-Балкарии – образца *«положительной деятельности в этом направлении»*. В Чечено-Ингушской АО, несмотря на *«наличие планов коренизации управленческого аппарата, наличие средств по созданию курсов по подготовке и переподготовке работников из коренных национальностей»*, курсы так и не были созданы, процент коренизации областного аппарата составил 27 % вместо запланированных 60 %. Недостаточное внимание уделялось вовлечению ингушей в аппарат областных организаций. Доля коренных национальностей

¹ ГАКЧР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 191. Л. 6.

в местной промышленности составляла 6,1 % при краевой норме в 70 %. Отмечались и случаи *«извращения национальной политики партии и правительства при оплате рабочих разных национальностей. В апреле 1936 г. при перевыполнении парафиновым заводом проффинплана на 10 %, средняя заработная плата русских рабочих-аппаратчиков 5 разряда составляла 198 руб., а рабочих чеченцев – 158 руб. Русские рабочие машинисты 7 разряда получают 345 руб., а чеченцы – 302 руб.»*. Были выявлены и два факты великодержавного шовинизма. Один из них был связан с *«категорическим отказом»* областной нотариальной конторы заверить документ на чеченском языке. Второй – с *«сознательным преподнесением рабочим чеченцам в заводской столовой “Красный молот” супа из свинины»*¹.

Кабардино-Балкарская АО коренизировала управленческий аппарат сельских советов на 95,5 %, районных организаций – на 40 %, областных учреждений – на 17 %. Это был самый высокий показатель по краю, достигнутый *«при полном понимании населением важности дела коренизации»*. В области работали кружки по изучению *«кабардинского языка русскими товарищами. Огромные успехи были достигнуты в деле вовлечения женщин в органы управления потребительской кооперации. 780 горянок выдвинуты на различные ответственные должности»*. В Северной Осетии главным недостатком работы в области коренизации было названо *«слабо поставленное изучение осетинского языка русскими»*².

Тем не менее, несмотря на «перегибы и издержки» в осуществлении политики коренизации в рассматриваемый период времени, она выполнила свое главное предназначение. некогда разрозненные «племена и народности» края, благодаря настойчивости и последовательности ее осуществления, становились полноценными, с точки зрения советской власти, нациями. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Т. Мартина о том, что «советская политика систематически содействовала развитию самобытной национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов. И делала это не только посредством формирования национальных

¹ ГАКЧР. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 191. Л. 7–9.

² ГАКЧР. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 191. Л. 11–12.

территорий с правящими национальными элитами, говорящими на родном языке»¹. Коренизация стала для народов Северного Кавказа не только мощным толчком к их социально-экономическому и культурному развитию. Она заложила основы представлений о наличии особых национальных интересов, разрешение которых требует и особой политики.

2.4. Национальные кадры: идеи и люди в формировании руководящего аппарата северокавказских автономий

Революционные потрясения начала прошлого века и вызванное ими гражданское противоборство на Северном Кавказе давно уже потеряли свою исследовательскую интригу. Вереница спонтанно возникавших здесь один за другим политических образований, зачастую перерождавшихся в полноценные государства, стала непременным атрибутом любого серьезного исследования по истории региона начала прошлого века. Тем не менее многие страницы этого бурного лихолетья, вынесшего на авансцену истории героев различного плана, были слишком поспешно пролистаны. Их читали, опуская, как это часто бывает с описанием природы в художественных произведениях, не вдаваясь в подробности происходящего. А между тем именно детализация больших исторических нарративов традиционно являлась их сильным местом, позволяя сплести воедино историю и судьбы отдельных людей.

На протяжении длительного времени отечественная историография национально-государственного строительства на Северном Кавказе практически полностью игнорировала его предысторию. Возникавшие в регионе политические образования рассматривались в лучшем случае в качестве результата деятельности контрреволюционных сил, а продолжительность их существования связывалась с военными победами советской власти. Влияние отдельных лиц на выбор и последующие изменения форм государственного устройства

¹ *Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма. С. 98.

народов региона если и учитывалось, то лишь как наиболее яркое воплощение коллективной воли большевистской партии или противостоящего ей лагеря. В последние два десятилетия ситуация в области изучения рассматриваемой проблемы существенным образом не изменилась. Тем не менее следует отметить появление устойчивого исследовательского интереса к личностному «оформлению» северокавказских автономий, в пространстве которого начинает вырисовываться несколько иная конфигурация уже, казалось бы, досконально изученных событий.

В этой связи вызывает интерес опыт создания первого советского национально-государственного образования на Северном Кавказе – Горской АССР. Кратковременность существования и острота внутренних противоречий, приведших в итоге к распаду республики, обусловили ее превращение в далеко не самый популярный исследовательский сюжет в советской историографии. Несмотря на появление в последние годы ряда публикаций, по-прежнему недостаточно внимания уделяется составу руководства Горской АССР, многие представители которого вышли из «дореволюционной шинели», и его роли в процессах нацистроительства на Северном Кавказе, без чего их осмысление не может быть полным.

Выступая 17 ноября 1920 г. с докладом на съезде народов Терской области, провозгласившем Горскую АССР, нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин объяснил необходимость ее создания целесообразностью отделения «массы казаков от масс горцев». Он заявил: «У каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть свой национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних»¹. Созданием Горской АССР советское руководство стремилось избежать межнациональных конфликтов между горцами и казаками, обеспечить политическую лояльность северокавказских народов, их вовлечение «в общее советское русло». Смысл создания автономии связывался именно с тем, чтобы она

¹ Сталин И.В. Выступления на Съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. // Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 399–407.

«втянула горцев в управление своей страной». В заключительном слове Сталин признал: «Здесь у вас слишком мало местных людей, умеющих управлять своим народом. Вот почему в учреждениях Продкома, Чека, Особого отдела, народного хозяйства работают русские, не знающие вашего быта, языка. Необходимо, чтобы ваши люди вовлекались во все области управления страной. Та автономия, о которой здесь говорится, понимается так, чтобы во всех органах управления стояли ваши люди, знающие ваш язык, ваш быт»¹

ВЦИК утвердил создание новой республики 20 января 1921 г. Текст декрета гласил: *«Образовать Автономную Горскую Социалистическую Советскую Республику как часть РСФСР, в состав коей включить территорию, занимаемую ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородними»*. Органами управления автономии провозглашались Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Горской АССР, а также местные советы. Для управления делами учреждались 11 народных комиссариатов: внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, земледелия, продовольствия, финансов, совета народного хозяйства (с отделами путей сообщения, почты и телеграфа), рабоче-крестьянской инспекции и труда. В составе Горской АССР выделялись шесть административных округов с окружными исполкомами: 1) Чеченский, 2) Ингушский, 3) Осетинский, 4) Кабардинский, 5) Балкарский и 6) Карачаевский. Города Владикавказ (ставший центром автономии) и Грозный с нефтяными промыслами выделялись в самостоятельные административные единицы².

С 16 по 22 апреля прошел учредительный съезд советов Горской АССР, на котором, помимо прочих, решались и кадровые вопросы. Предварительно они обсуждалось на заседании Горского областного партийного комитета, постановившего положить в основу состава

¹ Сталин И.В. Выступления на Съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. С. 406.

² Декрет ВЦИК от 20 января 1921 г. «Об Автономной Горской Советской Социалистической Республике // Полное собрание законодательства СССР. URL: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_822.htm (дата обращения: 28.01.2014).

президиума ЦИК национально-территориальный принцип. При избрании председателя ЦИК и председателя СНК Горской АССР были предложены три пары кандидатов, призванных удовлетворить указанному принципу: чеченец Т.Э. Эльдарханов – осетин С.Т. Такоев, ингуш И.Б. Зязиков – Такоев и Эльдарханов – осетин С.Г. Мамсуров. Ни одна пара не получила большинства голосов, и вопрос вновь вернулся на обсуждение в Горский обком партии.

После жарких дискуссий первым председателем ЦИК стал Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов (1870–1934), хорошо известный не только в Чечне, интересы которой представлял в руководстве Горской АССР, но и на Северном Кавказе в целом как общественный деятель и педагог. Имея крестьянское происхождение, он окончил Грозненскую горскую школу, Владикавказское реальное училище и Тифлисский учительский институт, работал учителем в Майкопе и Грозном, подготовил первый чеченский букварь. Принимал активное участие в политической жизни страны, избирался депутатом I и II Государственных дум от партии кадетов. Поддержав большевиков в годы революции и Гражданской войны, стал председателем Чеченского ревкома по рекомендации председателя Реввоенсовета Кавказского фронта и Северо-Кавказского ревкома Г.К. Орджоникидзе. В августе 1920 г. был избран председателем Чеченского облисполкома (при избрании председателем ЦИК Горской АССР сохранил за собой эту должность). Несмотря на то что Эльдарханов лишь незадолго перед этим был принят в РКП(б), он обладал большим политическим авторитетом, чем в два раза уступавший ему в возрасте Зязиков. Неслучайно президиум Терского областного комитета РКП(б) отмечал, что «зачисление» Эльдарханова в партию в 1920 г. «не лишено большого политического значения в Чечне»¹. Свою роль играл и национальный состав Горской АССР: по данным, опубликованным 6 декабря 1921 г. в «Горской правде», в республике насчитывалось до 350 тыс. чеченцев, 80 тыс. ингушей, 100 тыс. осетин, 140 тыс. кабардинцев, 41 тыс. карачаевцев, 30 тыс. балкарцев, а также 30 тыс. рабочих и 300 тыс. казаков.

¹ История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI вв. Грозный, 2008. С. 389.

Должность руководителя органа исполнительной власти – СНК Горской АССР была закреплена за представителями Осетии. С апреля 1921 г. ее занимал Симон Алиевич Такоев (1876–1938), в феврале 1922 г. его сменил Саханджери Гидзоевич Мамсуров (1882–1937). Их биографии во многом похожи: оба имели солидный партийный стаж (в РСДРП Такоев вступил в 1902 г., Мамсуров – в 1906 г., в революционно-демократическую партию «Кермен» – в 1917 г., в РКП(б) – в 1918 г.), принимали активное участие в революционном движении. Получили образование: Такоев учился в Московском университете, затем работал присяжным поверенным, Мамсуров окончил Ардонскую учительскую семинарию, оба служили в армии. В 1917 г. Такоев стал военным комиссаром Владикавказского округа, затем заместителем председателя народного совета Терской области. Мамсуров – военкомом Пятигорского округа, заместителем председателя ЦИК и председателем Реввоенсовета Северо-Кавказской Советской Республики, членом Реввоенсовета 11-й Красной армии. В 1919 г. оба находились на подпольной работе в меньшевистской Грузии, подвергались арестам. В 1920 г. Такоев стал уполномоченным Кавказского крайкома РКП(б) по организации восстания в Северной Осетии, затем ответственным секретарем оргбюро и обкома РКП(б) в Терской области, заместителем председателя Северо-Кавказского ревкома. Мамсуров – председателем Осетинского (Владикавказского) ревкома, членом бюро Горского обкома РКП(б)¹.

Обращает внимание отсутствие на руководящих постах представителей кабардинцев – второго по численности северокавказского народа Горской АССР, что объясняется проблемами во взаимоотношениях Кабарды с соседями по земельному вопросу. Изменение состава входивших в республику округов, выход из нее Кабарды, Балкарии, Карачая и Черкесии, меняли и ее руководство. Эльдарханов сложил с себя полномочия председателя ЦИК, оставшись председателем Чеченского ревкома, а затем Чеченского облисполкома. Новым председателем ЦИК Горской АССР стал Идрис Бейсултанович Зязиков (1896–1938). Он происходил из старинного ингушского рода, окончил Владикавказское реальное училище, поступил в Московский

¹ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения: 03.02.2014).

сельскохозяйственный институт. Но не окончил его, втянувшись в революционную деятельность, в 1918 г. вступил в РКП(б). Являлся членом Терского областного ревкома и областного исполкома, председателем Назрановского окружного исполкома, в 1921 г. стал наркомом внутренних дел Горской АССР¹.

Обязанности председателя ЦИК Горской АССР Зязиков исполнял до января 1924 г., когда его сменил Марк Гаврилович Авсарагов (1888–1937). Выходец из осетинской крестьянской семьи, он окончил Владикавказскую гимназию и Петербургский университет. Увлёкся революционными идеями, вступил в 1906 г. в партию эсеров, был призван в армию. В 1918 г. вступил в РКП(б), активно участвовал в Гражданской войне. С 1920 г. был военкомом Владикавказа, представителем Горской АССР при Наркомнаце, председателем исполкома Владикавказского окружного совета, затем наркомом внутренних дел Горской АССР². На посту председателя ЦИК пробыл всего полгода. 7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена, на ее территории созданы Северо-Осетинская АО, Ингушская АО и Сунженский казачий округ, а город Владикавказ сохранил самостоятельный административный статус.

Таким образом, все высшие руководители органов государственной власти Горской АССР были хорошо образованными представителями трех северокавказских народов, составивших автономию, большевиками по партийной принадлежности. Состав первых лиц партийной организации имел определенные отличия. Созданный на I областной партийной конференции Горский обком партии состоял из 11 членов: 6 русских, 3 осетин, 1 ингуша, 1 армянина³. За весь период существования Горского обкома с 11 апреля 1921 г. до 1 августа 1924 г. сменилось пять ответственных секретарей. Первым и самым известным являлся Николай Федорович Гикало (1897–1938)⁴.

¹ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991.

² Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991.

³ Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ... С. 71.

⁴ Морозова О.М. Николай Федорович Гикало // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 37–57.

Родившись в Одессе, он окончил Тифлисскую военно-ветеринарную школу. Во время Первой мировой войны служил фельдшером, был награжден Георгиевским крестом. Уже в июле 1917 г. вступил в партию большевиков, принимал активное участие в событиях Гражданской войны на Северном Кавказе: был председателем Грозненского горкома РКП(б) и городского совета, командовал войсками Терской области и Дагестана. На пост секретаря Горского обкома перешел с должности заместителя председателя исполкома Терского областного совета, вскоре стал членом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Сменивший его Александр Фёдорович Носов (1899–1937) также воевал на стороне большевиков на Северном Кавказе в годы Гражданской войны, был ранен. Затем был заместителем председателя Терского областного оргбюро РКП(б), начальником политотдела войск Терской области, чрезвычайным комиссаром Чечни¹.

Два следующих ответственных секретаря Горского обкома РКП(б) до этого не имели никакого отношения к региону, но были партийными функционерами. Марк Филиппович Левитин (1891–1937) родился в Нахичевани-на-Дону (в настоящее время – в составе Ростова-на-Дону), окончил начальное училище, работал слесарем. Еще до революции примкнул к большевикам, подвергался арестам, был призван в армию, попал служить в Сибирь. После революции руководил Самарской, Челябинской и Сибирской ЧК, Томским и Семипалатинским губернскими ревкомками, Семипалатинским и Иркутским обкомками ВКП(б). Меньше всего известно о следующем секретаре – Алексее Ивановиче Борухине, члене РСДРП(б) с 1912 г., возглавлявшем в 1917 г. комитет одного из крупнейших предприятий Петрограда – машиностроительного завода «Старый Лесснер». Последним руководителем Горского обкома с февраля до июля 1924 г. был И.Б. Зязиков, оказавшийся единственным на этой должности представителем «коренных» национальностей среди его руководителей. В то же время его переход на партийную работу сломал национально-территориальный паритет в распределении высших государственных должностей республики, так как оба

¹ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991.

поста – и председателя ЦИК, и председателя СНК – заняли осетины. Ранее, 1 октября 1922 г. секретарь Юго-Восточного бюро А.И. Микоян докладывал в ЦК РКП(б) о следующем составе партийных организаций: *«осетин больше 600 на 100 000 населения, чеченцев и ингушей – по одному десятку членов партии на каждую народность»*. Микоян выражал озабоченность сложившейся ситуацией: *«Национальное соотношение членов партии определяет степень участия каждого народа в органах власти. В результате этого не только нет никакой пропорции между числом народа и степенью его участия в органах власти, но все посты в республиканских органах заняты осетинами и русскими. В Совнарком не ни одного чеченца или ингуша, а члены горЦИКа из этих народов не привлечены к участию в советской работе»*¹.

Настоящая «текучка» кадров сложилась среди руководителей органов государственной безопасности автономии. Председателей ЧК при СНК Горской АССР за 11 месяцев ее существования (с апреля 1921 г. по февраль 1922 г.) поменялось четверо: И.Ф. Станский, М.И. Лебедев, А. Сиротин и К.С. Хускивадзе. А начальников сменившего ее Горского областного отдела ГПУ за следующие полтора года – пятеро (фактически – шестеро). До сентября 1922 г. эту должность занимал А.К. Рудэн (после его ухода временно – С.Н. Миронов), с октября 1922 г. по 7 сентября 1923 г. – А.А. Емельянов. Его сменил С.М. Штыб, убитый в бою с бандитами 20 ноября 1923 г. До 30 ноября, пока не прибыл новый начальник – И.Ф. Чибисов, его обязанности временно исполнял П.В. Володзько. Он же и сменил Чибисова 14 марта 1924 г., занимая данную должность уже бессменно вплоть до ее упразднения². С учетом того, что на протяжении всего периода в области сохранялась напряженная социально-политическая обстановка, а задачи борьбы с бандитизмом носили первоочередной характер, такая кадровая чехарда вряд ли может считаться оправданной.

В целом, создание Горской АССР впервые четко поставило перед советским руководством проблему формирования национальной

¹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 84.

² Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991.

по происхождению и большевистской по идеологии и партийной принадлежности элиты. Однако решение этих вопросов оказалось крайне затруднительным уже вследствие низкого образовательного уровня ряда северокавказских народов. Грамотность в Чеченском округе составляла всего 0,84 %, в Балкарском – 2 %, в Ингушском – 3 % и лишь в Осетинском – 14,7 %. Крайне немногочисленным было и количество коммунистов, особенно чеченцев и ингушей. Весной 1921 г. в рядах РКП(б) в Горской АССР всего состояло 1157 чел., в том числе 430 русских (49,7 %), 283 осетина (32,7 %), 4 чеченцев и лезгин (0,3 %), 12 грузин (1,5 %), 70 представителей других национальностей (9,3 %). Поэтому кадровые ресурсы для формирования аппарата управления автономии были ограничены. В 1922 г. в нем работали 1454 чел., в том числе 150 осетин, 29 ингушей, остальные русские. При этом доля русских возросла с 57,3 % в 1922 г. до 64 % в 1923 г.¹ Микоян резко критиковал советский аппарат, «состоящий из прежних чиновников, не знающих горцев, а если знающих, то как бандитов»². Юго-Восточное бюро РКП(б) даже предлагало «широкое привлечение интеллигенции и других представителей этих народов к фактическому участию и руководству советской работой», невзирая на их «непартийность»³.

В то же время первые национальные руководители-большевики нередко стремились отстаивать вовсе не партийные принципы, а конкретные интересы своих собственных народов, в том числе в территориальных вопросах. Показательно, что многие руководители Горской АССР выступали за ее единство и целостность лишь до тех пор, пока в округах, которые они представляли, не возникало недовольства положением в составе объединенной республики, порождавшее сепаратистские настроения. Таким образом, уже первому отряду советской номенклатуры было присуще осознание приоритета национальных (фактически, этнических) ценностей перед партийными. В 1930–1950-е гг. центру удалось существенно

¹ Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ... С. 73.

² Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ... С. 74.

³ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 86.

ограничить эти тенденции, но в 1960–1980-е гг. они приобрели еще более значимый характер. В немалой степени этому способствовал отказ от ротации кадров, давший новые импульсы становлению национальной и региональной элиты.

Распад Горской АССР и образование самостоятельных автономий процесса формирования национальных кадров принципиально не изменили. В этом отношении весьма показателен опыт становления Чеченской автономии. Процесс выделения из состава Горской республики Чеченского округа и преобразование его в самостоятельную область традиционно пользуется неослабеваемым вниманием исследователей¹. В значительной степени оно вызвано и сохранением на территории области до 1926 г. чрезвычайной формы управления – революционных комитетов. По заключению специалистов,

¹ *Врублевский Ф.И.* Руководящая роль КПСС в создании советской национальной государственности народов Северного Кавказа (1921–1925 гг.) // Тезисы докладов на научной сессии Северо-Кавказского Совета по гуманитарным наукам. Ростов н/Д., 1962; *Его же.* Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. Грозный, 1964; *Дудаев А.Х.* Возникновение и основные этапы становления Чечено-Ингушской национальной советской государственности. Дисс. канд. ист. наук. М., 1964; *Его же.* Создание и развитие Чечено-ингушской национальной государственности // Советское государство и право. М., 1964. № 6; *Тавалакян Н.А.* Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965; *Юсупов П.И.* Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920–1925 годы). Грозный, 1968; *Жупикова Е.Ф.* Упрочение Советской власти в Чечено-Ингушетии в период деятельности ревкомов. Дисс. канд. ист. наук. М., 1972; *Дидигова И.Б.* 20–30-е годы: проблемы административно-территориального устройства чеченского и ингушского народов // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994; *Ерещенко Г.А.* Чечено-Ингушская АССР: начальный этап, развитие, совершенствование // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ...; *Дидигова И.Б.* Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920–1930-е годы. Дисс. канд. ист. наук. М., 1997; *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997; *История Чечни с древнейших времен до наших дней.* В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI вв. Грозный, 2008.

«восстановление советской власти в Чечне и Ингушетии, как и на всем Северном Кавказе, происходило в форме революционных комитетов, что диктовалось крайне тяжелыми условиями, созданными интервенцией и Гражданской войной, являлось следствием чрезвычайно сложной ситуации в этих национальных районах»¹. Ситуация оставалась прежней и к моменту образования самостоятельной области, возглавляемой ревкомом под председательством Т.Э. Эльдерханова.

Отечественная историография нередко упрекала Т.Э. Эльдерханова в ориентации на буржуазные элементы, духовенство за то, что он проводил политику примирения революционных и реакционных сил. Вменялось в вину «видному революционеру» и слабое знание марксизма. Между тем и политическая практика советского государства, и сама историография признавали «бессознательный характер его крупных ошибок». Подтверждением чему являлось долгое использование Т.Э. Эльдерханова на государственной и советской работе². В данной связи весьма любопытной и до сих пор оказавшейся не востребовавшей выглядит характеристика Т.Э. Эльдерханов, принадлежащая К.Е. Ворошилову. Оказавшись в январе 1923 г. в составе «столичной» делегации, прибывшей в Чечню по случаю образования автономии, он помимо всего прочего писал И.В. Сталину: «Эльдерханов, да и весь ревком, весьма слабые. Особенно Эльдерханов. Сравнивая его со всей той братией, которую пришлось лицезреть, приходится серьезно задуматься над судьбой и ревкома, и дальнейшего Чечни. Эльдерханов бесхарактерен, безволен, глупый и чванливый старикашка. Другого, взамен ему, пока нет»³. В довольно резкой и нелюбезной для аттестуемого форме, он, тем не менее, вынужден был признать, что судьба чеченской автономии еще очень долго будет определяться людьми «чуждой нам» генерации.

В современной историографии начался процесс переосмысления роли отдельных исторических персонажей в истории советской Чечни,

¹ Жуикова Е. Ф. Упрочение Советской власти в Чечне и Ингушетии... С. 78.

² Жуикова Е. Ф. Упрочение Советской власти в Чечне и Ингушетии... С. 134–137.

³ Шейх в роли комиссара: «дело Али Митаева». URL: www.svobodanews.ru/content/article/126880.html (дата обращения: 23.04.2012).

их значения в процессе активизации революционного сознания чеченцев. В частности, по мнению отдельных исследователей, усилению влияния «прокоммунистической группы А. Шерипова во многом способствовала гибель шейха Дени Арсанова в 1918 г. и ослабление влияния Горского правительства. Что касается самого А. Шерипова, который традиционно считается первым коммунистом Чечни, вряд ли он являлся таковым на самом деле. Скорее националист либерального толка, поверивший, что большевики действительно готовы признать национальные права чеченцев»¹.

Более сдержанную оценку получают и такие «ярые» противники советской власти, как шейх Али Митаев и руководитель Северо-Кавказского эмирата Узун-Хаджи. Их сотрудничество с большевиками рассматривается не столько в качестве тактического успеха советской власти, но и как признание их авторитета и прочности позиций среди самих чеченцев. Наиболее последовательным в своем стремлении переосмыслить роль и значение «антибольшевистского элемента» в создании советской автономии Чечни является отечественное Интернет-сообщество, в пространстве которого проговариваются многие идеи, так или иначе связанные с проблемами взаимодействия народов и советской власти.

В одной из электронных публикаций популярного цикла передач «Радио свободы», посвященного Чечне и чеченцам, читателей познакомили с документами планировавшегося к изданию тома «Конфликтный этнос и имперская власть»². Подчеркивался сохраняющийся интерес современников к «чеченской теме», которая на момент выхода передачи в мае 2005 г. все еще продолжала оставаться *terra incognita*. В качестве фигуры, чья жизнь и деятельность по-прежнему интриговала воображение исследователей, был назван шейх Али Митаев. Метаморфозы его политического перевоплощения – от вооруженного сопротивления советской власти до

¹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев... С. 350.

² В несколько расширенном и видоизмененном виде он вышел в 2011 г. в издательстве «РОССПЭН» под названием «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в)» (М., 2011).

членства в областном революционном комитете – стали предметом серьезного размышления специалистов. Пытаясь объяснить столь причудливые перемены в его судьбе, историк Л.С. Гагагова отметила: «По всей видимости, у него была двойственная позиция. С одной стороны, он выказывал стремление служить большевикам. С другой стороны, я думаю, он лелеял далеко идущие планы. И агентура ОГПУ доносила, что он ведет негласную деятельность по сколачиванию всех религиозных сект в нечто единое. То есть под его знаменами собиралось все больше и больше людей. И это начало настораживать большевиков, которые понимали, что рано или поздно Митаев может встать против советской власти. Он превращался в весьма опасную и нежелательную фигуру»¹.

Многочисленные документы и свидетельства современников того времени отмечали высокий авторитет шейха, активность его общественной позиции, «непоседливый нрав и неиссякаемую энергию, зачастую не находившую своего выхода». Разъясняя необходимость его привлечения к активному сотрудничеству с новой властью, секретарь Оргбюро РКП(б) Чеченской АО Азнарашвили писал в октябре 1923 г.: *«Принимая все это во внимание, у меня создалось твердое мнение использовать его как авторитет для Чечни, во-вторых, придать его деятельности, которую никакими силами не остановишь до его смерти, официальный вид, в-третьих, испытать его посредством поручения определенных работ, связанных с нажимом на население, имея в виду продналог, борьбу с бандитизмом и прочее. С моим мнением т. Эльдарханов согласился, и мы решили с ведома Югостбюро ЦК, которое дало свое согласие, ввести его в состав ревкома. До этого Али Митаевым был сделан первый шаг, показывающий его положительное отношение: он предложил чеченскому ревкому выставить сотню своих мюридов для охраны железной дороги. Сотня была выставлена, и налеты на железную дорогу быстро ликвидировались. Согласие на ввод в ревком им было дано, и сейчас он официально числится членом революционного комитета. Здесь его фигура начинает вывяляться рельефней. Становится ясным, его цель – использовать свое новое положение в личных целях укрепления*

¹ Шейх в роли комиссара: «дело Али Митаева».

своего авторитета в массах <...>. Начинает лавировать между своей официальной ролью и своим настоящим положением шейха. Чувствует цели его ввода в ревком и, может быть, даже и знает. Не видно его отрицательной деятельности, но и положительной немного, в лучшем случае – дружественный нейтралитет»¹.

Однако столь хорошо начинавшееся сотрудничество шейха и советской власти было прервано его арестом в 1924 г. Усиление позиций Али Митаева не только среди населения области, но и членов ревкома, противоречивость и непоследовательность его взглядов стали веской причиной для обвинения его в антисоветской деятельности. Последовавший вскоре за арестом расстрел свидетельствовал об укреплении позиций власти, более не нуждавшейся в «традиционном» обрамлении своего присутствия в Чечне.

Не менее скоротечным оказалось и сотрудничество с еще одним идейным противником советской власти – главой Северо-Кавказского эмирата Узун-Хаджи. В советской историографии эмират традиционно рассматривался в качестве реакционного образования, атрибуты государственной власти которого носили «сугубо номинальный характер». Однако, как отмечает современный исследователь, «если бы эмират не представлял собою серьезной силы в горах Чечни, большевики не пошли бы с ним на союз, даже временный»². Стойкий противник советской власти и сторонник сильного теократического государства, Узун-Хаджи весной 1918 г. поднимает знамя борьбы с деникинской оккупацией Северного Кавказа. Разочаровавшись в деятельности долгое время горячо им поддерживаемого Н. Гоцинского, он создает эмират – государство, не имевшее четких границ и с легкой руки историков получившее название «летучего голландца». В его состав входили горные районы Дагестана, горная Чечня и часть Ингушетии. Эмират был признан правительствами Азербайджана, Грузии и Турции.

В период антиденикинского восстания Узун-Хаджи являлся членом Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана вместе с представителями большевиков. В состав правительства

¹ Шейх в роли комиссара: «дело Али Митаева».

² Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев... С. 352.

Северо-Кавказского эмирства, где он являлся главой, также входили большевики, в подчинении Узун Хаджи находились красноармейские части Гикало, чеченские краснопартизанские отряды Исаева и Арцханова. Один из руководителей партии большевиков С.М. Киров в телеграмме В.И. Ленину сообщал о необходимости личного письма вождя мирового пролетариата к верховному вождю горских революционных войск Узун-Хаджи. Узун-Хаджи, в свою очередь, вел переговоры с С.М. Кировым по определению статуса созданного им эмирата на будущее. Однако в марте 1920 г. под давлением большевиков Северо-Кавказский эмират был ликвидирован, Узун-Хаджи получил пост муфтия Кавказа, а летом неожиданно умер.

По признанию специалистов, именно сильное влияние духовенства и кулачества на чечено-ингушскую бедноту, тайповые отношения, сказывавшиеся в период выборов в местные органы власти, исключали возможность предоставления этим народам самостоятельной формы государственности сразу же по окончании Гражданской войны¹. Кроме того, «необходимо было создать крепкие партийные организации, поднять трудящиеся массы до уровня понимания ими задач Советской власти, развить их инициативу, подготовить из их среды последовательных и стойких борцов за интересы трудового народа. Без этого предоставление автономии Чечне и Ингушетии осложнило бы дело упрочения Советской власти и укрепление диктатуры пролетариата в этих районах страны»². Эти задачи и призвана была разрешить Горская АССР, в состав которой включались Чечня и Ингушетия.

В ряде исследований особо подчеркивается, что Чеченский административный округ не являлся автономным образованием, а представлял собою национальное административное объединение чеченского народа³. Неоднозначно оцениваются и итоги пребывания Чечни в составе многонациональной автономии. Помимо констатации, несомненно, положительных успехов, указывается

¹ Юсунов П.И. Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии. С. 7.

² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. II. С. 85–86.

³ Дудаев А.Х. Возникновение и основные этапы становления... С. 29–30.

и на то обстоятельство, что хозяйственный и культурный уровень Чечни в годы выделения ее из состава Горской АССР был еще ниже довоенного: «Отсутствие сколько-нибудь налаженного хозяйства и необходимость создания развитого хозяйства, отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных культурных условий жизни и необходимость скорейшего создания таковых, весьма и весьма низкий политический уровень населения и самая неотложная необходимость поднятия у широких масс политического сознания и их приобщение к активной общественно-политической жизни требовали выделения Чечни из состава Горской АССР и провозглашение ее автономией». По убеждению исследователей, советская автономия должна была послужить для чеченского народа той правовой формой его политической организации, которая наилучшим образом обеспечивала бы решение стоявших перед ним задач¹.

Следующим этапом национально-государственного строительства чеченского и ингушского народов, как раз и стало предоставление им самостоятельных автономий. В литературе утвердилось представление о том, что «экономическое и политическое состояние и возможности Чечни требовали расширения национальной самостоятельности. Объективная необходимость выделения Чеченской области и других округов из состава Горской республики и образование автономной области диктовались потребностями дальнейшего экономического, политического и культурного развития чеченского народа, которые в тот период не мог уже удовлетворять административный округ»². Создание Чеченской АО рассматривается в историографии, прежде всего, как важное средство оздоровления политической атмосферы в Терской области, укрепления местных органов власти в борьбе с «великорусским шовинизмом и местным национализмом», установления «более тесных федеративных отношений местных народов с великим русским народом». Вместе с тем ряд современных исследователей указывает на необходимость более осторожного подхода к анализу восприятия различными слоями общества самой идеи автономии. В частности, ими указывается,

¹ Дудаев А.Х. Возникновение и основные этапы становления... С. 35.

² Врублевский Ф.И. Создание советской национальной государственности... С. 15.

что в отличие от руководства области «не все в Чечне приняли автономию сочувственно». Необходимость ее введения приходилось не только разъяснять, но и отстаивать. Более того, само выделение Чечни из состава Горской республики достаточно настороженно встретили и соседние области, считавшие данную меру нецелесообразной и наносящей вред межнациональным отношениям в регионе. Показательным отношением определенной части населения области к ее новому правовому статусу стало и шариатское движение, в качестве одного из требований выдвигавшее создание религиозных форм управления¹.

Как показывает развитие отечественной историографии последних десятилетий, значимость и влияние личного фактора на те или иные процессы, протекающие в обществе, становятся предметом заинтересованного обсуждения профессионального сообщества. Не остаются без внимания и вопросы, связанные с его воздействием на формирование институтов управления и власти бывших «национальных окраин». Особенно рельефно такого рода воздействие просматривается на материалах «неспокойных» территорий, где советская власть на протяжении нескольких лет вынуждена была мириться с «засильем отживших свой век традиций и клерикальных элементов». Начавшееся переосмысление роли отдельных национальных лидеров в становлении советской автономии Чечни наглядно подтверждает мысль о том, что привлечение их на сторону советской власти являлось не столько «тактической уловкой» последней, сколько мучительным поиском действенных механизмов приспособления к весьма далекой от кабинетных проектов реальности. Обильно одобренная национальным колоритом она находила свое отражение в деятельности новой генерации людей, понимавших неотвратимость грядущих перемен. Их столкновение с новой властью порождало зигзагообразные и не всегда по-советски выдержанные формы национального самоуправления, в пространстве которого формировалась будущая элита северокавказских автономий.

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп, 1994. С. 106.

2.5. «Казачи просят автономии, а нации-то такой нет»: издержки национализма и его современное состояние

Цитата, вынесенная в название и принадлежавшая одному из участников многочисленных комиссий по образованию Причерноморского округа Северной Осетии, как нельзя нагляднее отражает неоднозначность и драматизм взаимоотношений советской власти и казачества, статус которого, по меткому наблюдению современника, определялся *«исключительно силой обстоятельств»*. Обстоятельств, чья широта и разнообразие (*«земель полно, а от русских за исключением ломаного говора и отличить нельзя»*) не позволяли новому режиму видеть в *«опоре бывшего самодержавия самостоятельную нацию»*¹. Национализм, право на самоопределение которой влекло за собой особые формы территориального устройства и изрядную долю социально-экономических преференций. Тем не менее развернувшееся по окончании Гражданской войны национально-государственное строительство, изначально не предполагавшее вовлечения в него казачества, вызвало, помимо всего прочего, и рост этнического самосознания последнего. Не отнесенное официальной властью ни к нациям, ни к национальным меньшинствам казачество в конечном итоге пришлось к необходимости ведения *«обособленной и самостоятельной жизни наравне с другими народностями, особенно в тех местностях, где исторически таковых много»*². Одним из «таковых мест» как раз и являлась Терская область, многонациональный и разноязыкий состав населения которой даже в 1920-е гг. оставался источником затяжных межэтнических конфликтов и столкновений.

Как свидетельствуют архивные документы, терское казачество, оказавшееся в составе национальных автономий, к идее собственной обособленности подошло не сразу. Ей предшествовали и попытки поиска межнационального мира в области, и «цивилизованного» раздела «избыточного» земельного фонда между «обезземеленными» горами.

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

Наиболее ярким эпизодом в этом отношении на территории будущей Северо-Осетинской АО стала работа следственной комиссии *«осетино-казачей и ингушских групп в г. Владикавказе с участием представителей Народного Совета, осетинского и ингушского национального советов, Войскового исполнительного комитета и нейтральных лиц» (1918 г.)*. При ее посредничестве был разобран не один конфликт с участием *«обозначенных народностей»*, снята напряженность во округ станицы Сунженской, произошло неоднократное *«водворение ингушей во Владикавказ»*¹. В это же время Войсковой круг принял решение о создании исполнительного комитета Терского казачьего войска. Ему предстояло, *«взяв на себя тяжелое бремя управления войском и встав на твердую почву принципов народного правления»*, сближение со всеми национальностями и организациями Терской области, а в перспективе – и *«прекращение гражданской войны со всеми своими соседями»*. Именно с этой целью планировался созыв учредительного краевого сейма, *«где в кратчайший срок будут разрешены самим народом все коренные вопросы Терского края»*². Однако по истечении семи лет во многих районах бывшего края казачество уже признавало себя национальным меньшинством, а роль посредника в урегулировании межэтнических столкновений окончательно перешла к советской власти.

9 января 1925 г. Президиум ЦИК Северо-Осетинской АО, рассмотрев вопрос об организации казачьего округа, постановил: *«Выделить из состава Дигорского округа станицы Змеевскую, Николаевскую, из Алагиро-Ардонского округа – станицу Ардонскую, из Гизельдонского округа – станицу Архонскую и хутор Ардонский. Из выделенных 4-х станиц и хут. Ардонского образовать округ с правами района в границах юртовых наделов, входящих в округ станиц и хутора, установленных землеустроительным планом по области с окружным центром в станице Ардонской»*. Округ решено было назвать Притеречным, а для его руководства избрать ревком в составе 7 чел. В связи с образованием нового органа управления признавалось нецелесообразным *«дальнейшее существование Казачьей коллегии при*

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 2об.

ЦИКе», каковую в ближайшее время и планировалось распустить¹. Это решение вызвало к жизни огромное количество всевозможных застарелых обид, артикулируя тем самым его своеобразную «выстраданность» как в сознании казачьего, так и горского населения области. 2 августа 1925 г. в станице Ардонской состоялся первый съезд *«русского населения казачьих станиц, находящихся в Северо-Осетинской автономной области»*. Его главной направленностью стало заявление уполномоченных казачьих станиц о необходимости их выделения в отдельный округ, к которому уже *«выразили желание присоединиться станицы Кабарды и Малкинский округ»*, с непосредственным подчинением Северо-Кавказскому крайисполкому. В качестве «веских» причин такого обособления указывались наличие *«своих автономий у всех национальностей, способствовавших быстрому культурному развитию и строительству в них социализма»* и активно циркулировавшие слухи об *«объединении двух Осетий»* с передачей Северо-Осетинской АО Грузии, *«куда она больше тяготеет»*. Последнее обстоятельство расценивалось *«для наших станиц тормозом в культурном и экономическом отношении»*².

23 июля 4 съезд советов Осетинского округа принял резолюцию по земельному вопросу, в которой *«вновь непреклонно настаивал от имени полуголодной горской бедноты на наделении горцев землей за счет казачьей чересполосицы и выселения последних»*. Вместо временных наделов предлагалось безотлагательно *«производить таковые для постоянного, законно установленного пользования и произвести отчуждение казачьих излишков для горцев с правом заселения этих земель»*. В ней же выражался *«категоричный протест»* против действий *«т. Невского, побывавшего в одном горском ауле и пристрастно... осветившего вопрос о земельном голоде горцев на заседании ВЦИК»*. В качестве мер по неотложному разрешению земельного вопроса предлагалось *«немедленное уничтожение казачьей чересполосицы и предоставление горцам освободившейся земли»*³. 6 августа Президиум Дигорского окружного исполкома утвердил список *«54-х хозяйств с 480 душами обоего пола из Дигорского ущелья»*, желавших переселиться в ст.

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 1об.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 203.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 75.

Змеевскую. Упомянутые в списке граждане тем самым признавались коренными жителями станицы, а станичный сельсовет обязывался наделить их землей¹. 18 августа в станицу прибыли представители земельного отдела округа и без согласия исполкома «по своему личному усмотрению выделили 20 усадебных мест гражданам сел. Дзэгарз». Через 2 дня станичный исполком направил ходатайство во ВЦИК с требованием приостановления «доселения безземельных горцев осетин» по причине того, что «земельная норма [в станице – Т.Х., Е.К.] не превышает нормы по Дигорскому округу»².

12 августа комиссия крайисполкома вынесла заключение по делу «казачьих станиц Северной Осетии», где указывалось, что «в настоящее время наблюдается сильное стремление станичного населения к выделению из состава области на почве стремления к сохранению оставшихся за казаками земельных угодий и <...> национально-культурному самоопределению станиц как нацменьшинств в среде Северо-Осетинской автономной области»³. В качестве «стимулов к выделению» отмечались: нежелание оставаться в области ввиду ее присоединения к Грузии; внутреннее неурстройство казаков, выражавшееся в административной раздробленности, не позволявшей им «обсуждать общие вопросы и защищать общие интересы». Большие неудобства вызывала и невозможность принимать активное участие в обсуждении «вопросов на съездах и конференциях в силу применения осетинского языка, непонятного для них и отсутствия перевода». Такая ситуация не только создавала неудобства, но и приводила к довольно неожиданным для делегатов от казаков решениям беспартийных съездов Гизельдонского и Дигорского округов об их поселении за пределы области⁴. В качестве разрешения сложившегося положения дел комиссией предлагалось выделить казаков в единую административную единицу на правах автономного округа, оставив их тем самым в составе Северо-Осетинской АО.

В то же самое время в Северо-Осетинский областной исполком от уполномоченных станиц Архонской, Николаевской, Змеевской

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 238а.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 235а.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 205.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 205, 205об.

и хутора Ардонского поступил «меморандум» о невозможности дальнейшего пребывания в составе автономной области. Среди его 12 пунктов значились: *«расхождение населения станиц и осетинского населения в правах, обычаях, языке; неодинаковость бытовых и культурных условий земледелия; различия в способах ведения культур и вообще сельского хозяйства, которое в станицах поставлено более высоко»*. Особо отмечались факты назначения на административные должности в казачьих населенных пунктах осетин, а также *«постоянные помыкания, издевательства над гражданами станиц со стороны некоторых представителей осетинской администрации»*. Наглядными тому подтверждениями служили разгон общего собрания граждан станицы Архонской в 1921 г., избивание окружной милицией председателя ячейки РКП(б) в станице Николаевской¹.

26 сентября 1925 г. Президиум Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета обязал Северо-Осетинский областной исполком *«обсудить вопрос о вхождении во вновь образованный казачий округ осетинских сел, смежных с выделяемым округом»*². Разработанный им проект «Положения об отдельном Автономном Ардонском округе Северо-Осетинской автономной области» предусматривал его непосредственное подчинение облисполкому. Однако по *«вопросам расхождения»* предоставлял руководству округа право их опротестования в Президиуме исполнительного комитета края и *«непосредственное сношение по тем же вопросам с краевым управлением и отделами»*. Бюджет округа и право его изменения оставалось в исключительном ведении краевых органов власти. Население выделяемого округа должно было *«находиться на правах меньшинства»*³. 16 ноября 1925 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об организации самостоятельного казачьего округа в составе Северо-Осетинской АО на правах района с центром в станице Ардонской. Выделение нового Ардонского округа должно было завершиться не позднее 1 декабря 1925 г. в границах юртовых наделов станиц Змеевской, Ардонской, Архонской, Николаевской

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 206а.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

и хутора Ардонского¹. 28 декабря Президиум Северо-Кавказского крайисполкома в ответ на начавшиеся трения по вопросам правового и организационного статуса образуемого округа разослал для обсуждения «как типовой проект “Положения об отдельном автономном Туркменском районе”». В недельный срок требовалось «дать соображения по этому проекту»². Ревком Притеречного округа в целом согласился с его основными положениями, предложив оставить за собою «судопроизводство и прокуратуру, крайне необходимых в местных условиях»³.

13 сентября 1926 г. Ардонский округ был переименован в Притеречный с распространением на него действий «Положения о районных исполнительных комитетах и районных съездах советов» и сохранением права обращения в крайисполком, СНК РСФСР и Отдел национальностей ВЦИК⁴. Принятое решение вызвало протест со стороны Северо-Осетинского представительства при ВЦИК РСФСР по поводу правового положения Притеречного округа, «уже являвшегося автономией в другой автономной области». По его мнению, выраженному 20 сентября 1926 г., Положение «коренным образом меняло управление автономной области. Согласно п. 3, Притеречный окружной исполком имеет право приостанавливать постановления областного исполкома Северной Осетии, подрывая тем самым авторитет автономных органов власти, а также решение земельного вопроса – одного из краеугольных вопросов жизни населения Северной Осетии». Не меньшее недоумение представительства вызывало и отнесение населения выделяемых станиц, окруженных осетинскими селами, к национальным меньшинствам: «...если исходной точкой и причиной административного управления считать нацменьшинства 2–4 селений, то необходимо будет предоставить права Притеречного округа и всем селениям других национальностей на Северном Кавказе, а их немало в этом краю. Если взять осетин в Терском округе, то по численности они несравнимо больше, чем казаки в Осетинской области, а потому численность казаков не может

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 63.

служить причиной указанных прав». Особое внимание представительством уделялось еще одному вескому мотиву на предоставление прав Притеречному округу – «мнимому своеобразию быта казаков. Никаких особенностей нельзя здесь найти, кроме наречия, и если из-за наречия необходимо предоставлять административные права, то, несомненно, Дигорский округ, где иное наречие, должен подвергнуться предоставлением новых прав». При этом осетинская сторона не возражала против предоставления казачьему округу «обычных районных прав с непосредственным подчинением Северо-Осетинскому областному исполкому»¹.

В 1931 г. округ стал районом, утратив право апелляции к краевым и федеральным органам власти, а в 1933 г. был полностью ликвидирован. Тем не менее даже столь непродолжительное существование «казачьей государственности по-советски» послужило весомым поводом не одному поколению исследователей видеть в этой, бесспорно, самобытной группе населения полноправный этнос. Этнос, чья этническая наполняемость во многом предопределялась внешними обстоятельствами, подталкивавшими казаков той же Северо-Осетинской АО к осознанию себя национальным меньшинством. История создания Притеречного округа как нельзя нагляднее отражает тесное переплетение самых разнообразных причин (от застарелых обид пред- и пореволюционного времени до «справедливого» решения земельного вопроса) в осознании и властью, и населением области необходимости «дать казакам тоже район».

«Казачий» эксперимент власти, завершившийся на Северном Кавказе к середине 1930-х гг., еще долго воспринимался его основными участниками временем, «когда казаки были нацией и у них даже [существовали – Т.Х., Е.К.] свои небольшие государства. Там на Сунже и еще где. А потом власть одумалась и все у них забрала, они все против этой власти воевали»². При этом современное казачество видит себя самобытным народом, вполне сложившейся нацией, поддержание которой давно уже вышло за рамки советской государственности. В свою очередь, власть все чаще воспринимает

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 3. Л. 65–66.

² Личный архив Т.П. Хлыниной.

казачество «исторически сложившимся брендом», правильное использование которого может во многом способствовать развитию традиционных территорий его проживания¹.

Современное казачество принадлежит к тем объективизированным категориям исследовательской практики, реальность существования которых, по крайней мере, на уровне обыденного сознания, сомнений не вызывает. Овеянное «славными боевыми традициями и крепостью нравственных устоев» оно видится неким былинным богатырем, с чьим пробуждением связывается не только возрождение былой мощи и величия Российского государства, но и его духовного начала. При этом само казачество весьма неоднородно, а начавшийся процесс его институционализации в качестве исторически сложившейся общности людей, обладающей территорией исконного проживания и особенностями культурной традиции, до сих пор вызывает неоднозначности реакцию. На вопрос о том, кто такие казаки, только профессиональный исследователь даст, как минимум, три ответа, связав их с этничностью, профессиональным статусом и особой категорией населения. Подобного рода содержательная неопределенность, помноженная на активное стремление официальной власти видеть в возрождаемом казачестве, прежде всего, защитника внешних рубежей и стража внутреннего правопорядка, приводит к довольно любопытным коллизиям относительно его места и роли в процессе нациестроительства современной России.

Направленный на сборку единой российской нации, процесс этот исходит из необходимости, с одной стороны, сохранения культурного многообразия народов и составляющих их этнических групп; с другой – конструирования монолитной гражданской общности, объединяемой чувством исторической сопричастности к судьбам страны². Причем судьбам, не всегда добровольно выбранным, зачастую цивилизационно чуждым и все еще мыслимым в категориях не до конца состоявшегося геополитического проекта.

¹ Казаки Ростовской области будут ходить в традиционных казачьих одеждах. URL: <http://news.mail.ru/inregions/south/61/society/16092856/?frommail=1> (дата обращения: 13.12.2013).

² *Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Нациестроительство в современной России. М., 2014.

Казачество, позиционируемое в имперский период опорой самодержавия и привилегированным сословием, в официальной советской риторике, покончившей с социальным неравенством, и практиках административно-территориального строительства обрело зримые черты самобытной этнической общности. С этим идейным багажом («верных слуг царя» и «пасынков советской власти») оно, собственно говоря, и было включено в процесс созидания новой этнокультурной общности, главными отличительными признаками которой впредь становились самобытность и несение государственной службы. И если последнее встретило единодушную поддержку власти, то намерение к возрождению традиций и обычаев нередко заканчивалось судебными разбирательствами. Так, созданная в 2001 г. «Казачья национально-культурная автономия» потомственных терских казаков Северной Осетии уже в 2003 г. была ликвидирована постановлением Министерства юстиции республики. Основанием тому послужило признание несостоятельности довода о том, что казачество является этнической общностью, которая «представляет собой исторически сложившуюся общность людей, относящихся к происхождению какого-либо народа (народности, племени). Казачество же исторически определяется как военно-земляческая община вольных поселенцев на окраине государства, крестьяне, потомки таких поселенцев, бойцы кавалерийской воинской части, состоявшие из этих крестьян, бойцов. Казачество не относится к определенной нации, этнической группе». Не дала результатов и апелляция к академической науке в лице академика В.А. Тишкова, не согласившегося с действиями властей, но отметившего отсутствие единого мнения в Российской академии наук относительно природы происхождения и определения статуса современного казачества.

В этом отношении весьма показательной оказалась двухлетняя тяжба между региональной национально-культурной автономией казаков и Министерством юстиции по Волгоградской области. Последнее, исходя из невключенности казаков в перечень народов, проживающих на территории Российской Федерации, и, следовательно, не имеющих права называться этносом, в 2010 г. обратилось в суд с требованием ликвидации автономии. Не получив правовой поддержки в суде областной инстанции, оно направило кассационную

жалобу в Верховный суд, особо отметив, что казаки не являются национальностью. Не убедила региональное министерство и проведенная этнолингвистическая экспертиза, подтвердившая принадлежность казачества к этническим общностям, в отношении которых допустимо употребление термина «национально-культурное самоопределение». Пожалуй, только разъяснение Министерства регионального развития, составленного с использованием понятий традиционных и национальных атрибутов казачьего быта, родового и потомственного казачества, оказалось тем весомым доводом, что позволил отстоять автономию¹.

Серьезным поводом для восприятия казачества и отправной точкой работы с ним на сегодняшний день остается его численность. Уже названное «грандиозной статистической аферой» ее снижение со 142 тыс. чел., зафиксированных Всероссийской переписью населения 2002 г., до 67 тыс. чел., подтвержденных переписью 2010 г., провоцирует власти традиционных регионов проживания казачества к принятию ряда мер по его сохранению и всемерному развитию. В многонациональном Таганроге, гораздо позже других территорий вошедшего в состав Области Войска Донского, на 1 января 2012 г. из 29 муниципальных программ только одна была посвящена поддержке казачества. При том, что в городе насчитывается восемь официально зарегистрированных этнических общин, многие из которых не получают финансовой поддержки со стороны администрации. В Ростовской области разработана и действует государственная программа поддержки казачьих обществ на 2014–2020 гг., целями которой являются *«становление и развитие государственной и иной службы российского казачества на территории Ростовской области; удовлетворение потребности населения в получении доступного и качественного общего, основного общего, среднего общего, дополнительного образования, среднего профессионального образования в образовательных организациях, использующих в образовательном процессе культурно-исторические традиции донского казачества и региональные особенности Донского края; создание средствами образования условий для*

¹ Волков Г. Власть статистическими махинациями пытается лишить казаков этничности. URL: <http://www.apn.ru/publications/article27076.htm> (дата обращения: 22.03.2014).

подготовки обучающихся и воспитанников к служению Отечеству на гражданском и военном поприще, а также формирования у них высоких гражданских, патриотических и духовно-нравственных качеств»¹. С возрождением традиций казачества, а именно ношением им в повседневной жизни традиционной одежды, связываются и надежды на благоприятное развитие туризма. По мнению заместителя губернатора Ростовской области, атамана Всевеликого войска Донского В.Г. Гончарова, «у казаков красивая одежда. Я думаю, что дети и жены всех реестровых казаков постепенно будут переходить на традиционную историческую одежду, и тем же туристам будет интересно посмотреть, как станичники ходят в казачьей одежде»². По распоряжению губернатора в области ведется разработка единой концепции развития станицы Старочеркасской как крупнейшего туристического объекта региона и «исконной казачьей станицы», чей «дух нужно сохранить»³.

Территория Краснодарского края законодательно объявлена «*исторической территорией формирования кубанского казачества*»⁴. В свою очередь, органы государственной власти и местного самоуправления Ростовской области «*в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества*» осуществляют необходимые меры по реализации федерального законодательства и принимают нормативные правовые акты по вопросам возрождения казачества⁵. В Ростове-на-Дону казачество выступает «*самобытной частью городского сообщества*», чье духовное возрождение, а также развитие самоуправления осуществляются в рамках действующего

¹ О внесении изменений в постановление Правительства Ростовской области от 25.09.2013 № 601. URL: <http://www.donland.ru> (дата обращения: 22.03.2014).

² Казаки Ростовской области будут ходить в традиционных казачьих одеждах.

³ Голубев поручил подготовить концепцию развития Старочеркасской до 1 июля. URL: <http://news.mail.ru/inregions/south/61/politics/17211897/?frommail=1> (дата обращения: 22.03.2014).

⁴ Устав Краснодарского края. URL: <http://www.krasnodar.ru/content/523/show/6000> (дата обращения: 22.03.2014).

⁵ Устав Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=75617> (дата обращения: 22.03.2014).

законодательства¹. При этом на уровне муниципального управления оно позиционируется скорее войсковым формированием, нежели национально-культурной общностью. В администрации создан и действует Комитет по межнациональным вопросам, религии и казачеству, а в структуре Консультативного Совета общественных объединений и органов местного самоуправления сформирована Палата национально-культурных обществ и казачьих формирований. Подобная амбивалентность восприятия казачества и формирование представления о нем как о неизбывной составляющей культурно-социального ландшафта страны ставят его в особое положение по отношению к другим профессионально-этническим общностям, превращая тем самым усилия все той же власти по нациестроительству в очередной прожект.

* * *

Реализация советского проекта нациестроительства в регионе заняла не один десяток лет. Создаваемые его усилиями северокавказские нации постепенно обретали полноту своего существования, неизменным мерилom которой выступало наличие той или иной формы автономии. Ее предоставление определялось численностью этноса, степенью его внутренней консолидации, некогда занимаемой территорией и текущими задачами советского строительства. При этом «автономность» существования разнообразных этнических групп и целых народов вовсе не предполагала их самостоятельности и длительной перспективы своего существования. Между тем возникшая как наиболее действенная форма решения национального вопроса, автономия со временем превратилась в некий символ национальной полноценности. С ее сохранением и совершенствованием до сих пор связываются исторические перспективы развития нации, а предложенные советской властью практики ее построения все еще рассматриваются единственно возможным способом решения возникающих национальных вопросов.

¹ Устав города Ростова-на-Дону. URL: <http://www.rostov-gorod.ru/?ID=19427> (дата обращения: 22.03.2014).

Глава III.

«НАРКОМНАЦ УШЕЛ, А ПРОБЛЕМЫ ОСТАЛИСЬ»: КЕМ И КАК РЕШАЮТСЯ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В РЕГИОНЕ

До 1917 г. в Российской империи не существовало специального ведомства, занимавшегося национальными вопросами. Эти вопросы, больше известные как «инородческие», находились в ведении Министерства внутренних дел. Пришедшие к власти большевики твердо верили, что доставшиеся им в наследство от «ненавистного царского режима» национальные проблемы требовали для своего разрешения особого органа власти. Таким органом стал созданный 26 декабря 1917 г. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Наркомнац являлся единственным учреждением, в основу структурного деления которого был положен национальный принцип. В его состав входили национальные комиссариаты и отделы, в том числе и отдел горцев Кавказа. О его деятельности известно немного. Отдел был создан в июле 1918 г. как представительный орган горских народов «в составе центрального органа РСФСР». В его задачи входило информирование центра о нуждах горского населения и их удовлетворении; пропаганда идей советской власти среди горцев и выработка на началах советской Конституции оснований и положений административно-территориальной и национальной автономии на Северном Кавказе и в Дагестане. Первым руководителем отдела стал У.Д. Алиев.

19 мая 1920 г. ВЦИК принял декрет «О реорганизации Народного комиссариата по делам национальностей». В соответствии с ним автономные образования (области и республики) выделяли в состав Наркомнаца национальные представительства, которые и должны были возглавить соответствующие национальные подразделения комиссариата. В 1923 г. в связи с подготовкой новой Конституции уже союзного государства Наркомнац был заменен Советом Национальностей ЦИК СССР. Так же, как и его предшественник, Совет рассматривался органом, выражавшим специфические нужды отдельных народов

и представлявшим их интересы. С его упразднением в 1938 г. был создан Совет Национальностей Верховного Совета СССР, который просуществовал до 1991 г. и уже представлял не непосредственно «национальности», а национально-территориальные образования всех уровней. Последними советскими «национальными» органами власти оказались Государственный комитет РСФСР по делам национальностей и Государственный комитет по национальным вопросам.

В новой, постсоветской России с 1993 г. по 2004 г. сменилось несколько комитетов и министерств, призванных к решению вопросов межнационального взаимодействия и развития российских народов. В одном из его промежуточных вариантов – Министерстве по делам Федерации, национальной и миграционной политики – действовал Департамент по делам Северного Кавказа. С 2004 г. вопросы государственной национальной политики и межнациональных отношений, защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов находятся в ведении Министерства регионального развития Российской Федерации. Оно является федеральным органом исполнительной власти, осуществляет «функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, федеративных и национальных отношений»¹. В составе Министерства действуют два межрегиональных управления по Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам. Однако необходимость «комплексного решения вопросов, связанных с созданием условий для социально-экономического развития Северного Кавказа», потребовала создания и отдельного министерства по региону. Соответствующий указ был подписан 12 мая 2014 г., согласно которому к его компетенции отнесены осуществление функций по выработке и реализации государственной политики в сфере социально-экономического развития Северного Кавказа; координация деятельности по реализации на территории данного региона государственных и федеральных целевых программ².

¹ Министерство регионального развития Российской Федерации. URL: <http://old.minregion.ru/ministerstvo/514/> (дата обращения: 16.08.2014).

² Указ о Министерстве Российской Федерации по делам Северного Кавказа. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/21001> (дата обращения: 16.08.2014).

Отсутствие на сегодняшний день специального ведомства по делам национальностей в ранге министерства и наличие такового по делам «проблемного» региона свидетельствуют, казалось бы, о нахождении властью принципиально иных механизмов решения проблем «национально» позиционируемых административных образований. Однако в реальности, по крайней мере, на уровне все тех же регионов национальные вопросы не только видятся, но и устраняются по рецептам советской эпохи: особыми органами власти и по особым случаям. Попытаемся понять: с какой целью на Северном Кавказе создавались «национальные» органы власти, почему они сохраняются до сих пор и какое отношение имеют к продолжающимся процессам нациестроительства в регионе.

3.1. «Мозаичность в национальном составе требует особых причудливых организационных форм Советского правления как в крае, так и на местах»

В 1926 г. У.Д. Алиев, бывший на тот момент времени членом Президиума Северо-Кавказского исполнительного комитета, подготовил докладную записку с характерным названием «О необходимости создания “Национального Совета” в составе Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета». В ее подзаголовке стояла фраза, свидетельствующая о важности и неотложности рассматривавшегося вопроса: *«Принципиально санкционировано тов. Микояном»*. На самой докладной записке значился гриф «Секретная». О ее последующей судьбе ничего неизвестно, хотя, как представляется, именно она предопределила последующие формы решения национального вопроса в регионе.

Рассуждая о необходимости создания Национального Совета на Северном Кавказе, У.Д. Алиев отмечал: *«Край пестрит многочисленными национальностями и наименьшинствами, составляющими в общем более 30 % всего населения края (т.е. более 2.000.000). При разнородном культурном уровне и историческом развитии мозаичность в национальном составе требует особых причудливых организационных форм Советского правления как*

в краевом центре, так и на местах, при которых наиболее чутко могли бы прислушиваться к их запросам и более быстрыми темпами способствовать их культурному, экономическому развитию». Монолитность советского правления в мозаичном крае, по его мнению, неизбежно вела к потере «некоторых текущих культурно-экономических интересов нацменов и националов», учет которых мог бы осуществляться специальным общесоветским органом власти. Существовавшие «подсобные органы при отделах крайисполкома (совнацмен при крайоно, институт замства при националах) <...> не всегда пользуются успехом, чтобы к их голосу прислушивались, и их мероприятия не проходят дальше от “благих намерений”». А отмечавшиеся нарушения автономных прав национальных образований, происходивших не только по «злой», но и «доброй воле» представителей краевых органов власти, становились еще одним веским аргументом в пользу необходимости учреждения специального органа в составе крайисполкома «в ограду и защиту интересов ранее забытых и культурно отсталых националов и нацменьшинств»¹.

Предлагалось три варианта форм организации такого «специального органа». Первый вариант исходил из необходимости учреждения Национального Совета или Совета Национальностей в составе Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Обосновывалось такое предложение «подражанием союзному ЦИКУ в создании второй палаты – выборного органа не на началах пропорционального числа населения, а на началах представительства, паритетности в нашем масштабе». Более того, создание такого органа в краевом центре получило свое решение еще в первоначальном проекте «Положения о Северо-Кавказском крае», принятом на Пленуме крайисполкома в марте 1924 г., «каковое вследствие невыходения в край Горской и Дагестанской АССР и уменьшением удельного веса национальных объединений осталось неосуществленным». К компетенции Совета относилось наблюдение за своевременным и точным выполнением постановлений всех высших государственных и краевых органов по вопросам, касавшихся национальных

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 20–21.

республик и областей; рассмотрение, согласование и представление в краевой исполком и его Плановую комиссию хозяйственных планов автономных республик и областей; контроль над осуществлением высшими органами автономных республик и областей производственных программ в пределах единого краевого хозяйственного плана и принятием необходимых мер для правильного его выполнения. Отмечались необходимость наблюдения за правильным и целесообразным использованием всех материальных ресурсов автономных образований; содействие в деле их снабжения всеми материальными средствами для хозяйственного развития и «преуспевания»; развитие государственно-административных, культурных и хозяйственных инициатив автономий и «*принятие всякого рода мер, направленных к повышению их хозяйственного и культурного уровня*»¹.

Второй вариант предусматривал создание при краевом исполнительном комитете Отдела национальностей или уполномоченного по делам нацменьшинств, в задачи которых входило бы осуществление мер в области национальной политики, а также защита прав и интересов национальных меньшинств. Третий вариант исходил из создания краевой Комиссии по делам национальностей по примеру Украины. Ее деятельность предполагала выявление законодательной инициативы и принятие участия в разработке и согласовании через соответствующие органы всех законопроектов, касавшихся политики края по делам национальностей; вхождение «*в сношения с соответствующим отделом ВЦИК или управлением по разрешению тех или иных вопросов экономического, культурного и иного характера, касавшихся национальных меньшинств*»; возбуждение вопросов о пересмотре уже принятых постановлений, противоречащих интересам той или иной национальности. В отличие от других предлагавшихся органов Комиссия наделялась и культуртрегерскими функциями. Она должна была собирать, изучать и разрабатывать материалы, относившиеся к экономике, культуре и быту национальных меньшинств, проводить «*в случае надобности их непосредственные обследования на местах*», а также принимать меры к изданию и распространению на национальных

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 22.

языках *«важных декретов и распоряжений власти для ознакомления нацменов с их правами и обязанностями»*¹. В заключительной части «Докладной записки» создание в краевом центре *«общего авторитетного советского органа специально для осуществления мероприятий национальной политики и для защиты прав, интересов националов и национальных меньшинств в Северо-Кавказском крае»* признавалось принципиальной необходимостью. Наиболее оптимальной формой его организации виделся Национальный Совет в составе краевого исполнительного комитета на правах второй палаты. До его учреждения предлагалось создание Национальной Комиссии из пяти человек под началом одного из заместителей председателя крайисполкома, *«на коих временно и возлагалось исполнение функций Национального Совета»*.

К моменту появления этого программного документа в составе краевого исполкома уже был создан и действовал Крайнацсовет – краевой Национальный Совет по вопросам культуры и просвещения горских народностей. Он был учрежден в 1925 г. *«в целях планомерного содействия скорейшему культурному развитию горских народов Северо-Кавказского края, согласования работ и мероприятий всех краевых и местных советских учреждений и общественных организаций в деле культуры и просвещения горских народов»*. Совет образовывался из представителей отдельных горских народов *«в составе от Чечни – 2, от Ингушетии – 1, Осетии – 2 (один иронец, другой – дигорец), Кабарды – 1, Балкарии – 1, Карачая – 1, Черкесии – 1, абазинцев – 1, ногайцев – 1, Адыгеи – 1, шапсугов – 1, туркмен – 1, тюрко-татар – 1, калмыков – 1»*, которые избирались соответствующими исполкомами. Со стороны крайисполкома в Совет вводились *«соответствующие люди. Вся техническая работа осуществлялась президиумом из 3 человек и 2 кандидатов, избравшихся на год Пленумом Крайнацсовета»*. Сессии Совета должны были проводиться не реже одного раза в три месяца, а его представитель, согласно Положению, с правом решающего голоса должен был входить в Северо-Кавказские краевые плановую и бюджетную комиссию при обсуждении вопросов

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 23–24.

относительно культурных мероприятий и просвещения горских народов. Показательно, что первым его председателем оказался все тот же У.Д. Алиев.

Деятельность Совета получила крайне разноречивую оценку: У.Д. Алиев полагал ее *«недоотягивавшей»* до нужд тех, кому она непосредственно предназначалась; крайисполком, напротив, видел ее *«где-то даже избыточной»*, а Совет Национальностей ВЦИК время от времени требовал *«оживить работу среди наших внутренних националов»*. Тем не менее только за один год при содействии Совета будут организованы и открыты музей северокавказских народов, Институт краеведения, а его I Пленум в разделе «Наших достижений» 7 мая 1926 г. отметит: *«Все, что мы имеем, имеем как творчество и продукт Советской власти, начиная от буквы а и кончая сравнительно удовлетворительной литературой на горских языках»*. При этом одним из тормозов успеха в области национального издательства будут названы *«пестрота национального состава нашего края и множество языков»*¹.

Напомним, что в 1924 г. в ходе реформы районирования была создана Юго-Восточная область, переименованная спустя год в Северо-Кавказский край. В их состав и вошли все национальные образования. Именно это вхождение, собственно, и спровоцировало дискуссию о необходимости создания специального органа власти, обеспечивавшего представительство и защиту их интересов. Сложность выработки принципов районирования Юго-Востока России связывалось, прежде всего, с тем, что входившие в него административно-территориальные и национальные образования резко различались между собою в экономическом, политическом и культурном отношениях. Поэтому принятию окончательного положения о новом краевом объединении предшествовал длительный процесс согласования различных проектов, в разработке которых приняли участие самые различные ведомства. Их отличия носили, на первый взгляд, не принципиальный характер, но свидетельствовали о непростом процессе согласования хозяйственных интересов и административных амбиций руководства как национальных областей, так и центральных учреждений страны.

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 534. Л. 186, 187.

В 1922 г. состоялось первое краевое совещание губернских и областных ЭКОСО (экономических совещаний) Юго-Востока России. Оно признало, что методы советского строительства народного хозяйства оказались совершенно не совместимы с формами административно-территориального деления Северного Кавказа, а также со структурой и правовым положением местных органов власти. Ситуация усугублялась и особой позицией, занятой автономиями, которые рассматривали любое включение в промежуточное объединение как прямое ущемление своих прав: «Анализ документов, относящихся к экономическому районированию Юго-Востока, созданию Северо-Кавказского края, позволяет сделать вывод о том, что некоторые руководящие работники Дагестана и других горских автономий в первые годы Советской власти слишком ревностно относились к автономии, зачастую преувеличивали национальные особенности в ущерб общегосударственным интересам, проявляли местничество»¹.

В противовес первоначальному варианту районирования, предложенному Госпланом, Дагестаном выдвигалась идея преобладания национальных интересов в создании крупных экономических областей. Согласно ей, предусматривалось образование экономического объединения горцев Северного Кавказа с центром в Грозном. Оно предусматривало «согласование общей экономической политики РСФСР с особенностями быта и нуждами горского населения, более полное использование местных средств и природных богатств края для повышения экономического благосостояния населения», а также «гарантии автономиям со стороны государственных образований этого района»².

Весьма показательна и реакция русских областей Юго-Востока России в отношении госплановского проекта. Так, ознакомившись с ним и выразив полное согласие с самими подходами к вопросу о районировании, Кубано-Черноморский облисполком счел необходимым

¹ Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала, 1972. С. 119.

² Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного... С. 96–97.

выдвинуть ряд соображений. Они сводились к требованию более осторожных действий, не допускавших немедленного осуществления проекта и позволявших обеспечить постепенный переход Кавказа на областное управление. Общие трудности, по мнению комитета, заключались в проживании на территории региона 80 различных народностей, часть из которых получила от советской власти ту или иную форму автономии в управлении и хозяйственном самоопределении. Вполне естественно, что объединение на началах областного управления взамен непосредственного подчинения центру не могло быть воспринято ими безболезненно. По мнению руководства области, во многих районах еще не были выработаны «надлежащие» формы хозяйствования, не изучены экономические возможности, отсутствовали культурно-экономические центры, которые могли бы удовлетворительно выполнять задачи областного центра¹. Особо отмечалось, что в силу национально-бытовых особенностей, отсутствия необходимого хозяйственного взаимодействия между Северным Кавказом и Закавказьем, немедленное районирование Кавказа оказывалось невозможным. Предлагалось создание в границах Кавказа трех областей: Закавказской, Горской и Северо-Кавказской с их последующим объединением. При этом в Горскую область должны были войти исключительно национальные образования края, а также Дагестан и Горская республика. На долю Северо-Кавказской области приходились русские территории края, а в состав Закавказской включались закавказские и Нахичеванская республики, а также Абхазия.

Подобные варианты «национального» районирования вызвали резко отрицательную реакцию Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Подчеркивались «крайняя бедность культурных сил на местах, слабость партийных, советских организаций, негативное отношение к подобным идеям русских округов, а также... последующие неурядицы и склоки между национальностями»². В дальнейшем Юго-Восточное отделение Госплана предложило создание Средне-Кавказского экономического района, включавшего в свой состав Дагестанскую и Горскую

¹ Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997. С. 100–101.

² Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления... С. 101.

республики, Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую автономную области, Терскую и Ставропольскую губернии с центром во Владикавказе. Проект учитывал экономическую целостность района, наличие природных ресурсов, источников энергии и однообразный характер сельскохозяйственного производства, сложившийся в республиках и областях. Данный вариант являлся простым повторением старого дагестанского проекта. Небольшие различия, касавшиеся в основном выбора административного центра и самих принципов создания района, не меняли его сути. Однако именно в них заключались главные отличия двух проектов. Последний проект отвечал принципам экономического районирования и ориентировался на хозяйственные нужды как автономных образований, так и страны в целом¹.

Комиссия по районированию Юго-Востока России рассмотрела все возможности проведения районирования по национальному признаку и пришла к заключению, что данный признак «более или менее близко укладывается к сложившимся хозяйственным районам: скотоводческому с преобладанием туземного населения и земледельческому – русскому по своему основному составу». Комиссия отметила и тот факт, что национальное единообразие должно было достигаться в каждом районе посредством включения в одну административную единицу, по возможности, трех основных национальностей – великорусской, малорусской и туземной, так как преобладание той или иной из них накладывало резкий отпечаток на весь хозяйственный строй района². Предлагавшиеся проекты встретили протест со стороны представителей как самих горских автономий, так и Кубано-Черноморской области. Наиболее решительно они прозвучали на августовском совещании 1923 г. краевого экономического совета и Президиума Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б). Кубано-Черноморская область настаивала на образовании Северо-Кавказского края без Донской области и национальных автономий, на роль административного центра которого предлагались

¹ Нечипурнова Н.С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968. С. 72–74.

² Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления... С. 102.

Краснодар или Армавир. Представители Донской области, Терской и Ставропольской губерний поддержали проект Юго-Восточного отделения Госплана об образовании Средне-Кавказского района. В свою очередь, автономные образования предлагали создание «чисто русской» Юго-Восточной области или включение их в сферу ее деятельности на общих основаниях с другими административно-территориальными единицами. На совещаниях по национальному вопросу, состоявшемся 12 июня 1923 г. при ЦК РКП(б), представители Дагестанской и Горской республик, Чеченской АО сообщали в Президиум ВЦИК о том, что они против включения автономий в состав Юго-Восточной области. В качестве одной из причин такого нежелания указывалось на «умаление их прав». Присутствовавший на совещании заместитель Юго-Восточного отделения Госплана В.Н. Хронин, напротив, видел в процессе районирования некоторую «децентрализацию власти и расширение прав местных органов власти, а тем более автономий». Протест автономных образований рассматривался им «как желание автономных республик и областей выйти из краевого объединения вообще независимо от районирования»¹.

Анализ данных проектов районирования Юго-Востока России свидетельствовал о напряженном поиске различными ведомствами наиболее оптимального сочетания хозяйственных интересов страны с потребностями национальных автономий. 13 февраля 1924 г. было принято итоговое «Положение о Юго-Востоке России», а уже 16 октября Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край. Новая область включала в себя 10 административно-территориальных единиц губернского масштаба с центром в Ростове-на-Дону. В нее вошли две области, две губернии, четыре национальные автономии – Карачаево-Черкесская АО, Адыгейская АО, Чеченская АО, Кабардино-Балкарская АО, Горская АССР и г. Грозный. Дагестан оказался в непосредственном подчинении РСФСР и выразил желание связать себя экономическими узами с Закавказской Федерацией.

По «Итоговому положению о Юго-Востоке России» автономии провозглашались независимыми от краевых органов власти в вопросах

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент»... С. 118.

внутреннего управления, земельных отношений, народного образования, здравоохранения, судостроительства, социального обеспечения, местного хозяйства и бюджета. Фактически они подчинялись краевому руководству лишь в области финансового налогообложения, труда, рабоче-крестьянской инспекции, внутренней торговли и статистики. Обязаны были руководствоваться распоряжениями уполномоченного соответствующего Наркомата при краевом исполкоме в вопросах иностранных дел, внешней торговле, железнодорожного транспорта, управления почтово-телеграфной сети и в военных делах. В случае несогласия с распоряжениями краевого исполкома, его Президиума и отделов, исполнительные комитеты автономных областей имели право на приостановление их действий под свою ответственность. При этом им следовало поставить в известность крайисполком и обращаться за окончательным решением во ВЦИК. За автономиями закреплялось право иметь представительства в краевых и всероссийских органах власти. В целях согласования интересов области и входивших в ее состав автономий при областном исполкоме Юго-Востока учреждался Национальный Совет по делам национальных республик и областей. В его компетенцию входил широкий круг вопросов – от согласования хозяйственных планов и содействия в повышении культурного уровня национальных образований до предварительного обсуждения касавшихся автономий вопросов, выносившихся на рассмотрение облисполкома. Отношения национальных автономий с центральными органами власти планировалось осуществлять только через Национальный Совет, областной исполком или его Президиум. Однако уже в 1926 г. Национальный Совет был переименован в Национальную Комиссию, действовавшую при краевом исполнительном комитете и сосредоточившуюся на разборе жалоб и взаимных претензий *«отдельных национальностей и народов друг к другу»*. Судьба Комиссии оказалась тесно связанной с существованием самого краевого объединения: она была упразднена в 1934 г. с его разделением на Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края. Оценить ее работу пытались уже современники, отмечая, что во многих случаях сам факт существования учреждения, выполнявшего функции арбитра национальных трений, способствовал не только их интенсификации, но и возникновению.

Дело в том, что Комиссия не только рассматривала возникавшие споры, но и проводила *«большую работу по изучению национальных отношений в крае»*, итогом которой зачастую оказывалось *«возбуждение вопросов об их ненормальности»*.

При обсуждении проекта договора представители автономий неоднократно указывали его разработчикам на то, что он недостаточно учитывает «национальный момент, неглубоко проводит идею построения областного (краевого) аппарата на началах равноправного участия в нем всех национальностей». Так, представители Адыгейской АО настояли на вхождении в Национальный Совет не одного, а двух ее делегатов «наравне с Кабардино-Балкарией и Чечней». Автономии предлагали создание двухпалатного облисполкома, который состоял бы из исполнительного комитета и комитета национальностей, сформированного по паритетному принципу. Звучали предложения и об образовании Отдела национальностей при Президиуме областного комитета, непосредственно связанного с Отделом национальностей ВЦИК. Предложения и многочисленные поправки автономий были учтены в «Положении о Северо-Кавказском крае», утвержденном Декретом ВЦИК 26 января 1925 г. В двух его разделах подтверждалось право автономий на непосредственное обращение к общесоюзным органам власти. 29 октября 1928 г. оно было повторно подтверждено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О взаимодействии между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами областной (краевой) власти». Автономии одновременно признавались субъектами федеральной организации России, ее административно-территориального устройства и административно-экономического деления. Подобная практика со временем была распространена и на подавляющее большинство ранее и вновь созданных автономий¹.

Именно тогда сформировались представления о том, что национальные проблемы не только не могут быть сведены к вопросам социально-экономического и культурного развития отдельных национальных групп и целых народов, но и требуют для своего

¹ Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности... С. 213–215.

разрешения специального органа власти. Все попытки «вписания» этих проблем в общее русло развития конкретных территорий не находили понимания в национальной среде и разбивались о глухую стену недоверия к «интернационализму как таковому». Причинами этого недоверия оказывалась убежденность как самих «националов», так и представителей советской власти в том, что разобраться в хитросплетениях национальной жизни в крае можно, только выделив ее в отдельное направление. Этот же подход сохраняется и в современной государственной практике решения национальных вопросов, усложняющихся, по мнению представителей соответствующих ведомств, возросшей мобильностью этнических групп. Несмотря на различающиеся названия и масштабность деятельности сегодняшних «наркомнацев», все они исходят из признания существующих в стране национальных проблем и возможности их решения в рамках специально для этого образованных подразделений.

Так, в Ростовской области создано Управление по национальным вопросам и работе с общественными объединениями Министерства внутренней и информационной политики. В его обязанности входит обеспечение взаимодействия органов исполнительной власти области с политическими партиями и иными общественными объединениями, национально-культурными организациями¹. Главной задачей Управления в области национальных вопросов является отслеживание их состояния и недопущение перерастания в стадию активного межэтнического противостояния. В этом отношении показательно понимание сути национальных вопросов представителями самого Управления: *«Ну, если так смотреть, Ростовская область исторически многонациональна, и на сегодняшний день на территории Ростовской области, если мы возьмем перепись 2010 г., получается более 200 национальностей и этносов. Но некоторые этносы, национальности представлены по одному человеку. У нас есть один чилиец, есть один представитель древнего японского народа айну. А если так посмотреть более крупные группы, то получается, что*

¹ Управление по национальным вопросам и работе с общественными объединениями Министерства внутренней и информационной политики Ростовской области. URL: <http://mvip.donland.ru/Default.aspx?pageid=98833> (дата обращения: 26.08.2014).

170 национальностей проживают на территории Ростовской области. Но при этом основная масса – это русские, 89,6 %, а если сюда прибавим украинцев, белорусов, то получается почти 93 %, остальные 7 % – это другие национальности, этносы, у которых иногда и другая культура, другая вера. И поэтому самый многонациональный у нас город Ростов-на-Дону, но остальные республики Северного Кавказа в основном сосредоточены у нас, мы ее называем эту зону юго-восток Ростовской области. Это 7 территорий – Ремонтное, Зимовники, Заветка, Дубовка, Орловка, Пролетарка, Сальск, Мартыновка. Вот в этих территориях немножко у нас, как мы считаем, межнациональные отношения, но мы не любим слово “межнациональные”, мы говорим “межэтнические”. Потому что и среди Вас, ученых, эти слова, спор до сих пор идет, межэтнические или межнациональные. Поэтому у исполнительных органов власти и в муниципальных образованиях, в основном, если так посмотреть 19 муниципальных районов, городских округов, где многонациональная среда, и иногда возникают трения между представителями различных национальностей. Созданы здесь структуры, где специалисты, которые занимаются регулированием этих отношений»¹.

Воспринимаемые сферой столкновения национальных интересов, вопросы эти оказываются плохо верифицируемыми с правовой точки зрения, что не может не вызывать определенных сложностей в работе Управления и вместе с тем отражать эволюцию понимания национальных вопросов официальной властью: «Конечно, если вот взять и посмотреть, у нас есть статистика. Вот, когда я пришел с 1996 г., какие конфликтные ситуации были на территории Ростовской области. Если их проанализировать, то практически

¹ Интервью с Ломакиным Геннадием Петровичем, заместителем начальника Управления по национальным вопросам и работе с общественными объединениями Министерства внутренней и информационной политики Ростовской области. Интервьюеры Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Запись 10.03.2013. Продолжительность 115 мин. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, Управление по национальным вопросам и работе с общественными объединениями Министерства внутренней и информационной политики Ростовской области // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

2–3 случая можно считать, что межэтнические столкновения были. Остальные всегда у нас начинались с молодежной среды, все мы были молоды, все ходили на танцы, все мы танцевали с девушками. И когда что-то происходило не так, возникали драки и начинали стягивать в эти конфликты старшие поколения. Бежали, допустим, из Зимовников, если мне память не изменяет, в 2003 г., сын атамана: “Папа, меня побили!”. Те побежали к своим старшим, а когда начинают старшие вмешиваться в конфликт, не разводите, то и возникают эти стычки. Ну, здесь, будем говорить, сравнивать 1996 г., 1997 г., до 2000 г. – одни причины для возникновения. Сейчас, на наш взгляд, совершенно другие. Ростов – это центр Южного федерального округа, где много сосредоточено, и сюда едут представители со всех северокавказских республик и с других территорий. В основном едут по направлению [учиться]. И едут ребята, приезжают, будем говорить, у них совершенно другие взгляды, другая культура. Не будем забывать, что многие приезжают, взять Чеченскую Республику, Дагестан, где, особенно в Чечне, в Ингушетии шли боевые действия, в Дагестане сейчас продолжают, некоторые приезжают немного озлобленные, в связи с теми событиями, когда происходит, объявляется контртеррористическая операция и проводится “зачистка” среди определенных групп. А приезжают сюда – они из-под надзора старших ушли. Кавказ еще, слава Богу, сохраняет традицию уважения к старшим, где старейшины действуют. А здесь они приезжают и предоставлены сами себе. И эти знаменитые танцы-лезгинки на [улице] Пушкинской и в других местах – они приводят к тому, что возникают трения, разборки. Если взять взаимодействие наше межведомственное с правоохранительными органами и посмотреть, а сколько же дел было? Мы говорим там – межэтнические конфликты, где эта 272-я статья. Практически – раз, два и обчелся. По этой статье дел-то и не возбуждалось, кроме как в прошлом году, когда футбольные фанаты убили турка-месхетинца в районе гостиницы “Ростов”. А остальные все переходят и квалифицируются правоохранительными органами то как хулиганство, то еще какие-нибудь статьи Уголовного Кодекса»¹.

¹ Интервью с Ломакиным Геннадием Петровичем...

Выходом из создавшейся ситуации стало более широкое и разнообразное привлечение диаспор к выработке национальной стратегии развития области. С этой целью был создан Консультативный Совет по межэтническим отношениям, история появления которого уходит своими истоками в начало 1990-х гг.: *«Но мы не идеализируем ситуацию, у нас, как нигде на других территориях, с 1992 г. действует Консультативный Совет. Раньше он назывался – [Консультативный Совет] национальных групп при главе администрации, сейчас называется Консультативный Совет по межэтническим отношениям при губернаторе, куда входят представители практически всех структурированных национальных групп, руководители. И на этом Консультативном Совете, который возглавляет заместитель губернатора области, мы рассматриваем все вопросы, которые волнуют представителей национальных групп, с другой стороны, мы высказываем наши пожелания, что бы мы хотели видеть, как они должны строить отношения со своими соотечественниками, особенно со вновь прибывающими»¹.*

Как и любая иная инициатива власти, появление и действие Консультативного Совета оценивается по-разному, в том числе и представителями самих диаспор. Тем не менее практически все наши собеседники оказались единодушны в признании его необходимости и действенности, позволяющими не только достучаться до власти, но и *«показать ей, что и как можно сделать в этом направлении»*: *«Позавчера я был на совещании в администрации Советского района. Там третьим пунктом было написано мероприятие информационное, агитационное, пропагандистское для решения тех же самых задач по культурному сближению, организации межэтнических отношений и так далее. Тут же я сразу, как бы написано: в библиотеках там-то и там-то оформлять уголки. Я говорю: “Ребята, люди, которые ходят в библиотеки, они не испытывают, как правило, тех проблем, они читают хотя бы. Поэтому всю эту наглядную агитацию – ее выносить на улицу надо. Вот есть у нас аллея Роз, аллея Дружбы, студенческий городок у нас там юфушный [Южного федерального университета – Т.Х., Е.К.], большой, многонациональный. Давайте, мы*

¹ Интервью с Ломакиным Геннадием Петровичем...

с Вами тоже самое сделаем”. То же самое, что вчера про Пушкинскую говорили. Вот эту самую аллею насадим наружной рекламой, а наружная реклама будет простая – черно-белые фотографии людей разных национальностей, которые строили этот район, живут в этом районе... Ну, сразу же отписали: “Учтем, это интересная идея”¹. Аналогичные оценки получил и сочинский общественный Совет национальных объединений, создание которого связывалось не только с налаживанием взаимодействия власти и национальных объединений, но и с «контактированием последних друг с другом»: «С увеличением регистрации всех разных национальностей, отделений и культурных центров – ну, это необходимость. Кто бы его ни организовал, это необходимость, потому что такой орган нужен, в обязательном порядке нужен. Мы периодически собираемся, вот делают праздники, приглашают друг друга, это обязательно должно быть. Например, у нас на праздниках бывают все председатели других диаспор, все представители в обязательном порядке»².

С 2009 г. в Ростове-на-Дону действует Палата национально-культурных обществ и казачьих формирований, которая входит в структуру Консультативного Совета общественных объединений и органов местного самоуправления города. Основной функцией Палаты является разработка предложений и рекомендаций по вопросам развития города, затрагивающим межнациональные отношения и представление их в органы местной власти и в общественные объединения. Найденный формат решения национальных вопросов признается оптимальным, но не исключает взаимных претензий и подозрений основных участников друг к другу: «Теперь это

¹ Интервью с Киргуевым Эдуардом Константиновичем, президентом осетинского культурно-просветительского общества «Алания-ИР». Интервьюер Т.П. Хлынина. Запись 19.04.2013. Продолжительность 100 мин. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Интервью с Маргиевым Анатолием Дианозовичем, председателем Сочинской городской осетинской национально-культурной общественной организации «Алания». Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 25.06.2013. Продолжительность 65 мин. Место проведения: г. Сочи, здание городского торгового центра // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

начали больше афишировать, больше выносить в средства массовой информации, а так этому взаимодействию [власти и общественных организаций – Т.Х., Е.К.] действительно лет много. Очень многие люди, например, с удивлением узнают, что есть какие-то национальные диаспоры. Мы, конечно, нуждаемся в том, чтобы нас представляли. Всякий раз, когда нас представляют в СМИ, это оборачивается большим количеством проблем для нас»¹. «Значит, в городе Ростове сейчас 20 национальных общин сформированных. Общины разные. Одна треть общин достаточно активно ведет себя. Т.е. они реально существуют, у них советы, актив сформированный, существует план, и целенаправленно, планомерно проводится работа по поддержанию своей культуры. К таким общинам я могу, значит, отнести корейцев, евреев, греков, армян. Это многочисленные общины, которые в действительности заботятся как-то о своем языке, культуре. Верх моего удивления – когда лет пять назад корейская община привезла театр из Алма-Аты. Корейский театр – специально заказали, оплатили дорогу. Здесь они дали представление, заказали автобусы и со всей области корейцев свезли в театр – вот, Дом народного творчества, для того, чтобы корейцы на корейском языке слушали спектакль. Вот, я говорю – предел моего удивления. Треть общин – как-то обозначили себя, проводят достаточно массовые мероприятия от случая к случаю, но чувствуется, что вот такой системной, структурированной работы у них нет. И еще одна треть – это внутренняя, как говорится, градация. Еще одна треть общин – слабоваты, они себя обнаружили, обозначили, они зарегистрировались, но сил у них маловато, и, в общем-то, люди туда особо не тянутся. Но мы стараемся со всеми поддерживать ровные отношения»². Отчасти справедливый, но не носящий принципиальных разногласий характер

¹ Интервью с Киргуевым Эдуардом Константиновичем...

² Интервью с Сергиенко Юрием Николаевичем, начальником Комитета по межнациональным вопросам, религии и казачеству Администрации г. Ростова-на-Дону. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Запись 16.01.2014. Продолжительность 133 мин. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, Комитет по межнациональным вопросам, религии и казачеству Администрации г. Ростова-на-Дону // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

этих требований свидетельствует о получающем все более широкое распространение восприятию национальных вопросов не более чем «реальной проблемой». Причем проблемой, требующей для своего разрешения коллективных, в том числе и ведомственных усилий.

Наглядным подтверждением стремления к межведомственному решению национальных вопросов являются и изменения, связанные с реформированием соответствующих министерств и выделением «этники» в отдельные комитеты и управления: *«Они – это аналогичное министерство [в Кабардино-Балкарии – Т.Х., Е.Ф.] – разделили, распилили, сделали Комитет по печати и Управление по гражданскому обществу и взаимодействию с общественностью, с религиозными организациями... Национальную часть в отдельное Управление вынесли... Они тоже [в Северной Осетии – Т.Х., Е.Ф.] сделали разбивку: отдельно Комитет по печати и отдельно уже этника»*. Причем самостоятельность существования национальных подразделений рассматривается *«вопросом сугубо политическим»*: *«В других регионах, т.е. это вопрос большей частью политический, это в администрациях Управление внутренней политики и, как правило, Департамент по этике и конфессионалке. Там либо отдел, либо еще что-то»¹*. На сегодняшний день очевидным становится и стремление органов власти к увязке национальных вопросов с комплексным развитием региона, его отдельных (зачастую этнически маркированных) территорий. По мнению министра по делам национальностей, массовым коммуникациям и связям с общественностью Карачаево-Черкесской Республики Е.В. Кратова, *«достигнут определенный компромисс, баланс. Здесь действует система сдержек и противовесов, что, в общем-то, позволяет, с одной стороны, реализовать амбиции этноэлит, во-вторых, удовлетворить реальные интересы людей, проживающих в республике. Вот, допустим, сейчас готовились к встрече министра регионального развития <...>. И мы*

¹ Интервью с Кратовым Евгением Владимировичем, министром по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати Карачаево-Черкесской Республики. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 24.04.2014. Продолжительность 155 мин. Место проведения: г. Черкесск, Министерство по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

просчитывали проблемы наших отдельных народов: там, русский вопрос, абазинский вопрос, черкесский, карачаевский, ногайский и прочие. И когда переводили это в плоскость социально-экономического развития, было не просто сложно, а вообще невозможно установить какие-то критерии, т.е. чего нет у какого-то народа, что есть у других. Т.е. какие-то проблемы – да, есть. Например, проблема газификации. У нас здесь чисто территориальная удаленность [сказывается]. Понятно, что Урупский район – он удаленный. Но точно также страдает Карачаевский район. Точно также там проблема по электроснабжению. Понятно, что эти факторы способствуют, допустим, нагнетанию напряженности, их можно использовать. Но опять же, когда пошло финансирование, а сейчас пошло активное строительство газопроводов <...> У нас удаленный Урупский район – туда сейчас провели газ. То, о чем большевики долго говорили, сейчас взяли и сделали. Опять же на уровне политических связей договорились с «Газпромом», сделали софинансирование, сделали приоритет, бросили все усилия и сделали ветку. Хорошая политика – это когда средства не распыляются, потому что их немного, а вкладываются <...>. Но те же вопросы газификации, канализация и прочее – это не этнические вопросы»¹.

Подчеркнув, что этнические проблемы все же сохраняются, он отметил, что они уже носят совершенно иной характер: «Есть. Ну, во-первых, отдельно сложно жить. И я как анекдот привожу пример <...>. Был запрос от 1927 г., по-моему, в Баталпаинск [в настоящее время – Черкесск – Т.Х., Е.К.]. И, значит, спросили о наличии национальных проблем в регионе. И ответ – короткая такая телеграмма в центр, в Москву: “Национальных проблем не существует из-за отсутствия национальностей”. Есть национальностей – есть проблемы. Нет национальностей – нет проблем. Они есть, но уже другие. Здесь тоже самое: есть объективные моменты, которые стоят перед этносами, и которые и мы пытаемся решать, и нацеливаем на это общественные организации. Этнически ориентированные общественные организации. У нас 65 этнических организаций разного формата, разного уровня, разной эффективности. Но эта тема

¹ Интервью с Краповым Евгением Владимировичем...

актуальна. После 2002 г. произошло очень хорошее такое изменение, на мой взгляд. Когда была политическая реформа, общественным организациям запретили заниматься политической деятельностью. И мы вздохнули, честно говоря, с большим облегчением <...> Это было, может быть, незаметно, но кто в этой сфере работал – это было действительно революционное изменение принципа работы национальной общественной организации. Потому что, какие ее основные задачи? Это – сохранить этнос. Это основная цель. Чтобы сохранить этнос, надо сохранить идентичность. Через что? Через язык, культуру, религию. По идее, что еще надо? Вот и надо сохранить язык, культуру, традиции и все остальное. Нужно мобилизовать этнос и, как этническая элита, нужно выстраивать вот эту цель, не захват каких-то кресел, хотя это <...> естественно, присутствует, и интерес, естественно, есть, но это ушло на задний план. Это подразумевается, но уже настолько не пробивается, как в 1990-е гг. Я считаю, что это правильно. И сейчас, тем более, при наличии более или менее регулярного финансирования с помощью федерального центра. У меня большая мечта, мне очень нравится питерский опыт в этом отношении. У них долгое время работала хорошая программа. Называлась она не очень хорошо, что-то там, по-моему “Толерантность”. Но смысл такой: есть цель – укрепление межэтнических отношений. Только заниматься этим должен не чиновник, а общественная структура. А государство должно помочь, т.е. мы даем деньги»¹.

Показательны и приведенные примеры взаимодействия различных министерств по решению насущных проблем народов Карачаево-Черкесии: «У нас язык – это такая трендовая тема, и на самом деле это реальная проблема, особенно у малочисленных народов в условиях иноплеменного окружения. Например, абазины. У них дисперсное проживание на территории республики. У них раздробленные аулы, у них нет, допустим, компактного проживания, как у карачаевцев или черкесов. Они живут в окружности либо адыгском, либо русском. Соответственно, вопрос угасания языка. У черкесов, в принципе, при всей их компактности, тоже самое. Т.е. реализовать себе в России

¹ Интервью с Кратовым Евгением Владимировичем...

можно только посредством русского языка, ну, или на более высоком – английском. Опять проблема, это надо изучать... у нас есть школы изучения родного языка, но <...> Безусловно, это сфера Министерства образования, но здесь смысл какой: есть день – 21 февраля. Это день родного языка <...> Это федеральный праздник, и все здесь учат... Но общественные объединения у нас берут и делают свои фестивали. Там, Черкесский фестиваль адыгского языка. Т.е. они прикладываются и помимо вот этих министерских тем...»¹.

Собранные материалы и проведенные интервью с представителями органов власти позволяют говорить об отчетливо наметившейся тенденции рассмотрения национальных вопросов в качестве производной от общего социально-экономического и культурного развития региона. При этом сохранение специальных органов власти по их разрешению является не более чем данью предшествующему опыту и пониманию того, что «национальная материя полностью к экономике не сводится». Более того, его решение все настойчиво связывается с привлечением общественных организаций.

3.2. «Вопрос в праве»: репатриация соотечественников и Черкесский конгресс Адыгеи

Двухнедельная командировка в Адыгею, пришедшаяся на середину июля 2012 г., не предвещала ничего неожиданного. Запланированные интервью с представителями общественных организаций и работа в архивах должны были прояснить ряд вопросов, так или иначе связанных с современными процессами нациестроительства в республике. Анализ электронной прессы, информационных интернет-порталов, а также предварительные беседы со специалистами, отслеживающими динамику происходящих в Адыгее «этнически маркированных» событий, свидетельствовали о том, что вся республика буквально живет проблемами репатриации сирийских черкесов и их обустройством на исторической родине. Подтверждением

¹ Интервью с Кратовым Евгением Владимировичем...

тому, казалось бы, служил и конфликт руководства общественного движения «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» с республиканскими властями, результатом которого стал уход его многолетнего председателя¹, и заявления этнических активистов о «преступной» бездеятельности Российского государства в этом вопросе².

Однако реальность оказалась не столь однозначной. О соотечественниках из Сирии практически никто из тех людей, с которыми мы встречались, не упоминал, за исключением тех случаев, когда речь непосредственно велась о потенциальной готовности представителей зарубежной диаспоры вернуться в пределы исторической Черкесии. Комментируя ситуацию, один из собеседников, пожелавший сохранить свою анонимность в силу занимаемого положения (*«я все-таки государственное лицо»*), отметил: *«Если бы право дали, конечно, группа бы приехала, во-первых, те, которые там все потеряли, там есть такие, Вы видите, что там творится <...> Я скажу, среди них есть люди, которые готовы приехать. Эти люди потихоньку оформляли вид на жительство, они стремились вернуться. Эти люди приедут. Но никогда не было так, что все 100 тыс. адыгов в Сирии резко развернутся и приедут. Этого никогда не будет, потому что большая*

¹ Согласно версии одного из информационных интернет-сайтов причиной отставки А. Хапая стали «сложившееся отношение республиканской власти к важной для нашего общества проблеме репатриации сирийских черкесов и избранная ей “политика отчужденности”, что делают любые усилия общественных организаций Республики по содействию репатриации абсолютно бесполезными. Фактически ОД “Адыгэ Хасэ – Черкесский Парламент” Адыгеи без поддержки со стороны руководства Республики превращается в бумажную организацию, производящую шум, который никого не беспокоит. Должность Тхамадэ организации в такой ситуации превращается в должность свадебного генерала, а его авторитет в бесполезные звезды на погонах. Диалог черкесского общества с властями Адыгеи по проблеме репатриации зашел в тупик. Похоже, что Арамбий Хапай не захотел становиться свадебным генералом, стоящим перед глухой стеной, построенной Главой Республики А. Тхакушиновым перед движением репатриации черкесов в Республику Адыгея. И похоже, что он знает, как разрушить эту стену». См.: *Абазов А. Адыгея – отчужденность власти*. URL: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2855&Itemid=1 (дата обращения: 11.07.2012).

² «Мы хотим развиваться». URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/1978315> (дата обращения: 11.07.12).

часть жила очень неплохо, но сейчас непонятно как развернутся события». При этом он особо подчеркнул полезность для республики в целом «свежего прилива сил», связав его с резким оттоком населения и востребованным багажом умений и навыков репатриантов: «Среди них большой процент интеллигенции и большой процент людей, занимающихся сельским хозяйством, которые не будут претендовать на проживание в столице. Прекрасно занимаются сельским хозяйством, они в свое время, когда иммигрировали с Кавказа, привезли туда сельскохозяйственные культуры, может, и сейчас что-нибудь привезут. Ничего страшного не будет, вот возвращались и казаки-нестеровцы [по всей вероятности, имеются в виду казаки-некрасовцы – Т.Х., Е.К.]»¹.

Однако в вопросе о том, кем должна решаться проблема «приращения нации», мнения респондентов разошлись. В ряде интервью и бесед прозвучала мысль о неготовности самой Адыгеи к принятию соотечественников. Респонденты говорили о сложностях экономической ситуации в республике, растущей безработице, довольно неприглядном уровне и качестве жизни: *«Однозначно на этот вопрос не ответишь. С другой стороны, я понимаю наше правительство. У нас сейчас нелегкое положение, чтобы вот так сразу 500 чел. принять. Это целый населенный пункт»*². Наиболее отчетливо это мнение выразил лидер общественной организации «Адыгэ Хасэ» Краснодарского края А. Сохт: *«И с репатриацией сейчас все тоже упирается в регионы. У нас федеральный закон право на добровольное переселение зафиксировал. Но людей просто некуда везти, потому что КБР, Карачаево-Черкесия и Адыгея не участвуют в программе по переселению. Они не разработали программ, они не хотят проблем. Странная картина, да? Государство декларирует право, а на местах не исполняют»*³. Принципиально иной позиции

¹ Интервью с Н. Интервьюер Т.П. Хлынина. Запись 17.07.2012. Продолжительность 43 мин. Место проведения: г. Майкоп, помещение государственного учреждения // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Интервью с Н. Интервьюер Т.П. Хлынина. Запись 17.07.2012...

³ «Никто не интересуется судьбой этих людей». URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1978314> (дата обращения: 11.07.2012).

придерживается руководство Черкесского конгресса Адыгеи, один из лидеров которого пояснил, что «в том вопросе, который касается сирийских черкесов, Республика Адыгея не имеет ни малейшего отношения. Совершенно. Эти все полномочия она передала федеральному центру. Она не выходит на этот уровень, чтобы решать проблемы сирийских черкесов. Это в полной мере должна решать Российская Федерация. Вот только что мы говорили о том, что они соотечественники. Даже этническая принадлежность черкес. Кстати, там есть не только черкесы – дагестанцы, чеченцы, карачаевцы, балкарцы, осетины в Сирии. Я думаю, что этническую принадлежность даже не нужно оглашать. Они имеют статус соотечественников. В этом случае именно федеральный центр должен решить все проблемы, связанные с перемещением и устройством соотечественников, а не черкесов»¹.

При этом ни один из наших собеседников не вспомнил те организационно-материальные и адаптационные трудности, которые были сопряжены с приемом и размещением в республике первой наиболее крупной волны репатриантов 1998–1999 гг. из Косово. Встреченные с большим подъемом и пафосом косовские адыги, вернувшиеся на историческую родину в условиях разгара войны в Югославии, по большей части на ней так и не прижились². Хотя, по мнению председателя

¹ Интервью с Н. Интервьюер Т.П. Хлынина. Запись 27.07.2012. Продолжительность 158 мин. Место проведения: г. Майкоп, помещение общественной организации // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² В рамках трехлетнего научно-исследовательского проекта «Косовские адыги в Адыгее: проблемы социокультурной адаптации», проводившегося в 2007–2009 гг. и поддержанного РГНФ, один из авторов занимался проблемами социальной адаптации репатриантов. Полученные результаты свидетельствовали о разочаровании подавляющего большинства косовцев, особенно пожилого и среднего возраста, в том, с чем им пришлось столкнуться на исторической родине. Наибольшее потрясение было вызвано даже не отсутствием жилья, горячей воды и работы, а преобладанием русскоязычного населения. Сформировавшееся первыми поколениями переселенцев представление об исторической Черкесии, поддерживаемое на протяжении последующего столетия, оказалось несоответствующим действительности. Репатрианты ехали на родину своих предков, а столкнулись с адыгами, «растратившими свои традиции».

«Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» А. Богуса, изложенного им на слушаниях в Общественной палате Российской Федерации, «в Адыгее есть положительный опыт репатриации соотечественников, в том числе уникальный в Российской истории пример возвращения в 1998 году косовских черкесов на Родину. На сегодняшний день в Адыгее проживает 874 черкеса, вернувшихся на Родину, на постоянное место жительства, за период с 1998–2012»¹. С начала вооруженного конфликта из Сирии в Адыгею прибыло 93 чел. По данным информационных источников, их приемом и размещением занимается Центр адаптации репатриантов, обустроивший в республике к июню 7 семей из 16. Остальные живут у родственников или друзей. В июле ожидалось прибытие еще 30–40 чел.²

Вопрос о возвращении соотечественников на историческую родину, «изгнанных в ходе кровопролитной Кавказской войны»³,

¹ Доклад председателя ОД «Адыгэ Хасэ – Черкесский Парламент» РА Адама Богуса на слушаниях в Общественной палате РФ «К вопросу о Российских (черкесских) соотечественниках в СНГ». URL http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2855&Itemid=1 (дата обращения: 11.07.2012).

² Адыгея окажет помощь сирийским черкесам, приехавшим в республику. http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2855&Itemid=1 (дата обращения: 11.07.2012).

³ В северокавказской научной литературе, дискурсе лидеров адыгских общественных движений и этнических активистов она обозначается как «Русско-Кавказская» или «черкесско-русская» война. Относительно употребления последнего в адрес Адыгейского республиканского общественного движения «Черкесский конгресс Адыгеи» было вынесено предупреждение Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Адыгея 23 сентября 2011 г. № 03–10-1782 о недопустимости экстремистской деятельности. В нем, основываясь на экспертном заключении научного сотрудника Института психологии РАН, отмечалось: «31 мая 2011 года на Интернет-сайте Elot.ru от имени председателя Совета Движения Берзегова М.П. в адрес Парламента Грузии было опубликовано “благодарственное письмо”, в котором использовались выражения “геноцид черкесов (адыгов), осуществленный Российским государством во время русско-черкесской войны 1763–1864 годов”... Действительно, ряд исследователей в своих трудах используют термин “русско-черкесская война”. Тем не менее коллегия считает, что употребление терминов исторической литературы и официальное обращение к Высшему законодательному органу

впервые прозвучал в программных документах Адыгейского отделения общества «Родина». Учрежденное 14 сентября 1989 г. постановлением секретариата Адыгейского обкома КПСС, оно признано было «содействовать развитию сотрудничества и взаимопонимания между народами, расширению контактов и культурных связей с соотечественниками за рубежом и их организациями». В Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (далее – ХДНИ НАРА) сохранилось лишь 8 дел, отражающих деятельность отделения за 1989–1992 гг.¹ Согласно Уставу, его основная деятельность сводилась к *«заботе о соотечественниках и их интересах»; «работе на благо народов Республики Адыгея, содействию ее духовному и нравственному возрождению, поддержанию лучших духовных традиций, развитию и углублению разностороннего сотрудничества с соотечественниками за рубежом»*².

иностранного государства от лица общественного объединения – это разные категории. Тем более из названия общественного движения следует, что указанная организация представляет собой группу людей, объединенных по национальному признаку. Сам факт того, что источники Российской историографии, в которых употребляется термин русско-черкесская война, находятся в общем доступе, не свидетельствует о том, что подобная деятельность не может возбуждать национальную рознь. Оценка и восприятие будут зависеть от контекста и условий использования. При таких обстоятельствах использование термина русско-черкесская война, особенно в контексте следующей цитаты: «геноцид черкесов (адыгов)... в ходе русско-черкесской войны...» и с учетом того, что геноцидом по определению являются деяния, совершаемые с прямым умыслом, правомерно расценено как действия, противопоставляющие русский и черкесский народы и, как следствие, попадающие под действие п. 1 ст. 1 ФЗ № 114-ФЗ от 25.07.2002 (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» по признаку возбуждения национальной розни». См.: Верховный Суд РА отклонил апелляцию Черкесского конгресса на решение Майкопского городского суда. URL: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2855&Itemid=1 (дата обращения: 11.07.2012).

¹ В аннотированном путеводителе по фондам архива указывается, что «дата ликвидации организации не установлена». См.: Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Путеводитель. В 2 ч. Майкоп, 2009. С. 277.

² Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (далее – ХДНИ НАРА). Ф. П-1319. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

Конкретными мероприятиями отделения в 1991 г. стали направление делегаций общества в страны проживания соотечественников (Турецкая Республика, Сирийская Арабская Республика, Израиль, ФРГ, США, Иорданское Хашимитское королевство); прием детей для отдыха в пионерских лагерях республики; отправка учебников родного языка, методической и художественной литературы, кассет, фильмов и сувениров¹. Майская внеочередная конференция того же года расширила его сферу деятельности, включив в нее *«помощь в установлении родственных связей, в определении на учебу в вузы адыгов из Сирии и Иордании»*. Для вернувшихся на родину организовывались курсы по изучению родного языка на средства общества. В итоговом отчете отмечалось, что отделение осуществляет и благотворительные акции: оказывает финансовую помощь инвалидам Великой Отечественной войны, участникам ликвидации чернобыльской трагедии, инвалидам и семьям погибших в Афганистане². Тогда же впервые был поднят вопрос о решении проблемы зарубежных адыгов, осложняемой «стесненностью» в средствах самого общества: невозможностью выезжать за рубеж и достойно встречать соотечественников³.

В январе 1989 г. создается Адыгейская добровольная общественная организация «Адыгэ Хасэ»⁴, возникновение которой «Программой по национальному возрождению адыгов» 1993 г. напрямую связывалось с *«кризисом адыгского народа, утратой им традиционных, тысячелетиями складывавшихся форм хозяйственной жизни, противоправной заменой национального самоуправления командно-административными структурами, исторически непоследовательным насаждением чуждого социального строя»*. Рассматривая «Адыгэ Хасэ» как *«проводника конца застойной и отчужденной от народа политической системы»*, ее лидеры активно апеллировали к прошлому. Причинами

¹ ХДНИ НАРА. Ф. П-1319. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

² ХДНИ НАРА. Ф. П-1319. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

³ ХДНИ НАРА. Ф. П-1294. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁴ В 1991 г. она стала Адыгейской республиканской общественно-политической организацией. В 1993 г. в ее названии появилось словосочетание «Народный форум», а с 2003 г. она именуется общественной организацией «Адыгэ Хасэ». В настоящее время эта организация носит название «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» Республики Адыгея.

глубокой деформации культуры, языка нравственных и религиозных устремлений адыгов назывались *«тотальный геноцид, а также политика царского самодержавия и сталинско-брежневского руководства, приведшая к физическому уничтожению 9/10 адыгов, территориальной разобщенности народа и насильственной утрате исконных земель»*. Для скорейшего исправления сложившейся ситуации предлагалось незамедлительное объективное освещение политической истории адыгов, признание совершенных царской и сталинской политикой преступлений, возмещение морального и политического ущерба адыгской (первоначально в тексте значилось адыгейской) нации.

В «Программе» ставилось целью добиваться объединения современных Черкесии, Адыгеи и Кабарды в единую Адыгскую республику; определения статуса изгнанника адыгской нации; создания программы, форм и средств возвращения на родину адыгов, проживающих за пределами СССР и на его территории; запрещения новых поселений представителям иных наций на соответствующих территориях до возвращения репатриантов на родину; возрождения национального языка. В данной связи обращает на себя внимание обсуждение самой «Программы по национальному возрождению адыгов», состоявшееся 18 июля 1990 г. Анализ ее чернового варианта свидетельствует, что в рассматриваемый период лидеры «Адыгэ Хасэ» еще не были до конца уверены в правильности избранных ими формулировок и выдвигаемых требований. Не существовало ясности относительно названия объединенной республики (Адыгской или Черкесской). Обсуждался вопрос о том, являются ли адыги нацией или народом (предлагалось именовать их черкесской нацией и даже провести по этому поводу опрос среди населения)¹.

Отголоском дискуссий о единстве адыгской нации стал и недавний инцидент с попыткой зарегистрировать в январе 2012 г. в Министерстве юстиции Республики Адыгея «национально-культурную автономию черкесов Адыгеи». Отказ Майкопского городского суда основывался на «общепринятых представлениях» о том, что «черкесы и адыгейцы – это один и тот же народ, а у адыгейцев есть своя государственность, они проживают на своей исторической

¹ ХДНИ НАРА. Ф. П-1294. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

родине, и национально-культурную автономию на своей родине, при наличии государственной системы, иметь не могут». В поддержку принятого решения выступили представители адыгских общественных организаций и творческой интеллигенции. Так, председатель Адыгейской республиканской общественной организации «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» А. Богус полагает, что подобные действия направлены на «раздробление этноса. Присуждать наименование “черкесы” отдельной группе (субэтносу) черкесского народа неправильно, деструктивно и не научно <...>, черкесы – это все адыги». Его поддержал и координатор межрегионального общественного движения «Черкесский союз» Р. Кеш, заявивший, что «нет никаких “адыгейцев”, “кабардинцев” и “шапсугов” как отдельных народов – есть единый черкесский народ. В мае 2010 года Российская академия наук официально признала этот неоспоримый факт¹. Поэтому решение Майкопского городского суда вполне обосновано и объективно». Примечательно, что в качестве неоспоримых аргументов в пользу единства черкесской нации приводятся рекомендации научно-практического форума «Мы – адыги-черкесы» (Майкоп, 1991 г.); постановление I всеадыгского съезда (28 марта

¹ В заключении Института этнологии и антропологии (далее – ИЭА) РАН, подписанном заведующим Отделом народов Кавказа членом-корреспондентом РАН С.А. Арутюновым и утвержденным 25 мая 2012 г. заместителем директора ИЭА РАН, д.и.н. В.Ю. Зориным, говорится следующее: «Этноним Черкес и топоним Черкесия как обозначения народа и его страны на Северном Кавказе появляются в армянских, грузинских, арабских, персидских, тюркских и др. исторических источниках с XIII в., вытеснив предшествующую этнонимическую номенклатуру керкеты, зихи, джики, кашаги, касы, касоги, джаркасы и др. Этноним Черкес стал общеупотребительным в европейских и русских источниках XV–XIX вв. В то же время местное население неизменно называло себя адыгэ, хотя значение имели, видимо, локальные наименования, с которыми идентифицировали себя отдельные этнополитические образования – натухай, абадзех, жанэ, кабардэй и др. Тем не менее, несмотря на определенные различия социального, культурного, языкового характера, с историко-этнографической точки зрения, это единый черкесский народ». См.: Заключение Института этнологии и антропологии РАН. URL: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2855&Itemid=1 (дата обращения: 11.07.2012).

1992 г., Нальчик); постановления III, IV, V и VI конгрессов МЧА (1996, 1998, 2000, 2003 гг.)¹.

Однако инициатор создания черкесской автономии А. Безруков считает, что «те 2000 человек, которые во время последней переписи населения записались черкесами, не согласятся с тем, что их назовут адыгейцами, как такую же неприязнь термина “черкес” в своем отношении выразят и те, кто записались адыгейцами». По его мнению, за последние годы в Адыгее и Кабардино-Балкарии возникла новейшая наднациональная общность черкесов, которая пока еще не так многочисленна, но уже заявляет о себе и нуждается в статусе малочисленного народа. Существующее законодательство «позволяет образовать новые этносы или по собственному желанию причислить себя к тем или иным народностям», а различные наименования «разных частей единого черкесского народа» – создавать «национально-культурные автономии и пользоваться законными правами и привилегиями, предоставляемыми малочисленным народам, при этом проживая на своей исторической родине и имея государственное образование». Тем более что существует соответствующий прецедент: в Карачаево-Черкесской Республике с 2002 г. действует «национально-культурная автономия адыгов КЧР». Несмотря на сложности отстаивания своего статуса, она объединяет и выражает интересы той небольшой части черкесов, которая в ходе Всероссийской переписи населения 2002 г. пожелала зарегистрировать себя не под экзоэтнонимом «черкес», а привычным самоназванием «адыги»². Подтверждением отсутствия внутри этнического единства адыгов стала и последняя перепись населения.

Право возвращения соотечественников на историческую родину практически всеми адыгскими общественными организациями связывается с массовым исходом адыгов в годы Кавказской войны, квалифицируемого ими как «геноцид». Накал страстей вокруг необходимости его признания Российским государством пришелся

¹ Выдержки из документов, касающихся восстановления (в оригинале – восстановление) единого самоназвания АДЫГЭ и иноназвания ЧЕРКЕСЫ. URL: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=2855&Itemid=1 (дата обращения: 11.07.2012).

² Верховный Суд РА отклонил апелляцию Черкесского конгресса...

на 1990-е – начало 2000-х гг. В настоящее время для подавляющего большинства населения республики события, связанные с Кавказской войной, не более чем трагическая страница прошлого: «Для меня лично с детства, мой папа рассказывал, так ненавязчиво рассказывал о своем детстве, юности, становлении его, как человека <...> Истории звучали поучительные для меня. Он спрашивал, что я поняла. Я этому училась, в меня закладывались какие-то <...> принципы, заповеди. Эти рассказы трагические или нет, ту же Кавказскую войну мы с папой обсуждали, что происходило между русскими и казаками. Негативно к казакам, вот, однозначно, а это первые люди, которые стали выселять адыгские аулы, относиться тоже нельзя. А что поможет примириться тем и другим? Только поиск истины. А истина – это архивы, это источники, истории. Человеческая память устроена так, что человек больше помнит хорошее»¹.

Очень многие полагают, что в ходе Кавказской войны Россией действительно осуществлялся геноцид в отношении черкесского населения: «Геноцид был, конечно, я думаю. В каком плане? Уничтожались адыги, литература даже тех же русских офицеров, не только декабристы, которые были наиболее образованы, просто интеллектуально развитые они писали, когда целые полосы уничтожались. Все было. Если это не геноцид, то что это? Геноцид, конечно. Это мое частное мнение... Но это сегодня уже не нужно, лишний раз поднимать эту тему. А смысл? Тех людей не поднимешь, очень много погибло и русских солдат, и от малярии, и от всего»².

Однако для определенной части населения республики, представленной общественными организациями, творческой интеллигенцией, признание российским руководством геноцида адыгов имеет принципиальное значение. «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент» связывает возможные подвижки в его решении на сегодняшний день с урегулированием проблемы репатриации сирийских черкесов:

¹ Интервью с Гонежук Фатимой Зауровной, заместителем директора Национального архива Республики Адыгея. Интервьюер Т.П. Хлынина. Запись 18.07.2012. Продолжительность 87 мин. Место проведения: г. Майкоп, ХДНИ НАРА // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Интервью с Н. Интервьюер Т.П. Хлынина. Запись 17.07.2012...

«Думаю, будет правильно сегодня сказать еще о том, что проблема, с которой столкнулся здесь наш народ связана, конечно, с последствиями Русско-Кавказской войны XVIII–XIX вв. Все мы понимаем, что по истечению полутора столетий наши народы так и не смогли подвести должную черту под той войной, перевернуть эту страницу истории, потому как нет общепризнанных оценок последствий той войны, устраивающих все стороны. Но вот история предоставила нам шанс исправить ошибки той эпохи и тех поколений, вернуть малую часть того, что было утеряно народом черкесов»¹.

Наиболее последовательную в своей неизменности позицию занимает руководство Черкесского конгресса Адыгеи. Из двухчасового интервью с одним из его руководителей удалось прояснить не только отстаиваемые общественной организацией взгляды, но и причины, побудившие отдельного человека к созданию общественной организации. Полагая себя этническим убыхом, потомком аристократического рода, *«который, скажем, в течение зрительно тысячелетия был как бы во главе убыхских всех движений, в том числе 80 крупных сражений, которые адыги дали России»*, наш собеседник считает, что на генетическом уровне впитал боль и трагедию своего народа: *«Генетика, наверно. Генетика. Наверно, мне сильнее всего чувствуются те проблемы, которые я впитал с детства и понимал, что произошло <...> Мне не хватает моего народа. Вы поедете в Сочи, ни одного убыха там не найдете. Так что же, я должен быть спокоен? Хорошо, Ельцин это сказал [речь идет о заявлении 1996 г., в котором Россия признала свои ошибки, совершенные в прошлом – Т.Х., Е.К.]. Это тоже самое, что я, условного говоря, занимаю Ваш дом, я понимаю, что что-то не так, что я обеспокоен, да я признаю, что что-то не так. И что же? А как же 80 % населения, которое находится в 50-ти государствах?»*. Именно эти люди, по его мнению, должны иметь конституционное право возвращения на историческую родину вне зависимости от того, какая часть зарубежных адыгов им воспользуется в реальности. Аргументами его обоснования выступают международные и российские законодательные акты, а также реалии

¹ Доклад председателя ОД «Адыгэ Хасэ – Черкесский Парламент» РА Адама Богус...

прошлого, вернее их нынешнее истолкование. Основные претензии к руководству Российской Федерации сводятся к невыполнению им подписанных и принятых на себя обязательств: *«Есть устав ООН. Создается такое ощущение, что мы блуждаем в тумане. Черкесы непонятно, чего хотят. Когда начинаешь говорить, приходят ФСБ, карательные органы, говорят: “Вы – экстремист”. Ребята, Вы подписали! Выйдите из ООН, объявите себя совершенно другим государством – и никто не будет никаких претензий предъявлять, ни по уставу ООН, ни по европейским декларациям. Почему так происходит? Сегодня Россия широко пользуется своим правом вето в Совете Безопасности ООН – да, но стоит ей напомнить о своих обязательствах, о праве, так сразу объявляют экстремистом. Я что – не так говорю? Я же ссылаюсь на устав ООН. Что историческая территория не определена уставом ООН? Она определена».*

Однако наиболее остро, по словам нашего собеседника, адыгская зарубежная диаспора восприняла «Закон о соотечественниках», где Российское государство объявило себя *«правопреемницей Российской империи»*. Именно благодаря этой правопреемственности Кавказ оказался в его сегодняшних границах, а вместе с ним и *«груз моральной ответственности за прошедшую русско-черкесскую войну»*: *«Российская Федерация, если бы она не объявила себя правопреемницей, она бы не могла сказать, что Кавказ является частью России, потому что он стал во время Российского государства и Российской империи. Понятно, да. Так сейчас как быть в части обязательств? Вопрос очень сложный. К тому же двуглавый орел, хотя это не приемлемо, скажем для Кавказа, потому что именно под этим двуглавым орлом уничтожали наш народ. Но на это никто не посмотрел <...> Идем дальше. Атрибутика – ну, хорошо. А что с моралью делать? Российская Федерация взяла на себя не только правопреемственность, но и моральную ответственность за все, что произошло в XIX в. Вы знаете, никто из черкесов не ожидал, что на это пойдет Российская Федерация. Я разговаривал со многими диаспорами. Практически держу связь и в Англии, и в Америке, Иордании, Сирии, Израиле, Германии – везде, в Италии, Франции. Я знаю настроения. Даже признавая эту правопреемственность, хотя все черкесы почему-то думали, что моральную ответственность Россия не возьмет. Но сегодня получается, что сегодня происходит*

с нашей организацией, со мной, с черкесскими всеми национальными движениями, которые более или менее что-то говорят... Получается, что Российская Федерация обозначает моральную преемственность, что вообще не допустимо, совершенно недопустимо. Нельзя брать на себя весь негатив, который произошел здесь. Мы чего ожидали? Ну, хорошо правопреемственность, но моральная...».

При обосновании своей позиции он все время апеллировал к прошлому: колониальной и захватнической со стороны России «русско-черкесской» войне; демографической катастрофе адыгов того времени, оцениваемой как геноцид. Как выяснилось, у нашего собеседника оказались довольно непростые отношения с историей, которую он «вообще не читает»: *«История – это призвание, а не образование. Так, в общем-то, и возникают национальные организации и их лидеры. Потому, что в Майкопе, наверное, наберется несколько тысяч историков... Наверное, кандидатов и докторов наук сотня наберется. Так в чем же проблема? Проблема в том, что генетически все-таки то, что было и то, что сегодня есть надо связывать все-таки. Я так думаю, человек должен с детства эту проблему, это беспокойство, то, что произошло, то, что идет. А образование для национального движения ни в коей мере не будет являться решающим, определяющим, чтобы начать».* Его представления о реалиях XIX в. сформировались на основе опубликованных архивных источников, хотя в архивах *«работал мало»*, *«в основном собирал по рукам»*: *«Эти документы прошли экспертизу прокуратуры, ФСБ, когда мы... Российской академии наук... Никто не поставил эти документы под сомнение».*

Бесспорным свидетельством осуществлявшегося Российским государством геноцида в отношении коренного населения исторической Черкесии, по заключению респондента, является не столько ожесточенный характер войны, которая велась без всяких правил (*«Спустя десятки лет война идет на Кавказе, и вдруг начинают говорить: а не было никаких правил войны. С древнейших времен были такие-то правила относительно женщин, детей, массового уничтожения или выселения. Они не были выполнены по отношению к черкесам. Такова суть»*), сколько насильственно прерванный процесс естественного развития Черкесии: *«Есть мнение, что ситуация в исторической Черкесии сложилась исторически. Я с этим мнением не согласен. Исторически*

складывается, если идет взаимообмен в мирное время населением. Миграция, акклиматизация, смещение народов. Это исторически. Вот в этом мы возвращаемся принципиально, почему мы возвращаемся в XIX в. Эта ситуация была не в ходе естественного исторического процесса, а в ходе прямого уничтожения коренного населения и в приказном варианте переселяли части населения с России сюда». Возвращение репатриантов, таким образом, будет способствовать восстановлению исторической Черкесии в границах проживания «народа на данной территории до начала ее оккупации, колонизации».

Вопрос об определении границ будущего административно-территориального образования лидер Черкесского конгресса предлагает передать будущим поколениям, когда «вопрос территории вообще не будет стоять. Не думаю, что вопрос территории может быть сложным, если этнос не испытывает такого чувства страха, что он исчезнет. Есть Дагестан, 2,5 млн. Они говорят, Вы будете объединяться со Ставропольским краем. Они говорят, пожалуйста, хоть сегодня. А почему? Они чувствуют, что этот этнос не исчезнет. Достаточно плотно культура, язык, и поэтому они не испытывают каких-то территориальных комплексов. Черкесы почему уцепились за эту республику? Они, что, не понимают, что юридически она не состоятельна? Но потому, что это единственный способ хотя бы сохранить себя. Но если, допустим, возвращение черкесов. Черкесы в пограничном состоянии, рождаемость падает, постоянно эта острая мысль в мозгах у всех, что мы уменьшаемся. Прибытие беженцев, совершенно не имеющих отношения к России. Подхлестывает эти чувства инстинкт самосохранения. Но стоит убрать, отойти от этой черты, я думаю, что через 30 лет им будет абсолютно все равно где жить»¹. Отмечая упущенные в советское время возможности создания

¹ В свое время, объясняя причины возникновения Черкесского конгресса, М.П. Берзегов связывал их с необходимостью сохранения языка и культуры адыгов, а также их консолидацией на исторической родине: «Такая организация была создана в Республике Адыгея 6 декабря 2004 года группой единомышленников. Мы назвали ее Черкесский конгресс. Спустя год Черкесские конгрессы появились в двух других республиках Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, в разных странах мира. Они представляют собой сеть общественных организаций, преследуют

единого черкесской автономии, он полагает, что именно тогда власть и создала очень сложный клубок современных проблем на Кавказе.

Стремлением к самосохранению коренного населения республики отчасти объяснимо и стремление общественных организаций к укреплению и развитию «национального суверенитета» Адыгеи. В 2005 г., в связи с появившимися проектами вхождения Адыгеи в состав Краснодарского края, «Адыгэ Хасэ» выступила с заявлением о том, что *«Адыгея является многонациональной республикой с ярко выраженным традиционным укладом проживающих здесь народов, где такие неосторожные, а во многом и некорректные подходы к изменению ее правового статуса не будут способствовать сохранению стабильности и взаимопониманию в регионе»*¹. Ее позицию полностью поддержала МЧА, отметившая, что *«именно на своей исторической родине адыги смогли лучше сохранить свою национальную самобытность и реализовать право на самоопределение в форме национальной государственной автономии. Упразднение республики представляет собою прямую угрозу адыгов Северо-Западного Кавказа как этноса и будет являться нарушением общепринятых норм и принципа международного права о коренных народах, а также благоприятной почвой для различных деструктивных и экстремистских сил, стремящихся разыграть национально-религиозную карту для вовлечения новых участников в нестабильные процессы, происходящие в регионе»*².

Острота и накал черкесской проблемы, о которой так много говорится и о которой мы говорили с разными людьми, не выходят за пределы общественных организаций и части творческой интеллигенции республики. Практически все наши собеседники с болью и горечью отзывались о событиях, связанных с Кавказской войной и ее последствиями, которые *«безусловно, достойны своего увековечивания и памяти»*. Не все они разделяют *«имперскую»*, *«навязываемую Россией»* версию трагедии своего народа, но полагают ее *«уделом специалистов»*. Призрак Кавказской войны, ставший

одни цели и согласовывают свои действия». См.: Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи. URL: <http://circassiangenocide.org/> (дата обращения 16.07.2011).

¹ ХДНИ НАРА. Ф. П-1294. Оп. 1. Д. 12. Л. 17.

² ХДНИ НАРА. Ф. П-1294. Оп. 1. Д. 79. Л. 3, 4, 6.

для того же лидера Черкесского конгресса отправной точкой всех нынешних бед разделенного и разбросанного народа, по признанию ряда респондентов, нуждается в своем успокоении.

Прошлое постепенно уходит из публичной риторики общественной жизни республики, уступая место трезвой оценке приобретениям и издержкам национального суверенитета. Наверное, неслучайно практически все, с кем приходилось беседовать по вопросу о том, чего им не хватает в современной Адыгее, отвечали, не задумываясь: «Нормальной жизни»¹. Эти люди хотят жить в экономически состоятельной республике (а не в «банановом рае для избранных»), сохранить язык и культуру своего народа, искренне обеспокоены судьбой соотечественников из Сирии. Однако, в отличие от руководства тех же общественных организаций, считают, что этнос сохраняет не территория и ее правовой статус, а способность к самоорганизации, формой которой не обязательно должна выступать национальная государственность.

3.3. Шапсугская проблема и Общественный парламент – «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов-шапсугов

Проблема, о которой пойдет речь и которая насчитывает уже более полутора столетий своего существования, на самом деле таковой не является. Не в том смысле, что ее не существует вовсе, а в том, что она не столь однородна и статична в содержательном отношении, как порой представляется. В ее генезисе насчитывается, по крайней мере, четыре наиболее очевидных и самостоятельных проблемы, связанных между собою активно артикулирующей с начала 1990-х гг. идеей сохранения шапсугского этноса. *Первая*, так называемая шапсугская проблема, своим появлением обязана массовому исходу адыгов

¹ За время нашего пребывания в Майкопе несколько раз происходило отключение света и авария на водоканале, оставившая город и Майкопский район без воды на целые сутки. По словам местных жителей, это обычная ситуация, которая повторяется с завидной регулярностью на протяжении уже многих лет.

в Османскую империю на завершающем этапе Кавказской войны. Разрозненные свидетельства повествуют о том, что на рубеже XVIII–XIX вв. причерноморские шапсуги являлись одной из самых крупных групп адыгского этнического массива. Населяли землю междуречья рек Джубги и Шахе, а также высокогорные лесистые области на северных склонах Кавказского хребта. Их численность, по данным источников первой трети XIX в., определялась от 77 тыс. до 300 тыс. чел. В годы Кавказской войны шапсуги вошли в созданный Шамилем союз, но не поддержали его идеи теократической диктатуры. Оказались непримиримыми противниками Российской империи и по окончании войны в большинстве своем ушли в Турцию. Оставшиеся на родине были переселены из Причерноморья на равнинные земли Прикубанья. Однако уже на рубеже 1860–1870-х гг. начался процесс их возвращения не только из Турции, но и Прикубанья, в связи с чем были заселены оставленные ими или вновь основанные причерноморские аулы. В рассматриваемый период шапсутская проблема не выходила за пределы регулируемых правительством вопросов хозяйственной деятельности обретенных подданных и рассматривалась Российским государством не более, чем вопросом социально-экономического порядка. Тем не менее именно этому, уже во многом ставшему легендарным этапу народной истории суждено было в перспективе стать той отправной точной, с которой связывались все последующие проблемы развития шапсугов – так и не преодоленные последствия этнодемографической катастрофы, отсутствие надлежащих институциональных форм поддержания этнического самосознания и стремительно разрушающаяся традиционная среда обитания.

Вторая по времени своего возникновения шапсутская проблема связана с революционными преобразованиями советской эпохи и ее стремлением вернуть народы истории, которую «украдо у них царское самодержавие». К моменту развернувшегося на Северном Кавказе национально-государственного строительства, преследовавшего своей основной целью приобщение народов к идеалам социализма и советской системе управления, чуть более 4 тыс. причерноморских шапсугов компактно проживало на территории Кубано-Черноморской области. Их путь к обретению национальной автономии предопределялся как политикой правящей партии, так и желанием самих шапсугов

«стать достойными членами советской семьи народов». Между тем подобного рода устремления нередко противоречили официальному курсу правящей партии, рассматривавшей право народов на самоопределение исключительно в качестве временного механизма решения социально-экономических и культурных проблем населяемых ими территорий. Реализация этого права нашла свое воплощение в создании Шапсугского национального района, обозначившего, помимо всего прочего, и проблему адыгского этнического единства.

4 сентября 1922 г. III съезд приморских шапсугов объявил о создании из 12 черкесских аулов Туапсинского района самостоятельной Шапсугской Советской Социалистической Республики с центром в г. Туапсе. В этом отношении показательна реакция исполкома Адыгейской АО, посчитавшего нецелесообразным наличие самостоятельного территориального образования, делившего «черкесскую нацию на несколько обособленных народов»¹. 5 февраля 1923 г. оргбюро РКП(б) обсудило вопросы выделения административного центра автономной области и присоединения оставшихся за ее пределами армавирских и баталпашинских аулов². «Принимая во внимание историческое прошлое шапсугского племени как действительно революционно-демократического», оргбюро признало необходимым перенести центр Адыгеи в г. Туапсе, а также полностью согласиться с присоединением армавирских и баталпашинских черкесов к области. В силу «раздробленности черкесского племени» на несколько автономных единиц признавалось необходимым «установить кантональную форму управления для объединенных племен, которые составили бы

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 65. Оп. 1. Д. 105. Л. 6.

² Ни Туапсинский округ, место основного проживания приморских шапсугов, ни Армавирский и Баталпашинский отделы не имели общей границы с Адыгейской АО. Кроме того, аулы Армавирского отдела исторически тяготели к Кубани, а Баталпашинского – имели самостоятельное административно-территориальное оформление в рамках Карачаево-Черкесской АО. Находившиеся в ведении и под юрисдикцией Горского исполнительного комитета аулы Туапсинского округа с момента провозглашения автономии перешли в непосредственное подчинение Кубано-Черноморского исполкома. До 1936 г. функции областного центра выполнял г. Краснодар, не входивший в состав Адыгейской АО.

единую Адыго-Черкесскую ССР». Рекомендовалось создать Шапсугский, Псекупский, Ширванский, Армавирский, Баталпашинский кантоны¹.

23 мая 1923 г. Президиум ВЦИК отклонил ходатайство шапсугов². В свою очередь, бюро Юго-восточного краевого комитета РКП(б), рассмотрев положение шапсугов, приняло 3 августа 1924 г. решение об их выделении в особый Шапсугский район с подчинением Черноморскому исполкому³. 21 августа краевой партийный комитет издал повторную директиву по партийной и советской линиям о выполнении принятого решения⁴. Завершить создание района планировалось не позже октября 1924 г.⁵ 23 сентября на распорядительном заседании Малого Президиума крайисполкома Юго-Восточной области из 7 аулов Туапсинского района Черноморского округа (Кичмай, Божьи воды, Красно-Александровский, Большой и Малый Псеушко, Наджиги, Псебе-Карповка) был создан Шапсугский район с непосредственным подчинением Черноморскому исполкому⁶. Шапсуги составляли в нем 68 % населения; делопроизводство и обучение в районе велось на национальном языке; управленческий аппарат формировался из национальных кадров⁷. После длительных тяжб

¹ РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 105. Л. 6.

² НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1057. Л. 4.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

⁶ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 13–14.

⁷ Существовавшее в начале 1920-х гг. среди руководства автономной области мнение о необходимости присоединения причерноморских шапсугов к автономии не нашло поддержки ни в крае, ни в центре. Причинами тому оказался ряд обстоятельств, как экономического, так и геополитического порядка. После присоединения Северного Кавказа к России, по мнению подавляющего большинства исследователей проблемы, исторически сложилась «единая территориальная и экономическая общность шапсугов и Кубано-Черноморской области, которую северокавказский крайком не считал нужным разрывать в интересах самих же шапсугов». Более того, территориальная консолидация адыгов, получавших, таким образом, выход к морю, вызывала серьезную обеспокоенность власти, опасавшейся их включения в орбиту влияния Турции и возрождения довольно популярной в среде национальной интеллигенции того времени идеи «Северокавказской республики в границах 1800 г.».

и доказательств неудобства сложившегося положения дел в 1926 г. центром Шапсугского национального района стал аул Красно-Александровский, уступивший в 1934 г. свой административный статус с. Лазаревскому. С различного рода территориальными изменениями, то увеличивавшими его площадь, то, напротив, сокращавшими, район просуществовал вплоть до окончания Великой Отечественной войны и 24 мая 1945 г. был упразднен. Следует особо отметить, что различного рода территориальные приращения национального района сопровождались интенсивным землеустройством его коренного населения. Так, до официального вмешательства краевых властей, отмеченного специальным постановлением Большого Президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 23 ноября 1925 г., происходило «поголовное выселение» за его пределы греков и армян¹. Он становился этнически все более однородным и начинал восприниматься общественным сознанием неким подобием крепости, за пределами которой существованию шапсугов грозила неминуемая гибель². Опыт существования района какое-то время высоко оценивался современными лидерами шапсугского национального движения, видевшими в нем основную гарантию «сохранения самобытности исчезающего этноса». При этом ими полностью игнорировался тот факт, что национальные районы, которые на Кубани создавались также для греков, армян и немцев, исходили из совершенно иной цели, а именно создания института адаптации национальных меньшинств «к новым горизонтам советской эпохи» и вовсе не преследовали тех задач, которые с ними связываются на сегодняшний день³.

Третье рождение шапсугской проблемы пришлось на начало 1990-х гг. и воплотилось в идее восстановления Шапсугского национального района. Летом 1990 г. активисты национального движения обратились

¹ Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае. 20–50-е годы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2000. С. 20.

² О проблемах, связанных с образованием и развитием Шапсугского национального района, см. подробнее: Хлынина Т.П. «Синдром осажденной крепости», или Как на Кубани создавались национальные районы // Кубанский сборник: сб. научных статей и материалов по истории края. Т. III (24). Краснодар, 2008. С. 194–204.

³ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). С. 67.

к администрации г. Сочи с требованиями демонтировать памятник-бюст адмиралу Лазареву, установленный в 1954 г. на одноименной железнодорожной станции; выразили протест по поводу празднования 150-летия гг. Новороссийска, Туапсе и Сочи, связывавшего их основание со строительством Черноморской береговой линии. Обращает на себя внимание, что именно эти действия городских властей для многих будущих активистов шапсугского движения стали определяющими в выборе своей позиции: *«Но вот как лично для себя я помню, что одним из толчков послужило к обращению меня, директора школы, работающего в советской школе, к этой теме, к теме межнациональных отношений, к теме прав нашего народа. Скажу, вот, больше всего. Ну, к этому моменту, уже 2–3 года у меня опыт был, что общественная организация «Адыгэ Хасэ» создается. Я общался с людьми старшего поколения, тоже выходцами из партийных структур, которые в свое время занимали высокие должности в партийных сферах, даже отдел идеологии возглавлявшие люди. Но толчком, импульсом серьезным послужил вот такой факт. Я думаю, Вам этот факт известен. Это 1987 г., я работаю завучем средней школы, и я получаю разнарядку – подготовить план работы по подготовке к празднованию 150-летия г. Сочи <...>. Я отнимаю 150 лет от 1987 г. и прихожу в ужас. Получается, что дата высадки десанта царских войск в г. Сочи, в Лазаревском, берется за дату основания г. Сочи. Естественно, никто меня на это не толкал, я сам подумал: “Это несправедливо, неправильно”. А 150-летие исполнялось в 1988 г., осень 1987 г. нам разнарядка пришла, что надо весной 1988 г. эти мероприятия проводить. Я иду к директору школы. Я – завуч, директор школы тоже был адыг, тоже такой, советской закалки, коммунист до мозга костей, великолепный директор, великолепный человек, я у него много чему научился как специалист. Я ему говорю: “Александр Дамирович, вот, пришла такая разнарядка, вот что пишет история, город Сочи в трудах <...> [неразб. – Т.Х., Е.К.] упоминается, это как минимум полторы тысячи лет”. Датой основания любого населенного пункта считается первое упоминание, а здесь дата, когда высадили десант царский. Вы посмотрите, что там творилось, когда этот десант высаживался. Это трагедия народа, когда просто мирных жителей, да, это война шла, обстреливали 700 орудий в течение 45 минут. Здесь*

еще 100 лет находили ядра. Почему это должно служить датой основания города, и я должен подготовить праздничные мероприятия по этому поводу? А где национальное чувство? Я это как сегодня помню, вот этот момент послужил, многое во мне перевернуло.

Естественно, я к своим соратникам, к своим единомышленникам. Организация уже к этому времени создавалась, почти создана. Естественно, с этой темой мы пошли, возмутились. В результате, я даже могу Вам дать документ – городское собрание Сочи, тогда Сочинский Совет народных депутатов, принял решение о неправомерности празднования этой даты, принес извинения перед населением города Сочи, о том, что это неправомерно, что признать неправомерным. Это вот такое, надо ж было, действительно, донести. Потом мы написали письмо в Институт этнологии, в Институт истории дали, оттуда пришел ответ, что это никак. Это же касалась Туапсе, города Сочи, тогда эти никак не могут быть приняты за дату основания, потому что так-то, так. Эти документы мы получили. На основании документов Сочинский городской совет, Туапсинский городской совет отменили эти даты, как праздник. Но до сих пор, каждый год это муссируется, все равно они где-то проскальзывают, вот, как иголкой укалывают и все. Хотя вот эти официальные решения приняты, попытки все равно делаются. Потом, когда 160 лет исполнялось, тоже были попытки, к главе города обращались, все они тоже спустили на тормозах. Каждый раз это делается. В Туапсе можно увидеть, что город основан в 1838 г., хотя есть научное заключение, что это неправильно. Туапсинский райсовет принимал решение, что не правильно. Они все равно протащили в Устав Туапсинского района, города Туапсе тогда, сейчас он единый, что датой основания является 1838 г. Все вот это противодействие идет. Естественно, это служит основой для дискуссий, основой для, иногда, может быть, очень напряженных ситуаций, и это тема опять не снята. И вот, Вы говорите, что меня натолкнуло на такую вещь. Да, я рассказываю эпизод. И дальше – больше»¹.

1 декабря 1990 г. I съезд причерноморских адыгов провозгласил создание Шапсугского национального района как субъекта Российской

¹ Интервью с Чачухом Маджидом Харуновичем...

Федерации в границах традиционного расселения шапсугов от поселка Головинки Лазаревского района до поселка Новомихайловского Туапсинского района включительно. Требования шапсугов получили поддержку Конфедерации горских народов Кавказа, а также представителей ряда академических и образовательных учреждений Москвы, Ростова-на-Дону и Нальчика. На II съезде шапсугского народа осенью 1991 г. уже прозвучала идея создания «Великой Шапсугии» от Сочи до Анапы. В этот же период высказывались идеи о присоединении «шапсугской автономии» к Адыгее с перспективой создания из трех адыгских республик, южных районов Краснодарского и Ставропольского краев «Великого черкесского государства». Идею воссоздания Шапсугского национального района в составе Краснодарского края поддержал и Президиум Верховного Совета Российской Федерации, своим постановлением от 15 июня 1992 г. обязывавший «Краснодарский краевой Совет народных депутатов и администрацию края» создать рабочую группу по согласованию и принятию решения о создании Шапсугского национального района¹.

Начавшееся противостояние с краевыми органами власти и последовавший за ним переговорный процесс завершились в ноябре 1992 г. подготовкой шапсугскими лидерами проекта «Программы национально-культурного и социально-экономического возрождения шапсугской этнической общности». Создание района теперь уже мыслилось как составная часть Краснодарского края, предназначением которого виделась работа по сохранению культурно-исторического наследия шапсугского этноса. Свое организационное оформление проект Программы получил в 1994 г. с созданием Общественного парламента шапсугского народа – «Адыгэ Хасэ». Парламент в количестве 35 чел. возглавил М.Х. Чачух. Главными направлениями его деятельности стали работа с законодательными органами власти; создание национальной автономии и условий для изучения родного языка, литературы и истории; восстановление и защита исторической правды о шапсугском народе; социально-экономическое развитие мест компактного проживания адыгов-шапсугов. В «Адыгэ Хасэ»

¹ URL: http://krasnodar.news-city.info/docs/sistemsu/dok_pestbo.htm (дата обращения: 23.09.2013).

были сформированы органы управления автономным образованием: Совет Хасэ, который должен был выполнять законодательные функции, и Совет старейшин, осуществляющий судебные функции. Были созданы 12 комитетов, которые рассматривались в качестве альтернативных действующим в регионе органам власти.

Вместе с тем, среди лидеров «Адыгэ Хасэ» не существовало единства по вопросу о методах решения задач движения. Старшее поколение призывало добиваться решения «шапсугской проблемы» конституционным путем через депутатский корпус Российской Федерации от Северного Кавказа, национальные движения и средства массовой информации. Молодежное крыло Общественного парламента высказывалось за необходимость немедленного создания национального района. В то же время руководство Общественного парламента признавало, что, благодаря поддержке властей Краснодарского края и Республики Адыгея, органов местного самоуправления, был решен целый ряд проблем национально-культурного и социально-экономического развития шапсугов. Прежде всего, принят Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», каковыми постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. признаны и шапсуги. В результате они получили право на создание национально-территориальной автономии в многонациональном Сочи. Правда, радикальная часть шапсугского национального движения рассматривает включение шапсугов в Единый перечень малочисленных народов Российской Федерации как законодательную возможность к собственному административно-территориальному обособлению. В бюджете Краснодарского края с 1999 г. предусматривались финансовые средства на национально-культурное и социально-экономическое развитие причерноморских шапсугов. Были приняты меры по обеспечению представительства шапсугов в администрации Краснодарского края – председатель «Адыгэ Хасэ» М.Х. Чачух был назначен инструктором контрольно-аналитического управления администрации Краснодарского края по г. Сочи.

Оценивая значимость идеи возрождения национального района и ее роль в решении национальных проблем шапсугов, в интервью 2012 г. он отметил: *«Ну, во-первых, постановка о воссоздании*

Шапсугского национального района была в начале 1990-х гг., в конце 1980-х гг., под влиянием вот этих больших перемен в стране, что происходили – демократизация, гласность. Вы помните этот период не только в национальном вопросе, Вы знаете, в каком состоянии было общество. И вот в этой ситуации, на этой волне, естественно, проблемы сохранения этнической самобытности, развития культуры, сохранение национального языка были. Во весь рост были поставлены эти проблемы. И мы тогда исходили из того, что определенная законодательная база существовала на тот момент – это закон РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”, потом вышел закон СССР “О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально территориальных образований или не имеющих их на территории СССР”, вот, такое длинное название, которые допускали воссоздание этих национальных образований, которые были ликвидированы. Вот, на этой базе, естественно, был поставлен вопрос на съезде шапсугов – восстановить Шапсугский национальный район, который был ликвидирован в 1945 г. Не говорим пока, плохо это или хорошо. Но, во всяком случае, была определенная законодательная база, которая позволяла этот вопрос ставить. Этот вопрос был поставлен в 1990 г. на I съезде. Я был избран тогда председателем оргкомитета по воссозданию Шапсугского национального района <...> Ровно через год в 1991 г. состоялся II съезд, который подвел итоги этой работы. Я тогда был человек молодой, и никто не знал, куда мы идем. Вы помните, страна – СССР – разваливалась, Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, никто не знал, что нас ждет. Много было наивных, может быть, таких ожиданий, которые потом не оправдались и далее. Ну, вот, этот год работы в этой должности меня убедил в том, что это путь в никуда, это не реальный вопрос, что он, даже если какое-то на уровне высших эшелонов власти решение будет принято, она просто не жизнеспособна, эта идея. Видимо, по этой причине и был ликвидирован национальный район в 1945 г. Это мои убеждения, которые я потом доносил до людей, попозже это все было поддержано. Я считал, что это утопия, тем более, в 1945 г. был ликвидирован район. Одна была ситуация даже тогда, я имею в виду по количеству населения, по этническому составу этого региона, а тем более через

60 лет, через 50 лет был уже другой состав. И в этой массе создавать национальный район – естественно, никто бы не делал этого. Тем более, по нашим заявкам предполагалась часть Лазаревского района, часть Туапсинского района – это просто невыполнимые были задачи. И вот те действия, которые были предприняты, они убедили, хотя некоторые подвижки в этом плане были, которые давали надежду и подпитывали сторонников этой идеи продолжать эту работу. Ну, было видно, что это все просто бессмысленная трата сил, энергии, нервов. Но вообще, помыслы были чистые полностью, я не сторонник, чтобы кого-то сейчас в этом обвинять, это были чистые помыслы в надежде, что этот механизм, эта административная структура – Шапсугский национальный район – может обеспечить сохранение этнокультуры, языка и т.д. Вот такие были представления, как механизм реализации своих прав, вот так рассматривалось, вот так объяснялось, что мы просим национальный район для того, чтобы обеспечить сохранение своей этнической самобытности, сохранение родного языка, культуры и т.д., других целей не преследовалось. В тот период полемики в разных средствах массовой информации звучали другие обвинения, для чего это делается. Все это искажалось, нам это было очень больно и обидно. Очень такие выпады в наш адрес происходили, ну, бредовые, вплоть до того, что пытаемся создать отдельный какой-то регион, выйти из состава Российской Федерации, исламский пояс создать. Ну, все это бред, конечно. Мы-то цели определенные ставили, только как механизм сохранения себя, а ведь этот район когда-то существовал, Шапсугский, и он позволял многие вещи решать, в том числе и в вопросе изучения родного языка, художественные народные коллективы создавались. Развитие этнокультуры бурное шло в те несколько десятков лет, когда этот район существовал, из этих соображений. Но вот эта вся, вот эта информационная война, которая вокруг этого вопроса шла, естественно, очень часто искажала истинные наши цели, и это создавало такую напряженную ситуацию в регионе.

Да, это все было, это начало 1990-х гг., конец 1980-х гг. Ну, вот, эта полемика шла, параллельно. Вы знаете, и Советский Союз в этот момент прекратил свое существование, Российская Федерация только начала становиться. Законодательная база, в том числе по

решению национальных вопросов, выстраивалась только в Российской Федерации, Вы знаете, как это все происходило тяжело в начале 1990-х гг. И в этой ситуации мы говорили: если создание Шапсугского национального района невозможно, то какими механизмами можно обеспечить наши права на сохранение этнической самобытности, достижение тех задач, которые мы ставили? Вот, такой вопрос мы ставили, мы находили разные точки зрения, разные подходы к достижению этой задачи, в том числе создание национально-культурной автономии. Мы тогда еще тоже не знали, что из себя она представляет, тогда еще не было этого закона, закон был принят 1995 г., даже позже, в 1996 г., до этого мы еще не знали, что такое национально-культурная автономия, какие возможности она дает и т.д. Ну, это все было в стадии обсуждения, параллельно обсуждался [закон] о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, федеральный закон. Вот, это все в процессе обсуждения, выработки этих законодательно важных документов. Естественно, проходило много встреч, споров, дискуссий, конференций, даже проходили слушания в Государственной Думе. И мы параллельно вопросы решали по разным направлениям»¹.

Своей нынешней и, по сути дела, пятой постановкой шапсугская проблема всецело обязана состоявшемуся весной 2002 г. V съезду причерноморских шапсугов, на котором произошел отказ от требования воссоздания Шапсугского национального района. Такой путь разрешения проблем национально-культурного и социально-экономического развития причерноморских шапсугов был признан руководством съезда «нерациональным и нереальным». Однако его принятие далось нелегко. Драматизм ситуации того времени и нелегкость давшегося решения передает современник: «На съезде была высказана идея о создании в органах законодательной и исполнительной власти края системы уполномоченных представителей причерноморских адыгов-шапсугов. Ну, очень напряженная была ситуация. Ну, что я могу сказать? Вы в начале нашего разговора сказали о том, что я что-то навязываю людям. Каждый из нас что-то навязывает другому, если у тебя есть свои убеждения, в хорошем

¹ Интервью с Чачухом Маджидом Харуновичем...

смысле. Я отстаиваю свои убеждения, я никому ничего не навязываю, я отстаиваю эти убеждения. Да, не просто в 2002 г. принять решение отказаться от национального района. Вы представляете, десять лет этим жил народ! Мне даже сторонники мои говорили: “Ты самоубийца, ты этот вопрос выносишь, тебя там снесут”. Я говорю: “Пусть сносят, значит, если моя судьба такая. Значит, пусть тогда этим вопросом занимаются те, кто считает это реальным”. Я пошел на это сознательно, на съезде я выступил с докладом о том, что это утопия, что это мешает делу, это только нервирует людей и власти и прочее, оно неконструктивно. И съезд почти большинством принял это решение, мою позицию поддержал. И мы так сформулировали: “Считать, признать не рациональным решение проблем сохранения этнической самобытности, развития национальной культуры шапсугов через воссоздание Шапсугского национального района”. Это решение было принято.

Я к чему говорю? Вот, в навязывании в хорошем смысле этого слова, своей позиции. Да, я свою позицию обозначил. Я сказал, что если Вы считаете, что этот вопрос достижим, тогда пусть этим занимаются те, кто считает это возможным, я не буду председателем в этом случае. Ну, вот, такое решение было принято, потом я просил все равно, чтобы приняли мою отставку, ну, есть вещи, которые заставляют... На чем они играют, почему меня уламывают? Есть старики – как они посадят, как пять человек стариков сядут в папах и начинают рассказывать о своих дедушках, конечно, они знают, на что давить. Поэтому и еще другой фактор, почему я вот двадцать с лишним лет, казалось бы, уже давно пора убежать, а что еще меня останавливает? Я могу уйти с этой общественной организации, с руководства, но я не перестану быть адыгом и мне не все равно, что от имени народов адыгов, шапсугов будут нести те люди, о которых я говорю. Я не смогу быть в стороне от той организации. Если я буду видеть, что нерационально подставляют наш народ, я от этого счастливее не стану. Поэтому вот эти вещи меня немного останавливают, и те люди, которые мне в оппозиции, когда я вижу их убеждения, их программу, это для меня не приемлемо. Хотя у меня четкая позиция одна, я только буду счастлив, если меня переизберут в установленном порядке. Ну, председателя «Адыгэ Хасэ» избирают

тайным голосованием на съезде 35 чел., это наш Общественный парламент, а потом он избирает председателя. Я буду счастлив, если меня переизберут, но если переизберут без подтасовок и т.д. Что вот позиция, программа какого-то человека будет принята съездом, парламентом, но просто отдать на откуп людям позиции, которые я не разделяю, это выше моих сил. И все, я никаких козней никогда не строил, хотя против меня были попытки все это исказить. Даже подкупали за деньги, чтобы меня не избрали. Это все присутствует, но я мало внимания [таким вещам] уделяю. Я ж говорю, если моя позиция не будет поддержана съездом, парламентом – да, ради Бога, я только буду счастлив все это оставить, я и так всю жизнь посвятил этому делу неблагодарному»¹.

15 мая 2011 г. очередной съезд подтвердил правильность принятого тогда решения и сосредоточил свою работу на рассмотрении вопросов демографии, социально-экономического развития аулов, сохранения шапсугами родного языка, культуры, традиционной среды обитания. Внутренние сложности развития шапсугского национального движения наталкиваются и на неоднозначность его восприятия адыгскими общественными организациями и представителями научного сообщества. Так, на состоявшемся 14 февраля 2011 г. «круглом столе» «Кавказ. Проблемы понимания истории», проведенном по инициативе Общественной палаты, директор Института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН высказал идею, что «признанием исторической вины России перед черкесским народом стало бы восстановление Шапсугского национального района, распущенного в 1945 году». По мнению ученого, все проблемы, связанные с черкесами, могли быть закрыты, если бы глава восстановленного Шапсугского национального района получил бы возможность обратиться к участникам предстоящей Олимпиады². Наряду с этим активисты Черкесского конгресса Кабардино-Балкарии еще в 2009 г. не поддержали проект создания единого адыгского субъекта Российской Федерации, отметив, что

¹ Интервью с Чачухом Маджидом Харуновичем...

² 14 февраля 11 г.: Общественная палата РФ – Круглый стол «Кавказ. Проблемы понимания истории». URL: <http://www.aheku.org/forums?m=posts&q=2078> (дата обращения: 23.09.2013).

«среди черкесского народа существует одна группа, на которую неправильно распространять призывы к объединению». Такой группой были названы причерноморские шапсуги, не имеющие национально-государственного образования и борющиеся за его обретение.

Как следует из интервью с М.Х. Чачухом, сегодняшнее состояние и решение шапсугской проблемы связывается, прежде всего, с возрождением и сохранением традиционной среды обитания и хозяйственного уклада жизни малочисленного этноса. Достижение намеченных задач, помимо всего прочего, мыслится и закреплением на законодательном уровне положения шапсугов в качестве «коренного малочисленного народа Краснодарского края»: *«Далее, и вот нерешенность такого уровня проблем, она вызывает недовольство людей, они вновь и вновь обращаются к законодательным основам всей нашей жизни. И одно из требований с конца 1990-х гг., которое наша организация ставит, это включение, внесение в Устав Краснодарского края изменения о том, что на территории Краснодарского края проживают представители коренного малочисленного народа – шапсугов, права которого гарантируются в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. Вот, примерно, такое содержание фразы, раз есть постановление Российской Федерации о включении шапсугов в единый перечень, мы просим, чтобы на законодательном уровне, на уровне Краснодарского края это было бы обозначено. Мы это видим в виде внесения дополнения в Устав Краснодарского края. Ну, эта тема до сих пор не решается. Согласен с тем, что процедура очень непростая внесения изменения в основной документ, в Устав Краснодарского края. Поэтому эта тема тоже одна из таких ключевых, которая выносится в первые пункты постановления съездов уже не один раз. Далее, с первой темой связана еще вот такая проблема: принято распоряжение Правительства Российской Федерации о местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, мы в этот перечень не попали. Да, мы просим: обозначьте, где мы проживаем, где находятся наши территории традиционного проживания, традиционной хозяйственной деятельности. И мы это предложение подали, но положительного решения по ним нет. Мы предлагаем теперь просто перечень аулов*

хотя бы обозначить, что это места традиционного проживания, чтобы к этим аулам привязывались бы или земли сельхозназначения, потому что там же вокруг этих аулов только земли сельхозназначения или земли национального парка. А народ оказался без, лишенным главного, исконной среды обитания. Народ, шапсуги, сейчас лишены исконной среды обитания, потому что в национальном парке действуют очень строгие ограничения, хозяйственная деятельность там запрещена. Практически по положению о национальном парке туда проход, доступ даже ограничен. Естественно, это ущемляет наши права, а все остальные земли, земли сельхозназначения – они находятся в частных, коммерческих предприятиях. А наш малочисленный народ оказался лишенным своей исконной среды обитания, возможности развития традиционных видов хозяйственной деятельности, о которых я сказал.

Мы просим: “Обозначьте перечень”. Вот как везде в России это обозначено для всех коренных малочисленных народов, перечень основных мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности. Эта проблематика с правовой точки зрения – тоже тема, которой мы занимаемся. Ну, пока результатов нет. Это тоже не самоцель, это мы хотим сделать с одной целью – как-то защитить, как это Конституция гарантирует. Кстати, вопрос о защите исконной среды обитания находится в совместном ведении федеральных органов власти и субъектов Российской Федерации. А это мы пока не смогли сдвинуть с места. Ну, можно еще там некоторые небольшие вопросы поднимать, но с моей точки зрения вообще проблемы нас, адыгов-шапсугов [волнующие – Т.Х., Е.К.], они не такие не решаемые, они вполне ограничены. Нельзя думать, что они вечные, что за решением одной проблемы последуют другие заявления, нет, это абсолютно глубокое заблуждение. По моему убеждению, вопрос в исчерпывающем порядке можно решить по отношению к адыгам-шапсугам. Это мое убеждение, я уже сказал, это обозначение на краевом уровне, правовые гарантии защиты прав наших интересов в соответствии с федеральным законодательством. Как вариант предлагаем внесение изменения в Устав Краснодарского края, тем более, там есть статья, которая буквально наталкивает нас на эти требования, на эти просьбы. Вторая статья Устава Краснодарского

края гласит буквально следующее, дословно: “Краснодарский край является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края”. Мы не против этих формулировок, абсолютно, ради Бога, но тогда адыги, шансуги кто? Тогда надо договорить, если Вы начали или вообще эту статью убрать».

Сохранение этнокультурной самобытности народа, по его мнению, не только необходимо, но и возможно: «...по нашему убеждению, сохранить этнокультуру, уклад жизни. Да, я тоже понимаю, что глобальные процессы в мире происходят, это вижу. Особенно в последние десять лет мир настолько кардинально изменился и сейчас говорит... Мы не цепляемся за какие-то ушедшие исторические эпохи, абсолютно это не так, но чтобы сохранить нас, как этнос, как носителей языка, этнокультуру сохранить, это мы можем сделать только на уровне аулов в Лазаревском, в Туапсе мы этого не сможем сделать. Это обыкновенный гражданин – он ничем не отличается от всех других, это интеллигент, то ли не интеллигент, не важно. Но вот это самое дорогое, ценное, что выработал на протяжении тысячелетий наш народ – традиции, обычаи вот эти, этнокультура, вот это все, что смогли сохранить, это можно сделать только на уровне аула. А в этом вопросе фундаментальное значение имеет быт, самобытность, самобытная культура. Я имею в виду, отношение со средой обитания, традиционные виды хозяйственной деятельности, которые напрямую связаны с землей. Это не только мои слова, это мнение ученых, мы же с ними советуемся, и среди нас есть ученые, которые это дело подтверждают. И поэтому это не просто самоцель и потом, Вы сказали искусственно где-то какие-то анклавные сохранить, ну не без этого, в хорошем смысле этого слова. Вот, есть такой опыт в мире, в Америке, в частности, резервации индейцев. Нам все годы советской власти преподносили, что это такое плохое, резервация индейцев. На самом деле, для чего это делается? Для сохранения этой этнокультуры, и в этом ничего нет плохого. И в африканских странах это происходит не для того, чтобы как-то в законсервированном состоянии эту культуру как экзотику сохранить, не для этого. Но вот в аулах самым эффективным способом поддержки, социальной поддержки населения является именно поддержка их в этом плане.

Навязывание каких-то крупных предприятий в аулах – это просто убьет этнокультуру народа. Что и происходит в северных зонах, ничего там не приживается. Да, экономически, может, какие-то крупные предприятия процветают, но этнокультуру этого региона, этого народа убивают. И здесь мы же не просто, чтобы сохранить в такой стагнации этнокультуру, там, в традиционной, в идее хозяйственной деятельности в виде животноводства и садоводства сохранить, но есть сейчас передовые технологии и, естественно, мир не стоит на месте. Те традиционные методы землепользования земли, обработки садов и прочее, которыми наши предки пользовались, они не могут оставаться без изменений сейчас. Да, есть другие технологии, мир движется вперед, естественно, они должны внедряться и будут. Но в этом контексте, в ареале исконной среды обитания. Поэтому, когда мы говорим, чтобы сохранить исконную среду обитания, эти традиционные виды хозяйственной деятельности, мы ни в коем случае не имеем их <...> консервацию»¹.

За прошедшие два десятилетия в решении шапсугской проблемы намечился ряд серьезных изменений, достигнутых в результате политической воли как руководства Краснодарского края, так и лидеров национального движения причерноморских адыгов-шапсугов. С повестки дня снято требование воссоздания национального района, а сама проблема переместилась в плоскость реализации насущных социально-экономических и национально-культурных задач. Вместе с тем возникающее зачастую непонимание между руководством движения и властью, на наш взгляд, не столь критично, чтобы рассматриваться в качестве непреодолимого препятствия ее разрешения. Единственным таким препятствием является обоюдная инерция сторон, мешающая им видеть происходящие изменения в позициях друг друга.

* * *

С момента официального завершения советской эпохи прошло чуть более 20 лет. За это время в понимании и практиках решения национального вопроса, приобретшего множественное звучание,

¹ Интервью с Чачухом Маджидом Харуновичем...

произошли определенные изменения. Он больше не видится сосредоточением исключительно «специфических проблем», присущих той или иной группе народностей, и все больше связывается с сохранением их культурных и традиционных особенностей. Вместе с тем наличие бытового национализма, перерастающего в идейное, а зачастую и действенное противостояние свидетельствует о сохраняющейся межэтнической напряженности в регионе, осложняющейся целым комплексом неизжитых исторических обид. Подобного рода обстоятельства, помноженные на политическую этикетность, отдающую дань многонациональности проживающих на Северном Кавказе народов, становятся веским аргументом в пользу сохранения и приумножения соответствующих органов власти. При этом их задачи и сфера деятельности провоцируют рост этнического самосознания населения, подтверждая самим фактом своего существования наличие присущих ему особых проблем. Веским доказательством оказывается и привлечение представителей национальных объединений к выработке и реализации всевозможных программ по развитию и гармонизации межнациональных отношений.

Глава IV.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРАКТИКИ ЕЕ ПОДДЕРЖАНИЯ

Память о прошлом выступает необходимой основой национальной идентичности. Осознание общности исторического пути, на котором героические победы чередовались с трагическими поражениями, заставляет человека испытывать те или иные эмоции, ощущая свою сопричастность судьбе этноса как определенного сообщества. При этом ведущую роль в выработке исторических представлений и их закреплении в массовом сознании играют музеи и мемориальные объекты. Они выступают системообразующими факторами в организации пространства исторической памяти общества, фиксируя его основные параметры и выстраивая определенную иерархию событий по степени их значимости для национального самосознания. Фактически они создают ту или иную версию прошлого, акцентируя общественное внимание на отдельных личностях и процессах. По словам А. Ассман: «Коллективная память отличается от семейной и поколенческой памяти наличием опор в виде символов, которые закрепляют воспоминания для будущего тем, что обеспечивают императивную общность воспоминаний для следующих поколений. Монументы и памятники, годовщины и ритуалы из поколения в поколение упрочивают коммеморацию за счет материальных знаков и периодичности повторений. Они дают возможность последующим поколениям, не имеющим собственного опыта, причаститься к общему воспоминанию»¹. Как воображаемые сообщества, нации, государства и другие институции или корпорации изначально не имеют «своей» памяти, «ибо она “конструируется” ими с помощью мемориальных знаков и символов. Благодаря этой памяти институции или корпорации одновременно “конструируют” собственную идентичность»².

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого... С. 32.

² Ассман А. Длинная тень прошлого... С. 33.

Особую общественную миссию выполняют музеи, хранящие «реликты и следы прошлого после того, как они теряют живую связь со своими прежними контекстами. К числу таких предметов относятся книги, письма, рукописные свидетельства, а также картины, фотографии и другие медиальные носители информации. Выпадая из прежнего функционального контекста, они становятся безмолвными свидетелями прошлого, которые подлежат новому толкованию со стороны экспертов»¹. При этом музейные артефакты наделяются новыми смыслами, порожденными изменением социальных и политических условий. В результате музеи, наряду со своими собственными специфическими задачами, выполняют и мемориальные функции.

4.1. Национальные музеи республик Северного Кавказа в процессах нациестроительства

В силу своего предназначения музеи призваны собирать, сохранять, изучать и экспонировать природные и историко-культурные объекты, обладающие ценностью в глазах общества и наделяемые определенными смыслами. При комплектовании музейных фондов, а затем подготовке выставок и экспозиций всегда возникает проблема выбора: далеко не все объекты природного и культурного наследия превращаются в экспонаты, а выставляется для публичного обозрения в лучшем случае одна десятая от содержимого музейных фондов. Этот выбор определяется обстоятельствами самого различного характера – от личных качеств самих музейных работников и имеющихся у них возможностей до определенного социального заказа со стороны государства и других политических образований. В результате музей, особенно историко-культурной направленности, представляющий собой, казалось бы, учреждение, обращенное к прошлому, мало связанному с современными событиями, превращается не только в объект, но и в средство осуществления исторической и мемориальной политики. В данной связи представляет интерес

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого... С. 54.

опыт становления национальных музеев на Северном Кавказе как главных музейных учреждений республиканского уровня, история которых нераздельно связана с практиками нацистроительства в регионе.

До революции 1917 г. вопросами сохранения историко-культурного наследия на Северном Кавказе занимались императорские Археологическая комиссия, Русское географическое общество, Московское археологическое общество и их региональные отделения, а также Ставропольский губернский, Кубанский и Терский областные статистические комитеты. Благодаря их деятельности в течение XIX – начала XX вв. были обнаружены десятки памятников древности, собраны уникальные археологические и этнографические коллекции, составившие основу первых музеев в Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси), Екатеринодаре (в настоящее время – Краснодар), Владикавказе, Ставрополе, Пятигорске¹. Именно при Кубанском областном статистическом комитете в 1879 г. был создан Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей. В 1893 г. появился музей во Владикавказе при Терском областном статистическом комитете для сохранения памятников современной жизни народов и «уцелевших реальных остатков их исторического прошлого»². В 1916 г. Черкесское благотворительное общество создало организационную комиссию по образованию этнографического музея, но его созданию помешали события революции и Гражданской войны. В том же году на базе местного краеведческого общества возник музей в станице Баталпашинской³. В целом, до революции материалы о горцах Северного Кавказа были представлены преимущественно в этнографических коллекциях региональных музеев, созданных по инициативе местной администрации и интеллигенции, выступая предметом научно-познавательного интереса.

¹ Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. Ставрополь, 2011. С. 284.

² Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. С. 319–320.

³ Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник. URL: <http://www.museum.ru/M1231> (дата обращения: 03.08.2014).

Создание национальных автономий на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. сопровождалось соответствующими преобразованиями в музейной сфере. Существенную роль в них сначала играли местные краеведческие общества, объединявшие в своих рядах главных энтузиастов в изучении региона. В 1920 г. было создано Северо-Осетинское краеведческое общество, в 1922 г. – Кабардино-Балкарское общество изучения местного края, целью которого являлись «сбор и исследование материалов, как характеризующих прошлую жизнь края, так и выявляющих современный быт и естественные богатства его». В 1924 г. – Общество изучения Адыгейской автономной области и литературное общество в Ингушетии, занимавшееся вопросами краеведения. В 1929 г. – Чеченское краеведческое общество, в которое вошло созданное годом раньше Грозненское научное общество¹.

В целях обеспечения руководства всеми краеведческими обществами и координации их работы в 1920 г. во Владикавказе – центре Горской АССР – был организован Горский научно-исследовательский институт краеведения, а при нем Горский музей, на который возлагалась задача представить историю и современный быт горских народов. Однако практически сразу же после провозглашения Горской АССР начался ее распад, а в новых национальных автономиях стали создаваться собственные краеведческие музеи. В апреле 1921 г. в Нальчике был открыт музей Кабардинского округа, первым выделившегося из состава Горской АССР. После слияния Кабардинского и Балкарского округов он был преобразован в музей Кабардино-Балкарской АО. Председатель Кабардинского окружного исполкома Б.Э. Калмыков призвал жителей оказать содействие в создании музея и сам передал в него личное оружие – шашку и ружье. Первым директором музея стал сельский учитель Б.Э. Калмыкова М.И. Ермоленко, в квартире которого и разместились первые экспонаты. Уже к концу 1921 г. в музей поступило свыше 1,2 тыс. экспонатов, а с 1925 г. он переехал в отдельное здание².

¹ Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ... С. 263–264.

² Из истории музея. URL: <http://www.travelhunters.ru/travels-1347-1.html> (дата обращения: 03.08.2014).

В 1924 г. отделом народного образования Грозного был основан окружной музей по истории и религии, имевший в своих фондах первоначально всего 150 единиц хранения. В 1926 г. он был преобразован в Чеченский областной музей краеведения¹. В 1925 г. возник Адыгейский историко-этнографический музей в Краснодаре, считавшемся административным центром Адыгейской АО. За первый год существования в его фонды поступило 962 предмета по истории, этнографии и археологии адыгов². На базе краеведческого музея в Баталпашинске, имевшего всего 100 экспонатов, собранных учителями и учащимися местных школ, был создан Карачаево-Черкесский областной краеведческий музей, но первые годы он продолжал действовать на общественных началах³. В 1926 г. Карачаево-Черкесская АО была разделена на Карачаевскую АО, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район. Первоначально комиссия по реорганизации Карачаево-Черкесской АО приняла решение: «*Областной музей оставить в Баталпашинске. Исторические по своему национальному характеру предметы при надобности передать Карачаю и Черкесии*»⁴. Затем Баталпашинск стал центром Черкесского национального округа, с 1928 г. – Черкесской АО. Но только в 1934 г. для музея выделили отдельное здание, а его содержание взяли на местный бюджет⁵. А в административном центре Карачаевской АО Микоян-Шахаре (в настоящее время – Карачаевск) областной музей был создан в 1930 г.

С образованием Северо-Кавказского края, административным центром которого стал Ростов-на-Дону, возник вопрос о создании

¹ Национальный музей ЧР. URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=80> (дата обращения: 30.06.2014).

² Национальный музей Республики Адыгея. URL: <http://adyg-museum.ru> (дата обращения: 06.08.2014).

³ Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник. URL: <http://www.dombayinfo.ru/museum> (дата обращения: 30.06.2014).

⁴ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 350. Л. 126.

⁵ Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник. URL: <http://www.dombayinfo.ru/museum> (дата обращения: 30.06.2014).

здесь соответствующих культурных учреждений, в связи с необходимостью *«отражения культурно-этнографической действительности многочисленных народов нашего края»*. Руководство хорошо осознавало, что *«управлять краем нельзя, не зная его действительности»*. В письме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) начальнику Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями (далее – Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР Ф.Н. Петрову сообщалось: *«С момента районирования Северо-Кавказского края у нас всегда стоял на очереди дня насущный вопрос о скорейшем удовлетворении культурных запросов отсталых горских народов в нашем крае»*. В результате в Ростове были созданы краевые горские институт краеведения и музей народов Северного Кавказа. Музейный отдел Главнауки выделил для них ценные экспонаты и краеведческую библиотеку¹.

Основой для краевого музея стал Донской музей, ему также передали часть материалов из Горского музея во Владикавказе. Наркомпрос РСФСР предоставил экспонаты из Эрмитажа, отражавшие историю горских народов Северного Кавказа. Музей также получил библиотеку бывшего грузинского князя Шервашидзе². В отношении института краеведения и музея во Владикавказе руководство крайкома сообщало следующее: *«Владикавказ с момента районирования потерял свое краевое значение, оказавшись центром лишь Ингушетии и Осетии, а последние, создавая свои национальные краеведческие учреждения, неоднократно ставили вопрос о ликвидации Владикавказского института краеведения»*³. Ввиду признания Горского музея во Владикавказе музеем *«местного значения»*, т.е. музеем двух автономий – Ингушской АО и Северо-Осетинской АО, его решили передать в их ведение⁴. Споры руководства автономий по вопросу содержания и функционирования объединенного осетино-ингушского музея завершились его окончательным разделением в августе 1927 г. на осетинский и ингушский музеи⁵.

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 18.

² Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ... С. 264.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 18.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 11.

⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 126.

Сами факты создания музеев в национальных автономиях выступали важными свидетельствами их прав и возможностей на сохранение и использование своего культурного наследия, в соответствии с декларировавшимися принципами советской национальной и культурной политики. К тому же музеи, как и другие учреждения культуры, обеспечивали и решение практических задач национально-государственного строительства. В письме в коллегия Наркомата просвещения РСФСР руководители органов просвещения Северо-Осетинской АО писали: *«Первой задачей, возникающей перед нацменами, становящимися на путь культурного подъема, является уяснение себе своего национального лица, как оно сложилось к данному моменту в процессе исторической жизни... Поэтому вполне понятна необходимость изучения осетинского народа и условий его существования в историческом разрезе»*¹. В результате на музеи возлагались не только охранительные, но и научно-исследовательские задачи, связанные с изучением национальной культуры, а также просветительские, выполнявшиеся совместно с органами образования.

Однако в первые годы материальные возможности краеведческих музеев были крайне ограничены. Так, на все расходы созданного в 1928 г. Осетинского музея материальной и духовной культуры было ассигновано 300 руб., а единственным штатным научным сотрудником являлся сам заведующий музеем². Между тем на музей возлагался широкий круг задач по изучению памятников прошлого, быта осетин, хозяйства, искусства, а также по учету и охране памятников. Он должен был собирать, хранить и выставлять для обозрения изучаемые объекты³. Директор Адыгейского краеведческого музея вплоть до 1937 г. оставался его единственным научным сотрудником.

Фонды северокавказских музеев активно пополнялись археологическими и этнографическими экспонатами в результате полевых экспедиций. У населения приобретались оружие, домашняя утварь, посуда и другие изделия. Часть экспонатов передалась самими жителями, а часть – органами власти. Так, в 1926 г. в Чеченский областной музей поступила коллекция оружия в количестве

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 53.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 186. Л. 39.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 829. Л. 201.

60 предметов, конфискованных в одном из особняков¹. Материалы о событиях революции, Гражданской войны и социалистическом строительстве, как правило, передавались их непосредственными участниками, произведения искусства, в основном, связанные с регионом – Государственным музейным фондом, музеями Москвы и Ленинграда. Отдельные экспонаты поступали и из других мест, в том числе из бывшего Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе, где в XIX в. сложилась крупная коллекция материалов о горских народах Северного Кавказа. Например, Чеченскому областному музею были переданы картины Ф. Рубо «Взятие Гуниба и пленение Шамиля» и «Смерть генерал-майора Слепцова в Гехинском лесу», портреты генералов – участников Кавказской войны, гравюры и литографии из Тифлиса, а также автопортрет П. Захарова из Третьяковской галереи². Адыгейский областной историко-этнографический музей при поддержке Адыгейского областного исполкома и областного отдела народного образования получил черкесские знамена времен Кавказской войны. Натухаевское знамя с рядом других экспонатов поступило из Грузии, а шапсугское – из Государственного музея Азербайджана в январе 1926 г.³ В то же время ходатайство перед Главнаукой о передаче в Адыгейский музей экспонатов, относившихся к истории и быту адыгов, из Кубанского, Геленджикского, Новороссийского и других музеев не было удовлетворено⁴.

Во второй половине 1930-х гг. материальные возможности музеев национальных автономий Северного Кавказа выросли, особенно в образованных в 1936 г. автономных республиках – Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской

¹ Национальный музей ЧР. URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=80> (дата обращения: 30.06.2014).

² Национальный музей ЧР.

³ *Кудай М.* Знамена прошлого как символ настоящего. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=2938> (дата обращения: 08.08.2014).

⁴ *Теувежева И.Р.* Становление краеведения и деятельность Общества изучения Адыгеи в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. Вып. 2. С. 68.

АССР. После объединения Чеченской АО и Ингушской АО в Чечено-Ингушскую АО и ее преобразования в Чечено-Ингушскую АССР Чеченский областной музей стал Чечено-Ингушским краеведческим музеем, а ингушский краеведческий музей во Владикавказе – музеем Пригородного района. При этом его основной фонд в 4 тыс. экспонатов и 22,8 тыс. книг был передан в Чечено-Ингушский краеведческий музей¹. Штат Адыгейского музея в 1937 г. вырос до 4 чел., а в его фондах к этому времени насчитывалось 2817 экспонатов². В связи с перемещением центра Адыгейской АО в Майкоп в 1936 г., он также переехал сюда в 1938 г., включил в свой состав созданный ранее Майкопский районный музей природы и был переименован в Адыгейский областной краеведческий музей. В то же время музейную сферу не обошли стороной политические репрессии, от которых пострадал ряд работников. Так, в 1939 г. был арестован директор Адыгейского краеведческого музея И.А. Наврузов, возглавлявший его с первых дней.

В годы Великой Отечественной войны многие краеведческие музеи Северного Кавказа понесли значительный ущерб. Их эвакуация в условиях быстрого наступления вермахта летом 1942 г. оказалась сорвана. В период нацистской оккупации 1942–1943 гг. были разграблены этнографические коллекции в музеях Нальчика, Майкопа, уничтожены все музейные экспонаты в Черкесске. Погибли отдельные сотрудники, включая директора Черкесского краеведческого музея П.К. Григорьева, ушедшего в партизанский отряд³. Но и после освобождения Северного Кавказа советскими войсками потери в музейной сфере продолжались. Вследствие депортации карачаевцев и ликвидации Карачаевской АО в 1943 г. прекратил

¹ *Восточная Л.* Становление науки в Ингушетии до 1944 года. http://gazetaingush.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=12650:----1944-&catid=19:2009-06-05-07-27-08&Itemid=1 (дата обращения: 03.08.2014).

² Национальный музей Адыгеи. Позади целый век. URL: <http://cpnc.ru/adygea/ns/muzei.html> (дата обращения: 03.08.2014).

³ Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник. URL: <http://www.dombayinfo.ru/museum> (дата обращения: 30.08.2014).

свое существование областной краеведческой музей. Выселение вайнахов в 1943 г. и упразднение Чечено-Ингушской АССР привели к ликвидации музея Пригородного района и преобразованию Чечено-Ингушского краеведческого музея в Грозненский областной музей краеведения.

В послевоенные годы потребовалось немало сил и времени для восстановления музеев и их деятельности. Например, Адыгейский краеведческий музей смог организовать первую послевоенную выставку только в 1954 г.¹ Реабилитация чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев и воссоздание национальных автономий репрессированных народов Северного Кавказа также сопровождались изменениями в музейной сфере, восстановлением и соответствующим преобразованием музейных учреждений.

В 1960–1980-х гг. музеи автономных республик и областей Северного Кавказа вступили в период стабильного развития, в их структуре появились новые отделы и экспозиции, существенно пополнялись и музейные фонды. Так, к началу 1970-х гг. фонды восстановленного Чечено-Ингушского краеведческого музея по сравнению с послевоенным периодом выросли более чем в 20 раз и насчитывали более 80 тыс. единиц хранения, из которых более 57 тыс. составляли подлинные материалы². Фонды Карачаево-Черкесского краеведческого музея содержали в рассматриваемый период до 50 тыс. экспонатов³. Улучшилась материальная база музеев. Краеведческий музей Кабардино-Балкарской АССР переехал в сентябре 1966 г. в специально построенное здание с 11 залами, а Карачаево-Черкесский краеведческий музей получил в свое распоряжение здание в центре Черкесска – памятник архитектуры XIX в.

В то же время комплектование музейных фондов и формирование экспозиций находились под строгим идеологическим контролем партийных органов. При создании выставок и экспозиций внимание акцентировалось на добровольном вхождении народов Северного Кавказа в состав России, их тяжелом положении до революции 1917 г., успехах в развитии экономики и социальной сферы, культуры

¹ Национальный музей Адыгеи. Позади целый век.

² Национальный музей ЧР.

³ Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.

и образования национальных автономий в годы советской власти. Значительное место отводилось показу героизма жителей национальных автономий на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны, прославлялось боевое сотрудничество представителей различных национальностей региона.

В то же время многие «болезненные» вопросы истории народов Северного Кавказа не находили своего отражения в экспозициях, а не «вписывавшиеся» в советскую музейную практику артефакты подлежали изъятию. Так, еще в 1951 г. партийная комиссия решила изъять черкесские знамена периода Кавказской войны из Адыгейского краеведческого музея как «идеологически невыдержанные и устаревшие». Но заведующая фондами музея Л. Лебеденко спрятала знамена у себя дома. С течением времени угроза изъятия исчезла, и знамена вернулись в хранилище, однако выставлять их стало возможным сравнительно недавно, уже в 1990-е гг.¹ Несмотря на реабилитацию репрессированных народов Северного Кавказа, обстоятельствам их депортации и периоду принудительной ссылки также не уделялось внимания в музейных экспозициях. По словам заместителя директора по научной работе Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (далее – ГКЧИКиПМЗ) Т.У. Байрамуковой, в советское время *«вообще об этом никто не говорил. Вот нет, и все, “вытерли” этот период»*².

В начале 1990-х гг. бывшие автономные области и республики Северного Кавказа стали полноправными республиками в составе Российской Федерации. Стремление к суверенизации, закрепленное в конституционных актах новых республик, нашло свое отражение и в проведении ими собственной культурной и мемориальной политики, призванной содействовать завершению начатых еще в 1920-х гг. процессов нациестроительства. Соответствующие изменения произошли и в музейной сфере. В большинстве республик

¹ Кудай М. Знамена прошлого как символ настоящего.

² Интервью с Байрамуковой Тamarой Унуховной, заместителем директора по научной работе ГКЧИКиПМЗ. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 25.04.2014. Продолжительность 30 мин. Место проведения: г. Черкесск, ГКЧИКиПМЗ // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Северного Кавказа – в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечне – краеведческие музеи были преобразованы в национальные музеи. Для самих музейных учреждений это означало не простую замену вывесок, но и возложение на них обязанностей по сохранению, изучению и экспонированию историко-культурного наследия республик, в первую очередь, истории и культуры государствообразующих («титультных») этносов. Соответствующие положения о приоритете указанной тематики внесены в уставы национальных музеев. Подобные обязанности возложены и на главные музейные учреждения Карачаево-Черкесии и Ингушетии, хотя они и не носят официально названия национальных музеев. Повышение статуса сопровождалось соответствующими изменениями в штатах, порядке функционирования и финансирования музеев, работающих сегодня по республиканским государственным программам.

В ходе данного исследования были проведены интервью с руководителями ряда ведущих музеев республик Северного Кавказа. Все они подчеркнули необходимость учитывать культурные потребности представителей не только государствообразующих, но и других этносов, населяющих республики. Так, по словам генерального директора Национального музея Республики Северная Осетия-Алания (далее – НМРСО-А) Л.Х. Сохиевой, одной из задач возглавляемого ею учреждения является *«сохранение культурного наследия осетинского народа. Хотя, в общем-то, республика многонациональная, и наши фонды, которые составляют порядка 270 тыс. единиц хранения, аккумулируют [наследие] представителей всех народов, которые населяют нашу республику <...>, поскольку даже исторически так сложилось, что Владикавказ – город многонациональный и многоконфессиональный, а посему отделять не приходится. Тем самым, тогда мы не раскрываем сущность ни города, ни республики, и поэтому такого четкого разграничения нет»*¹. Схожую позицию выразила Т.У. Байрамукова: *«...мы показываем все народы, которые проживают здесь у нас <...> Этот вопрос для музея один*

¹ Интервью с Сохиевой Ларисой Хангериевной, генеральным директором НМРСО-А. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 10.07.2013. Продолжительность 69 мин. Место проведения: г. Владикавказ, НМРСО-А // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

из главных». В первую очередь – это карачаевцы, черкесы, абазины, русские, ногайцы, а также «компактные поселения и греков, и осетин, и т.д. Т.е. у нас очень много национальностей»¹. Стремление подчеркнуть существование пяти равноправных «титульных» этносов в Карачаево-Черкесской Республике проходит «красной нитью» по всем направлениям музейной деятельности.

Однако выполнять указанные задачи не всегда удастся, в том числе и по причинам отсутствия необходимых экспонатов, так как *«не во всем народам, проживающим здесь, у нас есть полновесные коллекции. Что-то утеряно, что-то восполняется»*². Особые трудности существуют с показом истории и культуры представителей «нетитульных» этносов. Директор Национального музея Республики Адыгея (далее – НМРА) Ф.К. Джигунова признает, что материалов, рассказывающих об адыгах в его фондах *«значительно больше, естественно. Мы изначально так формировались, когда еще музей был в Краснодаре, при первом директоре, цель была – собрать именно адыгский материал. Потом уже, после революции, после войны собирали и о представителях других этносов, но, они, конечно, не так выражены, как адыги. Да, у нас есть материал по черкесо-гаям, немножко, по грекам немножко и т.д.»*. Отчасти поэтому расширяется сотрудничество музеев с национально-культурными организациями. Так, в НМРА с их участием проведен ряд выставок по теме «Адыгея – наш общий дом»³. В НМРСО-А реализован специальный выставочный проект о различных народах, проживающих в республике. По словам Л.Х. Сохиевой, *«мы пошли именно путем показа многонациональности республики, и мы сделали такой совместный проект с различными диаспорами Осетии <...>. У них нет фондов как таковых, это же не музей <...>. И диаспора каждая, что могла, показала, кто-то из своих коллекций – семейных, частных и т.д. Они принесли там какие-то очень интересные предметы, рассказывающие о культуре, о быте,*

¹ Интервью с Байрамуковой Тamarой Унуховной...

² Интервью с Байрамуковой Тamarой Унуховной...

³ Интервью с Джигуновой Фатимой Кадырбечевой, директором НМРА. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Время проведения 06.08.2014. Продолжительность: 80 мин. Место проведения: г. Майкоп, НМРА // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

о каких-то религиозных своих воззрениях, вот этот материал был представлен»¹.

Расширение интереса к этнической тематике существенно отличает работу музеев в современных условиях от советской эпохи, когда, по воспоминаниям самих музейных сотрудников, «мы подходили к этому как бы усредненно, не выпячивая». В прежних экспозициях были лишь фрагментарно представлены отдельные особенности материальной и духовной культуры этносов: «Мы показываем, допустим, шерстяное производство. У одного народа, у абазин, допустим, больше развито плетение циновок – мы их показываем через абазин, там у кого-то еще что-то. Т.е. показываем наиболее характерное для каждого народа в экспозиции. Теперь вот, наверное, думаем, что мы будем показывать уже по каждому народу. Его костюм мы должны будем восстановить, даже если у нас не хватает [материалов]. Будут отдельные [экспозиции]». Происшедшие изменения объясняются возросшим национальным самосознанием, порождающим стремление людей узнать как можно больше о своем этносе и его культуре: «Потому что все, кто приходят, вот, дети приходят и говорят: “А вот что здесь про абазин? Вот здесь вот про этих есть, а вот эти, почему их у вас нет?”»². Музей и его экспозиции становятся инструментами конструирования национальной и этнической идентичности для посетителей – как жителей республик и представителей определенных этносов. Указанные тенденции приобретают особое значение с учетом того, что главной целевой аудиторией музеев остаются молодежь, дети и подростки. В ряде республик Северного Кавказа приняты специальные решения о посещении учащимися музеев – на обязательной или добровольной основе.

Руководители музеев Северного Кавказа говорят о необходимости показывать позитивные аспекты взаимоотношений между народами, «надо находить мир все-таки, а как же. От этого кто выиграет? Никто не выиграет. А в таких многонациональных регионах вообще нельзя эти искры пускать, потому что это религиозная рознь, национальная – все. И даже потом забудут, из-за чего это все началось,

¹ Интервью с Сохией Ларисой Хангериевной...

² Интервью с Байрамуковой Тамарой Унуховной...

а это останется». Отмечается также стремление уйти от спорных положений при формировании экспозиций: *«Музей – это не та сфера, где должны быть какие-то баталии. Мы таких фактов просто избегаем или говорим, что существует и такое, и такое мнение»*¹.

Однако полностью избежать дискуссий, например, об этнической принадлежности той или иной группы артефактов все-таки не удастся. Пожалуй, самым ярким их примером являются споры об «аланском наследии»². На него одновременно претендуют осетины, карачаевцы и балкарцы. Политико-правовым способом решения данного исторического вопроса в Северной Осетии стало официальное закрепление соответствующего термина (Алания) в самом названии республики. Еще до этого в ее государственной символике стали использоваться аланские изображения (барс на фоне гор). В свою очередь, герб Кабардино-Балкарии украсил хеттский орел.

В то же время в трактовке многих вопросов ощутимо влияние сложившихся еще в советское время подходов. Так, в постоянной экспозиции краеведческого музея Национального музея Кабардино-Балкарской Республики (далее – НКМБР) при характеристике присоединения Кабарды и Балкарии к России основное внимание уделено взаимоотношениям кабардинских князей с Иваном Грозным в середине XVI в. Немало места занимают и материалы о культуре и искусстве кабардинцев и балкарцев в XVIII–XIX вв. – предметы национальной одежды, ювелирные изделия, предметы из дерева и металла, войлочные ковры. Особое значение уделено участию в Великой Отечественной войне жителей Кабардино-Балкарии. Специальные комплексы рассказывают о наиболее известных уроженцах региона – адмирале А.Г. Головкин, в годы Великой Отечественной войны командовавшим Северным флотом, а затем занимавшим должность заместителя главнокомандующего ВМФ СССР, Герое Советского Союза летчике А.-Х.Т. Канкошеве.

Уважительное отношение к советскому прошлому, стремление сохранить и представить посетителям свидетельства боевых и трудовых достижений жителей региона в советское время характеризует

¹ Интервью с Байрамуковой Тamarой Унуховной...

² См.: Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика...

и деятельность других национальных музеев Северного Кавказа. Тем не менее постепенно в экспозициях и выставках находят свое отражение и новые сюжеты. Наряду со сведениями о революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах, восстановлении и развитии народного хозяйства, подъеме культуры все чаще приводятся материалы о массовых политических репрессиях, депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, хотя в музеях сохранилось о них не так много соответствующих артефактов.

Для НМРА приобретение нового статуса в 1993 г. сопровождалось переездом в специально построенное здание. Но только в 2001 г. в нем была открыта первая этнографическая экспозиция «Культура и быт адыгов в конце XVIII – начале XIX в.». В мае 2005 г. создана стационарная экспозиция «Адыгея в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 2006 г. добавилась археологическая экспозиция, посвященная эпохе бронзы на территории Адыгеи. В настоящее время фонды НМРА насчитывают более 290 тыс. экспонатов, относящихся к коллекциям археологии, естественной истории, изделий традиционного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, фарфора, изделий из драгоценных металлов, монет и других предметов¹.

Большинству музеев региона в 1990–2000-е гг. приходилось решать проблемы выживания, а недостаток финансирования, по словам их руководителей, оставался одной из самых серьезных трудностей развития. В 1991 г. в связи с аварией отопительной системы закрылось на ремонт основное здание НМРСО-А, построенное еще в начале XX в. Хотя филиалы и отделы музея продолжают свою работу, затянувшийся почти на четверть века ремонт основного здания имеет негативные последствия, в республике *«выросло не одно поколение без музея <...> А где можно с артефактами вот так вот тесно пообщаться, со своими корнями, если не в музее? <...> А музей все-таки давал возможность с этим непосредственно общаться, знакомиться через конкретные артефакты, где есть вот такая возможность*

¹ Кумпан С. Национальное достояние: музей Республики Адыгея. URL: <http://kuban.mk.ru/articles/2013/04/03/835607-natsionalnoe-dostoyanie-muzey-respubliki-adygeya.html> (дата обращения: 07.07.2013).

*общаться с реальной историей»*¹. В последние годы строительство нового корпуса музея ускорилось, но, как минимум, продлится еще в течение нескольких лет. В течение длительного времени продолжается ремонт и краеведческого музея – головного учреждения ГКЧИКиПМЗ, насчитывающего более 80 тыс. единиц хранения. Ухудшились и возможности пополнения музейных фондов.

Трагично сложилась судьба музейных учреждений бывшей Чечено-Ингушской АССР. К 1994 г. фонды Чеченского государственного объединенного музея с входившими в него филиалами насчитывали около 230 тыс. единиц хранения. В ходе боевых действий на территории республики в 1994–1996 гг. музей практически потерял свою материально-техническую базу, лишившись до 90 % фондов. Полностью уничтожен его филиал – историко-мемориальный музей А. Шарипова в селе Шатой. Утрачены картины Ф. Рубо, В. Тропинина, П. Верещагина, И. Айвазовского, И. Репина, П. Захарова, вся этнографическая коллекция, включая 68 чеченских истангов – традиционных войлочных ковров, украшенных национальным орнаментом, коллекция холодного и огнестрельного оружия XVII–XIX вв., печать и шашка Шамиля, а также инвентарные книги с данными о музейных фондах, отчеты археологических экспедиций и другая документация. В последние годы руководством республики оказывается значительная поддержка восстановлению работы Национального музея Чеченской Республики (далее – НМЧР). В новом здании открылась этнографическая экспозиция, выставка произведений профессиональных художников Чеченской Республики. В настоящее время музей насчитывает в своих фондах более 30 тыс. единиц хранения².

Непросто происходит и становление музейных учреждений Республики Ингушетия. Еще осенью 1973 г. Т.Х. Мальсагов создал народный музей на основе собранных им лично материалов об ингушах участниках Великой Отечественной войны. В 1978 г. он был преобразован в Назрановский музей боевой и трудовой славы в качестве филиала Чечено-Ингушского краеведческого музея. Сама тематика созданного музея и собранные им материалы воспринимались как

¹ Интервью с Сохиевой Ларисой Хангериевной...

² Национальный музей ЧР.

общественно значимые, чрезвычайно важные для ингушского национального самосознания, но недостаточно представленные в других музейных учреждениях республики. Создание Назрановского музея рассматривалось как восстановление исторической справедливости по отношению к ингушам как репрессированному народу, чьи боевые подвиги незаслуженно замалчивались. В августе 1990 г. музею было присвоено имя его основателя, за 7 лет до этого ушедшего из жизни. После образования Республики Ингушетия в апреле 1993 г. Назрановский музей боевой и трудовой славы был преобразован в Ингушский государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова, насчитывающий до 15 тыс. единиц хранения¹.

В последние два с лишним десятилетия деятельность музеев Северного Кавказа стала активно использоваться в создании позитивного имиджа данного региона за его пределами. Так, в 2005 г. в Москве в качестве филиала НМЧР открылась галерея заслуженного деятеля искусств России и Чеченской Республики, народного художника России, первого профессионального кинорежиссера Чечни И. Татаева. Помимо экспозиции в самой галерее были организованы выставки в здании Государственной Думы Российской Федерации, в Союзе художников России, Академии художеств России, Третьяковской галерее, в Доме кино и других местах². Очевидно, что подобные культурные проекты призваны не только познакомить жителей столицы и других регионов страны с культурными достижениями мастеров искусств Северного Кавказа, но и способствовать отказу от негативных представлений о чеченцах и других «лицах кавказской национальности».

Практически во всех республиках Северного Кавказа прошли выставки, посвященные спорту и спортивным достижениям их жителей в связи с Олимпиадой в Сочи. Особое звучание они приобрели в Адыгее и Кабардино-Балкарии, где черкесские общественные организации активно выступали против проведения Олимпиады на «земле геноцида черкесов». Тем не менее в 2014 г. в Олимпийском

¹ См.: Основателю Ингушского национального музея Тугану Хаджимоховичу Мальсагову 90 лет со дня рождения 1912–2002 г. Назрань, 2002.

² Галерея Илеса Татаева (филиал Нац. музея ЧР). URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=96> (дата обращения: 30.06.2013).

парке НМРА открыл выставочный проект «Традиционная культура адыгов» совместно с отделом этнографии филиала музея истории города-курорта Сочи в поселке Лазаревском. Выставка была направлена на формирование представлений об эволюции картины мира и особенностей ментальности адыгского народа, характере экономических и культурных отношений внутри этноса и с другими народами¹.

Еще большее значение имеет выбор тем выставок и экспозиций для жителей самих республик. В начале 1990-х гг. НМРА решил на проведение выставки, посвященной политическим репрессиям, вызвавшей возражения со стороны представителей властных структур: ни тогда, ни сейчас данная тема у них не пользуется «спросом». Несмотря на это, выставка продолжала свою работу². Музей в те годы вообще выступал одним из центров адыгского национального движения, в значительной степени благодаря личным инициативам его прежнего директора А.Н. Абрегова³, нередко подталкивавшего власти республики, прагматично занимавшие более умеренные позиции, к более решительной защите адыгских национальных интересов.

Новое руководство музея уже не играет столь активной роли в политической жизни республики. Главная цель посещения музея посетителями формулируется так: *«Мы хотим, чтобы они почувствовали, какой прекрасный адыгский народ, какая прекрасная адыгская земля»*⁴. Эта цель находит свое отражение в экспозиционно-выставочной деятельности. В 2011 г. при активном сотрудничестве с органами власти, промышленными предприятиями и общественными организациями в НМРА была организована выставка «20 лет Республике Адыгея». Она отражала достижения и перспективы республики развития

¹ Национальный музей Республики Адыгея. URL: <http://adyg-museum.ru> (дата обращения: 06.08.2014).

² Интервью с Джигуновой Фатимой Кадырбечевой...

³ Абрегов Альмир Нухович (1945 г.р.) – директор Адыгейского областного краеведческого музея, затем НМРА (1988–2007). В 1989–1990 гг. – заместитель, в 1991–1994 гг. – председатель Совета общественно-политического движения «Адыгэ Хасэ» Республики Адыгея, член координационного совета Ассамблеи горских народов Кавказа (1989) и Совета МЧА.

⁴ Интервью с Джигуновой Фатимой Кадырбечевой...

в политической и социально-экономической сфере, в области образования, медицины и культуры. Отдельные выставки посвящены Р. Шежевой, К. Тлецуруку и другим выдающимся деятелям культуры республики. Музейные средства также используются в реализации программы адаптации адыгов-репатриантов.

Специфика выполняемых музеями функций во многом определяется особенностями воздействия экспонатов на зрителей: *«В отличие от академической науки, научно-исследовательских институтов, уроков по истории, где дети могут изучить историю региона, в музее человек имеет возможность на конкретных вещах это понять, что играет огромную роль и на эмоциональном уровне, и на познавательном уровне – на любом уровне. Потому что у нас хранятся уникальные экспонаты: это и флаги наши времен Кавказской войны, и крупнейшее наше археологическое наследие, и историческое»*¹. Отражение в выставках и экспозициях национальных музеев Северного Кавказа современных интерпретаций истории государствообразующих этносов свидетельствует о превращении данных учреждений в активных участников процессов нациестроительства в регионе.

4.2. Отражение Кавказской войны в мемориальном пространстве региона

Кавказская война стала источником ряда мемориальных конфликтов, свидетельствующих не только об острых разногласиях в ее интерпретациях, но и в использовании этих разногласий в политических целях. Данная тема не раз находила свое отражение в публикациях, но продолжает сохранять свою актуальность².

¹ Интервью с Джигуновой Фатимой Кадырбечевой...

² См.: Кринко Е.Ф. Кавказская война в исторической памяти: конфликт интерпретаций // «Черкесский вопрос» в контексте угроз и рисков в Азово-Черноморском регионе: материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (5 июля 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 55–66; *Его же*. Кавказская война в исторической памяти юга России: мемориальная версия // Политика России на Кавказе в прошлом

Первые, крайне немногочисленные памятники, связанные с событиями Кавказской войны, появились еще в конце XIX – начале XX вв. – через несколько десятилетий по ее окончании. Современная исследовательница отмечает, что данный срок является необходимым и типичным: «Публичная мемориальная культура обычно формируется спустя пятнадцать – тридцать лет после событий травматического или постыдного характера». Негативный характер исторического опыта замедляет проработку прошлого, и лишь смена поколений, «происходящая примерно с тридцатилетним периодом, заметно сдвигает в обществе профиль его воспоминаний»¹. Очевидно, что Кавказская война имела достаточно глубокий травматический характер, но преодоление прошлого ускорялось активным заселением региона новыми жителями, для которых происходившие здесь прежде события были менее значимыми. В большинстве своем первые монументы были посвящены военачальникам, сыгравшим важную роль в покорении Кавказа, а также отдельным солдатам и офицерам русской армии, совершившим героические подвиги во время войны. Устанавливались памятники, как правило, непосредственно в местах происходивших событий, создавались по общественной инициативе за счет собранных по подписке средств, с одобрения или при прямой поддержке властей. Тем самым закреплялась преемственность местных социумов с павшими героями.

Следует остановиться на увековечивании памяти о знаменитом «проконсуле Кавказа» А.П. Ермолове. Несмотря на прошедшие годы после смещения и непростые взаимоотношения практически со всеми императорами, Ермолов запомнился, пожалуй, более других российских правителей Кавказа, вне зависимости от того, как они

и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 12 октября 2013 г. Краснодар, 2013. С. 36–44; *Нефляшева Н.* Памятники и политика на Северном Кавказе. 2000-е годы. Вспомнить все... URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/7363> (дата обращения: 18.06.2011); *Ее же.* Памятники и политика на Северном Кавказе. 2000-е годы. «Конфликтные памятники». URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/7416> (дата обращения: 18.06.2011) и др.

¹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого... С. 24.

назывались (генерал-губернаторами, главнокомандующими, наместниками, главноначальствующими администрацией). Действительно, правление Ермолова на Кавказе оказалось одним из самых длительных (11 лет, с 1816 по 1827 г.), а сам генерал обладал яркими личными качествами, поражавшими многих современников, включая импозантную внешность и сильный характер. Но для потомков главное, конечно, заключалось в проведении им суровой и бескомпромиссной политики, превратившей его имя в своеобразный символ покорения Россией Кавказа. Вследствие этого в историческом образе А.П. Ермолова реальность нераздельно слилась с вымыслом. Даже в дореволюционных справочных изданиях говорилось о том, что «имя Ермолова стало грозой горцев, и кавказские женщины еще долго после того пугали им своих детей»¹.

Вплоть до начала XX в. в Грозном сохранялась землянка, в которой жил А.П. Ермолов при закладке крепости. В 1880-х гг. возле землянки на Михайловской улице недалеко от ее пересечения с Ермоловской улицей был сооружен памятник, представлявший собой бронзовый бюст генерала на четырехгранном каменном постаменте. Сам бюст подарил главнокомандующий на Кавказе князь А.М. Дондуков-Корсаков. Землянку окружала решетка, каменная плита над входом в которую была оформлена в виде стены с крепостными зубцами. На железной двери помещалась простая надпись: «Здесь жил Алексей Петрович Ермолов»². Имя генерала также носила станица Ермоловская Терской области. В Орле, где был похоронен Ермолов, в его честь по решению городской думы в 1911 г. назвали улицу, которая вела к могиле от городского парка. На памятник генералу собрали деньги, но его установлению помешала сначала Первая мировая война, а затем революция.

Пожалуй, наиболее часто подвергалось увековечиванию в различных мемориальных формах имя командующего Черноморским флотом адмирала М.П. Лазарева. В его честь был назван форт,

¹ Ермолов А.П. // Военная энциклопедия. Т. 10. Елизавета Петровна – Инициатива. СПб., 1912.

² Памятник генералу Ермолову в г. Грозном. (Краткая история). URL.: <http://checheninfo.ru/19165-pamyatnik-generalu-ermolovu-v-g-groznom-kratkaya-istoriya.html> (дата обращения: 12.07.2014).

заложенный в 1839 г. (сейчас – микрорайон Лазаревское в городе-курорте Сочи), улицы в Москве, Липецке и в самом Лазаревском, площади в Севастополе и Владимире, набережная в Санкт-Петербурге, переулок в Кронштадте. Его имя носит также целый ряд географических объектов, отражавших заслуги Лазарева как выдающегося мореплавателя и первооткрывателя Антарктиды. В 1867 г. пятнадцатиметровый памятник М.П. Лазареву был открыт в Севастополе. Он представлял собой шестиметровую бронзовую фигуру адмирала на гранитном постаменте, обращенную лицом к рейду. Памятник спроектировал известный скульптор Н.С. Пименов, после смерти которого работы завершил его ученик И.И. Подозеров¹. Фигура Лазарева была также включена в число других 129 самых выдающихся личностей в российской истории на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде.

Сразу два памятника посвящались подвигу рядового 77-го Тенгинского пехотного полка Архипа Осипова, взорвавшего пороховой погреб во время нападения горцев на Михайловское укрепление на Черноморском побережье 22 марта 1840 г. В 1876 г. по инициативе наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича на месте взорванного укрепления был поставлен чугунный ажурный крест, хорошо видный с моря. Еще один памятник Осипову и командиру Михайловского укрепления штабс-капитану Черноморского линейного батальона № 5 Н.К. Лико был воздвигнут в 1881 г. во Владикавказе. Он был выполнен в виде обелиска, сужающегося кверху, с пирамидально заостренной верхушкой. По бокам памятника были высечены имена героев, а с тыльной стороны на медной доске помещался текст приказа военного министра от 8 ноября 1840 г. об увековечении памяти героев. В нише памятника был помещен образ Спасителя в золотом окладе. Обелиск из белого мрамора, установленный на сером постаменте, увенчивался вызолоченным орлом. Орел держал в клюве венки Славы, а в лапе – ядро². В 1889 г. деревня Вуланская, основанная на месте бывшего укрепления Михайловского, по решению Александра III была переименована в Архипо-Осиповку.

¹ Памятник М.П. Лазареву. URL: http://www.sevmonument.ru/readarticle.php?article_id=194 (дата обращения: 12.07.2014).

² Владикавказ. Памятник Архипу Осипову. URL: <http://lostosetia.ru/object/965> (дата обращения: 12.07.2014).

Ряд памятников отражал участие казачества в Кавказской войне. Так, в станице Лабинской (в настоящее время – г. Лабинск) в начале XX в. был открыт памятник казакам-лабинцам, «которые отдали жизнь за Веру, Царя, Отечество в Кавказскую войну при защите станицы от горцев с 1841 по 1864 годы». В Санкт-Петербурге на могиле донского казака-генерала Я.П. Бакланова по проекту скульптора Н.В. Набокова был установлен памятник в виде гранитной скалы. На ней находились бронзовые бурка, папаха, шашка и баклановский значок в виде черепа со скрещенными костями. На плитах были выгравированы места сражений, среди которых немало кавказских названий. В 1911 г. прах Бакланова вместе с памятником перенесли в столицу Области Войска Донского Новочеркасск.

Память об участниках Кавказской войны сохраняли названия населенных пунктов, улиц и другие топонимы. В честь окончания войны был также возведен собор Михаила Архангела в Сочи. Отражая мемориальную версию победителей, первые памятники не имели задачи возбуждать негативные чувства к побежденным, превратившимся из противников в новых подданных общего государства. Однако их переживания, не получая соответствующего мемориального выражения, вытеснялись в неформальные зоны памяти (например, в фольклор), подтверждая правило: «Триумф победителей продолжает угнетать побежденных»¹.

Пришедшие к власти большевики провозгласили собственную программу «монументальной пропаганды», основы которой были закреплены декретом СНК РСФСР «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» (1918). Прежние герои и военачальники Кавказской войны были безоговорочно причислены к числу «царских слуг», а многие памятники в их честь оказались уничтожены. Так, по решению городского совета, в 1922 г. был снесен памятник Ермолову в Грозном. Были также уничтожены памятники Лазареву в Севастополе, Осипову и Лико во Владикавказе, а с памятника Бакланову сорвали бронзовые детали. Уничтожение памятников сопровождалось формированием новой советской топонимики:

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого... С. 73.

в том же 1922 г. переименовали улицу Ермолова в Грозном, позже, в 1926 г. – и в Орле.

Впрочем, оценки Кавказской войны в советской исторической науке не раз менялись: от утверждений о «прогрессивности национально-освободительной борьбы» горцев Северного Кавказа до признания Шамиля «агентом Турции» и «шпионом Англии». Вместе с ними эволюционировали и практики мемориализации Кавказской войны. В 1949 г. бюст А.П. Ермолову в Грозном восстановили. Свою роль в этом сыграло усиление государственно-патриотической компоненты в официальной идеологии, начавшееся в годы Великой Отечественной войны и продолжившееся в послевоенный период. К тому же за пять лет перед этим чеченцев и ингушей выселили с мест своего проживания, и памятник «вписался» в идеологическое обоснование причин их депортации. Вайнахский мультипортал «Чеченинфо» приводит версию, что восстановление памятника произошло по личному указанию Л.П. Берии¹. Она не имеет документальных подтверждений и, вероятно, отражает его негативный образ в исторической памяти ряда северокавказских народов (в частности, Берии приписывается личная ответственность за проведение этнических депортаций 1943–1944 гг.)². Вскоре, в 1954 г., на перроне железнодорожной станции Лазаревская был установлен бюст адмиралу М.П. Лазареву скульптора И.П. Шмагуна.

В 1950-е гг. в советской историографии и мемориальной политике утвердились идеи о добровольном вхождении народов Северного Кавказа в состав России. В частности, в 1957 г. широко отмечались юбилеи 400-летия «добровольного вхождения» в состав Российского государства кабардинцев, адыгейцев и черкесов. Праздничная юбилейная кампания началась с Кабардино-Балкарской АССР, распространилась на Адыгейскую АО и Карачаево-Черкесскую АО. Наряду с награждением передовиков производства и представителей творческих профессий, решением практических задач по развитию социальной сферы и транспортной инфраструктуры, ремонту,

¹ Памятник генералу Ермолову в г. Грозном. (Краткая история).

² См.: *Кринко Е.Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004. С. 152, 155, 166.

строительству и благоустройству дорог, улиц и скверов, в период подготовки и проведения празднования осуществлялся широкий комплекс культурно-массовых мероприятий. В административных центрах предусматривалось возведение памятников В.И. Ленину, участникам Гражданской войны и социалистического строительства, «изготовление мемориальных досок в исторических местах и переименование ряда улиц»¹ в честь выходцев из национальных автономий. Обращает внимание, что этот мемориальный ряд в основном охватывал деятелей советского периода северокавказских народов, уже хронологически мало связанных с их «добровольным вхождением» в состав Российского государства. Планировалась и закладка специальных памятников в честь юбилеев, призванных стать воплощениями дружбы народов региона и их верности России.

В Нальчике в качестве такого символа была избрана Мария Темрюковна (до крещения – Кученей или Гошаней) – дочь правителя Малой Кабарды князя Темрюка Идаровича, брак которой с Иваном IV Васильевичем (Грозным) скрепил его союз с Россией, заключенный в 1557 г. В центре города на высоком гранитном постаменте в 1957 г. была установлена бронзовая статуя Марии Темрюковны в национальном костюме. Высоко поднятой правой рукой она сжимала свиток, под которым подразумевался договор о «вечном союзе» Кабарды и России. Спереди постамента находилась надпись, выражавшая главный смысл монумента: «Навеки с Россией». Надпись сзади информировала о том, что памятник был «сооружен в ознаменование 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России». Здесь же указывались даты: 1557–1957. По краям памятника располагались четыре невысоких гранитных пилон с бронзовыми барельефами, иллюстрировавшими русско-кабардинский боевой союз и совместный мирный труд.

Вероятно, монумент стал первым, а то и единственным памятником, установленным в честь царицы России за годы советской власти, ведь всего несколько десятилетий назад памятники монархам свергались по всей стране. К тому же многие современники, а за

¹ Филиал Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики «Центр документации новейшей истории» (далее – ГАКЧР ЦДНИ). Ф. 1. Оп. 8. Д. 35. Л. 11 и др.

ними и историки обвиняли вторую жену Ивана Грозного в том, что именно она способствовала возникновению опричнины и террора, прямо участвуя вместе с мужем в кровавых казнях, подчеркивали ее жестокость и необузданный нрав. Однако мемориальный образ Марии Темрюковны наделялся совершенно другим значением: он воплощал не конкретную представительницу царского самодержавия, а нерушимый союз Кабарды с Россией. К тому же московские скульпторы М.Ф. Листопад и С.О. Махтин, не имея реальных изображений Марии Темрюковны, лепили ее с популярной солистки ансамбля «Кабардинка» С.С.-Г. Шериевой¹. Узнаваемые черты «настоящей черкешенки» придавали памятнику дополнительные симпатии в глазах жителей города.

8 августа 1957 г. постановлением Совета Министров РСФСР было утверждено сооружение в Майкопе в следующем году памятника Ленину и монумента «Дружба»². Но эта дата оказалась просрочена. Памятник Ленину появился через год после указанного срока, а открытия второго монумента пришлось ждать целых десять лет. Только в 1968 г. на площади, получившей название Дружбы, была установлена массивная бетонная плита в 21 м высотой с датами 1557 и 1957. Впереди на гранитном постаменте стояли бронзовые четырехметровые фигуры русского и черкесского воина, придерживая текст договора о союзе. Надпись на постаменте, как и на памятнике Марии Темрюковне, гласила: «Навеки с Россией». Авторами монумента стали известный советский скульптор М.Г. Манизер – один из классиков социалистического реализма, скончавшийся к моменту установлению памятника, и его сын О.М. Манизер.

В Черкесске торжественная закладка памятников Ленину и «Дружбе народов» произошла 28 сентября 1957 г. – непосредственно во время торжественного празднования 400-летия добровольного присоединения Черкесии к России³. Памятник Ленину появился в том же году, а монумент «Дружба народов Карачаево-Черкесии» – только в 1979 г. На площади Дружбы была возведена бетонная стела с бронзовым

¹ Ахохова Н. Встретимся у Сони. URL: <http://fond-adygi.ru/page/vstretimsja-u-soni> (дата обращения: 26.08.2014).

² НАРА. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 133. Л. 381.

³ ГАКЧР ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 35. Л. 114.

кругом, на котором изображены сцены мирного созидательного труда и боевой деятельности жителей республики различных национальностей до и после революции 1917 г., в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Широко отмечалось и 200-летие присоединения Осетии к России в 1974 г. В честь данного события в Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ) на площади имени 50-летия Октября (в настоящее время – площадь Воссоединения) в 1982 г. был установлен монумент «Дружбы народов». Он олицетворял содружество русского и осетинского народов: два побратима на конях ехали навстречу своей счастливой судьбе (авторы проекта Ч.У. Дзанагов, С.П. Санагоев, М.О. Царикаев, А.В. Арапов).

Памятники дружбе народов стали хорошо узнаваемыми «визитными карточками» практически во всех административных центрах национальных автономий (в Черкесске изображение стелы даже стало частью герба города), находящими соответствующее отражение в различной сувенирной, а затем и рекламной продукции (значках, вымпелах, рисунках на пакетах, футболках и др.). Они закрепляли представления о бесконфликтных взаимоотношениях народов Северного Кавказа с Россией.

Однако попытка отметить в 1982 г. 200-летний юбилей «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России» вызвала шумное возмущение местной интеллигенции¹. Дальнейшее обострение межэтнических отношений и нарастание национальных противоречий нашли отражение в «войне с памятниками». В первую очередь, пострадал памятник Ермолову в Грозном (согласно мнениям очевидцев, не имеющим других подтверждений, его 11 раз разрушали и затем снова восстанавливали²). Эти действия носили очевидный протестный характер, выражая недовольство части чечено-ингушского социума, прежде всего, молодежи, ситуацией в республике. В свою очередь, проявлявшаяся местными властями «неуступчивость»

¹ Сухов И. Сплошной праздник. URL: <http://www.vremya.ru/print/249794.html> (дата обращения: 27.08.2014).

² Город Грозный – на перекрестках времени (продолжение). URL: <http://blogs.mail.ru/mail/tychok2/75F3FE31756C2EE5.html>. (дата обращения: 19.06.2011).

отражала их стремление показать и населению, и вышестоящему руководству, что они держат ситуацию под контролем.

Окончательно памятник был уничтожен в конце советского периода в истории Чечено-Ингушетии, в условиях нарастания острого кризиса в республике, завершившегося победой сепаратистов. Само свержение памятника в этой ситуации имело важнейшее символическое значение. В 1990 г. станция Ермоловская была переименована в село Алхан-Кала. Как уже отмечалось, под давлением Общественного парламента – «Адыгэ Хасэ» причерноморских шапсугов сессия районного совета депутатов поселка Лазаревское в 1990 г. приняла решение перенести бюст адмирала Лазарева на его родину во Владимир. Однако начальник железнодорожной станции В.М. Леонтьев сохранил бронзовый бюст Лазарева в своем кабинете.

Одновременно с разрушением прежних памятников в 1990-е гг. происходило формирование нового мемориального ряда, призванного увековечить героев и жертв войны с «другой стороны» на территории Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. Первый такой памятник в ауле Али-Бердуковский Хабезского района Карачаево-Черкесской Республики его житель М. Хутов установил в 1989 г., несмотря на противодействие местных властей. Он представлял собой простой валун с надписью на стальной пластине «черкесам, погибшим в годы Русско-Кавказской войны. 1764–1864». В 1991 г. состоялось официальное открытие мраморной стелы на холме¹.

Затем появились и другие памятники героям, «павшим за свободу и независимость Черкесии». Среди них выделяется памятник «Жертвам Кавказской войны», возведенный в центре Нальчика в 2004 г. Он представляет собой лежащее колесо арбы, символизирующее в то же время и «колесо истории», из ступицы которого прорастает Древо Жизни (Мировое дерево), как символ возрождения адыгского народа. На колесе надпись: «Адыгам – жертвам военно-политических событий на Кавказе. 1763–1864». Рядом планируется возвести мемориальный комплекс, построить мечеть и церковь, а также музей адыгского зарубежья и Дом МЧА.

¹ Первый памятник павшим за свободу и независимость Черкесии. URL: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=67 (дата обращения: 17.06.2011).

В 1993 г. в центре Майкопа, у входа в городской парк появилась гранитная глыба с мемориальной доской, надпись на которой гласила: «Здесь будет установлен памятник погибшим за свободу и независимость Черкесии в Кавказской войне». При этом в тексте на адыгейском языке уже речь шла о «Русско-кавказской войне». Различия в наименовании войны закрепляли различные мемориальные версии прошлого для разных этноязыковых групп населения региона. Через несколько лет глыба переместилась в сквер между Национальным музеем, Республиканской филармонией и Соборной мечетью, где и было определено место для закладки будущего памятника, поменявшего за 20 лет несколько наименований («Жертвам Русско-Кавказской войны», «Защитникам Черкесии», «Память нации»). Длительная дискуссия велась не только о названии, но и об эскизе памятника. Например, Духовное управление мусульман Адыгеи и Краснодарского края выступало против изображения на нем языческих элементов, полагая, что они не совместимы «с исламскими канонами единобожия». Республиканская организация «Адыгэ Хасэ» высказала пожелание вернуться к идее прежде запланированного памятника.

Только в 2013 г. был открыт 20-метровый монументальный комплекс «Единение и согласие» по эскизу А. Берсирова. Изображения героев нартского эпоса и выдающихся персонажей адыгской истории, были призваны показать «неиссякаемую жизненную энергию адыгского народа, его несгибаемость перед трудностями и стремление к лучшему будущему». Очевидно, что трансформация названия и содержания памятника, возводившегося под непосредственным контролем руководства республики, была призвана смягчить существовавшую вокруг него политизацию, тем более что на строительство выделялись не только добровольные пожертвования граждан, но и бюджетные средства¹.

Проект самого крупного мемориального комплекса «адыгам, изгнанным с Родины вследствие Кавказской войны», был разработан скульптором А.Х. Гушапша и архитектором А.А. Мидовой. Он включает два исполинских монумента высотой в 25–30 м из монолитного

¹ Хроника строительства памятника. URL: <http://motherlandlight.ru/building-history.html> (дата обращения: 13.07.2011).

железобетона, установление которых планируется по обе стороны Черного моря. Монумент на Кавказском побережье символизирует всадника – защитника Отечества, который развернут на юг, в сторону Турции, где должен стоять второй монумент, олицетворяющий фигуру матери, обращенной, в свою очередь, в сторону Родины. Внутреннее пространство монументов предполагается использовать как музей Кавказской войны и махаджирства.

В то же время острое недовольство адыгских политиков и общественных организаций вызывали и вызывают памятник генералу Г.Х. Зассу в Армавире, а также восстановление памятника М.П. Лазареву в Лазаревском в 2003 г. Против бюста Лазареву выступил президент Республики Адыгеи Х.М. Совмен, заявивший: «Нельзя ставить памятник царскому флотоводцу, чье имя связано с неоправданной жестокостью, проявленной в борьбе против адыгов. Это не может не тревожить незаживающих ран. Что было, то было, и война – дело прошлое. Сейчас наши народы живут в мире. И я надеюсь, что совершившие ошибку с восстановлением памятника во время осознают ее»¹. Срочно созданный в Нальчике исполком МЧА потребовал восстановления Шапсугского района, переименования поселка Лазаревского в Псезуапсе, постройки памятника жертвам Кавказской войны на месте установленного 10 лет назад памятного камня.

На фоне острых идеологических разногласий и мемориальных конфликтов 450-летие «добровольного вхождения» в состав России Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в 2007 г. отмечалось торжественно, но без создания новых мемориальных объектов. Значительные средства были выделены на развитие социально-экономической сферы трех республик, главы которых выразили благодарность руководству страны за оказанную помощь и поддержку в проведении юбилейных торжеств. При этом они заверяли: «...мы навеки с Россией, мы составная часть России»². В то

¹ Турьялай С. Памятник войне. URL: <http://izvestia.ru/news/279601> (дата обращения: 27.08.2014).

² Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия отмечают юбилей. URL: <http://www.pravda.ru/news/districts/05-10-2007/240919-jubilej-0/> (дата обращения: 06.09.2014).

же время Черкесский конгресс и другие адыгские общественные организации в большинстве своем выступили против юбилеев¹. Они рассматривали юбилейные кампании как попытки «хотя бы что-нибудь противопоставить требованию черкесов признать геноцид со стороны Российского государства»². Закономерным результатом усилившегося противостояния стали новые памятники жертвам Кавказской войны.

В 2008 г. в поселке Большой Кичмай Лазаревского района Сочи был открыт памятник адыгам, павшим в Кавказской войне. Проект был реализован за два года совместными усилиями «Адыгэ Хасэ» причерноморских шапсугов, совета территориального общественного самоуправления «Кичмай» и коллектива аульской средней школы. Новый монумент был установлен рядом с памятником односельчанам-фронтовикам, павшим в борьбе с фашизмом, что позволяет сопоставить значение двух войн для судьбы этноса в целом и жителей конкретного поселения в частности. На черной мраморной доске изображены двенадцать звезд, символизирующих общность черкесов, в центре – фигура героя нартского эпоса богатыря Саусырыко, принесшего людям огонь жизни. В качестве эпитафии приведены слова из обращения первого президента России Б.Н. Ельцина по случаю 130-летия со дня окончания Кавказской войны: «Народы Кавказа вели мужественную борьбу не только за выживание на родной земле, но и за сохранение самобытной культуры и лучших черт национального характера».

Выступая на открытии памятника, председатель Общественного парламента – «Адыгэ Хасэ» причерноморских шапсугов М.Х. Чачух заявил: «Есть множество письменных свидетельств того времени, достоверно передающих истинные масштабы бедствия, постигшего наш народ, в результате которого свыше 90 процентов адыгов ныне разбросаны по всему свету. Такова наша история и другой она уже не будет никогда. День Памяти нам нужен не потому, что хотим

¹ Шаззо А. Прошлое Адыгеи меняется на глазах. В угоду кому? URL: <http://www.aheku.org/news/society/329?pg=999> (дата обращения: 06.09.2014).

² Праздник 450-летия «добровольного вхождения» Черкесии в состав России сами черкесы не отмечали. URL: <http://www.mariuver.info/rus/articles/polit/2007/10/01.html> (дата обращения: 06.09.2014).

переписать свое прошлое или предъявить кому-то счет за преступления царизма, а, прежде всего, потому, что сегодня мы живем в новой, великой, демократической стране – Российской Федерации, где память предков является одним из основополагающих конституционных прав и обязанностей каждого гражданина независимо от национальной принадлежности. Предать забвению память о героях и жертвах Кавказской войны, равно как и память о героях и жертвах Великой Отечественной войны, все равно, что не предать земле прах своих предков»¹.

21 мая 2010 г. памятники «защитникам Черкесии» появились сразу в двух аулах Республики Адыгеи – районных центрах Понежукай и Тахтамукай. 21 мая 2014 г. – в ауле Пшичо Шовгеновского района. Эти и другие мемориальные объекты стали центрами ежегодных траурных мероприятий в День памяти и скорби по жертвам Кавказской войны. Ежегодно 21 мая возле них проходят траурные митинги с адыгскими флагами, цветами и венками. В последнее время отдельные участники стали являться в национальных костюмах, подчеркивая свою этническую принадлежность. Закрепляя чувство скорби и горечи от понесенных потерь, данные памятники аккумулируют исторические обиды и претензии по отношению к России.

В свою очередь, в регионах, считающихся «русскими», появились новые памятники генералу А.П. Ермолову. Еще в 1998 г. бронзовый бюст генерала скульптора Н.Ф. Санжарова на постаменте из темно-бордового гранита был установлен на проспекте К. Маркса в Ставрополе. На следующий год в честь Ермолова был переименован и городской бульвар. В условиях укрепления Российского государства количество памятников А.П. Ермолову на Северном Кавказе возросло. В мае 2007 г., в день 230-летия генерала памятник ему положили в Минеральных Водах в сквере «Надежда», переименованном в сквер Ермолова. За полтора года на памятник собрали 4 млн руб. Открытие состоялось 4 октября 2008 г., к 130-летию города. Бронзовая фигура генерала во весь рост почти в 3 м высотой возвышается на

¹ Нибо А. В ауле Большой Кичмай (ШэхэкIэй) прошли традиционные мероприятия, посвященные Дню памяти жертв Кавказской войны. URL: <http://www.21may1864.ru/index.php?newsid=18> (дата обращения: 02.07.2011).

трехметровом гранитном пьедестале¹. В 2010 г. бронзовая конная фигура генерала в натуральную величину скульптора Р. Юсупова появилась в сквере по улице Лермонтова в Пятигорске. Надпись в щите сообщает, что А.П. Ермолов является героем Отечественной войны 1812 г., командиром Отдельного Кавказского корпуса и генералом от инфантерии, а также о том, что он «внес большой вклад в становление и развитие города Пятигорска». Действительно, именно по инициативе А.П. Ермолова курортное селение Горячие Воды было превращено в уездный город Пятигорск.

Против памятников Ермолову в Пятигорске и Минеральных водах выступили власти Чеченской республики, а также лидеры адыгских общественных организаций. На ряде форумов звучали прямые угрозы снести эти памятники. А 21 октября 2011 г. памятник Ермолову в Минеральных Водах подвергся настоящему осквернению: его измазали желтой краской. Такой же краской были нанесены оскорбительные надписи на здании местной администрации и соседнем заборе. По одной из версий, выдвинутых в ходе расследования, акт вандализма был совершен «в рамках политической борьбы перед выборами, чтобы столкнуть интересы представителей различных национальностей»².

Еще один мемориальный конфликт неожиданно вспыхнул во Владикавказе. В 2014 г. городская мэрия выразила намерение восстановить ранее существовавший памятник А. Осипову. Однако ряд представителей национальной интеллигенции, а также черкесских общественных организаций подвергли резкой критике данную инициативу администрации. Главные аргументы критиков были связаны с тем, что Осипов не имеет отношения к истории Осетии, а создание памятника ему вызовет недовольство соседей – кабардинцев, черкесов и адыгов. Отдельные авторы высказались за создание памятника всем жертвам Кавказской войны, а не именно Осипову³.

¹ Памятник генералу Ермолову. URL: <http://www.zelenokumsk2006.narod.ru/ermolov.html> (дата обращения: 12.07.2014).

² Вандалами осквернен памятник генералу Алексею Петровичу Ермолову. URL: <http://news.1777.ru/2011/10/22/vandalami-oskvernjon-pamjatnik-generalu.html> (дата обращения: 12.07.2014).

³ Инициатива установить памятник Архипу Осипову во Владикавказе

Обращает на себя внимание, что значительную роль в возникновении конфликтов играет само место установления памятников Кавказской войне. За пределами региона они воспринимаются совершенно спокойно, вызывая интерес к себе со стороны небольшого круга профессиональных исследователей и краеведов-любителей. Так, открытие в селе Марьино Рыльского района Курской области памятника военачальнику и государственному деятелю фельдмаршалу, князю А.И. Барятинскому – «победителю Шамиля» в его бывшем поместье не вызвало острых общественных разногласий. Сравнительно спокойно прошло и установление в 2008 г. конного памятника Я.П. Бакланову в Волгодонске. Однако установление памятников святителю Николаю в Майкопе и великому князю Михаилу Николаевичу в Майкопском районе Республики Адыгея вызвало настоящие волны общественных протестов.

Политический характер мемориализации Кавказской войны в последние годы сказывается и за пределами России. Так, 20 мая 2011 г. парламент Грузии на пленарном заседании единогласно принял резолюцию «О признании геноцида черкесов, осуществленного Российской империей». В развитии данной резолюции 1 июля парламент Грузии утвердил постановление «Об увековечивании памяти жертв геноцида черкесского народа», предусматривающее установку соответствующего мемориала на Черноморском побережье Грузии¹. В 2012 г. мемориал по проекту скульптора из Кабардино-Балкарии Х. Коченсокова был установлен в курортном городе Анаклия (Западная Грузия) близ административной границы с Абхазией.

Тема Кавказской войны постепенно находит свое отражение и в музейном пространстве региона, хотя, по признанию руководителей музеев, материалов в их распоряжении для этого немного: *«Мы ажрый год к 21 мая делаем выставку, и для нас это всегда проблема, потому что материал один и тот же, все время надо найти*

встретила критику экспертов и пользователей социальных сетей. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237222> (дата обращения: 12.07.2014).

¹ Памятник жертвам геноцида черкесского народа установят в Грузии весной 2012 года. URL: <http://newsgeorgia.ru/society/20111206/214416514.html> (дата обращения: 12.07.2014).

какую-нибудь форму подачи, чтобы заинтересовать зрителя, какой-то новый подход или какую-то новую грань найти. Мы все время все по-разному делаем. Они практически всегда получаются разные, но все равно материалов мало <...> Приходят люди с разным багажом. К нам приходят дети, к нам приходят старики. Поэтому навязывать свою точку зрения мы не можем. Мы каждый раз говорим: «Выставка посвящена тому-то и тому-то...» Подготовка разная, уровень образования разный, поэтому мы же не можем не то, что подстраиваться, учесть в какой-то выставке весь объем информации, да его и нет. Объем информации есть в книге, но книгу же в экспозицию, выставку не поставишь. Нам надо чем-то показывать, а чем – не так много. Поэтому выставки сопровождаются каким-то рассказом, музыкальным сопровождением. Выставки у нас разные»¹.

В последние годы появились новые формы и способы сохранения памяти о событиях Кавказской войны. Так, в Национальном музее Кабардино-Балкарии 21 мая 2013 г. была организована выставка оригинальных работ из песка художника из Адыгеи Ш. Гучепшоко, посвященная Дню памяти адыгов – жертв Кавказской войны. На открытии выставки выступил президент МЧА Х. Сохроков, отметивший: «Эти работы заставляют вспомнить, что было с нашим народом в те страшные годы. И напоминают о том, что в мире еще идут войны». Открытие выставки именно в Нальчике художник объяснил следующим образом: «Такое решение я принял потому, что в Нальчике живет самое большое количество адыгов. Я родился в Адыгее, но считаю Кабардино-Балкарию родиной, а себя – кабардинцем. Хотя в Нальчике я только второй раз...»².

В дальнейшем выставку планировалось показать в других республиках Северного Кавказа, а также в Москве, Турции и в других странах, где проживают крупные диаспоры адыгов. 21 января 2014 г. она открылась в картинной галерее Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника. Организатором мероприятия выступила Национально-культурная

¹ Интервью с Джигуновой Фатимой Кадырбечевой...

² Оразаева Л. В Кабардино-Балкарии в память о жертвах Кавказской войны организована выставка работ из песка. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/224633> (дата обращения: 07.07.2013).

автономия адыгов Российской Федерации, на открытии выступил ее председатель А. Охтов, заявивший, что «выставка посвящена не только адыгскому народу. Сегодня все народы должны жить в мире, радости». Тем не менее очевиден этнический характер выставки, организованной адыгскими организациями именно для адыгов в память о постигшей их в прошлом трагедии. Ш. Гучепшоко прямо подчеркнул свое стремление при помощи художественных средств решать политические задачи: «Я адыг. Кто, если не я, будет это делать. Кроме этого, меня возмущает, когда многие делят адыгейцев, черкесов и кабардинцев. Народ делить нельзя. Наша история должна объединять народы»¹.

Политическое значение выставки подчеркивается и в комментариях к публикациям о ней на сайте «Кавказского узла», в большинстве своем касавшихся совсем не ее художественных достоинств. В ходе полемики эмоции захлестывали авторов, один из которых писал: *«До сих пор в подвалах Лубянки хранятся мумии старинных черкесов. Они пытались узнать в чем причина яростного сопротивления. Не в теле надо искать. А в уме. Наши мудрые предки предвидели в какой ад попадут их потомки. Ни одному Македонскому не снилась такая идеальная рабовладельческая система какая царит в России»*. Другой автор пытался примирить всех и перевести споры «в нормальное, цивилизованное русло». Он утверждал, что *«возвеличивая адыгов, коим и я являюсь, нельзя уменьшать горе, радость, величие и историю своих соседей! Да, всем хочется, чтобы его народ был “самым-самым”, но нельзя возвеличивать нас, адыгов, задевая другие народы, тем более, своих соседей. Они пережили страшную трагедию депортации <...> Хватит постоянно головы пеплом посыпать, надо жить в уважении друг к другу <...> Да, свою историю нужно знать, но и вперед двигаться необходимо и, конечно, вместе – иначе мы совсем исчезнем [орфография и пунктуация оригинала сохранены – Т.Х., Е.К.]»².*

¹ Капаева А. На выставке в Черкесске представлены 39 песочных картин о русско-кавказской войне. URL: <https://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237078> (дата обращения: 27.07.2014).

² Оразаева Л. В Кабардино-Балкарии в память о жертвах Кавказской войны организована выставка работ из песка. Комментарии. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/224633> (дата обращения: 07.07.2013).

Само увеличение количества памятников, посвященных Кавказской войне, свидетельствует об актуализации данной темы, придании ей политического смысла различными общественно-политическими силами. Мемориализация войны в последние десятилетия получает этнически выраженный и эмоционально окрашенный характер, усиливая социально-политическую напряженность в регионе. При этом памятники жертвам Кавказской войны стали местами памяти для всех адыгов, вне зависимости от субэтнических различий и разделяющих административных границ, способствуя осознанию постигшей их в прошлом общей трагедии. Эти чувства, не всегда встречающие понимание у представителей других этнических групп, выступают основой для общеадыгской национальной консолидации. Показательно и то, что в создании мемориалов, музейных выставок и экспозиций, а также в ритуальных церемониях все чаще участвуют представители молодежи.

4.3. Триумф и травма: память о Великой Отечественной войне и депортациях в мемориальной культуре Северного Кавказа

Одним из главных «мест памяти» советского и постсоветских обществ была и остается Великая Отечественная война¹. В этом качестве она активно используется в процессах формирования национальной идентичности и в реализации политики памяти в современной России. Закономерно, что тема войны находит широкое отражение в профессиональной историографии, произведениях художественной литературы, изобразительного искусства и кинематографа, средствах массовой информации и системе образования,

¹ См.: Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство памяти: Великая Победа и власть / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI вв.». Вып. 19. М., 2005; Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005; Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010 и др.

музейных экспозициях и мемориальных объектах, выступающих основой для поддержания исторической памяти.

В республиках Северного Кавказа Великой Отечественной войне уделяется повышенное внимание, что объясняется двумя группами обстоятельств. К первой из них относятся сами исторические события, происходившие непосредственно в данном регионе в годы войны или тесно с ними связанные, и их восприятие в общественном сознании, существенное влияние на которое оказывают различные социокультурные, политические и идеологические факторы. Это и гибель десятков тысяч его жителей на фронте, и битва за Кавказ, сыгравшая важную роль в коренном переломе в войне, и нацистская оккупация большей части территории региона, и последовавшие вскоре после освобождения депортация карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей и ликвидация их национальных автономий. Вторую группу обстоятельств составляют особенности формирования представлений о прошлом у народов Северного Кавказа, специфика конструирования национального самосознания и национальной идентичности, тесно связанная с процессами нацистроительства в данном регионе. Именно в этом контексте целесообразно рассматривать памятники, посвященные событиям Великой Отечественной войне на Северном Кавказе.

Непосредственно в военные годы памятники и другие мемориальные объекты устанавливались крайне редко. Еще до войны приказом наркома обороны СССР № 138 от 15 марта 1941 г. было утверждено «Положение о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной армии в военное время». Согласно данному документу, погребение рядовых и младших командиров следовало производить в братских могилах или на братских кладбищах, начальствующий состав – в отдельных могилах, устанавливая на них деревянные или каменные пирамиды до 1,5 м высотой с номерами захоронений. Предусматривалось и оказание соответствующих воинских почестей при погребении¹. Однако для захоронения в установленном порядке павших в боях товарищей у оставшихся в живых

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 4. Оп. 12. Д. 97. Л. 263–272.

не всегда находилось время и возможности. Да и само отношение к смерти у «человека воюющего» значительно трансформировалось в годы войны. Нередко убитых военнослужащих хоронили в местах их гибели – в окопах, траншеях и блиндажах, противотанковых рвах, воронках от снарядов и бомб. Могилы не всегда регистрировались, а в качестве надгробий обходились в лучшем случае куском фанеры, каской или оружейной гильзой¹.

Только с 1943 г., после освобождения советских территорий появились возможности для увековечивания памяти о погибших участниках войны. Разумеется, памятники военных, а также послевоенных лет были достаточно простыми в художественном отношении. Одним из первых мемориальных объектов на Северном Кавказе, посвященных участникам Великой Отечественной войны, стал памятник 13 героям-краснофлотцам – курсантам Каспийского морского училища, погибшим в начале ноября 1942 г. у селения Майрамадаг Гизельдонского района Северо-Осетинской АССР, защищая подступы к ее столице – городу Орджоникидзе. Он был открыт практически через год после боев 26 декабря 1943 г. по инициативе их командира – лейтенанта Э. Мирза-Туниева, прибывшего на лечение в Орджоникидзе. В условиях нехватки материалов и рабочих рук ему пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться установления памятника, и даже самому потрудиться над его созданием вместе с архитектором А. Бтемировым. Памятник представлял собой каменную пирамиду, увенчанную бронзовой звездой, в центре находилась латунная табличка с именами погибших, а по краям – бронзовые якоря как символы флота. На митинге в честь открытия памятника выступили секретарь Гизельдонского райкома ВКП(б) Колядо, заместитель председателя Совнаркома Северо-Осетинской АССР Зимин и секретарь Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ Пхалагов, призвавшие молодежь помнить подвиги павших героев².

¹ См. подробнее раздел «В последний путь: похороны товарищей» в кн.: Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. С. 268–281.

² Албегова А.А. История открытия памятника 13 героям-краснофлотцам, погибшим в сражении с немецкими оккупантами в ущелье у селения

Траурные церемонии в честь захоронений и перезахоронений советских военнослужащих и участников сопротивления несли в себе определенный идеологический заряд, вызывая чувства скорби по погибшим и ненависти к врагу. Так, 6 августа 1944 г. в Майкопе состоялось торжественное перезахоронение погибших в 1942–1943 гг. партизан отряда № 1 «Народные мстители» и расстрелянных оккупантами членов их семей. У здания областного драматического театра имени А.С. Пушкина состоялся траурный митинг, на котором присутствовали несколько тысяч горожан. Украшенные цветами гробы окружали венки и приспущенные красные знамена, окаймленные черным крепом, через каждые пять минут сменялся почетный караул. Затем траурная процессия по главной улице – Краснооктябрьской – прошла к могиле, вырытой возле памятника участникам революции и Гражданской войны в самом центре города (в настоящее время – площадь Ленина). Перед собравшимися выступил секретарь Адыгейского обкома ВКП(б) (в период оккупации – секретарь партийного бюро отряда «Народные мстители») Я.М. Семкин, назвавший поименно погибших в боях товарищей¹.

Перезахоронение майкопских партизан отразило зародившуюся уже в военное время традицию, продолжившуюся в послевоенные годы и в значительной степени сохраняющуюся до сих пор: соединение в одном мемориальном комплексе братских могил участников Великой Отечественной войны с уже существовавшими памятниками участникам революции и Гражданской войны. Единый мемориальный ряд подчеркивал преемственность павших героев войны с борцами за власть советов, хотя в идеологии и пропаганде военных лет внимание акцентировалось уже не на классовых принципах, а на патриотизме, имевшем более глубокие корни. Свою роль в объединении двух групп захоронений играли не только идеологические, но и прагматические задачи: общие мемориальные комплексы становились более компактными в размещении и удобными для использования в ритуальных действиях. Впоследствии останки погибших партизан

Майрамадаг. URL: <http://archive-osetia.ru/vov/pamyatnik> (дата обращения: 01.07.2013).

¹ Похороны партизан, погибших в боях за Родину // Адыгейская правда. 1944. 8 августа.

были перенесены на специальный мемориал за железнодорожным вокзалом, посвященный всем жителям города, погибшим в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, а на центральной площади Майкопа был установлен памятник В.И. Ленину.

В послевоенные годы во многих селах и городах Северного Кавказа, как и в других регионах страны, появились памятники в местах массовых захоронений погибших при их защите и освобождении советских военнослужащих. Нередко они устанавливались по инициативе и на средства самих жителей и местных органов власти. Чаще всего такие памятники имели вид обелисков, увенчанных пятиконечной звездой. Другие представляли собой бетонные стелы или скульптурные композиции, символизировавшие скорбь по погибшим и горечь огромных потерь, понесенных советским народом. Обычно это была фигура солдата, склонившего голову в память о павших товарищах. Так, в 1949 г. была установлена стела в Нальчике с надписью «Героям великой Победы вечная память» на братской могиле воинов, погибших при освобождении города (архитектор П. Казанчев). В отличие от значительной части подобных памятников, здесь приводились перечни фамилий погибших воинов, а также Героев Советского Союза и партизан. В том же году был открыт мемориал героям, павшим в боях за свободу и независимость Родины в годы Великой Отечественной войны, в пригороде Грозного Нефтемейске (скульптор И. Твердохлебов, архитектор Я. Беркович). Новый памятник этого же скульптора появился на следующий год в Грозном на Машинной улице. Оба памятника представляли собой фигуры солдат, державших в руках снятые каски.

Со сменой поколений в 1960-е гг. изменились и практики мемориализации Великой Отечественной войны¹. В начале десятилетия на них сказалось влияние «оттепели». Так, от похожих друг на друга монументов предыдущего десятилетия заметно отличался и по содержанию, и по лирической форме его воплощения памятник, возведенный в 1963 г. у селения Дзуарикау в Северо-Осетинской АССР. Он был посвящен членам одной семьи, уроженцам данного

¹ Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. С. 247.

селения – семерым братьям Газдановым. Все они погибли на различных фронтах Великой Отечественной войны: Хаджисмел и Магомет – под Севастополем, Дзарахмат – под Новороссийском, Хасанбек – в Белоруссии, Созрико – в Киеве, Махарбек – под Москвой, Шамиль был смертельно ранен в канун Дня Победы под Берлином. Памятник представлял собой темную скалу, над которой взметнулись в небо семь белых журавлей – семь братьев. Рядом стоит их мать Тассо, скончавшаяся после получения третьей похоронки. Считается, что именно с данным памятником связано известное стихотворение Р. Гамзатова «Журавли»¹. Переведенное на русский язык Н. Гребневым и положенное на музыку Я. Френкелем, оно превратилось в одну из самых популярных песен о войне, закрепившей в массовом сознании этот символ памяти погибших солдат.

Неподдельный общественный интерес к малоизвестным боям на Кавказе вызвали в начале 1960-х гг. случайно обнаруженные останки советских солдат, погибших при обороне горных перевалов². После этого места боев в горах превратились в активно посещавшиеся туристические объекты, на перевалах было установлено немалоobelisks и памятных досок. Позже, в 1968 г. на средства, собранные молодежью Кавказа, в поселке Орджоникидзевском Карачаево-Черкесской АО был сооружен мемориальный комплекс – музей защитникам перевалов Кавказа, преградившим путь противнику к Черному морю. Свои средства на его создание также присылали сами участники боев и члены их семей³. Здание музея, построенное по проекту архитекторов В. Давитая и А. Чиковани, по форме напоминает железобетонный дот, рядом с которым находится братская могила и чаша Вечного огня. Справа, на склоне горы, в землю вкопаны железобетонные плиты, символизирующие недоступность для врага перевалов и вершин Кавказа, а над ними, между двух стен, вознесена вторая чаша Вечного огня. Музей стал филиалом

¹ Семь братьев Газдановых. URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=261> (дата обращения: 01.09.2014).

² См.: *Гнеушев В., Попутько А.* Тайна Марухского ледника. Черкесск, 1963.

³ Музей-памятник защитникам перевалов Кавказа в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://www.museum.ru/m1232> (дата обращения: 01.09.2014).

Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея, а основу его экспозиции составили материалы, собранные комсомольскими поисковыми группами на местах боев на перевалах, включая оружие, амунизию и предметы солдатского обихода.

К этому времени в мемориализации Великой Отечественной войны стали проявляться новые тенденции. В 1965 г. в СССР впервые был торжественно отмечен юбилей Победы в войне, символизировавший придание нового статуса данному событию. Установление памятников приобрело централизованный и организованный характер. Место воинских мемориалов должно было хорошо просматриваться, иметь возможности для подъезда и подхода больших групп для совершения торжественных церемоний в специально отведенное время. Новой традицией стало посещение воинских мемориалов молодоженами в день свадьбы, свидетельствующее об их превращении в наиболее значимые мемориальные объекты. Иерархию нового мемориального пространства памяти о войне закрепляло появление городов-героев, которые, как считалось, наиболее прославились своей героической защитой в годы Великой Отечественной войны. За исключением Новороссийска, присуждение которому звания героя было связано с пребыванием на этом участке фронта Л.И. Брежнева¹, этого статуса не был удостоен ни один город на Северном Кавказе. Хотя поднимался, например, вопрос о присуждении его городу Орджоникидзе, на подступах к которому был остановлен вермахт в начале ноября 1942 г.² Отражением новых практик мемориализации Великой Отечественной войны было создание крупных мемориальных комплексов, соединявших в себе усилия целых бригад профессиональных архитекторов и скульпторов. Они стали символом настоящего апофеоза Победы советского народа, воплощением пафоса утвердившегося в советской мемориальной культуре викторианского стиля. Его торжественность и монументализм способствовали тому, что война постепенно все более утрачивала значение события личного характера.

На Северном Кавказе в 1960–1980-х гг. не было создано таких крупных мемориалов, как в Москве, Ленинграде, Волгограде и Курске, где,

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 108. Л. 52 и др.

² См.: Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012. С. 161.

считалось, были одержаны главные победы в Великой Отечественной войне. Тем не менее в рассматриваемый период здесь появилось значительное количество новых памятников. Часть из них была посвящена боевым действиям на Северном Кавказе в 1942–1943 гг., освобождению его территории от нацистской оккупации. Нередко для этого использовалась боевая техника времен Великой Отечественной войны. Чаще всего на постаменте устанавливали самый массовый советский танк военного времени Т-34, причем, в силу отсутствия необходимых экземпляров, обычно Т-34–85, выпускавшийся уже с 1944 г., т.е. после освобождения Северного Кавказа. Такие Т-34–85 были установлены, в частности, в Нальчике в 1971 г. на площади у автовокзала № 2 (архитектор В. Асанов) и в Орджоникидзе в 1972 г. на площади Победы (архитектор К. Кабисов, скульптор Б.Тотиев).

Другие памятники носили более оригинальный характер. В 1968 г. в Грозном был открыт новый памятник в честь пожарных, погибших при тушении пожаров от налетов немецкой авиации на город 10–15 октября 1942 г. (скульптор Р. Маamilов). Чугунная композиция представляла собой фигуру бойца-пожарного, укрощавшего огонь. Впереди находился стабилизатор вражеской авиабомбы, из которого вырывалось пламя. Изображенный с голым торсом пожарный, опираясь коленом на балку, обеими руками скручивал ее, беря в кольцо бушевавшее пламя. К постаменту скульптуры была прикреплена металлическая доска с высеченными фамилиями и инициалами 15 погибших пожарных.

В 1975 г. юго-восточнее селения Эльхотово в Северо-Осетинской АССР по автотрассе «Кавказ» был сооружен монумент «Защитникам Эльхотовских ворот» (скульптор Б.А. Тотиев, архитектор З.Г. Казбеков). На монументе были высечены барельефы представителей различных родов войск, защищавших ущелье – пехотинца, моряка, артиллериста и партизана, при этом последний имел характерные для горца черты лица и соответствующую одежду. Справа на постаменте располагалась гаубица, а под ним были захоронены останки погибших советских солдат. В 1980 г. в селении Майрамадаг Алагирского района Северо-Осетинской АССР на территории бывших колхозных конюшен, где в ноябре 1942 г. держала оборону 34-я отдельная морская стрелковая бригада, был открыт музей защитников Суарского ущелья. На

территории музея расположился мемориальный комплекс с 119 надгробиями. В 1983 г. на шестом километре шоссе Владикавказ – Алагир, у селения Гизель был открыт памятник Герою Советского Союза Петру Барбашову – командиру отделения 34-го мотострелкового полка, закрывшему собой 9 ноября 1942 г. амбразуру вражеского дзота (скульпторы Б.А. Тотиев, Н.В. Ходов, архитектор Р.Р. Козырев).

Но большинство памятников этого времени, как и всего периода 1950–1980-х гг. в целом, посвящалось жителям городов и районов, сел и аулов, участвовавшим в Великой Отечественной войне. Нередко они устанавливались, помимо кладбищ и могил, возле административных зданий – у городских, районных и сельских советов, правлений колхозов, а также у мест въезда в населенные пункты, у вокзалов и автостанций, где никаких захоронений не было. Исследователи отмечают, что, поскольку в этом случае «субъектом “высказывания” становился город как административная единица, направлено оно было “вовне” <...> Такие “административные” памятники устанавливались “на показ”»¹. В то же время они содержали заверения от потомков и земляков в том, что они будут всегда помнить о павших героях. Как правило, мемориальные комплексы включали архитектурные элементы (бетонные стелы, гранитные блоки), скульптуры солдат, а также списки погибших жителей, Вечный огонь (начиная с 1967 г.).

Одним из немногих исключений стал памятник нальчанам, идея установления которого возникла еще в начале 1970-х гг. Но объявленный конкурс не позволил прийти к единому мнению. В 1974 г. секретарь Нальчикского горкома КПСС А.С. Кумуков выступил с инициативой возобновления работы над памятником. Архитектор В.Х. Асанов разработал проект в виде стелы с барельефами, но руководители города захотели включить в него Вечный огонь. Тогда памятник трансформировался в красную гранитную арку с черными барельефами (с одной стороны – воины, с другой – скорбящие женщины), а внутри должно было гореть пламя. Весной 1975 г. основные работы по созданию монумента были завершены, в том

¹ Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной. С. 246–247.

числе изготовлено оборудование для Вечного огня, не успели лишь подвести газ. Однако наступила 30-я годовщина Победы, и открытие памятника приурочили к юбилею. Впоследствии он так и остался без Вечного огня¹.

Памятники также создавались в честь участвовавших в войне рабочих и служащих, медиков и железнодорожников, студентов и преподавателей – на территории предприятий, учреждений и учебных заведений, где они работали или учились. В честь Героев Советского Союза устанавливались мемориальные доски на зданиях школ, в которых они учились, и домов, где они жили. В поисковую работу по сбору материалов об участниках войны были широко вовлечены школьники, а из собранных материалов формировались экспозиции школьных музеев, призванные служить воспитательным целям. Данные мемориальные формы носили массовый характер, были общими для всей страны и не предусматривали национальных особенностей, так как «вписывали» жителей всех регионов и населенных пунктов, представителей этнических, социальных, профессиональных и других групп в более широкую общность – советский народ.

В 1990-е гг. началось критическое переосмысление советской истории, значительно повлиявшее на практики мемориализации Великой Отечественной войны. В Вильнюсе, Киеве, Риге, Ташкенте, Таллинне, Тбилиси открылись музеи советской оккупации. В ряде постсоветских государств появились памятники членам вооруженных формирований, воевавшим на стороне Третьего рейха и другим лицам, сотрудничавшим с противником. Напротив, советские воинские мемориалы и памятники не раз подвергались сносу и осквернению. В России большинство мемориалов сохранилось, хотя многие в начале 1990-х гг. пришли в неудовлетворительное состояние из-за отсутствия необходимого финансирования и контроля. По той же причине прекратили свое существование и многие школьные музеи, а их материалы оказались безнадежно утрачены. В 2000-е гг. ситуация изменилась, и к очередным юбилеям Победы большинство памятников были отреставрированы. Произошло дальнейшее

¹ Дулаев В. Вечный огонь, который не был зажжен // Нальчик-Экспресс. 2009. 19 мая.

расширение и переформатирование мемориального пространства, в которое вписываются события и герои Великой Отечественной войны: рядом с прежними мемориалами стали появляться культовые сооружения и символы, а также памятники в честь участников Афганской и Чеченской войн.

В настоящее время в большинстве национальных музеев северокавказских республик существуют постоянные экспозиции или выставки, рассказывающие об истории национальных автономий в 1941–1945 гг. Появились и новые мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне. Особенно значительные усилия по увековечиванию событий и героев войны приложены в Республике Северной Осетии-Алании. В 2002 г. в ее столице был открыт «Рубеж обороны города Владикавказа в 1942 году» (архитектор О.Х. Каракишиев). В 2005 г. – Мемориал Славы, ставший на момент создания самым крупным после мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве (осуществлен авторским коллективом во главе с К. Пагиевым, З. Дзанаговым, Р. Кусраевым, А. Кучиевым, В. Цаллаговым, О. Каракишиевым). Главный вход представляет собой триумфальную арку. В центре мемориала находится колонна, увенчанная статуей Святого Георгия, ствол которой украшают горельефы, рассказывающие о подвигах осетинского народа на фронтах войны и в защите своей республики.

Церемонию открытия мемориального комплекса возглавил президент республики А.С. Дзасохов, заявивший: «Нам в Осетии было важно иметь место, где бы воедино соединились ратный подвиг и доблесть духа сынов и дочерей нашего народа. Где бы триумф мужества защитников Родины венчали отделанная мрамором Триумфальная арка и Вечный огонь. Где бы Святой Георгий воздавал должное героическим деяниям старших и благословлял молодых на добрые созидательные дела»¹. Эти слова выразили главное направление мемориальной политики в республике: стремление увековечить подвиги и славу ее жителей, всегда встававших на защиту Родины. Показательно, что одной из главных скульптурных композиций

¹ Памятники, обелиски, стелы, мемориальные доски, бюсты героям Великой Отечественной войны. URL: <http://archive-osetia.ru/publications/pamyatniki> (дата обращения: 01.09.2014).

мемориала является скульптурная композиция «Послы у императрицы», посвященная ее вхождению в состав России. Она изображает момент принятия верительных грамот Екатериной II у первого осетинского посольства в 1774 г.

В данной связи следует отметить, что еще в начале 1980-х гг. в Орджоникидзе на площади Ленина был возведен специальный мемориал «Ратная слава Осетии». В центре его располагается стела, на ней закреплены три ордена, которых была удостоена Северо-Осетинская АССР в годы советской власти: Ленина – за успехи в развитии экономики и культуры (1964), Дружбы народов – в ознаменование 50-летия СССР (1972) и Октябрьской Революции – в связи с 50-летием образования республики и 200-летием добровольного присоединения к России (1974). В настоящее время мемориал включает списки осетин и жителей Осетии других национальностей, являвшихся генералами Российской империи, советскими и современными российскими маршалами, генералами и адмиралами, кавалеров ордена Святого Георгия, Героев Советского Союза и Героев России.

Особое место в пантеоне воинской славы Осетии занимает генерал армии И.А. Плиев. В годы Великой Отечественной войны он командовал кавалерийской дивизией, затем корпусом, конно-механизированной группой. После войны занимал различные должности, в том числе десять лет командовал Северо-Кавказским военным округом, став одним из самых высокопоставленных северокавказских военачальников в Вооруженных Силах СССР. Как дважды Герою Советского Союза, И.А. Плиеву уже при жизни в 1962 г. поставили бюст в Орджоникидзе на улице Кирова (скульптор С.Д. Тавасиев, архитектор И.Г. Гайнутдинов). В 1975 г. памятник был установлен на родине генерала в селе Старый Батако Правобережного района (скульптор А.И. Козырев). Через три года после смерти военачальника, в 1982 г. возведен специальный мемориал на месте его захоронения в Орджоникидзе (скульптор С.П. Санакоев, архитектор Р.Х. Аликов). Во Владикавказе на площади Плиева в 1997 г. был установлен конный памятник генералу (скульпторы Б.А. Тотиев, Н.В. Ходов, архитектор З.Г. Казбеков) и открыт Дом-музей. В Южной Осетии И.А. Плиеву были установлены памятник в Цхинвале (разрушен грузинскими войсками в 1989 г., в настоящее время восстановлен) и бюст в селе

Принеу Знаурского района. Имя генерала носят также улицы в городах Владикавказе, Цхинвале, Беслане, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Одессе, Новошахтинске.

Мемориальные формы закрепляют представления о Северной Осетии как главном «форпосте» России на Северном Кавказе. По словам министра культуры и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания Ф.С. Хабаловой: *«По документам Министерства обороны Советского Союза, осетины как нация были на первом месте по количеству героев СССР на душу населения. Это факты известные. И это тоже характеризует народ. В течение XX вв. эта нация имела державный подход к своей родине и готова была всегда защищать эту родину, абсолютно не оглядываясь на свою собственную судьбу. Поэтому более 90 000 ушли на войну, и больше половины осталось на полях сражений. Если из семьи Газдановых ушло 7 сыновей, и ни один не вернулся, я думаю, что это тоже факты, которые говорят сами за себя <...> пройдет 100 лет, 200 лет – в Осетии память об этой войне будет храниться всегда. Участие осетин в войне – это предмет нашей гордости. Нет ни одной семьи, откуда бы не погиб человек. Мы это передаем нашим детям»¹.*

В других северокавказских республиках также немало внимания уделяется увековечиванию памяти о жителях – участниках войны и их вкладе в дело победы. В 2005 г. в Нальчике был возведен новый памятник воинам 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Прежний памятник, установленный в 1970 г., выглядел скромнее: каменная фигура воина в бурке, обнявшего своего боевого товарища – коня, символизировала скорее тяжесть боев и трагическую судьбу дивизии, чем радость побед. «Учитывая общественное мнение о необходимости более полного и объективного отражения облика воина-горца

¹ Интервью с Хабаловой Фатимой Сосланбековной, министром культуры и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Время проведения 09.07.2013. Продолжительность 48 мин. Место проведения: г. Владикавказ, Министерство культуры и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

в составе 115-й Кабардино-Балкарской дивизии», Нальчикский городской Совет местного самоуправления принял специальное решение о замене памятника¹. Новый монумент скульптора М. Тхакумашева изображает бронзового всадника, несущегося вскачь с шашкой наголо. Он призван прославлять мощь атак кабардино-балкарских кавалеристов и в большей степени вписывается в триумфальную историю войны. В 2007 г. в Нальчике была открыта стела «Слава воинам-победителям в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» на въезде в город со стороны Владикавказа (архитекторы В. Техин и Ю. Логоватовский). Над вписанной в круг площади красной звездой как символом Красной армии вознесен на колонне красного гранита орден Победы.

Стремление использовать события Великой Отечественной войны в доказательствах патриотизма жителей республики и их преданности России проявляется и в Чечне. При этом в мемориальный ряд героев, призванных служить образцом для современной молодежи, основу которого традиционно составляют участники Великой Отечественной войны, включается и имя первого президента республики А.А. Кадырова, погибшего в результате покушения 9 мая 2004 г. на праздничном параде в честь дня Победы. В честь А.А. Кадырова названы различные объекты и не только в Чеченской Республике – улицы, школы, мечети, детские сады, теплоходы, установлены памятники. В декабре 2005 г. республиканский парламент предложил переименовать в честь него и столицу Чечни, назвав ее Ахматкала (Город Ахмата), но затем отозвал свое предложение².

В 2010 г. в целях «увековечения памяти героических подвигов доблестных сынов и дочерей чеченского народа и народов, проживающих в Чеченской Республике, формирования гражданско-патриотических качеств у подрастающего поколения», в Грозном был создан Мемориальный комплекс Славы им. А.А. Кадырова. Напротив главного входа установлен памятник командиру 255-го Чечено-Ингушского

¹ Решение от 02 марта 2005 года «О замене в г. Нальчике памятника воинам 115-й Кабардино-Балкарской дивизии». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19877745/18672590> (дата обращения: 06.09.2014).

² Кадыров, Ахмат Абдулхамидович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 02.09.2014).

кавалерийского полка, затем – 28-го гвардейского кавалерийского полка гвардии подполковнику М.А. Висаитову, уже после смерти удостоенного звания Героя Советского Союза. Он изображен на коне, поднятом на дыбы, в черкеске и папахе, с высоко поднятой вверх шашкой. Основное здание комплекса состоит из четырех уровней. На нижнем, подземном уровне расположен музей А.А. Кадырова, в котором восстановлена обстановка его рабочего кабинета, на втором – картинная галерея. Верхний уровень здания венчает стеклянный купол, над которым установлен шпиль в 36 м, стилизованный под средневековую боевую башню, все стороны которого украшены орденами Победы. С внешней стороны здания представлена ретроспектива батальных сцен Великой Отечественной войны, начиная с Брестской крепости и заканчивая парадом Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г. Здесь же размещены барельефы 40 Героев Советского Союза, призванных в годы войны в ряды Красной армии с территории Чечено-Ингушской АССР. На верхнем ярусе расположена пятиконечная звезда, в центре которой горит Вечный огонь. Занимая 5 га, Мемориальный комплекс Славы имени А.А. Кадырова по своим масштабам меньше только комплексов на Мамаевом кургане в Волгограде и на Поклонной горе в Москве. В дни торжеств он может принимать до 15 тыс. чел¹. Мемориальный комплекс активно используется в воспитательных целях, в частности, на его территории проводятся торжественные церемонии приема в отряд «Юные кадыровцы»².

Стремление доказать, что тот или иной северокавказский народ имеет больше воинских заслуг перед Отечеством, отразилось в своеобразной «конкуренции» за почетное звание «Город воинской славы». В 2007 г. этого звания были удостоены Владикавказ и Малгобек, в 2010 г. – Нальчик. Среди следующих претендентов находился Грозный, соответствующее обращение руководства республики уже находилось в производстве³.

¹ Защитникам Отечества посвящается. URL: <http://al-slavy.ru/index.php/о-комплексе2> (дата обращения: 01.08.2014).

² В Грозном прошла церемония вступления учащихся гимназии № 3 в патриотический отряд «Юные Кадыровцы». URL: <http://grozniy.bezformata.ru/listnews/patrioticheskij-otryad-yunie-kadirovtsi/4295272> (дата обращения: 31.07.2014).

³ Грозный – город-герой? // Закон и право. Информационно-аналитический журнал. 2012. Июль. № 7 (18). С. 19–21.

Однако с конца 2012 г. звание больше не присваивается. Во всех городах, уже удостоенных его, устанавливаются памятные стелы с изображением городских гербов и текстов указов Президента Российской Федерации о присвоении данного звания. Во Владикавказе – первом среди всех городов воинской славы – такая стела появилась в 2009 г., в Малгобеке – в 2010 г., в Нальчике пока только ожидается ее возведение.

Триумфальный подход к увековечиванию памяти о событиях и участниках Великой Отечественной войны не удовлетворяет многих жителей Северного Кавказа, сохраняющих к ней личное отношение, побуждая их искать собственные формы выражения своих чувств. Так, в селе Чикола в Республике Северная Осетия-Алания основан «Дом фронтовика». А. Малиев защищал от противника родную Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, затем освобождал Северный Кавказ, Украину, дошел до Днепра. Несколько лет назад его сын В. Малиев приехал в отпуск из Москвы и решил остаться. Он восстановил разваливавшийся родительский дом и превратил его в музей, в котором хранятся фронтовые письма и личные вещи отца. Другие экспонаты создатель музея собрал по дворам и окрестным селам при помощи друзей и родственников. В музее проводятся экскурсии местных школьников, а также просмотр короткометражных фильмов о войне¹.

Осознание героического прошлого народа, воспоминания о совершенных его представителями подвигах являются необходимой основой для формирования национальной идентичности. Но еще в большей степени этому способствует память о понесенных жертвах. Такой трагический взгляд на события военных лет в регионе представлен в мемориалах, посвященных депортации ряда северокавказских народов.

Первые памятники жертвам депортации на Северном Кавказе появились еще до распада СССР. Уже 8 марта 1989 г. в 45-ю годовщину депортации балкарцев был установлен закладной камень в курортной части Нальчика Долинске, на улице Канукоева с надписью: «Здесь будет установлен памятник жертвам насильственного выселения и геноцида балкарского народа 1944–1956». Вскоре возле него стали проходить ежегодные митинги, а в 1999 г. в сквере у будущего здания мемориала

¹ В Северной Осетии появился исторический частный музей. URL: <http://osinform.ru/10817-v-severnojj-osetii-pojavilsja-istoricheskij.html> (дата обращения: 03.12.2012).

состоялось перезахоронение праха основоположника балкарской поэзии и балкарского литературного языка К. Мечиева, скончавшегося в 1945 г. в ссылке в Казахстане. Сам мемориал был открыт только 8 марта 2002 г. и представлял собой мавзолей, выполненный в среднеазиатском стиле. На подходах к нему указаны даты начала и окончания депортации балкарского народа – 8 марта 1944 г. и 28 марта 1957 г. (архитектор М. Гузиев). Первоначальное название было изменено: вместо «Мемориал жертв политических репрессий и геноцида балкарского народа 1944–1957» – «Мемориал жертв политических репрессий». По этому поводу адвокат И. Кучуков подал иск к правительству республики, но суд отказал ему за необоснованностью требований¹.

Депортация балкарского народа является ведущей, но не единственной темой экспозиции мемориала. Она охватывает различные периоды истории балкарского народа: дореволюционный, довоенный, Великую Отечественную войну, депортацию, возвращение на историческую родину, реабилитацию и современность. В музейном фонде хранятся личные вещи поэтов К. Кулиева и К. Мечиева, артиста О. Отарова, документы фронтовиков и граждан, переживших депортацию. Основным смысл обзорной экскурсии заключается в том, чтобы «довести до посетителей Мемориала, что, несмотря на большие человеческие жертвы и унижения, народ сумел с достоинством выдержать постигшую его трагедию депортации, сохранив свою культуру и самобытность»².

8 марта 1994 г. был установлен мемориальный знак на здании железнодорожного вокзала в Нальчике. На нем изображено дерево, в которое ударило молния, указаны даты 1944–1957 и приведена надпись, сообщающая, что он «установлен в день 50-летия насильственного выселения балкарского народа с родной земли и посвящен памяти жертв геноцида». Кроме того, по инициативе Центра детского туризма и краеведения города Тырнауза, при поддержке Эльбрусского поселкового совета школьниками и учителями проводилась работа на местах бывших балкарских селений в Чегемском ущелье. Памятные

¹ Полян П. Увековечивание памяти о депортированных – дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // Неприкосновенный запас. 2010. № 3 (71).

² Описание экскурсии. URL: <http://www.museum.ru/E7518> (дата обращения: 04.09.2014).

камни установлены на месте сел Актопрак, Хушто-Сырт и Думала, мемориальные доски – на месте сел Чилмаз и Губасанты (в настоящее время здесь располагается поселок Нейтрино). На месте Губасанты также установлен памятник.

На территории современной Чеченской Республики первый памятник, посвященный депортации, появился на окраине Урус-Мартана. На каменной плите были указаны даты высылки вайнахских народов и установления монумента: «23.02.1944–19.05.1991 гг.», приведен отрывок из поэмы А. Бисултанова «Хайбах». На следующий год по инициативе президента республики Д. Дудаева был открыт памятник в Грозном по проекту Д. Хасаханова. Он представлял собой выростававшую из-под земли металлическую руку с кинжалом, перед которой находился мраморный с позолотой Коран. Вокруг находились вайнахские надмогильные камни – чурты, привезенные из разных районов республики (после выселения чеченцев и ингушей они нередко использовались при строительстве дорог и в качестве фундаментов хозяйственных и жилых зданий). Надпись на чеченском языке на одной из окружающих мемориал кирпичных стен гласила: «Не сломимся! Не взрыдаем! Не забудем!» (в переводе на русский язык).

Во время боев за Грозный памятник серьезно пострадал. Стены и чурты были повреждены осколками, плиты с именами погибших разбиты. В 2000 г. исчезла плита с надписью, а за ней и Коран. Тем не менее, ежегодно 23 февраля возле памятника в течение нескольких лет продолжали проходить митинги памяти жертв депортации. Однако в 2008 г. мемориал был демонтирован, по официальным разъяснениям руководства республики и города, в связи с переносом на новое место. Р.А. Кадыров заявил: «С самого начала этот комплекс был построен в неудобном месте, на участке транспортной развязки дорог, где нельзя даже поставить машину, чтобы посетить данный комплекс, совершить религиозные обряды в День памяти жертвам геноцида. Даже элементарно провести экскурсии было невозможно»¹. Для размещения нового мемориального комплекса выделен участок общей площадью в 3 тыс. кв. м в восточной части

¹ Власти Чечни: мемориал памяти жертвам репрессий должен быть грандиозным. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/137190/> (дата обращения: 14.01.2014).

города, но его строительство до сих пор не завершено. Часть жителей города считают причиной сноса памятника его связь с предыдущим режимом Д. Дудаева¹. Но следует учитывать, что в мемориальной культуре современной Чеченской Республики пока депортации в целом уделяется значительно меньше места, чем воинской славе ее жителей на фронтах Великой Отечественной войны.

В Республике Ингушетии мемориальный комплекс жертвам репрессий был открыт 23 февраля 1997 г. по инициативе президента Р.С. Аушева на средства, собранные гражданами. В селе Насыр-Корт Назрановского района (в настоящее время – Насыр-Кортский городской округ Назрани) из бетона и природного камня выстроены девять традиционных ингушских башен, опоясанных колючей проволокой (автор М. Полонкоев). Количество сросшихся между собой башен означает число репрессированных народов в СССР. Высота мемориала достигает 24 м, выставочная площадь – 381 кв. м.

В последние годы мемориальный комплекс подвергся значительной доработке, придавшей ему другой вид. Обновленный мемориал соединил в себе память о разных, наиболее значимых трагических и героических событиях истории ингушей и был открыт в честь 20-летия Республики Ингушетия в 2012 г. В центре находится памятник уроженцу республики – последнему защитнику Брестской крепости У. Барханову. Рядом с ним расположен памятник всадникам Кавказской туземной конной дивизии («Дикой дивизии»), в которой добровольно служили ингуши. В выставочных залах мемориального комплекса представлены следующие сюжеты: «Славные сыны Отечества» (история вхождения Ингушетии в состав Российского государства, имена полных Георгиевских кавалеров, Героев Советского Союза, Героев России, Героев Социалистического труда), «Ингуши в Великой Отечественной войне», «Депортация ингушского народа в 1944 г.», «Памяти трагических событий осени 1992 года» и «Республике Ингушетия 20 лет».

В 2005 г. мемориал жертвам политических репрессий и депортации карачаевцев в Среднюю Азию в 1943–1957 годах (архитектор

¹ В Чечне демонтируют Мемориал памяти жертв депортации 1944 года. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/137083> (дата обращения: 14.01.2014).

С. Айбазов, скульптор Н. Санжаров, художник К. Французов) был открыт в Карачаевске. Он имеет подковообразную форму, к которой ведет каскад лестниц. Центральная композиция представляет собой систему полуарок, которые в верхней части удерживает восьмиугольник высотой в 12 м – символ очага карачаевского народа, устоявшего против произвола и сохранившего свою самобытность. В полукруглой части подковообразной формы располагается стена длиной 45 м и высотой 4 м – вагоны, в которых карачаевцев везли к местам ссылки. Под стеной три полукруглые плоскости разных уровней, означающие духовный мир, обыденная жизнь и потусторонний мир. Со стены зла отрываются формы шириной 30 см, высотой 2 м, проходят через три плоскости, остаются в третьем мире – это сами жертвы депортации. Камни неправильной формы, целенаправленно уходящие в землю под воздействием стены произвола – надгробия жертвам депортации. В центре композиции куб красного гранита, символизирующий тепло горящего очага. На длинной стороне изображены последствия депортации, на южной – знак мироздания карачаевцев. На облицованных белым туфом кубах высечены горельефы «Выселение» (на левом), «Возвращение» (на правом).

В апреле 2007 г. на железнодорожных станциях Усть-Джегута и Ураковская были установлены мемориальные доски в честь первых эшелонов с возвращавшимися из депортации карачаевцами. Памятники жертвам депортации установлены также в некоторых селах республики, например в Учкекене и Красном Кургане Малокарачаевского района. Многие из них совмещают в себе память о погибших в годы депортации и на фронтах Великой Отечественной войны. Таковы, например, памятники в Верхней Теберде и в Усть-Джегутинском районе. Так, на стеле в Усть-Джегуге высотой 2,5 м выгравированы фамилии и инициалы всех жителей села, погибших в период депортации, Великой Отечественной и Афганской войнах. Рядом располагается каменное изваяние, перенесенное с мусульманского кладбища¹. Еще один памятник находится за пределами республики, в Кисловодске. На проспекте

¹ Памятный знак жертвам депортации карачаев (1943–1957). URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=1157> (дата обращения: 04.09.2013).

Мира установлен закладной камень с надписью «Здесь будет сооружен памятник жертвам геноцида против карачаевского народа в 1943–1956 гг.».

Исследователи отмечают, что «акцент в национальной политике исторической памяти карачаевцев делается не на депортации, а на избавлении от нее, символом чего является даже не реабилитация, а именно возвращение». С 2001 г. 3 мая – день прибытия в 1957 г. в Черкесск первого эшелона с возвращающимся народом – отмечается как День возрождения карачаевского народа, объявленный в республике праздничным и нерабочим днем. Ежегодно 2 и 3 мая в Карачаевске и Черкесске проходят торжественные церемонии с участием правительства республики¹.

В связи с реабилитацией репрессированных народов в ряде северокавказских республик отмечаются тенденции к увековечиванию памяти о Хрущеве. В столице Республики Ингушетии городе Магасе его именем названа улица. В Чеченской Республике – площадь в Грозном (в 1991–1995 гг. и 1996–2000 гг. это была площадь, которая в настоящее время называется «Минутка», с 2000 г. – бывшая площадь Орджоникидзе) и средняя школа в селении Майртуп Курчалойского района. На торжественном заседании, посвященном 53-й годовщине восстановления Чечено-Ингушской АССР, Р.А. Кадыров заявил: «Мы должны быть благодарны Всевышнему за возвращение нашего народа на историческую родину. Во время депортации в Сибирь и Среднюю Азию погибли сотни тысяч чеченцев и ингушей. Но Аллах услышал нашу мольбу и благодаря историческому решению руководства СССР и личной инициативе Никиты Хрущева, была восстановлена наша государственность»². Республиканские власти также выразили намерение установить в Грозном и памятник Хрущеву, однако эта идея вызвала неоднозначное отношение жителей республики³. Напротив, в Северной

¹ Полян П. Увековечивание памяти о депортированных...

² Имя Никиты Хрущева присвоено одной из площадей столицы Чечни. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/164031/> (дата обращения: 04.09.2014).

³ Абубакаров С. В Чечне неоднозначно относятся к идее установки в Грозном памятника Хрущеву. URL: <http://chechnya.kavkaz-uzel.ru/articles/107873> (дата обращения: 04.09.2014).

Осетии появляются новые памятники Сталину, общее количество которых в последнее время достигло 24¹.

Таким образом, мемориальные практики, связанные с событиями Великой Отечественной войны, призваны доказать вклад северокавказских республик и их жителей в дело общей Победы, «вписав» их в общее для всей страны мемориальное пространство. В настоящее время в Северной Осетии существует 260 монументов, памятников, обелисков и братских могил². На территории Чеченской Республики – 80 памятников, больше половины которых находится в Наурском (21), Шелковском (19) и Надтеречном (8) районах, где непосредственно шли боевые действия в 1942–1943 гг.³. В Нальчике насчитывается более 20 памятников, связанных с Великой Отечественной войной⁴.

По словам современных исследователей: «Военные мемориалы существуют в виде формул, которые принадлежат конвенциональному языку исторической памяти. Памятник является одним из самых прямолинейных и “наивных” знаков идентичности, как вещь, служащая для коллективного воспоминания»⁵. Но наряду с воспоминаниями, воплощенными в мемориальных формах, важную роль играет и забвение: «В отличие от технических хранилищ знания или архива, память не стремится к максимальной полноте: она вбирает в себя далеко не все подряд, а всегда проводит более или менее жесткий отбор». Поэтому забвение «является конститутивным элементом как индивидуальной, так и коллективной памяти»⁶. В частности, очевиден отказ от упоминаний тех, кто сражался на стороне противника или дезертировал с фронта. Их имена табуированы в исторической

¹ В Северной Осетии открыли еще один монумент Сталину. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/445727> (дата обращения: 05.09.2014).

² О памятниках и братских могилах Великой Отечественной Войны на территории Республики Северная Осетия – Алания. URL: <http://archive-osetia.ru/publications/pamyatki> (дата обращения: 02.09.2014).

³ Сулумова Д. Вечная память героям... URL: <http://vesti95.ru/analytics/452544.html> (дата обращения: 02.09.2014).

⁴ Белых Н., Елканов А. ... Обелиски, как души, рвутся из земли // Кабардино-Балкарская правда. 2011. 10 мая.

⁵ Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной. С. 241.

⁶ Ассман А. Длинная тень прошлого... С. 34.

памяти северокавказских социумов и не находят отражение в мемориальных формах.

В последние годы в мемориализации Великой Отечественной войны на Северном Кавказе усилился национальный компонент. В значительной степени это объясняется неудовлетворенностью тем, как он был представлен в мемориальных формах советского времени, особенно в тех республиках, народы которых были депортированы. Попытки подсчитать, какой народ внес больше вклад в Победу или более других пострадал от преступлений сталинизма, в значительной степени объясняются этническими комплексами, своеобразными «болезнями роста» национального самосознания.

* * *

Музеи и мемориалы выступают важнейшими институтами исторической памяти, не только воплощающими в материальной форме определенные представления о прошлом, но и закрепляющими их в качестве стереотипов общественного сознания. Институциональный характер функционирования музеев обеспечивает решение широкого круга задач по сохранению, переработке и представлению информации. При этом ориентация на массовое потребление придает складывающимся в итоге историческим образам эмоциональный и редуцированный характер, а долговременность существования обеспечивает их трансляцию из поколения в поколение.

Значительное место в выработке и реализации исторической политики на региональном уровне занимают национальные музеи республики Северного Кавказа. Само их создание еще в качестве краеведческих музеев выступало одним из наиболее значимых достижений советской национальной политики в сфере культуры, а дальнейшее становление испытывало воздействие различных политических и идеологических факторов. Новый статус обеспечивает национальным музеям не только новые возможности, но и обязанности по сохранению, изучению и репрезентации историко-культурного наследия республик, выступающего духовной основой национальной идентичности. Материальность и аутентичность – качества, присущие музейным артефактам – придают в глазах посетителей достоверность

не только им самим, но и концепциям, которые закладываются в экспозиции и выставки, превращая их в убедительные версии прошлого.

Немаловажную роль в формировании исторических представлений играют и мемориальные объекты, значение которых выходит далеко за пределы их непосредственной функции, связанной с увековечиванием памяти о героях и жертвах. По словам А. Ассман, «коллективная память превращает ментальные образы в иконы, а нарративы становятся мифами, важнейшими свойствами которых являются убедительная сила и мощное аффективное воздействие. Подобные мифы отделяют исторический опыт от конкретных условий его формирования, преобразуя его во вневременные повествования, которые передаются от поколения к поколению». При этом миф она понимает не как простой обман, искажение фактов, которое может быть опровергнуто историческими исследованиями, а как *«аффективное усвоение собственной истории»*. В этом значении миф как культурная конструкция не может быть опровергнут научными исследованиями, «ибо постоянно обогащается толкованиями, которые, сохраняя для социума прошлое в настоящем, дают данному социуму ориентацию на будущее»¹. Эта характеристика в полной мере применима к мемориальной ситуации на Северном Кавказе, где мифологизация активно используется в целях национальной консолидации.

События Кавказской войны давно вошли в долгосрочную историческую память региона, но в последние годы изменилась перспектива, определяющая саму конструкцию воспоминаний о них. Первоначально господствовала модель взаимоотношений победителей и побежденных, закреплявшая в мемориальных формах память первых о войне и не дававшая возможности подобного выхода вторым. В 1990-е гг. Кавказская война стала восприниматься в категориях жертв и преступников². В соответствии с этим возникло стремление увековечить память о первых и снести уже установленные памятники вторым. Травматизм данного восприятия порождает не только осознание несправедливости исторической судьбы народа,

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого... С. 38–39.

² См. подробнее: Ассман А. Длинная тень прошлого... С. 65–88.

но и ожидание извинений со стороны руководства Российского государства как правопреемника Российской империи, в том числе, выраженных в форме различных материальных компенсаций, в настоящее время малоперспективных.

Государственная мемориальная политика в отношении событий Великой Отечественной войны долгое время складывалась в рамках триумфального подхода. Он остается преобладающим и в современных мемориальных практиках. Однако в 1990-е гг. появились мемориалы и музеи, посвященные депортации северокавказских народов. Они придают травмирующим воспоминаниям определенную институциональную форму, позволяя канализировать скорбь.

В то же время многочисленные травмы памяти не только создают определенные проблемы во взаимоотношениях северокавказских этносов между собой и с другими народами, но и осложняют перспективы их собственного развития. По словам А. Ассман: «Нация, которая постоянно трактует вызовы будущего в свете невралгических ключевых событий прошлого, остается в плену (или в тени) собственной истории. Чтобы выйти из этого плена, нужно не забыть их, но преобразовать воспоминания о них так, чтобы прошлое утратило характер все заглушающей апелляции, а следовательно, и господства над настоящим»¹. К сожалению, пока опыт переработки прошлого в музейных и мемориальных формах на Северном Кавказе представляется для этого крайне недостаточным.

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого... С. 303.

Глава V.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Важнейшим способом формирования наций является политика в области языка, культуры и образования. Национальный язык не только создает коммуникативную основу для взаимодействия и взаимопонимания представителей одной этнической общности, но и позволяет создавать произведения литературы, пробуждающие национальное самосознание, а его использование в делопроизводстве превращает знание языка в обязательное условие повышения социального статуса человека. Национальная культура как система общих ценностей и обрядов обеспечивает внутреннюю интеграцию социума. Национальное образование, создавая условия для сохранения и ретрансляции культурных ценностей, оказывается важнейшим и необходимым институтом формирования национальной идентичности, в основе которой лежат представления об общей национальной истории, опирающиеся на определенную мифологию, «места памяти» и связанные с ними практики коммеморации.

История становления и современное развитие системы национального образования в республиках Северного Кавказа не раз находили отражение в общих и специальных трудах¹. Советские

¹ Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958; Копачев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVII – 30-е годы XX в.). Нальчик, 1964; Национальные школы РСФСР за 60 лет. М., 1968; Чеченов Ш.Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920–1970 гг.). Нальчик, 1971; Исаев М.И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974; Галазов А.Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1977; Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978; Магидов Ш.Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала, 1979; Умаров М.У. По пути к всеобщему среднему. Грозный, 1982; От века к веку. Страницы образования в Северной Осетии. М., 2001; Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. URL: http://iriston.com/books/bzarov_shool/bzarov_-_istor_ost_shool.htm

исследователи, прославлявшие достижения культурной революции в СССР, нередко противопоставляли их состоянию образования в регионе в дореволюционный период. В 1990-е гг. проявилась другая тенденция – связывать все трудности и просчеты в развитии национального образования с перманентным стремлением Российского государства к подавлению национальных чувств населявших его народов – как в эпоху империи, так и в советское, а затем и в постсоветское время. Оба подхода свидетельствуют о том, что идеологическая и политическая конъюнктура влияла и продолжает влиять на оценки историков. Но опыт создания и реформирования национального образования на Северном Кавказе представляется недостаточно осмысленным в контексте практик нацистроительства в данном регионе.

5.1. Создание системы национального образования на Северном Кавказе: опыт первых советских десятилетий

С присоединением Северного Кавказа к России не раз предпринимались попытки создания национальной письменности у населявших его народов на русской, арабской и грузинской графической основе. Но реальных возможностей для изучения родного языка у жителей Северного Кавказа вплоть до революции 1917 г. было немного, хотя и прямого запрета на это также не существовало. В церковноприходских и министерских школах, гимназиях и реальных училищах учили на русском языке, по общероссийским программам, не предусматривавшим изучения родного языка, вопросов истории и культуры родного края. В мусульманских школах – медресе и мектебах – учили на арабском языке. Доля грамотных оставалась невелика, составляя по переписи 1897 г. у черкесов 9 %, у осетин 6 %, у карачаевцев 4,6 %, у абхазов 1,6 %, у чеченцев 0,7 %, у ингушей 0,3 %, у дагестанцев 0,2 %, у абазгов 0,1 %.

(дата обращения: 2.09.2013); Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии. История. Современность. Перспективы. Владикавказ, 2007; Цориева И.Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Владикавказ, 2012 и др.

у ингушей 4,2 %, у кабардинцев 3,8 %, у чеченцев 1,6 %, у балкарцев 1,5 %¹. К 1917 г. она выросла, но все равно оставалась ниже, чем в среднем в России.

Пришедшие к власти большевики провозгласили право народов на обучение на родном языке. 16 октября 1918 г. ВЦИК принял декрет «О единой трудовой школе РСФСР». Единая трудовая школа включала две ступени: первая охватывала учащихся в возрасте 8–13 лет (5 лет обучения), вторая – 14–17 лет (4 года)². 31 октября Наркомат просвещения РСФСР принял постановление «О школах национальных меньшинств», декларировав право всех национальностей на обучение на родном языке в школах обеих ступеней. 26 декабря 1919 г. СНК РСФСР принял декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Он предусматривал, что все население страны *«в возрасте от 8–50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию. Обучение это ведется в государственных школах, как существующих, так и учреждаемых для неграмотного населения по планам Наркомата просвещения»*³.

В составе Всероссийской Чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности, учрежденной по декрету СНК РСФСР от 19 июля 1920 г., была предусмотрена постоянно действовавшая секция национальных меньшинств. При Наркомате по делам национальностей была образована культурно-просветительная комиссия, которой надлежало заниматься просвещением нерусских национальностей и решать финансовые вопросы, связанные с просветительской деятельностью. В связи с большим объемом работы национальная секция была создана при Наркомате просвещения. Она занималась организацией школьного дела в национальных районах РСФСР⁴.

¹ Суций С.Я. Образование и наука Юга России: аналитико-картографическое исследование. Ч. 1 (период до 1945 года). Ростов н/Д, 2009. С. 72.

² Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–1973 г. М., 1974. С. 133–145.

³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40.

⁴ Кара А.П. Исторические особенности региональной образовательной политики на Юге России в первой половине XX века (опыт сравнительного исследования). Ставрополь, 2007. С. 17.

На Северном Кавказе задача ликвидации неграмотности стояла особенно остро. По данным переписи 1920 г., грамотное население в Карачае составляло 6,7 %, в Черкесии – 4,3 %. Самый низкий уровень был в Чечне, где грамотные составляли всего 0,8 % населения¹. При этом существенно различался уровень грамотности у мужчин и женщин. В Ингушетии грамотные составляли 6,3 % у мужчин и 0,5 % у женщин, в Черкесии – 8 % у мужчин и 0,01 % у женщин, в Кабардино-Балкарии – 9,9 % у мужчин, 6,3 % у женщин, в Адыгее – 14,6 % мужчин, 8,9 % у женщин, в Карачае – 24 % у мужчин, 12 % у женщин, в Северной Осетии – 34,3 % у мужчин, 8,8 % у женщин. В среднем, численность грамотных в горских округах не превышала 18,8 %, в то время как в округах с преобладавшим славянским (русско-украинским) населением она была значительно выше: в Черноморском – 48,7 %, в Донском – 46,5 %, в Кубанском – 37,4 %, в Армавирском – 35 %².

В начале 1920-х гг. партийное руководство приняло ряд решений, направленных на повышение уровня грамотности населения страны. Так, в октябре 1922 г. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) обратилось ко всем областным комитетам партии с письмом, в котором определило основными задачами партийных организаций и местных органов власти в национальных автономиях Северного Кавказа развитие просвещения и подъем культурного уровня горских народных масс. В соответствии с принятыми решениями III съезд советов Горской АССР в феврале 1923 г. наметил мероприятия по изучению родного языка, изданию учебников и подготовке педагогов для национальной школы³.

В конце 1923 г. в Ростове-на-Дону состоялась I краевая конференция по ликвидации неграмотности. Она призвала развернуть работу по организации пунктов по ликвидации неграмотности (ликпунктов) и школ малограмотных. В частности, в Карачаево-Черкесской АО в 1924 г. действовало 69 ликпунктов, на которых обучалось 1614 чел.

¹ Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1925.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 39.

³ Койчуев А.Д., Блимготов А.И. Формирование интеллигенции Карачая и ее участие в Великой Отечественной войне. Ставрополь – Карачаевск, 2007. С. 34.

На следующий 1925 г. – 112 ликпунктов и 2613 чел. В 1922/1923 г. на образование в Карачаево-Черкесии было выделено 200 тыс. руб., а в 1925/1926 г. – более 370 тыс. руб.¹

В 1922 г. правительство Горской АССР приняло к изданию составленный еще до революции 1917 г. букварь ингушского языка Ф.И. Горепекина, но затем отвергло его, посчитав непригодным. Были изданы буквари осетинского языка Г.К. Гуриева (иронский диалект) и М.К. Гарданова (дигорский диалект). В 1923 г. И. Акбаев составил первый букварь для карачаевских школ. На следующий год вышли учебники для карачаевских школ У. Алиева «Новый карачаевский букварь», И. Акбаева «Родной язык», а также «Азбука» Т. Табулова для черкесских школ.

Во Владикавказе был открыт Терский (позднее – Горский) институт народного образования, при котором действовали курсы по подготовке учителей родного языка, и Горский педагогический техникум, готовивший учителей школ первой ступени. Значительная часть мест в них выделялась представителям северокавказских национальностей. Так, в 1923/1924 учебном году в Горском педагогическом техникуме осетины составляли 31,8 %, чеченцы – 11,6 %, ингуши – 10,6 % учащихся². Вследствие острой нехватки кадров к педагогической деятельности пришлось привлечь учителей духовных школ после прохождения ими переподготовки на краткосрочных учительских курсах.

С обретением самостоятельности между северокавказскими автономиями возникали противоречия и даже конфликты. Например, в связи с выделением в 1922 г. Чеченской АО из Горской АССР все 35 студентов, обучавшихся в 1923/1924 учебном году, не доучившись, вернулись обратно в Грозный³. Разногласия касались и других вопро-

¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Советский период. Черкесск, 1972. С. 111.

² Матагова Х.А. Горский педагогический институт в подготовке кадров для Чечни в 1920-е гг. XX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2007. № 1. С. 207.

³ Гайрабеков А.Я. Становление и развитие системы профессионального образования в Чечне в 1920–1930-е гг. // Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность: материалы регион. науч. конф., посв. 90-летию автономии Чечни. Грозный. 30 ноября – 1 декабря 2012 г. Грозный, 2013. С. 177.

сов, включая распределение квот в учебные заведения¹. Образование все чаще рассматривалось руководством автономных областей Северного Кавказа как важный ресурс, обеспечивающий подготовку необходимых кадров. В 1923 г. был открыт педагогический техникум в Баталпашинске (с 1939 г. – Черкесск), куда было принято 86 чел., в том числе 11 горянок². В 1924 г. из Горского педагогического техникума выделился Осетинский педагогический техникум, в 1925 г. был открыт педагогический техникум в Грозном, в 1929 г. – в Карачае.

Однако педагогические техникумы не могли быстро обеспечить школы подготовленными кадрами. Более того, у них существовали трудности в том, чтобы *«начать свою работу с первых курсов, ввиду отсутствия подготовленного кадра учащихся, прошедших через семилетку, за неимением в национальных областях таковых»*. Чтобы в *«более сокращенные сроки дать учителей-националов, которые были бы в состоянии вести преподавательскую работу на национальных языках, хотя бы в первой и второй группах советской школы 1-й ступени»*, были организованы педагогические курсы. Но и для них оказалось сложным найти кандидатов для обучения, имевших познания хотя бы в объеме школы первой ступени. Пришлось *«вербовать курсантов из лиц, умеющих читать, писать и считать на национальном или русском языках»* в возрасте 18–25 лет³. В 1925 г. были организованы краевые годовые педагогические курсы: во Владикавказе – на 90 чел. (40 чеченцев, 25 ингушей и 25 осетин), в Краснодаре – на 70 чел. (27 кабардинцев, 22 адыгейца, 15 черкесов и 6 шапсугов), в Баталпашинске – на 40 чел. (20 карачаевцев, 15 балкарцев и 5 ногайцев)⁴. Продолжительность занятий составляла по 6 часов в день или 1560 часов за 10 месяцев, а содержание подготовки опиралось на полную программу школы-четырёхлетки первой ступени⁵.

Постепенно росло и количество учащихся в национальных автономиях. С 1920 по 1923 гг. в Адыгее в среднем в год обучалось 508 чел., в Ингушетии – 404 чел., в Карачае – 944 чел., в Кабарде – 1737 чел.,

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 123 и др.

² Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Советский период. С. 112.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 349. Л. 133.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 349. Л. 145.

⁵ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 349. Л. 134.

в Осетии – 960 чел., в Чечне – 476 чел. В 1924/1925 учебном году в Адыгейской АО количество учащихся составило уже 2 915 чел. (выросло на 190 %), в Ингушской АО – 802 чел. (на 100 %), в Карачаево-Черкесской АО – 1714 чел., в Кабардино-Балкарской АО – 5153 чел., в Осетинской АО – 1263 чел. (на 35 %). Снижение численности учащихся произошло только в Чеченской АО на 25 %. Всего в Адыгее было охвачено обучением 13,6 %, в Ингушетии 5,4 %, в Карачаево-Черкесии – 4,5 %, в Кабардино-Балкарии – 13,07 %, в Северной Осетии – 4,5 % и в Чечне – 1,9 % детей¹.

Несмотря на предпринимавшиеся меры, быстро решить проблему грамотности не удавалось. В постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) от 20 ноября 1924 г. указывалось, что *«есть области, где неграмотность среди населения достигает почти 100 %»*. Прямо подчеркивалось: *«В особо скверных условиях находятся области с населением нерусской национальности. Помимо того, что здесь ужасающий процент безграмотных, отсутствие букварей на родном языке еще больше затрудняет работу среди горских народностей и наименьшинств»*. По итогам обсуждения вопроса бюро постановило: *«Необходимо срочно приступить к изданию учебников»*².

Выступая на I краевом съезде советов 30 января 1925 г., председатель Чеченского областного исполкома Т.Э. Эльдерханов заявил, что Чеченская АО *«не получила в наследство ни одной школы»*. В январе 1925 г. область, по его словам, располагала 57 школами первой ступени, в которых обучалось более 3 тыс. детей, одной школой второй ступени с интернатом на 50 чел. и с общим числом обучавшихся в 100 чел., советско-партийной школой с интернатом на 75 чел., детским городком им. Сталина для сирот на 150 чел. Т.Э. Эльдарханов признавал, что *«существующими школами удовлетворяются только 8 % детей школьного возраста, а 92 % детей остаются за бортом»*. Для обучения всех детей школьного возраста в Чеченской АО требовалось более 300 школ. Отмечались и другие трудности, связанные с тем, что *«педагогический персонал не на высоте своего положения, а школьные помещения и темны, и холодны, и не оборудованы»*.

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 39.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 23. Л. 71.

и вообще не соответствуют требованиям педагогики и гигиены». Тем не менее руководитель области закончил свое выступление на оптимистической ноте, считая, что *«не следует впадать в уныние и нужно помнить, что центральная власть пойдет навстречу нам – отсталым из отсталых»*¹.

Действительно, со второй половины 1920-х гг. возросли ассигнования на школьное образование, при этом в национальных областях средств на него выделялось заметно больше, чем в соседних регионах. Так, в 1925/1926 учебном году по сравнению с предыдущим годом расходы на образование в Северо-Кавказском крае выросли на 34,9 %, а во входившей в него Северо-Осетинской АО – на 53,4 %². В 1926/1927 г. расходы на образование в Чеченской АО составили 2,2 млн руб., а в 1929/1930 г. – 4,8 млн руб. Всего с 1924 по 1931 гг. в Чечне было израсходовано более 19 млн руб.³ В среднем на 1 чел. расходы на образование на Северном Кавказе выросли с 6,09 руб. в 1928/1929 г. до 14 руб. в 1931 г.⁴

Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., уровень грамотности среди северокавказских народов вырос: у черкесов он составил 13,5 %, у карачаевцев – 12,7 %, у чеченцев – 2,7 %⁵. К 1927 г. по сравнению с 1923 г. численность учащихся школ первой ступени в Чеченской АО выросла с 1485 до 11 180 чел., а с 1928 по 1932 гг. с 18 210 чел. до 55 089 чел. Вырос и процент охвата детей: с 4 % в 1923 г. к 6 % в 1925 г. и до 14,2 % в 1927 г.⁶ В 1931 г. уже 41 % детей в Чечне посещали начальную школу, а в 1932/1933 г. их численность выросла до 84,5 %⁷. В Северо-Осетинской АО в 1924/1925 учебном году в школах

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 45. Л. 80б–9.

² История Северной Осетии: XX век. М., 2003. С. 254; ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 247. Л. 22, 51 и др.

³ Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920–1940). Грозный, 1974. С. 47.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.

⁵ Просвещение на Северном Кавказе в цифрах. Ростов н/Д, 1929. С. 12.

⁶ История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI вв. Грозный, 2008. С. 404–405.

⁷ Состояние национального просвещения на Северном Кавказе: материалы партийной конференции по национальному просвещению. Ростов н/Д, 1932. С. 3.

первой ступени обучалось 31,6 %, а в 1927/1928 году – 77 % всех детей¹. В Карачае в 1924/25 учебном году обучалось 26 %, а в 1926/27 году – 35 % детей школьного возраста². К 1931 г. на Северном Кавказе, как и по всей стране, было введено всеобщее начальное обучение.

Обучение проводилось в основном на русском языке, которого значительная часть населения не понимала. Между тем еще в 1920 г. IV съезд работников народного образования Северной Осетии принял решение вести обучение в осетинских школах первой и второй ступени на русском языке и лишь в 1-м классе первой ступени – на осетинском языке. Преподавание осетинского языка как предмета становилось обязательным во всех классах. В 1924/1925 учебном году было введено преподавание на родном языке в первой группе (первого года обучения), в 1925/1926 учебном году – во второй, в 1926/1927 учебном году – третьей группы школ первой ступени. Русский язык в качестве учебного предмета вводился со второго года обучения. Областные методические бюро разработали программы для первого и второго годов обучения в национальной школе, составляли учебники, снабжали школы наглядными и учебными пособиями³.

Переход на родной язык для многих северокавказских народов осложнялся наличием различных диалектов. Так, у осетин сохранялись языковые различия между двумя субэтносами – иронцами и дигорцами. В августе 1924 г. в Цхинвале состоялся I Объединенный съезд деятелей народного образования Северной и Южной Осетии, принявший решение о едином литературном языке. В его основу был положен иронский диалект, но в районах с дигорским населением в школах первой ступени, наряду с иронским, постановили изучать и дигорский диалект. Изучение единого литературного осетинского языка в дигорских школах вводилось с 3-го класса, как и русского языка. Русский язык оставался языком обучения в школе второй ступени. Съезд постановил координировать работу органов просвещения Северной и Южной Осетии по национализации осетинской школы, а также содействовать культурно-просветительской

¹ История Северной Осетии: XX век. С. 254.

² Койчуев А.Д., Блимготов А.И. Формирование интеллигенции Карачая... С. 51.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 137. Л. 40–44.

деятельности среди осетин, проживавших вне пределов двух осетинских автономий¹.

Постановление СНК РСФСР 18 июня 1926 г. поручало наркомату просвещения РСФСР «разработать и внести в Госплан РСФСР проект мероприятий по переводу просветительской работы среди национальных меньшинств на родной язык». В частности, предлагалось «совместно с центральным издательством народов Союза ССР установить, какие меры должны быть приняты по улучшению издания учебников и массовой литературы»².

Однако отношение самих жителей северокавказских автономий к изучению родного языка было противоречивым. Посетивший Северо-Осетинскую АО в январе 1925 г. инспектор Наркомата просвещения РСФСР В.П. Чаплиев докладывал: «Со стороны населения сначала (1921 г.) наблюдалось в некоторых местах отрицательное отношение к преподаванию в школах осетинского языка», крестьяне говорили, что «научите говорить по-русски, а по-осетински я и сам научу». Обучение в школах на русском языке воспринималось «очень спокойно, как бы само собой разумеющимся, вследствие необходимости русского языка в хозяйственных взаимоотношениях населения». Более того, «даже в осетинских верхах наблюдается спокойное отношение к этому вопросу», высказывались мнения: «Как же можно поставить учебу на родном языке, когда кроме букваря (и то в крайне недостаточном количестве) больше нет книг на осетинском языке»; «окончивший русскую школу осетин должен получить в следующей ступени образование, а там надо хорошее знание русского языка, для Осетии отсталой нужно побольше образованных людей». В ряде образовательных учреждений (советской партийной школе, педагогическом техникуме), по словам В.П. Чаплиева, «осетинского языка до сих пор не существовало». Тем не менее, инспектор пришел к выводу о необходимости использования родного языка в обучении: «1) дети охотнее и сознательнее переходят на работу на родном языке; 2) при работе на русском языке дети больше всего усваивают смысл, не умея передать понятия словами, большинство слов для них

¹ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы.

² Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 г. – июнь 1941 г.). Сб. документов и материалов. Грозный, 1979. С. 72.

непонятно; 3) при чтении развивается, собственно, техника чтения без усвоения смысла слова». Отсюда следовал его главный вывод: «Осетин будет больше образован, если школу первой ступени он пройдет на родном языке»¹.

О социально-экономических мотивах стремления представителей народов Северного Кавказа к изучению русского, а не родного языка, свидетельствуют и другие источники. В своем письме в Северо-Осетинскую плановую комиссию Р.М. Цаголов отмечал: «Советская власть предоставляет ПРАВО [здесь и далее выделено автором письма – Т.Х., Е.К.], но не ОБЯЗЫВАЕТ становиться на путь национализации школ». По его словам, «рисуемый воображением “национализаторов” идеал мог бы согреть и осетина, как он согревает русского, француза, немца и т.д.». Однако немало жителей Осетии – бедной страны, особенно ее горной части, вынуждены были зарабатывать на жизнь за пределами автономии, и для этого им требовалось знать русский язык. В результате автор письма приходил к следующему выводу: «Осетинам в собственных интересах надлежит отказаться от “национализаций”»².

Поскольку не только жители, но и часть сотрудников административного аппарата проявляли очевидное равнодушие к изучению родного языка, местные руководители использовали различные средства, чтобы убедить их в обратном. В частности, подчеркивали, что инициатива в данном вопросе исходит из центра, неисполнение воли которого могло вызвать неприятности. Так, на совещании методического бюро 10 июня 1925 г. руководитель Северо-Осетинского облоно и один из главных инициаторов осетинизации школы Г.А. Дзагуров заявил, что «в силу национальной политикой советской власти нам необходимо провести быстрым темпом национализацию нашей школы»³. На совещании Северо-Осетинского облоно 26 сентября Г.А. Дзагуров в своем докладе вновь указал на то, «что необходимость выделения осетинского языка в осетинских школах вызвана национальной политикой советской власти, требующей национализации школы»⁴.

¹ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 189. Л. 7–8об.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

В этих условиях было принято решение о переводе письменности народов Северного Кавказа на латинскую основу. Оно было вызвано общей кампанией за латинизацию, связанной не столько с идеей мировой революции, от которой советское руководство постепенно освобождалось, сколько со стремлением преодолеть недоверие ранее угнетавшихся национальностей к русским. По мнению Т. Мартина: «Поощряя создание символов национальной идентичности и решительно противодействуя ассимиляции, советская власть проявляла показное уважение ко всем нерусским народам»¹.

Причины и особенности перехода на латинский шрифт на Северном Кавказе раскрыл в своем докладе на конференции по национальной культуре в 1925 г. секретарь крайкома ВКП(б) А.И. Микоян. Сравнив ситуацию в подотчетном регионе с хорошо знакомым ему Азербайджаном, он пришел к выводу о том, что на Северном Кавказе осуществить данный переход было гораздо легче вследствие того, что влияние арабской культуры здесь сказывалось в значительно меньшей степени: *«У наших же горцев еще почти ничего нет: ни арабского, ни латинского. Здесь приходится начинать с пустого места. Здесь легче, чем в Азербайджане. Там все нужно перевести на латинский алфавит, или на первое время нужно знать обе графики, чтобы пользоваться плодами своей родной литературы»*. В то же время на Северном Кавказе существовали свои трудности, связанные с низким уровнем грамотности и сильным влиянием ислама: *«Но другое, что легко Азербайджану, то трудно у нас: они культурный народ, передовым работать легко, а у нас власть духовенства еще сильна»*².

В этих условиях переход в обучении на родной язык с использованием латинской графики имел политическое значение. А.И. Микоян утверждал: *«Когда в Чечне я говорил, что вместо арабского надо писать по-чеченски, то ни один мулла не возражал, хотя они почти все за арабский, против чеченского. Если бы я сказал, что арабский язык мы не хотим, а русский нужен, то он нашел бы что сказать»*³. Далее он отмечал и культурные аспекты латинизации: *«Переход на*

¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 257–258.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 64.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 62.

латинскую графику имеет большое значение – это разбивает стену между европейской и мусульманской культурой, создает сближение между Западом и Востоком». Хороший пример для Северного Кавказа, по его мнению, представляла Турция, пошедшая при Ататюрке по пути светских реформ: «У нас много мусульманских Советских республик, но существует первая не советская республика в центре мусульманского халифата, в Турции <...> Наши реакционные слои смотрели на Турцию, а сейчас чеченский шейх не знает на кого ориентироваться: турки шариат упразднили, стали на путь европейский»¹.

Секретарь Чечено-ингушского обкома ВКП(б) В.Г. Егоров также указывал на то, что переход к латинскому шрифту в 1920-х гг. был политически более выгоден для советского руководства, чем к кириллице: «Принятие русского шрифта в тот период могло быть использовано классовыми врагами в своих целях». Партийный руководитель отмечал: «В памяти народной еще свежи были тяжелые воспоминания о недавней колонизаторской политике царизма». Именно поэтому «был из двух шрифтов (латинский и русский) избран латинский шрифт. Этот шаг являлся необходимым и политически правильным в то время»².

Следует отметить, что еще в 1920 г. на состоявшемся в Пятигорске съезде горских деятелей просвещения горским народам было рекомендовано принять проект латинизированного алфавита. Но тогда это решение вызвало у значительной части делегатов реакцию протеста. В частности, представители Чечни высказались за сохранение арабской основы. В 1921 г. здесь был принят алфавит, составленный Т. Эльдахановым и А. Тучаевым на основе арабской графики. В 1922 г. был предложен новый проект реформированного алфавита на арабской графике Ш. Сугаипова³. Отдел народного образования Ингушского ревкома еще 11 июля 1920 г. учредил комиссию по разработке ингушской азбуки на латинской графике и начал работу по подготовке материалов для грамматики и словаря. В ходе совещаний с участием специалистов-филологов обсуждались различные проекты

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 65.

² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 270.

³ Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958. С. 38.

алфавита. В 1921 г. был одобрен проект комиссии, разработанный наркомом просвещения Горской АССР З.К. Мальсаговым, издан первый букварь под названием «*Neana mott*» («Родной язык»).

Ставились и задачи унификации алфавита для народов Северного Кавказа. В 1922 г. Наркомат просвещения Горской АССР создал комиссию по разработке общегорской графики. Эта комиссия вторично утвердила проект З.К. Мальсагова, после некоторых изменений положенный в основу общегорской графики. В 1923 г. I конференция по просвещению народов Северного Кавказа приняла согласованный проект латинских алфавитов для ингушей, осетин, кабардинцев и карачаевцев. В 1924 г. был создан кабардинский алфавит на латинской основе, позже унифицированный с другими латинизированными алфавитами народов СССР. Тем не менее продолжались и попытки создания новых алфавитов на арабской основе. Т.З. Табулов в том же 1924 г. разработал черкесский алфавит на арабской графике.

Часть местных руководителей и представителей национальной интеллигенции горячо поддержала переход на латиницу. Один из основателей Осетинского историко-филологического общества, а затем заведующий Северо-Осетинским областным отделом народного образования Г.А. Дзагуров указывал на неизбежность обращения к латинице всего человечества¹. Другие выступали против латинизации. Заместитель наркома просвещения Горской АССР, директор Горского института народного образования Б.А. Алборов считал: «Из всех алфавитов, легших в основу осетинского, в целях практических самый удобный – русский как алфавит культурного народа, на языке и письменности которого воспитываются осетины в силу исторически сложившихся обстоятельств»². Активно сопротивлялись латинизации и сторонники арабской графики.

Тем не менее в 1925 г. II конференция по просвещению горских народов Северного Кавказа закрепила латинизацию письменности ингушей, кабардинцев, карачаевцев, адыгейцев и чеченцев. Вскоре

¹ См.: Дзагуров Г.А. Новая осетинская графика. Владикавказ, 1923.

² Цит. по: Резник О. Ученый, не сломленный обстоятельствами. Жизнь и судьба первого советского профессора на Северном Кавказе. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/01-budem-pomnit-vsegda/uchenyj-ne-slomlennyj-obstoyatelstvami> (дата обращения: 24.10.2013).

между автономиями развернулось своеобразное соревнование по вопросу о том, кто быстрее осуществит латинизацию письменности. В том же 1925 г. Оргбюро ВКП(б) и Чеченский облисполком приняли решение о введении латинизированного алфавита. Его проект был составлен М.С. Сальмурзаевым и Х.Д. Ошаевым и утвержден на II съезде советов Чечни в 1926 г.¹ В 1927 г. на латиницу была переведена и адыгейская письменность.

На латинской графике были изданы сотни книг, включая учебники и словари, десятки журналов и газет. Это позволило поднять уровень грамотности и культуры горских народов. В материалах Чеченского областного отдела народного образования в конце осени 1927 г. отмечалось: *«К числу крупнейших достижений автономной области Чечни следует отнести латинизацию чеченской письменности <...>. Чечня стала на путь прогресса <...> Успех оказался исключительным <...> В текущем учебном году в школах I ступени родная грамота преподается только на основе латинской графики»*².

Однако в большинстве своем новые алфавиты оказались неудачными. Заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К.Я. Бауман писал, что *«некоторые новые алфавиты только называются латинизированными, как, например, абазинский и кабардинский алфавиты, а в действительности это мешанина латинских, русских и вновь созданных графических знаков, напоминающая по своей сложности и запутанности прежнюю арабскую письменность. В самом деле, латинский алфавит имеет всего 24 знака, между тем в кабардинском языке насчитывается 65, а в абазинском – 68 фонем (звуков). Для обозначения всей этой массы фонем сверх 24 латинских букв “латинизаторы” использовали ряд букв из русского алфавита, видоизменяли ряд латинских букв, придумали несколько новых букв, ввели множество надстрочных и подстрочных знаков – разных черточек, крючочков и хвостиков»*. В результате кабардинский алфавит насчитывал 55 букв: 46 одинарных и 9 двойных, а абазинский – 51 одинарную и 17 двойных: *«Долголетний опыт*

¹ Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии... С. 122.

² Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 г. – июнь 1941 г.). С. 91.

показал, что кабардинские и абазинские с трудом овладевают своими азбуками только на пятом году обучения, а бегло читать эту «латинизированную» письменность еще никто до сих пор не научился»¹.

В.Г. Егоров отмечал, что «в латинском шрифте не хватает 14 графических знаков для обозначения звуков чечено-ингушской речи. Ввиду этого пришлось устроить довольно жесткую процедуру над латинским алфавитом, добавляя в виде «птичек», двоеточий, петель и даже комбинации из двух букв латинского шрифта для обозначения одного звука чечено-ингушской речи». В результате «усложнилась система начертания знаков при резком искажении основной фигуры букв», что затрудняло для школьников усвоение букв и смысла читаемого. Кроме того, «до объединения чеченцев и ингушей каждая из этих народностей выработала самостоятельную систему графических знаков для обозначения недостающих звуков своих языков». Поэтому «по линии начертания этих графических знаков у чеченцев и ингушей получались различия, тормозящие развертывание работы по созданию единого литературного языка, в то время когда для этого имеются большие возможности в силу отсутствия в диалектах существенной разницы»².

В 1927 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА), а в национальных республиках и областях с арабской письменностью позднее возникли комитеты нового алфавита «в связи с назревшей необходимостью заменять архаическую запутанную арабскую письменность более доступной широким трудящимся массам латинизированной письменностью». Позже началась латинизация и у других народов, в том числе и тех, кто уже имел письменность на русской графической основе, а также создание алфавитов у бесписьменных народов. Всего к 1936 г. в СССР было создано 68 латинизированных алфавитов³.

В документах Северо-Осетинского областного отдела народного образования отмечалось: «Нужна серьезная подготовка, чтобы безболезненно и с наибольшими результатами добиться полной

¹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 193–194.

² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 270–271.

³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 191–192.

национализации осетинской школы»¹. Однако реализация принятых решений наталкивалась на значительные трудности, связанные, в первую очередь, с нехваткой учебной литературы и квалифицированных кадров учителей, особенно северокавказских национальностей, владевших родными языками. В докладе Чеченского областного отдела народного образования в отдел национальностей при Президиуме ВЦИК в 1925 г. указывалось: «Дело с выпуском учебников на чеченском языке обстоит очень плохо»².

В то же время на установленные квоты для поступления в вузы не хватало подготовленных выпускников северокавказских национальностей. 10 июля 1926 г. отдел агитации и пропаганды Адыгейского (Черкесского) обкома ВКП(б) сообщил Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) о том, что «предоставленные Адыгейской области в Горском Пединституте 10 мест не могут быть нами использованы, ввиду невозможности подобрать кандидатуры из националов, которые бы удовлетворяли всем правилам приема в указанный Институт. Взамен этих мест мы просим предоставить нам места в учебные заведения пониженного типа, куда мы можем подобрать вполне подходящие кандидатуры: в Донской рабфак 6 мест и 3 места в Донскую Совпартшколу»³. А в отчете о работе областного отдела народного образования Черкесской АО за 1929/1930 г. говорилось: «По линии народного просвещения коренизация проходит медленным темпом, т.к. эта работа упирается в отсутствие достаточно квалифицированных педагогических кадров из числа националов»⁴. К 1930 г. в семи автономиях из 3347 учителей всего лишь 2100 чел. относились к горским национальностям. Значительная часть учителей, работавших в национальных школах, не владела национальными языками, при этом отмечался «значительный отсев учительства из национальных школ»⁵.

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 829. Л. 1.

² Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 г. – июнь 1941 г.). С. 60.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 536. Л. 217.

⁴ Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

⁵ Рахимбаев А. Подготовка педкадров для национальной школы // Просвещение национальностей. 1931. № 4–5. С. 9.

Между тем на рубеже 1920–1930-х гг. были сделаны дальнейшие шаги по национализации школы. В автономиях Северного Кавказа постепенно переходили на родной язык обучения в школах первой ступени. В Северо-Осетинской АО в 1929/1930 учебном году начался переход на родной язык обучения учащихся четвертого года обучения в школе первой ступени, а в 1930/1931 учебном году – пятого года. В Чеченской АО преподавание во всех подготовительных классах велось на родном языке, русский язык изучался как предмет. Постановлением Чеченского обкома ВКП(б) было решено завершить коренизацию школ первой ступени в июле 1931 г.¹ Согласно программам национальных школ, в 1928–1931 гг. в них отводилось 82 ч на родной и 24 ч на русский язык².

Таким образом, окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике выдвигали в качестве первоочередной задачи восстановление разрушенного хозяйства, а на перспективу – переход к социализму. Но ставить перед страной вопросы социалистического строительства в условиях подавляющей неграмотности населения было слишком преждевременно. Политика коренизации и ее проявления в сфере образования были призваны не только повысить уровень просвещения и культуры населения Северного Кавказа, но и укрепить доверие и лояльность горцев к советской власти. Секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян так объяснил, почему и зачем нужна национальная культура и письменность: «Потому что не может быть никакой подлинной Советской власти, без того, чтобы власть на местах не говорила на том языке, на котором говорит народ [здесь и далее подчеркнуто в тексте доклада – Т.Х., Е.К.]. Пока у нас чуждый народу язык власти, она не может формироваться из низов народных масс, а будет предоставлена отдельным выскочкам, получившим образование, по большей части из зажиточных слоев...». При этом Микоян указывал на необходимость овладения русским языком представителям местных органов власти, утверждая, что «в Ингушетии, или в Чечне, в Осетии или в другой

¹ История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. II. С. 407.

² Узденова С.Б. Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкесии (1917–1991). Пятигорск, 1997. С. 35.

области такой человек, который по-русски не знает, не может быть у власти, ибо все делопроизводство на русском языке». Он также считал невозможным для широких масс овладеть русским языком в краткие сроки: «Мы никогда не сможем все народные массы в течение 15–20 лет сделать грамотными по-русски. Нужно несколько лет учиться. Годы пройдут, уничтожится ли родной язык, я не скажу»¹.

Но именно русский язык, по мнению А.И. Микояна, оставался необходимым способом приобщения «малых» народов к мировой культуре и мировой цивилизации: «Ставится вопрос, что может получиться из национальной культуры маленького народа. Возьмем для примера кабардинцев, или чеченцев, или любой из наших народов. У них большой литературы как у больших наций никогда не получится. Все духовные нужды народных масс и передовых слоев населения в этой литературе не будут отражены. Для этого требуется некоторый минимум читающего народа. Нельзя печатать большие ценные книги, когда нет читающих. Если даже будет читать вся Ингушетия и Балкария, то и то не хватит, чтобы создать большую самостоятельную литературу. Да и столько сил не хватит, чтобы во всех отраслях строить и творить. Это надо ясно сказать, поэтому роль русского языка, русской советской культуры очень высока». Подчеркивая значение русского языка, он утверждал: «Для передовых слоев наших народностей нельзя будет достигнуть серьезного культурного уровня без того, чтобы не знать русского языка <...> Никакой медицины на ингушском и прочих языках не создать». В то же время признавалось и значение родного языка «Но все-таки родной язык имеет большое местное значение. Он будет внутренним языком, языком внутреннего общения среди данного народа»². Последующие практики нациестроительства придали новые функции национальным языкам народов Северного Кавказа, которые партийные руководители первых советских десятилетий даже не могли предположить.

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 60–61.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 347. Л. 62.

5.2. От коренизации к унификации: национальное образование во второй половине 1930-х – 1980-х гг.

В середине 1930-х гг. в развитии системы национального образования на Северном Кавказе произошли значительные изменения, обусловленные общими переменами в стране и в школе. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. общеобразовательная школа была разделена на три основных типа: начальную, неполную среднюю и среднюю школу. С 1935/1936 г. начался переход на всеобщее обязательное семилетнее обучение. Существенно возросли расходы на образование в автономных областях, часть из которых в 1936 г. повысила свой статус до автономных республик. Например, в Чечено-Ингушетии расходы на образование выросли с 15 млн руб. в 1934 г. до 46 млн руб. в 1939 г., составив 43,7 % ее бюджета¹. Общая численность учащихся достигла 106,4 тыс. чел.² В Черкесской АО расходы на образование с 1937 по 1940 гг. выросли с 8 до 12 млн руб. Накануне Великой Отечественной войны в 99 школах автономной области обучалось свыше 20 тыс. детей, в том числе более 9 тыс. представителей коренных национальностей. В Карачаевской АО расходы на образование в 1940 г. составили 11,4 млн руб. В 110 школах автономии обучалось 30 тыс. детей³. Значительно вырос и уровень грамотности населения. В 1936 г. в Чечено-Ингушетии грамотными являлись 70 %, в Северной Осетии – 78 % жителей. В 1937 г. уровень грамотности в Адыгейской АО составил 97,3 %, в 1939 г. в Кабардино-Балкарской АССР – 84,1 % населения⁴. В Черкесской АО грамотность среди взрослых в 1937 г. достигла 83 %, в Карачаевской АО – 75 %⁵.

В продолжение политики коренизации образования органы власти северокавказских автономий планировали перевести на родной язык

¹ Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 г. – июнь 1941 г.). С. 197–198.

² История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. II. С. 409.

³ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Советский период. С. 177, 219.

⁴ Аристова Т.Ф. Развитие народного просвещения // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 295.

⁵ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Советский период. С. 177.

обучение в средней школе к 1940/1941 учебному году, но это решение оказалось не выполнено. К началу Великой Отечественной войны в большинстве национальных автономий удалось перевести на родной язык только учащихся 1–4-х классов, в Северо-Осетинской АССР – также учащихся 5-х и частично 6-х классов. В Северной Осетии перевод обучения на родной язык в 5–7-х классах национальной школы планировался в 1941/1942 гг., а в 8–10-х классах – с 1944/1945 учебного года¹.

В эти годы повысились формальные требования к педагогическому составу. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1936 г. «О порядке введения персональных званий для учителей и назначения учителей, заведующих и директоров школ» право преподавания в школе предоставлялось только лицам, которым было присвоено соответствующее звание учителя. В результате в Чечено-Ингушской АССР 90 % учителей не прошли аттестацию². В 1938 г. в Чечено-Ингушской АССР насчитывалось 3522 учителя, но только 207 из них или 5,7 % имели высшее образование³. В 1940 г. в Черкесии работало 800 учителей, из них свыше 300 представителей коренных национальностей, а в Карачаевской АО – 1060 учителей⁴, в том числе более 300 коренной национальности⁵.

Для подготовки национальных педагогических кадров высокой квалификации в июле 1932 г. Совет народных комиссаров РСФСР постановил открыть на базе Горского пединститута национальные педагогические институты: Северо-Осетинский – в Орджоникидзе, Чечено-Ингушский – в Грозном и Кабардино-Балкарский – в Нальчике. Горский пединститут был переименован во 2-й Северо-Кавказский педагогический институт с задачей подготовки преподавателей для техникумов и рабфаков с подчинением непосредственно Северо-Кавказскому отделу народного образования. Северо-Осетинский и Кабардино-Балкарский институты, как и планировалось, были созданы в 1932/1933 учебном году. В Грозном только в феврале 1938 г. был открыт двухгодичный учительский институт,

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 502. Л. 9.

² *Гайрабеков А.Я.* Становление и развитие системы... С. 178.

³ *Умаров М.У.* По пути к всеобщему образованию. Грозный, 1982. С. 43–44.

⁴ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Советский период. С. 220.

⁵ *Койчуев А.Д., Блимготов А.И.* Формирование интеллигенции Карачая... С. 37.

а 1 сентября – педагогический институт с четырехлетним сроком обучения¹. В том же 1938 г. учительский институт был открыт в Микоян-Шахере, через два преобразованный в педагогический институт². В 1939 г. учительский институт был открыт и в Черкесске.

В то же время негативную роль в развитии национального образования сыграли массовые политические репрессии. В 1937 г. был распущен ВЦКНА, а ряд его руководителей, как и многие другие представители национальной интеллигенции, подверглись репрессиям. Пострадали не только создатели национальной письменности, но и она сама в некоторых случаях попала под запрет. В частности, дигорский алфавит в том же 1937 г. был объявлен «контрреволюционным»³.

Со второй половины 1930-х г. начался перевод национальных языков на кириллическую основу. На Северном Кавказе с инициативой в данном вопросе выступило руководство Кабардино-Балкарии. 7 апреля 1936 г. Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) постановил: *«Перевести кабардинскую письменность с существующей латинизированной основы на русскую графическую основу, которая обеспечивает сближение и взаимное обогащение культур русского народа и народов Кабардино-Балкарии»*. В документе отмечалось: *«Латинизированный кабардинский алфавит, как недостаточно удовлетворяющий стремления трудящихся к знанию и культуре, становится малоавторитетным в массах»*⁴. Причиной этого признавалась многозначность и смешанность алфавита, содержавшего 55 букв, в том числе 46 одинарных и 9 двойных знаков. Из 46 одинарных знаков только 15 были собственно латинскими, 3 – русскими, 9 – латинизированными в ином значении, а 10 – специально созданными и не связанными с латинской основой. Графическая сложность многих букв, их сходство между собой чрезвычайно затрудняли чтение и печать⁵.

¹ Матагова Х.А. Становление и развитие Чечено-Ингушского педагогического/учительского института в ЧИАССР (1938–1941 гг.) // Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность С. 191–192.

² Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Советский период. С. 220.

³ Революция и национальности. 1937. № 5. С. 81–82.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 751. Л. 27.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 751. Л. 21.

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) поддержал обращение кабардино-балкарского руководства. На совещании в крайкоме с участием секретарей обкомов ВКП(б) вопрос о переводе кабардинского и балкарского алфавитов с латинской на русскую основу получил полное одобрение: *«Товарищи исходили при этом, во-первых, из тех соображений, что переход на русский алфавит чрезвычайно облегчит изучение азбуки и правописания детьми и неграмотными взрослыми, т.к. изучению будут подлежать почти в два раза меньше знаков, чем это имеет место в данное время, и дети будут избегать ошибок, допускаемых сейчас, когда спутываются, например, латинское «n» и русское «н», латинское «p» и русское «р» и т.д.; во-вторых, как это указывалось на совещании, буквы русского языка лучше удовлетворяют задаче изображения звуков, имеющихся в языках горских народов»*. Крайком наметил также переход на русскую основу *«алфавитов Черкесии и Карачая, т.к. у них общие учебники и письменность с Кабардино-Балкарией»* и признал целесообразность такого же перевода для Осетии и Чечено-Ингушетии¹. 19 мая Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло, а 23 мая Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление *«О работе по введению нового алфавита»*. Кабардино-балкарскому руководству поручалось в шестимесячный срок *«обеспечить завершение разработки орфографии и грамматики осетинского языка с привлечением к этой работе научных работников Академии наук СССР, после чего внести новый алфавит на утверждение Президиума Совета национальностей»*².

Вслед за этим на кириллическую основу перевели и алфавиты других северокавказских народов. Уже в 1936 г. учащиеся школ Черкесии занимались по новому алфавиту³. В 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило перевести на русскую графическую основу балкарскую, чеченскую и ингушскую, в 1938 г. – адыгейскую, абазинскую, карачаевскую, ногайскую и северо-осетинскую письменность. Но реализация принятых решений потребовала времени и средств, связанных с переподготовкой кадров, изданием литературы, приобретением нового типографского оборудования и шрифтов.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 751. Л. 28.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 978. Л. 10.

³ Очерк истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Советский период. С. 177.

В записке секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В.Г. Егорова в ЦК ВКП(б) о переводе чеченской и ингушской письменности с латинского алфавита на русский отмечалось: «Этот алфавит представляет большие возможности обозначения единой системы графических знаков для недостающих звуков языка чечено-ингушского народа. Русский шрифт имеет исключительное преимущество для развития национальной по форме и социалистической по содержанию чечено-ингушской культуры. Это в свою очередь еще больше будет содействовать сближению чечено-ингушского народа со всеми народами СССР. Кроме того, еще одно очень важное обстоятельство говорит в пользу введения русского шрифта – начиная со 2-го класса во всех начальных, неполных средних и средних школах по программе вводится преподавание русского языка как одного из основных предметов. Отсюда совершенно ясно, какое огромное практическое значение имело бы введение русского шрифта для чеченцев-ингушей, которым это обстоятельство в огромной мере облегчило бы усвоение русского языка. И наконец, необходимо констатировать, что принятие русского шрифта даст огромную экономию и возможность бесперебойного использования полиграфической промышленности»¹.

Бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) решило ввести новый алфавит в школах республики с 1 сентября 1938 г. Составлением чеченского алфавита занимались Х.Г. Гугиев, Х.Н. Дукузов и профессор Н.Ф. Яковлев из Института языка и письменности народов СССР, ингушского – И.А. Оздоев, С.И. Озиев и Н.Ф. Яковлев². После долгих дискуссий проект нового алфавита был представлен АН СССР и в последующем утвержден Наркоматом просвещения РСФСР. Новый чечено-ингушский алфавит был принят в 1939 г.³ Первый абазинский алфавит на русской графической основе составил сотрудник Горского НИИ профессор Г.П. Сердюченко (вероятно, при участии Т.З. Табулова). Он был утвержден в 1938 г. народным комиссариатом просвещения РСФСР. В то же время в Юго-Осетинской АО письменность была переведена на грузинский алфавит, что способствовало

¹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 271.

² Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920–1940). С. 143.

³ Алироев И.Ю. Чеченский язык. М., 2001. С. 23.

разделению осетинского этноса. Только в 1954 г. в Юго-Осетинской АО была введена письменность на основе русского алфавита.

В партийных документах отмечалось, что переход на кириллицу облегчал *«правописание интернациональных терминов и собственных имен (они будут совпадать с орфографией их в русском языке)»*, а также будет *«способствовать более успешному обучению русскому языку и повысит грамотность учащихся»*¹. В записке Центрального научно-исследовательского института языка и письменности народов СССР в отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) указывалось, что латинизированный алфавит *«сравнительно труднее, некоторые буквы пишутся в 3–4 приема, что делает письмо громоздким и малоудобным»*². Однако современный исследователь указывает, что переход на кириллицу проходил форсированными темпами, даже в более жесткие сроки, чем внедрение латиницы, с участием лингвистов, уцелевших в период политических репрессий. При этом *«качество алфавитов ухудшилось, по сравнению с латинским, и усилился разнобой, поскольку унификацией уже никто не занимался <...> Безусловно, введение кириллицы было чисто политическим мероприятием»*³.

Новая конституция СССР 1936 г. декларировала право граждан обучаться в школе на родном языке. Однако со второй половины 1930-х гг. сказывалась тенденция к унификации образования. Одним из ее проявлений стало принятие 13 марта 1938 г. постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР *«Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»*. В нем отмечалось, что *«преподавание русского языка в школах национальных республик и областей поставлено неудовлетворительно»*. Одной из причин этого указывалась *«подрывная работа контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов, пролезших в отдельные звенья партийного, советского аппарата и в органы народного образования, направленная к тому, чтобы сорвать проведение ленинско-сталинской национальной политики и подорвать братское единство народов СССР с русским народом»*.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 846. Л. 4.

² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 389.

³ Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 89–90.

Обязательное изучение русского языка вводилось в нерусских начальных школах со 2-го класса, в неполных средних и средних – с 3-го класса. Необходимость преподавания русского языка в школах национальных республик и областей объяснялось тремя основными мотивами: 1) в условиях многонационального советского государства «знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту»; 2) «овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний»; 3) «знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы»¹.

Действительно, многие выпускники национальных школ не владели или плохо владели русским языком, что в условиях назревания мировой войны имело негативные последствия для обороноспособности страны. В то же время П.Э. Блитстейн полагает: «Требование русского языка для нерусских детей свидетельствовало о том, что Советский Союз все больше уподоблялся унитарному нации-государству, требующему общей культуры своего населения»². Однако в самом постановлении речь не шла о превращении русского языка из языка преподавания в язык обучения в национальных школах. В конце документа подчеркивалось, что «родной язык является основой преподавания в школах национальных республик и областей»³. Предложения Наркомата просвещения о разработке общих учебников для всех нерусских школ и немедленном введении русского языка в нерусских школах наравне с родным языком были категорически отклонены⁴.

Великая Отечественная война прервала мероприятия по коренизации школы, отложенные на послевоенный период вследствие

¹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 391–392.

² Блитстейн П.Э. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 310.

³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 394.

⁴ Блитстейн П.Э. Национальное строительство или русификация?.. С. 315–316.

нехватки средств. К тому же во время войны стала особенно очевидна необходимость знания всеми гражданами страны русского языка. После освобождения Северного Кавказа от немецкой оккупации по обвинению в измене Родины в 1943–1944 гг. были выселены на восток страны карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши. Их автономии, а вместе с ними и национальные школы были упразднены. В ссылке репрессированные народы лишились возможности изучать родной язык в рамках общеобразовательной школы. Распоряжением СНК СССР 20 июня 1944 г. устанавливалось обучение детей спецпереселенцев на русском языке в школах по месту жительства.

В партийных документах о положении спецпереселенцев отмечалось: *«Подавляющая часть выселенцев, особенно чеченцев и ингушей, не знает языков местного населения, имеет низкую грамотность, вследствие чего для них недоступны печать, радио, кино, театры и многие политические мероприятия»*¹. По тем же причинам школу посещали далеко не все дети школьного возраста. В мае 1946 г. из 89 тыс. детей спецпереселенцев, которые должны были посещать начальную школу, учились всего 22 тыс. детей². В письме И.В. Сталину группы чеченцев, выселенных из Дагестана, 3 января 1951 г. говорилось: *«Как говорят факты, мы не имеем права на образование, так как детям, поступающим в киргизскую, казахскую, узбекскую школы, необходимо владеть их языками, превращать их в свои родные языки, не имея на это ни переводчика-словаря и ничто. Из-за неимения возможностей наша детвора отклонилась даже от учебы»*³.

На отсутствие возможности получать образование на родном языке жаловались высшим руководителям страны многие представители депортированных народов. Так, трое молодых чеченцев М. Байсаев (1932 г.р.), Х. Манаев (1929 г.р.) и А. Абдулаев (1931 г.р.) писали 3 марта 1952 г. И.В. Сталину из Семипалатинска: *«Мы хотим, чтобы наша молодежь, в частности, чечены, имели возможность учиться на своем родном языке, а также и на других национальных языках и добиваться*

¹ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 677.

² Эльбуздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный, 2012. С. 227.

³ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 687.

специальностей и повышать свой общеобразовательный, а также и политический уровень жизни вместе со всей молодежью нашей страны, мы хотим слушать артистов на родном языке. За годы нашей жизни мы не имели и не имеем возможность найти пластинку для патефона на родном языке – или они не выпускаются или выпускаются, да мы не можем найти»¹. Общий уровень грамотности у всех без исключения репрессированных народов за время депортации также снизился.

К моменту возвращения из ссылки в 1957 г. по удельному весу лиц с высшим и средним специальным образованием чеченцы находились на последнем месте в СССР с показателем в 19,1 чел. на 10 тыс. жителей при среднем показателе по стране в 326,3 чел. на 10 тыс. жителей².

В развитии образования в Кабардинской АССР, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской и Черкесской АО после Великой Отечественной войны также существовало немало трудностей. Сказывалась нехватка учебников и учителей, несмотря на создание в автономиях педагогических учебных заведений. В 1944 г. из 57 чел., окончивших в Нальчике педагогический и учительский институты, только 5 являлись кабардинцами, в 1945 г. из 177 чел. – 14 чел., в 1946 г. из 94–17 чел. Всего в 1946 г. в школах Кабардинской АССР работали учителями в школах 722 кабардинца, что составляло 30,2 % от общей численности преподавателей³. Еще во время войны существенно снизилось качество обучения. В 1944 г. в Кабардинской АССР на второй год остались 62 % учащихся⁴. В 1945 г. – 42,6 % учащихся, в 1946 г. – 30,8 %. Это объяснялось *«результатом слабой учебно-воспитательной работы школ и неудовлетворительной постановки преподавания русского языка в кабардинских школах»*⁵.

Секретарь Кабардинского обкома ВКП(б) Н.П. Мазин 2 октября 1945 г. докладывал: *«Кабардинская национальная школа из года в год*

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 903. Л. 65–66.

² Эльбиздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. С. 227.

³ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 511, 512.

⁴ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 323.

⁵ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 512, 513.

приходит к завершению учебного года с низкими показателями. За последние годы до 60 % учащихся 5-х классов кабардинской школы остается на второй год обучения». Причину этого «ненормального явления» он видел в том, что учебный план Наркомата просвещения РСФСР «построен без учета уровня общего культурного развития отдельных наций». Сравнивая ситуацию с Татарской АССР, где «культура мощней», он приходил к неутешительному выводу: «При нынешнем уровне культуры Кабардинского народа, состоянии литературы и отсталости в языковом развитии в ближайшие годы невозможно провести коренизацию преподавания в семилетних и средних кабардинских школах. Из этого следует, что школьное образование в нашей республике должно строиться с учетом необходимости грамотного обучения местной молодежи русскому языку». В подтверждение он приводил учебную сетку в кабардинской школе, подчеркивая, что она «не благоприятствует развитию кабардинской культуры и народного образования», поскольку «национальная школа имеет на русский язык на 947 часов меньше, чем русская школа» (см. таблицу).

Количество часов русского языка в русской и национальной школе

Классы	Количество часов русского языка		Разница
	В русской школе	В национальной школе	
Начальные (1–4)	1468	442	1026
Средние (5–7)	768	562	242
Старшие (8–10)	-	294	294
Итого:	2236	1298	974

Аналогичное положение, по словам Н.П. Мазина, сложилось и по другим важнейшим предметам. По арифметике, литературе, Конституции СССР, истории, географии, химии, физике, иностранным языкам национальная школа имела на 1723 часа меньше, чем русская. В результате при переходе в 5-й класс учащиеся не могли освоить весь объем материала. 5-й класс оставался «непреодолимым для большинства учащихся-кабардинцев препятствием». Для увеличения количества часов на русский язык в кабардинской школе

Н.П. Мазин предлагал перевести ее на пятилетний срок обучения, создав подготовительный класс для учащихся шестилетнего возраста¹. С аналогичными предложениями в ЦК ВКП(б) обращались и другие руководители Северного Кавказа: секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) К. Кулов и председатель Совета министров Северо-Осетинской АССР А. Газзаев², секретарь Грозненского обкома ВКП(б) П. Чеплаков (по поводу обучения русскому языку в ногайских школах)³.

Невысокий уровень знаний учащихся демонстрировали и по родному языку. В информационной сводке отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов 15 октября 1948 г. отмечалось, что в Северо-Осетинской АССР преподавание осетинского языка и литературы в школах *«поставлено неудовлетворительно»*. В первом полугодии 1947/1948 г. из 81 тыс. учащихся были не аттестованы около 2 тыс. чел., при этом более 19 тыс. чел. получили неудовлетворительные оценки именно по осетинскому языку. В документе говорилось, что *«органы народного образования не оказывают практической помощи преподавателям родного языка и литературы. Министерством просвещения и институтом усовершенствования учителей никакой методической литературы и наглядных пособий по родному языку и литературе до сих пор не издано. Учебные программы по осетинской литературе для семилетних и средних школ устарели. В педагогическом и учительском институте занятия ведутся на русском языке. Поэтому учителя, начиная работать в школе, сразу не могут вести занятия на осетинском языке и многие предметы преподают на русском языке. В некоторых классах нет учебников на осетинском языке. В пятых-седьмых классах на осетинском языке нет учебников по географии, русскому языку и алгебре, в седьмых классах – по Конституции СССР»*⁴.

¹ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 322–323.

² Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 328–329.

³ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 326–327.

⁴ Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 721.

В 1947/1948 г. были открыты подготовительные классы с целью улучшить условия для одновременного изучения родного и русского языков. В результате изучение родного языка началось на год, а русского – на два года раньше. В 1948/1949 учебном году в Северо-Осетинской АССР удалось в основном завершить коренизацию преподавания в 5–7-х классах. Однако трудности с качеством преподавания в национальной школе как осетинского, так и русского языка сохранялись, поскольку часть учителей плохо владела тем или другим. В отчетах Министерства просвещения Северо-Осетинской АССР отмечалось: *«Вследствие отсутствия строго разработанной научной терминологии на осетинском языке трудно выдерживать научность изложения. Речь учащихся, подчас и самих преподавателей, страдает неточностями выражений. Определения и формулировки пересыпаны русскими словами, терминами, иногда целыми оборотами»*¹. У учащихся-дигорцев существовали дополнительные трудности, связанные с их переходом в 5-м классе на иронский диалект как единый литературный язык.

Еще медленнее шла коренизация в других автономиях. В Кабардинской АССР вплоть до 1948 г. только в 1–4-х классах обучение велось на родном языке, а в 5–10-х классах – на русском. Перевод обучения в кабардинской школе на кабардинский язык осуществлялся согласно разработанному плану: в 5-х классах – частично в 1949/1950 г. и полностью в 1950/1951 г., в 6-х классах – в 1951/1952 г., в 7-х классах – в 1952/1953 г.²

Между тем в 1949 г. был принят закон о всеобщем обязательном семилетнем образовании в СССР, и требования к качеству обучения возросли. Трудности развития национальной школы, особенно в средних классах с предметным обучением, способствовали постепенному отказу от национального образования. 8 мая 1952 г. Совет Министров Северо-Осетинской АССР принял постановление «О мерах по упорядочению коренизации в осетинской школе». В нем отмечалось большое значение и успехи обучения на родном языке в начальной школе. В то же время в постановлении утверждалось, что

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 401. Л. 131.

² Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 571.

«коренизация 5–7 классов семилетней и средней осетинской школы находится в крайне неудовлетворительном состоянии». Качество знаний учащихся 5–7-х классов характеризовалось как «крайне низкое». В документе прямо говорилось, что «преподавание физики, химии, естествознания, математики и других предметов на осетинском языке служит большой помехой в деле успешного овладения русским языком». В результате выпускники осетинской семилетней и средней школы испытывали серьезные затруднения при поступлении в техникумы и высшие учебные заведения. Правительство республики обращалось с просьбой к ЦК ВКП(б) и Совету Министров СССР «разрешить, как исключение, ввести с 1 сентября 1952 года обучение в 5–7 классах осетинских школ на русском языке»¹. Просьба была удовлетворена, а в 1953/1954 учебном году на русский язык обучения с 5-го класса перешли все осетинские школы.

Эти решения опирались на действительные желания части населения. К этому времени стало очевидно неуклонное вытеснение родного языка из различных сфер жизни общества, что формировало отрицательное отношение у многих родителей к обучению на нем детей. В результате количество национальных школ быстро уменьшалось, что, в свою очередь, вело к сокращению учащихся, получавших образование на родном языке. В Северо-Осетинской АССР их количество уменьшилось с 66 в 1953 г. до 35 в 1955 г.² О непрестижности знания родного языка свидетельствовало и то, что на отделение осетинского языка в Северо-Осетинском педагогическом институте не удавалось набирать абитуриентов с хорошей подготовкой³. Низкий уровень подготовки учителей ухудшал качество преподавания родного языка в школе.

В результате период «оттепели» стал достаточно противоречивым в развитии национального образования. С одной стороны, восстановление автономий карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей сопровождалось возрождением в них национальных школ. На филологических факультетах педагогических институтов была восстановлена подготовка учителей карачаевского, балкарского,

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 502. Л. 9–10.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 560. Л. 12.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 668. Л. 17.

чеченского и ингушского языка и литературы. С другой стороны, все более усилилась тенденция к унификации в образовании. Одним из ее ярких проявлений стала научная сессия Отделения общественных наук АН СССР, состоявшейся в июне 1956 г., на которой языки народов автономий были признаны «бесперспективными».

16 марта 1956 г. Совет министров Северо-Осетинской АССР принял постановление, в котором отмечалось, что «осетинская начальная школа не справляется со стоящими перед ней задачами обучения и воспитания детей, не дает учащимся систематических и прочных знаний». Особенно неудовлетворительным признавалось «обучение детей русскому языку, что ставит их в тяжелое положение не только в начальной, но особенно в семилетней и средней школах»¹.

Через десять дней на научно-практической конференции работников школ Северо-Осетинской АССР возникла дискуссия о языке преподавания в осетинской школе. Часть участников конференции, ссылаясь на недостатки учебников русского языка, отсутствие методических пособий для осетинской школы, низкую квалификацию учителей начальных классов, прямо выступила за переход к обучению на русском языке. Учитель Хумалагской средней школы А.Х. Галазов, поставив вопрос о преподавании всех предметов на русском языке с 1-х классов, так эмоционально завершил свое выступление: *«Я сам осетин, очень люблю осетинский язык и осетинскую литературу, но я всегда думаю, что русский язык везде необходим, даже в самом далеком селении документация ведется на русском языке. Кроме того, учащиеся получают больше пользы от такого преподавания»*².

Однако руководство республики не было готово принять такое решение без согласования с центром. Министр просвещения Северо-Осетинской АССР А.Г. Тотров заявил, что *«пока еще рано ставить вопрос о переводе преподавания в подготовительном и первом классе на русский язык. Надо учитывать и такое положение, что 5–7 классы многих нерусских республик, а то и 5–10 занимаются на родном языке, что наша республика одна из первых по Советскому*

¹ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 668. Л. 61.

Союзу поставила вопрос о переводе преподавания, начиная с пятого класса, на русский язык». Он отметил, что даже при полном переходе на русский язык обучения, нельзя «прекратить изучение родного языка, значит надо какие-то предметы ущемлять и в счет их вести уроки осетинского языка»¹. Еще более резко отреагировала заведующая отделом Северо-Осетинского обкома КПСС М.Г. Кулумбекова: «Политика нашей партии не говорит о том, чтобы все народности нашей страны обучать только на русском языке. Наоборот, дается право каждой нации развивать свой язык, свою культуру». Она призвала участников конференции не спешить и следовать указаниям, исходящим из центра, работать так, «как подсказывает ЦК партии и Минпрос РСФСР»².

В 1958 г. в СССР была введена всеобщая восьмилетняя общеобразовательная школа. По новому закону о школе родителям предоставлялось право свободного выбора языка обучения для своих детей. Еще в течение нескольких лет родной язык оставался языком обучения с 1-го по 4-й класс, а в остальных классах преподавался как предмет. Но уже с 1960/1961 г. обучение детей с первого класса в Кабардино-Балкарской АССР было переведено на русский язык³.

В Северо-Осетинской АССР учебный план 1962/1963 учебного года уравнивал количество часов по осетинскому и русскому языкам и упразднил подготовительные классы в осетинских школах. В результате к 1963/1964 учебному году на русском языке обучались все учащиеся 5–11-х классов и 10 % учащихся начальных классов⁴. Однако практика преподавания в начальной школе на родном, а с 5-го класса на русском языках отрицательно сказывалась на качестве знаний учащихся. Особые трудности существовали в Дигорском районе, где «ребенок, не научившись еще мыслить на осетинском литературном языке и выполняя двойную работу, словарную и смысловую, в начальной школе по арифметике, природоведению и истории, вынужден в 5

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 668. Л. 14.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 668. Л. 16–17.

³ История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007. С. 439.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-786. Оп. 2. Д. 205. Л. 7.

классе вновь перейти на третий язык обучения». Поэтому руководство органов образования республики приходило к выводу «о необходимости и целесообразности обучения детей-осетин на русском языке с более раннего возраста»¹.

9 мая 1964 г. в Орджоникидзе состоялась научно-практическая конференция по вопросу перехода на русский язык обучения в осетинской начальной школе. Ставший к этому времени министром просвещения Северо-Осетинской АССР А.Х. Галазов заявил, что русский язык «добровольно избран осетинским народом языком деловых и производственных взаимоотношений, языком преподавания в средних специальных и высших учебных заведениях»². Предложенный конференцией учебный план восьмилетней осетинской школы с русским языком обучения сократил курс родного языка во 2–8-х классах до 3 часов в неделю, а начало изучения родного языка отнес на второе полугодие 1-го класса³.

Таким образом, к середине 1960-х гг. в большинстве национальных школ автономных республик и областей Северного Кавказа произошел переход на русский язык обучения. Преподавание родного языка и литературы в общеобразовательной школе сохранялось как отдельных предметов, но количество часов, отводимых на их изучение, сокращалось⁴. По словам Р.С. Бзарова: «Изучение осетинского языка превратилось в формальную дань статусу национальной школы и воспринималось как дополнительная нагрузка. Изучение “бесполезного”, по мнению учеников, учителей и родителей, предмета было поверхностным. Этому немало способствовал низкий уровень программ и учебников, составленных без учета языковой ситуации в республике, вне всякой связи с культурной и общественной жизнью народа»⁵. Авторы обобщающего труда по истории Северной Осетии XX в. не столь категоричны в оценках, считая, что русский язык в условиях растущей интеграции «играл все более значимую роль во всех сферах жизнедеятельности граждан

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-786. Оп. 2. Д. 205. Л. 10.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-786. Оп. 2. Д. 205. Л. 7–9.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-786. Оп. 2. Д. 205. Л. 30–33.

⁴ Эльбиздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. С. 253.

⁵ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы.

страны, независимо от их национальности». К тому же «реформа национальной школы обслуживала идею формирования единой интернациональной общности». Но и они признают, что «для национальных культур последствия реформы и сопутствующая ей трансформация национальной языковой традиции оказались неоправданно тяжелыми»¹.

Русский язык был объявлен вторым родным языком для каждого нерусского гражданина страны, однако уровень владения им в разных северокавказских автономиях отличался. Наиболее высоким он был в Северной Осетии и Адыгее, самым низким – в Чечено-Ингушетии. Доля чеченцев, у которых чеченский язык оставался родным, лишь незначительно сократилась с 99,38 % в 1959 г. до 98,79 % в 1989 г. По мнению Т.У. Эльбуздукаевой, «двуязычие не способствовало культурной ассимиляции», в отличие от других автономий. Исследовательница отмечает: «Уровень преподавания в школах русского языка в течение 1970–1989 гг. существенно понижался, и к 1990 г. знание и родного, и русского языка у чеченской и русской молодежи стало значительно хуже. К этому времени сложилась повсеместная ситуация, когда дети дошкольного возраста говорили исключительно на родном языке, и только в школе начинали учить русский язык, так как в семьях уже не говорили на двух языках»².

Во второй половине 1930-х – 1980-х гг. развитие национального образования на Северном Кавказе складывалось под воздействием двух взаимоисключающих тенденций: коренизации и унификации школы. С одной стороны, вплоть до начала 1950-х гг. продолжались мероприятия по переводу школ автономных республик и областей на родной язык. С другой стороны, с конца 1930-х гг. в национальной школе усиливалось внимание к русскому языку – сначала в качестве отдельного предмета, а затем и языка обучения. В конечном счете, вторая тенденция и стала определяющей, а родные языки сохранились только в качестве отдельных предметов, что вело к заметному снижению уровня владения ими в большинстве автономий Северного Кавказа.

¹ История Северной Осетии: XX век. С. 472.

² Эльбуздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. С. 253.

5.3. Современный этап в развитии национального образования на Северном Кавказе: правовое закрепление и практики реализации

В последние десятилетия развитие системы национального образования характеризовалось кардинальными переменами, существенно повысившими его роль в практиках нацистроительства на Северном Кавказе. Начало современному этапу в ее становлении положил острый политический и социально-экономический кризис рубежа 1980–1990-х гг., сопровождавшийся подъемом национальных движений. Новое российское руководство, декларируя свою приверженность демократическим ценностям, первоначально поддержало эти движения, рассчитывая опереться на них, в свою очередь, в конфликте с союзными властями, завершившемся распадом СССР. В этих условиях были приняты нормативно-правовые акты, юридически закреплявшие права народов страны, а на практике – представлявших их субъектов Российской Федерации – на использование родного языка в различных сферах, а также на получение образования на родном языке. В ситуации эйфории, с которой воспринималось в массовом и профессиональном сознании преодоление тоталитарного прошлого, они считались важными вехами на пути к демократизации всех сторон общественной жизни и ее освобождения от государственного контроля.

Первым из данных законодательных актов следует указать принятый 25 октября 1991 г. «Закон о языках народов РСФСР». Языковая ситуация в России в нем характеризовалась *«многообразием форм функционирования языков разных народов в различных сферах общения. На территории Российской Федерации с ее многонациональным населением традиционно сложившейся нормой языкового сосуществования является двуязычие и многоязычие»*. Закон вводил понятие языкового суверенитета, который определялся как *«совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения»*. Российское государство признало равными *«права всех языков народов РСФСР на их сохранение и развитие»*, гарантируя всем социальную, экономическую и юридическую защиту. Русский язык наделялся статусом государственного языка России как

«основное средство межнационального общения народов страны». За республиками в составе России было закреплено право самостоятельно определять правовое положение языков народов, проживающих на их территориях, в том числе, «устанавливать статус государственного языка». Закреплялись права граждан на свободный выбор языка воспитания и обучения, на государство возлагалось «создание системы воспитательно-образовательных учреждений, иных форм воспитания и обучения» на языках народов страны. Право выбора воспитательно-образовательного учреждения с тем или иным языком воспитания и обучения детей предоставлялось родителям или заменявшим их лицам. Вопрос о языке обучения в средних, средних специальных и высших учебных заведениях в законе не получил однозначного ответа, отмечалось лишь, что он «определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР»¹.

Закон Российской Федерации «Об образовании», принятый 10 июля 1992 г., фактически ликвидировал прежнюю монополию государства на проведение образовательной политики, предоставив право субъектам «в соответствии с их статусом и компетенцией <...> принимать в области образования законы и иные нормативные правовые акты, не противоречащие федеральным законам в области образования». В качестве принципов государственной политики в области образования указывались одновременно «единство федерального культурного и образовательного пространства» и шедшее его продолжением: «Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». В ст. 6 закона говорилось: «Граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования». Это право обеспечивалось «созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также условий для их функционирования». Определять язык обучения и воспитания в образовательном учреждении должен был его учредитель. Законодательно

¹ Закон РСФСР «О языках народов РСФСР». 25 октября 1991 г. № 1807-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/#p12 (дата обращения: 27.09.2014).

закреплялись права и возможности республик в языковой сфере: *«Вопросы изучения государственных языков республик в составе Российской Федерации регулируются законодательством этих республик»*. Компетенции субъектов Российской Федерации в области образования была посвящена ст. 29. В частности, за ними закреплялась *«разработка и реализация республиканских, региональных программ развития образования, в том числе международных, с учетом национальных и региональных социально-экономических, экологических, культурных, демографических и других особенностей»*¹.

Конституция Российской Федерации 1993 г. не содержала дополнительных юридических новелл по данным вопросам, закрепив основные положения ранее принятых законов. Ст. 26 гарантировала право на использование родного языка: *«Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»*. В ст. 68 государственным языком России на всей территории был признан русский язык, а республикам предоставлено право устанавливать свои государственные языки: *«В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации»*. При этом государство гарантировало всем народам *«право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»*². Необходимость исполнения указанных норм усиливалась в связи с принятием Россией ряда международно-правовых обязательств. В первую очередь – Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, принятой Советом Европы 5 ноября 1992 г. (Российская Федерация обязалась подписать ее при подаче заявки на вступление в Совет Европы 7 мая 1992 г., подписала 10 мая 2001 г., но до сих пор не ратифицировала)³.

¹ Закон Российской Федерации «Об образовании». 10 июля 1992 г. № 3266–1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48661/#p33 (дата обращения: 27.04.2014).

² Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М., 2009. С. 12, 27.

³ Аналитический обзор «К вопросу о ратификации Россией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств». Сентябрь 2010 // Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/3/4736> (дата обращения: 28.04.2014).

Закрепление права на использование родного языка в различных сферах, включая и образование, встречало широкую поддержку среди представителей северокавказских народов, особенно местной интеллигенции. В средствах массовой информации региона неоднократно высказывалась озабоченность состоянием северокавказских языков, сужением самого пространства их функционирования: «...многие взрослые (и не только взрослые) кабардинцы и балкарцы не владеют родным языком либо владеют плохо, и многие читать не могут, а писать тем более. Можно привести примеры, когда ни один из членов кабардинской семьи не понимает обыкновенного приветствия на родном языке. У меня есть родственник, у которого ни один из детей не знает ни слова на родном языке. Считаю, что это трагедия». Причины этих негативных явлений связывались с сознательным вытеснением из различных сфер родного языка: «Все делалось, чтобы каждый из нас забыл свой родной язык: в шесть часов утра радио будит нас на неродном языке, через полчаса включаем телевизор, слышим неродную речь к тебе заходит сосед, здоровается “Здрасьте!” и начинает говорить с тобой, с твоими детьми на неродном языке; во дворе и в автобусе, магазине, цехе, конторе – везде с тобой говорят на неродном языке»¹. Обращает внимание то, что русский язык скрывается здесь за эвфемизмом «неродной язык», призванным смягчить негативное отношение автора к ассимиляционным процессам. И, хотя в статье не назывались их конкретные виновники, очевидно, что ответственность за насильственную русификацию возлагалась на советское руководство.

С конца 1980-х гг. на Северном Кавказе постоянно звучали требования предоставления статуса государственного родным языкам, их обязательного изучения в школе: «Если мы хотим, чтобы наша молодежь знала родной язык, необходимо ввести закон о языках народов, имена которых носит автономная республика. Кабардинский и балкарский языки должны быть возведены в статус государственного, а русский нужно признать языком межнационального общения. Кабардинский и балкарский должны изучать <...> во всех без

¹ Дзуев Г. Приоритет развития языков коренного населения // Советская молодежь. 1989. 22 сентября.

исключения школах республики»¹. Отдельные авторы предлагали «главными выпускными экзаменами в национальных сельских школах установить национальные языки: для кабардинцев – кабардинский, а для балкарцев – балкарский»; «обязать абитуриентов-националов родной язык устно и письменно сдавать как главный профилирующий в любой вуз, и без совершенного знания родного языка никого ни в какой вуз и техникум на пушечный выстрел не подпускать»; «наименование всех продаваемых товаров во всех магазинах и других торговых точках, вплоть до рыночных прилавков, должно быть написано на кабардинском и балкарском языках, независимо от национальной принадлежности продавца, а за нарушение этого пункта необходимо брать налог с продажи в размере 5 % от стоимости всего объема продаваемого товара в пользу Министерства народного образования»².

Настроения общества хорошо улавливали и выражали в своих программных документах политические лидеры и активисты этнических общественных движений. Так, принятая в мае 1991 г. на I Всемирном конгрессе черкесов программа работы МЧА на 1992–1993 гг. включала разработку единого алфавита «для всего адыгского народа», подготовку к созданию в Нальчике, Черкесске, Майкопе, Сухуме и Лазаревском национальных средних школ, к изданию «учебников по истории черкесов» и программ для обучения в национальных школах³. Состоявшийся в Черкесске 24–26 июля 1996 г. III Конгресс МЧА обратился к руководству Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии с призывом «принять неотложные меры по решению проблем унификации черкесских (адыгских) алфавитов, развитию и сближению двух диалектов родного языка»⁴. На протяжении всей последующей деятельности МЧА неизменно уделяла значительное

¹ Дзугев Г. Приоритет развития языков коренного населения.

² Кучмазоков И. Язык мой – корень мой // Советская молодежь. 1991. 15 марта.

³ Программа работы МЧА на 1992–1993 годы, принятая на I Всемирном конгрессе черкесов // Архивы и общество. Нальчик, 2011. № 18. С. 54.

⁴ Постановление III Конгресса Международной Черкесской Ассоциации (МЧА), состоявшегося в г. Черкесске 24–26 июля 1996 года // Архивы и общество. Нальчик, 2011. № 18. С. 79.

внимание вопросам сохранения родного языка и особенно созданию единого черкесского литературного языка, что нашло соответствующее закрепление в ее программных документах и уставе¹.

С лозунгами о необходимости сохранения и изучения родных языков выступали многие руководители Северного Кавказа, а во время избирательных кампаний они стали «общими местами» их программ. Например, в предвыборной платформе кандидата в Президенты Кабардино-Балкарской Республики В.М. Кокова² в 1991–1992 гг. отмечалось: *«Особую заботу надо проявить о создании благоприятных условий для возрождения и развития традиций, культуры и языков коренных народов республики – кабардинского, балкарского, – а также для свободного развития культуры всех народов»*³. Выдвигая подобные этнически окрашенные, но умеренные требования, политики рассчитывали на поддержку, с одной стороны, широких слоев населения республик, с другой – центра.

Неудовлетворенность положением родного языка неизбежно порождала у части интеллигенции отторжение к русскому языку, переносившееся и на кириллицу как основу использовавшихся в республиках Северного Кавказа алфавитов. В данной связи получила распространение идея возвращения к латинскому шрифту: *«...не лучше ли вернуться к нашему дореволюционному алфавиту, составленному группой Цагова, Клишбиева на основе латинского шрифта, который давал наиболее естественно-нормальное звучание кабардинскому языку?»*⁴. Впрочем, наряду со сторонниками, эта идея находила и своих противников, особенно среди специалистов, указывавших на необходимость реформирования национальных алфавитов, но считавших: *«Трудно найти в мировом масштабе алфавит легче русского. Учим мы детей с 1-го класса писать и читать на двух языках почти по одному алфавиту. Знание русского алфавита незаменимо в обучении детей кабардинскому языку. Около 30*

¹ Устав Союза общественных объединений «Международная Черкесская Ассоциация» // Архивы и общество. Нальчик, 2011. № 18. С. 260.

² В 1992–2005 гг. – Президент Кабардино-Балкарской Республики.

³ Из предвыборной платформы кандидата в Президенты КБАССР В.М. Кокова 1991–1992 гг. // Архивы и общество. Нальчик, 2008. № 5. С. 129.

⁴ Кучмазоков И. Язык мой – корень мой.

букв одинаковы, и это во многом содействует быстрому усвоению кабардинского и русского алфавитов и языков»¹.

Очевидно, что главный мотив перехода к латинизации был связан не столько со стремлением устранить недостатки действовавших алфавитов, сколько повысить самостоятельность северокавказских народов в языковой сфере, вывести их из-под российского (расценивавшегося как имперского) культурного влияния. Острая критика советской национальной политики, а также широкое освещение в средствах массовой информации массовых политических репрессий в СССР позволяло считать одной из форм их проявлений насильственную русификацию, создавая необходимые идеологические предпосылки отказа от достижений предыдущих десятилетий. Своеобразной альтернативой советскому опыту, получившему негативную оценку, для северокавказских народов выступала Турция, как мусульманская страна, успешно пошедшая по пути модернизации и перешедшая на латиницу еще в 1928 г. Формированию ее позитивного имиджа способствовало расширение связей представителей северокавказских народов со своими диаспорами в Турции и других мусульманских странах.

Но единственной республикой Северного Кавказа, предпринявшей реальные меры для воссоздания алфавита на латинской основе, стала Чечня. После провозглашения независимости Чеченской Республики ее единственным государственным языком был объявлен чеченский язык, а в 1992 г. принято решение о возвращении к латинской графике. Хотя большинство чеченских филологов выступило против этого, парламент республики принял специальное постановление о введении латиницы с 1995 г. Был составлен график обучения представителей органов власти и интеллигенции, организованы курсы для учителей начальных классов, началась подготовка учебников. Наряду с латинским алфавитом 1992 г. стал употребляться и латинский алфавит 1925 г. Однако в большинстве сфер даже в годы существования Чеченской Республики Ичкерия по-прежнему пользовались ставшей уже привычной кириллицей.

¹ Таов Х. За облегченный алфавит // Советская молодежь. 1991. 1 марта. № 9.

С восстановлением контроля федеральных сил над Чечней использование латиницы в республике прекратилось¹.

Чтобы юридически запретить подобные переходы в дальнейшем, в 2002 г. в федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» было внесено дополнение, по которому *«алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами»*². Данное положение получило законодательное закрепление и в Чеченской Республике: *«Алфавит чеченского языка строится на графической основе кириллицы»*³. Но идея возвращения к латинице продолжает использоваться в политических целях. 6 июня 2010 г. независимое информационное агентство «Chechenews», призывающее чеченцев к активному сопротивлению против России, опубликовало интервью с турецким историком и лингвистом чеченского происхождения Т.Д. Кутлу, который утверждал, что «существующая кириллица – это худший вариант из всех возможных, зато самый приемлемый для России. Кириллица в силу своей ограниченности никак не способна отразить многообразие звуков, красок и сочность чеченского языка»⁴.

Призывы вернуться к латинице порой звучат и в других электронных изданиях этнокультурной направленности. В Нахской онлайн-газете «Эрда» 2 апреля 2011 г. был представлен «плагин чеченской

¹ История чеченской письменности. URL: <http://nohchalla.com/stihi/105/405-2012-01-30-13-33-04.html> (дата обращения: 13.02.2014); Чеченская письменность. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.02.2014) и др.

² Федеральный закон «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации”». 11 декабря 2002 г. № 165-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39953 (дата обращения: 27.04.2014).

³ Закон Чеченской Республики «О языках в Чеченской Республике». 25 апреля 2007 г. № 16-ПЗ. URL: <http://www.parlamentchr.ru/legislation/2007/317-16-rz-ot-25-04-07-goda-o-yazykakh-chechenskoj-respubliki> (дата обращения: 02.05.2014).

⁴ Тарамов М. Чеченский язык: возвращение к латинице. URL: <http://www.chechenews.com/developments/449-1.html> (дата обращения: 30.04.2014).

раскладки клавиатуры» с использованием латинского шрифта. Автор (Хусейн Салгири), отвергая возможные политические обвинения, аргументировал его целесообразность практическими соображениями: «...данная статья может показаться провокационной или националистической, но нет – это не так, латиница нам нужна не столько для отхода от кириллицы, сколько для сохранения нашего языка, ведь, согласитесь, писать, когда один звук отображается одним символом куда удобней, нежели когда один звук пишется двумя буквами. Нам нужно сохранить наш язык и нашу идентичность, мы не должны раствориться». Позже в комментариях он высказал мнение о том, что «лучшим вариантом для чеченцев является алфавит, основанный на арабской письменности, но учитывая, что лишь единицы сегодня умеют читать по-арабски, введение этого алфавита будет очень проблематичным, да и сам арабский алфавит не вбирает в себя то количество гласных, которые есть в чеченском языке... Для нас, конечно же, чужды и кириллица, и латиница, но из двух зол нужно выбирать меньшее»¹.

Его главным оппонентом стал один из ведущих чеченских филологов А.И. Халидов, утверждавший, что «достоинство любого алфавита в первую очередь в том, что он не создает проблем для пользователей и позволяет ограничиться клавиатурой, не переключаясь на символы и прочие вещи. В вашем “алфавите” 16 букв, для отражения которых нужно будет входить в символы и каждый раз брать их оттуда». Соглашаясь с тем, что существующий чеченский алфавит не лишен недостатков, он не видел смысла в переходе к латинице, «которая, во-первых, по начертанию букв более чем на 50 % совпадает с кириллицей <...>, во-вторых, латиница – система письма, тоже, как и кириллица, принадлежащая не мусульманам и не самым большим друзьям чеченцев, если для вас этот фактор важен, в-третьих, латиница еще более неудобна для нас, поскольку требует больше дополнительных знаков, чем кириллица, и в первую очередь неудобна необходимостью использовать надстрочные и подстрочные знаки, нестандартные символы, которые практически невозможно

¹ Латиница – будущее чеченского языка. URL: <http://ardini.info/153> (дата обращения: 17.02.2014).

разместить на клавиатурах современных компьютеров». Профессор Халидов попытался придать обсуждению вопроса научный характер, считая, что «не только переход на другой алфавит, но даже некоторые изменения в используемом могут иметь серьезные последствия для литературного чеченского языка, все еще находящегося в стадии формирования». Он предложил руководствоваться «не эмоциями и идеолого-политическими соображениями, а научными принципами и подходами». Но существенные разногласия собеседников, принадлежащих к разным поколениям и профессиональным сообществам и имевшим столь разные взгляды, не позволили продолжать дискуссию¹.

Языковая политика в большинстве других северокавказских республик в основном соответствовала нормам российского законодательства. В республиканских конституциях были закреплены право каждого на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Устанавливались государственные языки: в Кабардино-Балкарской Республике – кабардинский, балкарский и русский, в Карачаево-Черкесской Республике – абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский, в Республике Адыгея – русский и адыгейский, в Республике Ингушетия – ингушский и русский, в Республике Северная Осетия-Алания – осетинский и русский, в Чеченской Республике – чеченский и русский. Некоторые конституции подчеркивали необходимость особой защиты языков «титულных» народов. Так, в Конституции Республики Ингушетия говорится: *«Сохранение, защита и развитие ингушского языка является обязанностью государства»*. В Конституции Республики Северная Осетия-Алания отмечается: *«Осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) является основой национального самосознания осетинского народа. Сохранение и развитие осетинского языка является одной из важнейших задач органов государственной власти Республики Северная Осетия – Алания»*. В конституциях большинства республик подчеркивалось равноправие использования государственных языков в официальном делопроизводстве. Исключение представляет Конституция

¹ Латиница – будущее чеченского языка.

Карачаево-Черкесской Республики, четко определившая: «*Языком межнационального общения и официального делопроизводства в Карачаево-Черкесской Республике является русский язык*»¹.

В 1994–1996 гг. в Адыгее, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии были приняты законы о языках, направленные «на создание условий для равноправного и самобытного» их развития. В них регламентировалась компетенция республик в вопросах охраны, изучения и использования государственных языков в различных сферах, а также права граждан в языковой сфере. Несмотря на названия, главные задачи законов связывались с возрождением, сохранением и развитием языков «титовых» этносов, считавшихся символами государственности северокавказских республик и признававшихся «объектом особого внимания государства». Гражданам гарантировалось воспитание и обучение на государственных языках, создание системы воспитательно-образовательных учреждений и иных форм воспитания и обучения на государственных языках. Содержание статей, регламентировавших преподавание и изучение языков северокавказских республик, при совпадении в главных принципах,

¹ Конституция Республики Ингушетия. Принята всенародным голосованием 27 февраля 1994 г. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW471;n=11499> (дата обращения: 30.04.2014); Конституция Республики Северная Осетия-Алания. Принята Верховным Советом Республики Северная Осетия 12 ноября 1994 г. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW430;n=8501> (дата обращения: 30.04.2014); Конституция Республики Адыгея. Принята Законодательным Собранием (Хасэ) – Парламентом Республики Адыгея 10 марта 1995 г. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW977;n=36657> (дата обращения: 30.04.2014); Конституция Карачаево-Черкесской Республики. Принята Народным Собранием (Парламентом) Карачаево-Черкесской Республики 5 марта 1996 г. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW272;n=4200> (дата обращения: 30.04.2014);

Конституция Кабардино-Балкарской Республики. Принята Парламентом Кабардино-Балкарской Республики 1 сентября 1997 г. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW304;n=28731> (дата обращения: 30.04.2014); Конституция Чеченской Республики. Принята на референдуме 23 марта 2003 г. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW971;n=127409> (дата обращения: 30.04.2014).

имели некоторые отличия. Так, в Кабардино-Балкарии овладение детьми родным языком признавалось *«долгом родителей»*, а в Адыгее, Ингушетии и Карачаево-Черкесии – *«гражданским правом и долгом родителей»*. В законах республик Ингушетии и Кабардино-Балкарии говорилось об обеспечении обучения на государственных языках в общеобразовательных школах, начальных профессиональных, средних специальных и высших учебных заведениях. В Ингушетии также – в дошкольных учреждениях, а в Кабардино-Балкарии – об использовании государственных языков при защите диссертаций на соискание ученых степеней. Закреплялось содействие *«гражданам других национальностей, компактно проживающим в определенной местности»* в создании дошкольных и общеобразовательных учреждений, классов, групп, потоков и других форм обучения с воспитанием и обучением на родных языках, а также *«соотечественникам, проживающим за пределами республики, в организации обучения и воспитания на родном языке»*¹.

Существенное значение имело и принятие республиканских законов об образовании. В качестве важнейших принципов и направлений деятельности республик в сфере образования выделялись *«единство республиканского и федерального культурного и образовательного пространства»*, *«защита и развитие системой образования национальных культур и культурных традиций народов»*, *«возрождение и развитие национальных языков, культур, духовно-нравственных, этнических ценностей народов»*, проживающих на их территории. Все

¹ Закон Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея». 31 марта 1994 г. № 74–1 // Ведомости Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея. Майкоп, 1994. № 5. С. 16–20; Закон Кабардино-Балкарской Республики «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики». 16 января 1995 г. № 1-ПЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW304;n=31212> (дата обращения: 27.04.2013); Закон Карачаево-Черкесской Республики «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики». 14 июня 1996 г. № 104-XXII. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW272;n=1337> (дата обращения: 02.05.2014); Закон Республики Ингушетия «О государственных языках Республики Ингушетия». 25 июля 1996 г. № 12-ПЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW471;n=10271> (дата обращения: 02.05.2014).

законы содержали статьи о языке обучения, воспитании и изучении истории и культуры народов республик. Законы об образовании республик Ингушетии и Кабардино-Балкарии закрепляли обязательное обучение ингушскому, кабардинскому или балкарскому языкам для учащихся общеобразовательных школ, учреждений начального профессионального, среднего специального и высшего образования с обучением на русском языке. В Адыгее и Карачаево-Черкесии обязательное обучение государственным языкам республик вводилось в общеобразовательных школах только для их носителей. Закон об образовании Республики Северной Осетии-Алании устанавливал, что в дошкольных образовательных учреждениях и общеобразовательных школах *«изучается осетинский язык как один из государственных языков Республики Северная Осетия-Алания, а также история, культура, литература и фольклор осетинского народа»*¹.

Принятая нормативно-правовая база способствовала развитию системы национального образования на Северном Кавказе, переходу начальной школы на родные языки. В конце 1990-х гг. в начальных классах 123 школ Кабардино-Балкарии 19 тыс. учащихся обучалось на кабардинском, а 1356 учащихся – на балкарском языках². В Северной Осетии к 2003 г. на родном языке в 62 школах обучалось около 4 тыс. чел., или 17 % учащихся начальной школы осетинской

¹ Закон Кабардино-Балкарской Республики «Об образовании». 22 июля 1994 г. № 4-ПЗ URL: http://www.pravitelstvokbr.ru/k-br/kbr-maiN.Nsf/html/11_MINISTERSTVOOBRAZOVANIYAINAUKI (дата обращения: 07.02.2014); Закон Карачаево-Черкесской Республики «Об образовании». 6 января 1998 г. № 376-XXII. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/karachaevocherkessiya/zakon-karachaevocherkesskoj-respubliki-ot-6-yanvarya-1998-g-n-376-xxii-ob-obrazovanii> (дата обращения: 03.05.2014); Закон Республики Ингушетия «Об образовании». 12 августа 1998 г. № 10-ПЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW471;n=11002> (дата обращения: 03.05.2014); Закон Республики Адыгея «Об образовании». 6 января 2000 г. № 156. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW977;n=31537> (дата обращения: 02.05.2014); Закон Республики Северная Осетия-Алания «Об образовании». 23 августа 2000 г. № 17-ПЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802040889> (дата обращения: 03.05.2014).

² Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А. Кризис национальных языков в России // Языки народов России: перспективы развития. Элиста, 2000. С. 75.

национальности. Подавляющее большинство школ с обучением на родном языке располагалось в местах компактного проживания осетин в сельской местности, в столице республики имелась только одна такая школа. Обучение на родном языке осуществлялось во всех районах, за исключением Моздокского, в населении которого осетины составляли около 9 % (русские – 50 %). При этом в двух районах преимущественного проживания дигорцев – Ирафском и Дигорском – в 22 из 28 школ в обучении использовался дигорский диалект. В остальных 162 общеобразовательных школах и 202 дошкольных учреждениях в качестве языка обучения и воспитания использовался русский язык.

Однако переход на родной язык оказался не подготовлен: отсутствовали в достаточном количестве учебные и методические материалы, а низкое качество имевшихся не удовлетворяло учителей. Не была проведена переподготовка кадров, что привело к отказу части педагогов от выполнения своих обязанностей. Вновь возникла проблема перехода в средней школе на русский язык обучения. В органы образования пошел поток заявлений от недовольных родителей с просьбой разрешить обучать их детей на русском языке. Недостатки формирования системы национального образования вызвали активное общественное обсуждение. 17 февраля 2000 г. прокурор Республики Северная Осетия-Алания А.А. Бигулов направил в адрес министра общего и профессионального образования республики А.В. Черджиева представление об устранении нарушений законодательства об образовании в дошкольных и образовательных учреждениях. В документе отмечалось, что в нарушение действующего законодательства в республике уделялось второстепенное значение осетинскому языку, а значительная часть учащихся была лишена своих конституционных прав на его изучение, поскольку он не преподавался в ряде школ. Указывалось также на недопустимо низкий уровень подготовки педагогических кадров, призванных обеспечить обучение государственному языку республики¹.

¹ Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии...

В средних и старших классах общеобразовательной школы, а в ряде республик в дошкольных учреждениях, начальных профессиональных, средних специальных и высших учебных заведениях государственные языки изучались в качестве обязательных предметов. В Кабардино-Балкарии в 1998 г. 85 тыс. учащихся изучали кабардинский, а 15,2 тыс. учащихся – балкарский языки. Кабардинский и балкарский языки изучали также практически во всех детских садах¹. Из 79 дошкольных учреждений Карачаево-Черкесии на русском языке работали 42 с 1296 детьми, на карачаевском языке – 31 с 1782 детьми, на черкесском языке – 26 с 578 детьми, на абазинском языке – 13 с 173 детьми, на ногайском языке – 8 с 138 детьми, на осетинском языке – 1 с 40 детьми. В Адыгее почти в 70 школах адыгейский язык изучается как предмет или факультативная дисциплина². Если в 1993 г. в Майкопе адыгейский язык изучали всего 6 % школьников, то в 1999 г. из 22 652 учащихся городских школ адыгейский язык изучали 10 583 чел. или 47 %. Вместе с тем, русский язык продолжал оставаться языком основного общения между учащимися-адыгейцами в школе. Уровень владения адыгейским языком у учащихся был низким. По результатам опросов социологов, 32 % городских школьников не говорили на нем, а 25 % говорили с большим трудом³. Еще в 1992 г. был вынесен на всенародное обсуждение проект Концепции развития национальной школы в Северной Осетии. Он предусматривал возможность обучения уже с 2000 г. на осетинском языке в профессиональных, средних специальных и высших учебных заведениях республики. Однако этот проект так и не был реализован.

Укрепление позиций государства во всех сферах в связи с приходом к власти нового российского руководства в 2000-х гг. сопровождалось соответствующими изменениями в федеральном и республиканском законодательстве, регламентировавшем национальное образование. В частности, из него было исключено понятие языкового

¹ Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А. Кризис национальных языков в России. С. 75.

² Обучение адыгейскому языку. URL: <http://adygeya-republic.info/adyghe-language/obuchenie-jazyku> (дата обращения: 12.05.2014).

³ Пятакова Т.Л. О языковой компетенции // IV Конгресс этнологов и антропологов России. Нальчик, 28–31 августа 2001 г. Тезисы докладов. М., 2001. С. 190.

суверенитета¹. Закон о языках Республики Ингушетия получил новую формулировку: «*Обучение детей родному языку является правом родителей*»². Поскольку в системе профессионального образования и при защите диссертаций никакие другие языки народов Северного Кавказа, кроме русского, не использовались, из текстов законов о языках и образовании были исключены указанные положения. В Северной Осетии и Карачаево-Черкесии приняты новые законы об образовании³. В 2006–2007 гг. законы об образовании и языках были приняты также в Чеченской Республике⁴.

В результате только в Республике Северная Осетия-Алания к настоящему времени так и не принят закон о языках, хотя его первый проект был опубликован еще в марте 1992 г.⁵ В последующем проекты закона не раз обсуждались парламентскими и общественными комиссиями, но согласие не было достигнуто – во многом, вследствие споров о статусе дигорского языка. Часть интеллигенции настаивает на его признании самостоятельным государственным языком, наряду с иронским⁶. Так, 19 августа 1994 г. в газете «Дигорж» было опубли-

¹ В Федеральном Законе «О языках народов Российской Федерации» – в редакции от 24.07.1998 № 126-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148830> (дата обращения: 12.05.2014).

² В редакции от 8 августа 2002 г. № 42-ПЗ.

³ Закон Республики Северная Осетия-Алания «Об образовании». 31 июля 2006 г. № 42-ПЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW430;n=6117> (дата обращения: 28.04.2014); Закон Карачаево-Черкесской Республики «Об образовании в Карачаево-Черкесской Республике». 2 ноября 2009 г. № 50-ПЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW272;n=7397> (дата обращения: 28.04.2014).

⁴ Закон Чеченской Республики «Об образовании в Чеченской Республике» 14 декабря 2006 г. № 52-ПЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW971;n=3714> (дата обращения: 28.04.2014); Закон Чеченской Республики «О языках в Чеченской Республике». 25 апреля 2007 г.

⁵ Закон СО ССР «О языках народа СО ССР» // Северная Осетия. 1992, 20 марта. № 55.

⁶ Лолаев Т.П. Так диалекты или самостоятельные языки? URL: <http://osradio.ru/literatura/print:page,1,2430-tak-dialekty-ili-samostojatelnye-jazyki.html> (дата обращения: 02.05.2014) и др.

ковано обращение к властям республики Северо-Осетинского общественно-политического творческого объединения «Ираф», в котором отмечалось, что отказ признать дигорский язык государственным ведет к ущемлению дигорцев в своих языковых и национальных правах. Авторы требовали признать иронский, дигорский и русский языки государственными языками республики, оставляя за собой право в ином случае провести референдум среди дигорцев о статусе дигорского языка, созвать съезд дигорского народа, обратиться в ООН, к Президенту Российской Федерации и Государственной Думе. Но есть и сторонники другого подхода, которые полагают, что у осетинского народа существует только один литературный язык (иронский). Третьи считают неперемным условием развития национальной государственности «формирование общенационального (общенародного) аланского языка, нивелирующего особенности его диалектов и говоров»¹. В настоящее время складываются представления о том, что единое национальное самосознание осетин может сохраняться и в случае признания двух литературных вариантов осетинского языка, что позволяет надеяться на достижение компромисса в этом вопросе². В конце 2013 г. правительство республики внесло в парламент очередной законопроект «О государственных языках Республики Северная Осетия-Алания». Он содержит закреплённую в конституции республики формулировку о двух диалектах осетинского языка³.

Накопившиеся изменения в образовательной сфере привели к принятию нового федерального закона об образовании в конце 2012 г. Преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации в государственных и муниципальных

¹ *Дзанайты Х.Г.* Общенародный язык – основа развития государственности ир-ас-аланского народа <http://iratta.com/stati/15099-obschenarodnyy-yazyk-osnova-razvitiya-gosudarstvennosti-ir-as-alanskogo-naroda.html> (дата обращения: 02.05.2014).

² *Камболов Т.Т.* Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии...

³ Законопроект «О государственных языках Республики Северная Осетия-Алания». URL: <http://parliament-osetia.ru/index.php?id=bills&num=60> (дата обращения: 28.04.2014).

образовательных организациях в нем приобрело необязательный характер. В законе говорилось, что оно «*может вводиться в соответствии с законодательством республик Российской Федерации*», но при этом не должно «*осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации*». Родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся сохраняли право выбирать язык их образования «*до завершения получения ребенком основного общего образования с учетом мнения ребенка*»¹.

Это вызвало недовольство национальных и национально-культурных организаций Северного Кавказа, которые провели ряд акций протеста, а их лидеры утверждали, что закон приведет к уничтожению родных языков. По словам руководителя Федеральной национально-культурной автономии адыгов России А. Охтова: «Такого не должно быть, потому что мы говорим о государственных языках народов России. И черкесский, и карачаевский, и абазинский, и ногайский являются в Карачаево-Черкесии государственными языками. Если это государственные языки, то изучение их должно быть обязательным в школах. Даже в вузах, хотя бы факультативно, должно быть изучение национальных языков... Хотя в ежегодном обращении президента России к Федеральному собранию не говорится о том, чтобы были уничтожены все национальные языки и культуры. В нем говорится, что нужно уважать все народы. Но невозможно уважать народы без их культур и языков. Когда слушаем обещания, мы им верим»².

В большинстве республиканских законов об образовании используется прежняя формулировка о праве граждан на изучение родного языка «*в пределах возможностей, предоставляемых системой образования*»³,

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158523 (дата обращения: 03.05.2014).

² Капаева А. Неродные языки. URL: <http://kavpolit.com/nerodnye-yazyki> (дата обращения: 03.05.2014).

³ Закон Карачаево-Черкесской Республики «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики». 6 декабря 2013 г. № 72-РЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW272;n=13031> (дата обращения: 28.04.2014); Закон Чеченской Республики «Об образовании в Чеченской Республике» 14 декабря 2006 г.; Закон Республики Ингушетия «Об образовании в Республике Ингушетия».

нашедшая отражение и в федеральном законе. Исключение является новый закон «Об образовании в Республике Адыгея», в котором вообще нет статьи о праве граждан на выбор языка образования¹. В Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии в общеобразовательных школах с обучением на русском языке закреплено изучение государственных языков республик в качестве обязательных предметов для их носителей. В Адыгее также законодательно зафиксирована возможность создания в дошкольных образовательных организациях групп с обучением и воспитанием детей на адыгейском языке. По мнению законодателей, «введение данной нормы будет способствовать популяризации адыгейского языка, расширению сферы его использования»². В Чечне норма о том, что чеченский язык является обязательным предметом во всех образовательных учреждениях республики, содержится в законе о языке, а закон об образовании отсылает к нему³. В законе «Об образовании в Республике Ингушетии» также нет нормы об обязательном изучении ингушского языка. Закон отсылает по данному вопросу к другим документам, отмечая: *«Ингушский и русский языки как государственные языки Республики Ингушетия изучаются в равных объемах в рамках федеральных государственных образовательных стандартов соответствующего уровня общего образования»*⁴.

3 февраля 2014 г. № 5-ПЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW471;n=11972> (дата обращения: 02.05.2014); Закон Кабардино-Балкарской Республики «Об образовании». 24 апреля 2014 г. № 23-ПЗ <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW304;n=33476> (дата обращения: 02.05.2014); Закон Республики Северная Осетия – Алания «Об образовании в Республике Северная Осетия-Алания». 27 декабря 2013 г. № 61-ПЗ. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW430;n=8549> (дата обращения: 02.05.2014).

¹ Закон Республики Адыгея «Об образовании в Республике Адыгея». 27 декабря 2013 г. № 264. URL: http://gshra.ru/main/zak-deyat/pravovye-akty/pravovye-akty_650.html (дата обращения: 03.05.2014).

² Госовет Республики Адыгея. Информационно-аналитический бюллетень № 21. Майкоп, 2013. С. 18.

³ Закон Чеченской Республики «Об образовании в Чеченской Республике» 14 декабря 2006 г.; Закон Чеченской Республики «О языках в Чеченской Республике». 25 апреля 2007 г.

⁴ Закон Республики Ингушетия «Об образовании в Республике Ингушетия». 3 февраля 2014 г.

О тенденциях в институционализации и развитии национального образования свидетельствует появление специальных структур, призванных обеспечить решение задач в рассматриваемой сфере. В большинстве своем они представляют экспертные или консультативные советы, действующие на общественной основе. 6 сентября 1996 г. был создан Совет по адыгейскому языку при Президенте Республики Адыгея (с 2011 г. – при Главе Республики Адыгея)¹. В сентябре 1999 г. образована Комиссия по сохранению и развитию осетинского языка при Президенте Республики Северной Осетии-Алании (с 2005 г. – при Главе Республики Северная Осетия-Алания). 10 июля 2013 г. образован экспертно-консультативный совет по сохранению и развитию языков (кабардино-черкесского и карачаево-балкарского) коренных народов Кабардино-Балкарской Республики при Правительстве Кабардино-Балкарской Республики². В мае 2014 г. в Чеченской Республике создан Экспертный совет по дальнейшему развитию чеченского языка, оценке художественной литературы и иных печатных изданий на чеченском языке. Советы возглавляют руководители органов исполнительной власти: в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – заместители председателей правительств, в Адыгее – министр науки и образования. В Чечне руководителем совета стал сам глава республики³. В состав входят представители исполнительных и законодательных органов власти, средств массовой информации, специалисты в области национальных языков и литератур – научные работники, преподаватели вузов и школ, но эффективность их работы, как правило, не высока.

¹ Указ Президента Республики Адыгея «О Совете по адыгейскому языку при Президенте Республики Адыгея». 6 сентября 1996 г. № 154. URL: <http://rusouth.info/territory13/pack8p/paper-ffkux7.htm> (дата обращения: 11.05.2014).

² Распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики «Об образовании экспертно-консультативного совета по сохранению и развитию языков (кабардино-черкесского и карачаево-балкарского) коренных народов Кабардино-Балкарской Республики при Правительстве Кабардино-Балкарской Республики». 10 июля 2013 г. № 54-ПЗ. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/kabardin/503060/> (дата обращения: 05.05.2014).

³ В Чечне создан Экспертный совет по развитию чеченского языка. URL: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=26&PubID=51432> (дата обращения: 15.05.2014).

В 2003 г. был создан отдел национального образования в Министерстве образования и науки Республики Северная Осетия-Алания, ставший первым и единственным специальным подразделением, отвечающим за данные вопросы в структуре органов государственной власти. Он осуществляет работу по проведению в республике единой государственной политики в области развития и сохранения родного языка, исполнению нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов управления образованием и образовательных учреждений¹. Подобные подразделения пока отсутствуют в структуре соответствующих министерств других северокавказских республик.

Финансирование деятельности органов власти по сохранению и развитию родных языков, формированию систем национального образования, в основном, осуществляется в рамках республиканских целевых программ. В 1996 г. Совет Республики Парламента Кабардино-Балкарской Республики утвердил государственную программу развития языков народов Кабардино-Балкарской Республики, рассчитанную на 10 лет, на общую сумму в 20 036 тыс. руб.² По ее завершении в 2007 г. была принята республиканская целевая программа «Модернизация учебной книги на национальных языках на 2007–2011 годы» на общую сумму в 72 354,3 млн руб.³ Но еще до этого Правительство Кабардино-Балкарской Республики постановило выделить на реализацию закона «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» 25 млн руб. на 2003–2006 гг.⁴. В настоящее

¹ Отдел национального образования. URL: <http://edu15.ru/Default.aspx?tabid=451&language=ru-RU> (дата обращения: 15.05.2014).

² Постановление Совета Республики Парламента Кабардино-Балкарской Республики «О государственной программе развития языков народов Кабардино-Балкарской Республики». 31 января 1996 г. № 139-П-СР. URL: <http://docs.cntd.ru/document/907000461> (дата обращения: 05.05.2014).

³ Закон Кабардино-Балкарской Республики «О республиканской целевой программе “Модернизация учебной книги на национальных языках на 2007–2011 годы”» 21 ноября 2007 года № 83-ПЗ URL: <http://docs.cntd.ru/document/819025988> (дата обращения: 08.05.2014).

⁴ Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики «Об основных мерах по реализации закона КБР «О языках народов КБР» на 2003–2006 гг. 8 февраля 2003 г. № 35-ПП. URL: http://kabardinobalkaria.news-city.info/docs/sistemsq/dok_ieqhd/index.htm (дата обращения: 13.05.2014).

время в рамках республиканской целевой программы «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике на 2012–2016 годы», реализуется подпрограмма «Развитие этнокультурного образования»¹. В 2013 г. на разработку учебно-методических комплексов, мультимедийных пособий, аудио- и видеоматериалов, обучающих программ, толковых словарей по предметам национально-региональной направленности в республиканском бюджете предусматривалось выделение 2979,1 тыс. руб.²

Распоряжением Кабинета Министров Республики Адыгея 14 декабря 2010 г. была утверждена долгосрочная целевая программа «Сохранение и развитие языков народов Республики Адыгея на 2011–2015 годы». Общий объем финансирования программы на пять лет планировался в 5 529 тыс. руб., в том числе: 3,5 млн руб. из республиканского и 2 029 тыс. руб. – из местных бюджетов³. На развитие ингушского языка по республиканской целевой программе «Развитие системы образования Республики Ингушетия на 2013–2017 годы» полагается выделение 23 млн руб. – почти 19,3 % ее общей суммы в 119,3 млн руб.⁴ На реализацию республиканской целевой программы «Осетинский язык» на 2013–2015 гг. из бюджета Республики Северная Осетия-Алания предусмотрено выделение 154 360 тыс. руб.⁵

¹ О республиканской целевой программе «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике на 2012–2016 годы». URL: <http://docs.cntd.ru/document/907002360> (дата обращения: 05.05.2014).

² Доклад об основных итогах деятельности Министерство образования и науки КБР в 2013 году. Нальчик, 2014. С. 13.

³ Паспорт долгосрочной целевой программы Республики Адыгея «Сохранение и развитие языков народов Республики Адыгея на 2011–2015 годы». URL: <http://www.adygheya.minobr.ru/index.php?razd=4&podrazd=23> (дата обращения: 03.05.2014).

⁴ Постановление Правительства Республики Ингушетия «О республиканской целевой программе «Развитие системы образования Республики Ингушетия на 2013–2017 годы». 18 декабря 2012 г. № 280. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW471;n=11906> (дата обращения: 13.05.2014).

⁵ Информация отдела национального образования Министерства образования и науки Республики Северная Осетия-Алания // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии...

В Министерстве образования Чеченской Республики подготовлена программа развития родного языка, рассчитанная на 10 лет¹.

Тем не менее ситуация в сфере изучения родных языков остается достаточно противоречивой. Так, согласно специалистам Министерства образования Чеченской Республики: «Говорить о том, что в детсадах, школах или вузах республики родному языку уделяется мало внимания, неправильно. Правильнее будет сказать, что подрастающее поколение просто мало им интересуется». Отмечается и то, что жители Чечни «часто используют в разговорной речи русские слова из-за недостаточного знания родного языка»². Похожая ситуация складывается и в других республиках Северного Кавказа.

С целью улучшения ситуации в 2004 г. Министерство образования и науки Республики Северная Осетия-Алания приняло Концепцию осетинского национального образования. Ее авторами-разработчиками являлись профессора Северо-Осетинского государственного университета (далее – СОГУ) Р.С. Бзаров, Т.Т. Камболов (в настоящее время – первый проректор по научной работе и развитию СОГУ) и А.А. Левитская (в настоящее время – ректор Северо-Кавказского федерального университета). Концепция предусматривает создание на территории Северной и Южной Осетии образовательной системы полилингвального (многоязычного) и поликультурного характера. Предполагалось, что после прохождения тестирования концепция будет внедряться в образовательных учреждениях Республик Северной Осетии-Алании и Южной Осетии.

Согласно концепции, модель осетинской национальной школы строится по принципу «Осетия – Россия – мир» (от местного к общему) и призвана обеспечить приобщение учащихся к российской культуре, а через нее к общечеловеческой. Программа предусматривает перевод школ на два языка обучения (осетинский и русский) и три языка изучения (осетинский, русский и иностранный). Немаловажное место уделяется сохранению осетинского языка как

¹ *Ибрагимов М.* Развитием чеченского языка займется созданный в Чечне экспертный совет. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/241901> (дата обращения: 15.05.2014).

² В Чечне готовят программу по развитию родного языка. URL: <http://kavkasia.net/Russia/2014/1398980404.php> (дата обращения: 15.05.2014).

регионального. Научно-методическим центром по организации работы над программами, учебниками и учебными пособиями по всем предметам начальной школы является кафедра ЮНЕСКО полилингвального образования СОГУ. С июня 2005 г. проводятся курсы переподготовки педагогических кадров дошкольных образовательных учреждений и школ, привлекаемых к проведению занятий в экспериментальных классах. Авторы концепции выражают тревогу за сохранение национальной культуры и национального языка: *«Многовариантное сочетание в едином образовательном пространстве России интересов личности и этнокультурной группы с общественными и государственными интересами требует отказа от единообразия и унификации»*. Однако далее они утверждают: *«Диапазон содержательной вариативности поликультурного обучения задается самим присутствием региональной и этнокультурной частей в составе федерального государственного образовательного стандарта»*¹.

На самом деле, в концепции сделан главный упор не на этнокультурном и языковом многообразии страны, а на правах национально-территориальных сообществ, в качестве которых выступают субъекты Российской Федерации, в сфере языка и культуры. В результате личность, как и этническая общность, не обладающая «титულным» характером, оказываются лишены права волеизъявления на выбор языка образования, закрепленного в федеральном и республиканском законодательстве. В настоящее время концепция реализуется в Северной Осетии, Чечне и Татарстане. В частности, в экспериментальной апробации поликультурного образования в Чечне участвуют 2455 учащихся 96 начальных классов школ города Грозного и 10 районов республики².

¹ Концепция развития поликультурного образования в Российской Федерации. Проект. URL: <http://old.mon.gov.ru/work/vosp/dok/6988/> (дата обращения: 25.09.2013).

² Реализация поликультурной образовательной модели как основы формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательной школы в учреждениях образования Чеченской Республики. URL: <http://mon95.ru/deyatelnost/podmenu-25/84-2013-12-29-17-55-32-2/2322-493> (дата обращения: 38.05.2014).

В последнее время для популяризации языков и культуры народов северокавказских республик проводятся различные мероприятия – концерты, юбилейные вечера и вечера-памяти, посвященные деятелям литературы и искусства, фестивали, фольклорные праздники и праздники дружбы. Торжественно отмечаются дни национальных языков, письменности и литературы: адыгейского (черкесского) – 14 марта, чеченского – 25 апреля, осетинского – 15 мая, ингушского – 10 сентября. В Северной Осетии в рамках празднования Дня осетинского языка и литературы в 2013–2014 гг. проводятся глобальные диктанты по осетинскому языку. Его организаторами выступили республиканское министерство образования и науки совместно с СОГУ и министерством по вопросам национальных отношений. При этом если в 2013 г. текст читал народный артист Республики Северная Осетия-Алания Т.С. Мамсуров, то в 2014 г. – глава правительства С.К. Такоев. В Кабардино-Балкарии проходит республиканский фестиваль «Родной язык – душа моя, мой мир». Его цель заключена в популяризации родного языка и литературы, приобщении подрастающего поколения к материальной и духовной культуре народов республики.

Современный этап развития системы национального образования на Северном Кавказе, начавшийся в 1990-е гг., сопровождается значительным подъемом интереса к родному языку и национальной культуре. Право на получение образования на родном языке закреплено в федеральном и республиканском законодательстве, а его реализация обеспечивается созданием широкой сети образовательных учреждений и других институций. Однако в последние годы количество желающих получать образование на родном языке вновь снизилось, вызывая опасения за судьбу родного языка и культуры у представителей национальной интеллигенции. Следствием этого стали различные образовательные инициативы, включая и проекты введения обязательного обучения на родном языке. Вряд ли они получают поддержку большинства населения, лишаящегося тем самым права на выбор языка обучения. Более перспективными представляются мероприятия в информационной и культурно-познавательной сфере, призванные обеспечить устойчивый интерес к культуре, истории и языку у жителей северокавказских республик различных национальностей.

* * *

Становление и развитие национального образования на Северном Кавказе было тесно связано с практиками нациестроительства в данном регионе. Создание национальной школы после революции 1917 г. во многом обуславливалось становлением национальной государственности у народов Северного Кавказа. Если до революции инициатива в изучении родного языка исходила от национальной интеллигенции, то в советское время за его использование в образовательной и государственной сфере активно выступали руководители партии и страны, видевшие в этих мерах способы обеспечения лояльности населения национальных окраин. Политика коренизации школы сопровождалась унификацией графической основы – переводом родных языков первоначально на латиницу, а затем кириллицу. Введение массового обучения на родном языке, выделение для этого значительных средств, другие мероприятия в сфере просвещения и культуры способствовали быстрому повышению уровня образования у народов Северного Кавказа.

Но к середине 1960-х гг. национальная школа в северокавказских автономиях была переведена на русский язык, а родной язык остался в ней только в качестве предмета преподавания, что вело к ухудшению условий для его развития. Тенденции к унификации были в значительной степени вызваны объективными процессами, желанием части северокавказского социума получать образование на том языке, который давал больше возможностей для социального роста. В то же время многие мероприятия советского руководства свидетельствовали о его стремлении сохранить национальные языки. В первую очередь, к ним следует отнести издание книг, газет и журналов, выделение времени на радио- и телевидение на национальных языках, поддержку развития национальной литературы и театра в северокавказских автономиях. Однако повышение статуса русского языка в советском обществе способствовало тому, что владение им становилось более привлекательным для значительной части населения Северного Кавказа, приводя к сознательному отказу от изучения родного языка. В этой ситуации руководители автономий не только не препятствовали переводу образования на русский язык, но

и сами нередко выступали с данными инициативами. В большинстве автономных республик и областей на родных языках продолжали говорить преимущественно в сельской местности. Впрочем, при переезде в город выходцы из села также в большинстве случаев переходили на русский язык.

Оживление интереса к родному языку в 1990-е гг. в значительной степени было вызвано неудовлетворенностью части общества, особенно значительно выросшей к этому времени и осознавшей свою роль национальной интеллигенции, состоянием дел в языковой и образовательной сфере. Действительно, области активного применения национальных языков народов Северного Кавказа неуклонно сокращались, как и количество владеющих им носителей, вызывая обоснованные опасения утраты родного языка вообще. Очевидно и стремление сформировавшейся в северокавказских республиках национальной элиты использовать подобные настроения в своих интересах. В результате национальное образование вновь превращается в важнейший фактор нациестроительства.

ГЛАВА VI. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА. МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ К «МАЛОЙ РОДИНЕ» И КОНСТРУИРОВАНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Первичные представления человека о мире и своем месте в нем во многом складываются в процессе его воспитания и обучения. Особое место в этом процессе занимает школьный курс истории. По словам известного французского историка М. Ферро, «образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории»¹. Закономерно, что школьный курс истории всегда вызывает к себе повышенный интерес – он отражает заботу общества о своем будущем.

Содержание школьного исторического образования в России давно является предметом острых споров, нередко приобретающих политизированный характер. Они выплескиваются далеко за рамки узкопрофессиональных изданий, находя свое отражение в различных средствах массовой информации, ориентированных на самую широкую и разнообразную аудиторию. В последние годы содержанием и качеством школьных учебников истории серьезно озаботились и первые лица страны. В начале 2013 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил правительству разработать концепцию единого учебника по истории России. Подготовку концепции нового учебно-методического комплекса публично комментировал Председатель Государственной Думы Российской Федерации С.Е. Нарышкин, являющийся также председателем Российского исторического общества². Ни один другой школьный предмет не привлекает столь пристального общественного внимания. Трудно

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 8.

² Нарышкин: при подготовке учебника истории удалось достичь согласия. URL: <http://ria.ru/society/20131030/973635567.html> (дата обращения: 23.09.2014).

представить себе, чтобы подобный резонанс вызывало, например, содержание школьных учебников по алгебре или физике. Ажиотаж вокруг, казалось бы, специальных вопросов о том, как лучше обучать детей истории, обусловлен тем, что историческое образование играет особенно значимую роль в формировании мировоззрения подрастающего поколения. Именно школьный курс истории способствует выработке как положительных, так и отрицательных образов «себя» и «других», картины мира человека, формированию его национальной идентичности и взаимоотношений с представителями других народов.

В свою очередь, школьное образование испытывает воздействие в прямой или опосредованной форме со стороны политической и идеологической конъюнктуры, подходов, сложившихся в профессиональной историографии и господствующих в массовом сознании стереотипов. Повышение государственно-правового статуса субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе, сопровождающееся процессами этнизации власти, также не могло не отразиться на учебном процессе, порождая стремление тех или иных политических сил закрепить свою версию прошлого в системе школьного образования.

6.1. От исторического краеведения к национально-региональному компоненту

Эффективное соотношение общего, универсального и частного, локального материала в рамках школьного курса истории всегда представляло собой сложную задачу. Опыт становления советского и современного российского образования показывает, что соединить в рамках одной дисциплины обобщающие сведения по истории и культуре России, а то и всемирной истории с информацией о том или ином конкретном месте, отдельном регионе и населенном пункте, оказывалось крайне непросто. Сложности обусловлены и ограниченным объемом учебного времени, и сочетанием общеобязательных программных требований с разнообразием объектов

изучения, и отсутствием необходимых учебных и учебно-методических материалов. Решение указанных задач обычно зависит от методологических и методических позиций авторов, а также целей и задач, возлагаемых на определенный школьный курс.

Пришедшие к власти большевики рассматривали школу как один из важнейших инструментов государственной политики, призванный способствовать формированию нового человека с присущим ему революционным мировоззрением и материалистическим пониманием законов общественного развития. С ликвидацией старой школы упразднили и дореволюционную систему исторического и гуманитарного образования. Вместо прежнего систематического курса истории ее фрагментарное изучение осуществлялось в рамках нового учебного предмета – обществоведения – в сочетании с основами других социальных дисциплин – политической экономии, социологии и права. Но первые советские учебные программы и пособия отличались абстрактно-социологическим схематизмом, мало опирались на конкретный исторический материал, не учитывали возрастных особенностей учащихся.

В 1923–1925 гг. общеобразовательные школы получили новые комплексные программы, подготовленные научно-педагогической секцией Государственного ученого совета при Народном комиссариате просвещения РСФСР (ГУС). С целью максимально сблизить содержание обучения с жизнью они исключали предметное преподавание. Учебный материал изучался по трем блокам: 1) природа и человек; 2) труд; 3) общество. В их состав включались и отрывочные исторические сведения. Система обучения предусматривала отказ от уроков, замену классов ученическими бригадами. При школах создавались лаборатории и мастерские, призванные способствовать практической отработке материала, полученного в процессе наблюдения и изучения окружающей жизни.

Учебные планы школ в эти годы требовалось составлять с краеведческим уклоном. Следует отметить, что 1920-е гг. вообще стали периодом «золотого десятилетия» в развитии краеведения, переживавшего значительный подъем. В краеведческой работе активно участвовали многие деятели науки и культуры, а общее руководство ею осуществляла Академия наук СССР (ее неперемный секретарь

С.Ф. Ольденбург являлся председателем Центрального бюро краеведения). В столице и провинции в массовом порядке создавались краеведческие общества, изучавшие историю, культуру и природу родной местности, бравшие на учет и охрану памятники истории и культуры. Помимо исследовательских, краеведение выполняло широкий круг просветительских задач.

Важность использования краеведения в учебно-воспитательном процессе в национальной школе осознавали многие руководители органов образования автономий Северного Кавказа. Так, на совещании методического бюро Северо-Осетинского отдела народного образования 10 июня 1925 г. был заслушан доклад заведующего Г.А. Дзагурова о месте и значении осетинского языка в осетинской школе. Докладчик выдвинул четыре положения. Первое из них касалось места и значения краеведения в системе образования в соответствии с новыми требованиями: *«Краеведение есть основа новых программ и всей работы новой трудовой школы. Без знания и хорошего знакомства с родным краем, родным языком, бытовыми, политическими и всякими другими условиями жизни осетинского народа невозможна нормальная постановка школьного обучения и воспитания в нашей школе, а таких знатоков осетинского языка и народа у нас мало и эти наибольшие силы необходимо привлечь в школу»*. Остальные положения были посвящены роли родного языка и его знатоков в национализации осетинской школы. Г.А. Дзагуров отмечал, что *«в силу национальной политикой советской власти нам необходимо провести быстрым темпом национализацию нашей школы, а это можно сделать только при помощи знатоков родного языка; до сих пор же этот вопрос нами еще не разрешен, почему ЦК НКП указано нам на это как на крупный дефект в нашей общей культурной и политико-просветительной работе»*. Он полагал, что *«для усиления нашей родной литературы и письменности нам необходимо поставить родной язык на должной высоте, во всей работе, во всех областях общественной жизни и прежде всего в нашей школе, что опять-таки возможно лишь при помощи людей, хорошо знакомых с осетинским языком»*. Г.А. Дзагуров также подчеркивал, что именно учителя родного языка должны принять активное участие в сборе краеведческого материала: *«...окончательное завершение собрания*

памятников народного творчества и всего богатого материала по краеведению возможно главным образом при помощи народных учителей, хорошо знакомых с родным осетинским языком и народом»¹.

Тесная взаимосвязь между краеведением и образованием отмечалась и в ряде других документов: *«Программы современной осетинской школы <...> строятся на краеведческой основе, вот почему каждому учителю осетинской школы необходимо быть краеведом»².* В реализацию данных положений в некоторых школах автономии с 1928 г. стали преподавать географию и природоведение на родном языке.

Однако работа по программам ГУС выявила существенные недостатки, главный из которых заключался в том, что комплексное изучение не давало учащимся систематические и глубокие научные знания. Поэтому на 1927/1928 учебный год Наркомат просвещения РСФСР утвердил для всех школ второй ступени единые обязательные учебные планы, отказавшись от краеведческого уклона в программах. В 1929 г. были опубликованы программы единой трудовой школы первой ступени для городских и сельских школ. Хотя новые программы и не являлись предметными, они все же отходили от комплексности, закрепляя обязательный минимум знаний и навыков по учебным дисциплинам. Но еще в течение нескольких лет продолжались эксперименты в советской общеобразовательной школе, направленные на активизацию учебно-познавательной деятельности учащихся. В частности, широкое распространение получили методы проектов и обучения по Дальтон-плану, экскурсии и другие внеклассные занятия для изучения окружающей природы, хозяйственных и общественных отношений.

Только по постановлению ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» было восстановлено предметное преподавание. В постановлении ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. признавалось необходимым *«в учебные программы по обществоведению, литературе, языкам, географии и истории ввести важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, их литературы, искусства, исторического развития, а также и элементы краеведения*

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 192.

СССР (*природные особенности, промышленность, сельское хозяйство, социально-экономическое развитие и т.д.*)»¹. Систематический курс истории в общеобразовательной школе восстановило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. На основе содержащихся в нем указаний были составлены новые программы по истории, изданы соответствующие школьные учебники.

Существенное значение для развития научного краеведения на Северном Кавказе имело создание здесь первых научно-исследовательских учреждений. Они включали в свой состав пока еще немногочисленных представителей национальной интеллигенции и в большинстве своем так и назывались научно-исследовательскими институтами краеведения. Первым стал уже упоминавшийся Северо-Кавказский горский институт краеведения, созданный во Владикавказе как столице Горской АССР в 1920 г. Его директором был утвержден геолог С.А. Гагуев, которого в 1923 г. сменил филолог Н.В. Виддинов². Институт организовал ряд археологических и этнографических экспедиций в отдаленные районы Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и Кабарды, геологические, орнитологические, климатологические и лингвистические исследования³. Собранные краеведческие материалы передавались в образованный при нем Горский музей. В конце 1922 г. на Северном Кавказе была создана ассоциация кавказоведов, а в 1924 г. состоялся учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации. В 1926 г. возникло Северо-Кавказское бюро краеведения.

После распада Горской АССР Северо-Кавказский институт краеведения во Владикавказе был закрыт, а координирующий центр краеведческой науки в регионе переместился в Ростов-на-Дону как

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 162.

² Калининченко С. История научных организаций Северного Кавказа. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N6_2006/6_14.NTM (дата обращения: 25.09.2014).

³ Шедужен Э.А. Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. Вып. 1. С. 76.

административный центр Северо-Кавказского края. В 1927 г. здесь был создан Северо-Кавказский краевой горский институт краеведения с целью изучения естественно-экономического положения, этнографии, истории, языка, литературы и национальных культур народов региона. Он занимался подготовкой научных работников, организацией краеведческого дела на местах и решал ряд других научно-исследовательских задач. Возглавил институт У.Д. Алиев. В 1934 г. институт был переименован в Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт, на следующий год переведен в Пятигорск, ставший новым краевым центром, а в 1937 г. упразднен.

В национальных автономиях, образовавшихся вследствие распада Горской АССР, появились собственные научно-исследовательские учреждения. Как отмечал У.Д. Алиев, «разграничение работ местных горских исследовательских институтов мыслится в порядке изучения общегорских проблем Краевым институтом, локальных проблем – местными национальными институтами; сфера деятельности Краевого института может сужаться и расширяться в зависимости от местных исследовательских сил»¹.

1 марта 1925 г. на основе Осетинского историко-филологического общества был создан Осетинский научно-исследовательский институт краеведения с целью изучения Осетии «в трех разрезах: а) естественно-историческом, б) экономическом, в) культурно-историческом»². В начале января 1926 г. был образован Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт «в целях привлечения научных сил в Кабарду и Балкарию для научного изучения и исследования естественных богатств и производительных сил области – экономики, истории, археологии и этнологии, в целях содействия и подготовки научных работников по краеведению, а также для распространения научно проверенных сведений о Кабарде и Балкарии среди широких масс населения»³.

¹ Лозулов А. Горское краеведение и Северокавказский горский институт краеведения // Революция и горец. 1928. № 1. С. 49.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 53.

³ Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. URL: <http://kbnrcran.ru/gum.issled.htm> (дата обращения: 22.09.2014).

В декабре 1926 г. возник Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. В марте 1930 г. научное общество Чеченской АО реорганизовалось в научно-исследовательский институт краеведения имени Десятилетия Советской власти в Чечне¹. В 1934 г. он соединился с Ингушским научно-исследовательским институтом в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и искусства. Решение о создании Адыгейского научно-исследовательского института краеведения было принято при активном содействии Общества по изучению Адыгейской автономной области в 1927 г., но сам институт появился только через два года, в 1929 г.²

10 мая 1931 г. ВЦИК РСФСР обязал Северо-Кавказский крайисполком совместно с Наркоматом просвещения РСФСР «обеспечить нормальную работу научно-исследовательских институтов во всех нацобластях». Это решение легло в основу создания научных учреждений в Карачае и Черкесии. Посетивший Черкесскую АО специалист Наркомата просвещения РСФСР Юманкулов в августе 1931 г. докладывал: *«Здесь до сего времени краеведческой работы, судя по имеющимся данным в Облсовнарпросе, никто не вел <...> Эта область нуждается в большой помощи в деле письменного и живого методического руководства как со стороны краевых, так и со стороны центральных органов, а также она нуждается в материальной помощи для организации краеведческой работы, в особенности для предполагаемого научно-исследовательского института»*. В Микоян-Шахаре же имелась краеведческая ячейка при педагогическом техникуме, которая *«собрала кое-какие экспонаты из природных богатств и культурно-экономического строительства»* Карачаевской АО. Имелось также *«270–300 неорганизованных членов-краеведов <...> среди этих членов 80–90 % просвещенцев, которые готовы вести активную работу по линии краеведения при хорошем методическом руководстве»*³.

После оказания необходимой методической помощи в апреле 1932 г. было принято постановление о создании Черкесского

¹ Эльбиздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. С. 173.

² Страницы истории института. URL: <http://arigi.adygnet.ru/history/history.htm> (дата обращения: 23.09.2014).

³ ГАКЧР. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.

научно-исследовательского института. В том же месяце был создан и Карачаевский научно-исследовательский институт¹. Но в первое время его работа протекала в сложных условиях, ввиду «отсутствия помещения, неуккомплектованности штата, неопределенности существования». Областное руководство, обосновывая необходимость деятельности научно-исследовательского института «в специфических условиях области, удаленности от культурных центров», обратилось за субсидиями к центральным и краевым властям. Однако средства не были выделены, и институт фактически прекратил свою деятельность. Возродился он уже в 1935 г. под названием Институт карачаевского языка и литературы².

Основными направлениями деятельности первых научно-исследовательских институтов являлись сбор и публикация материалов по фольклору, этнографии, истории народов региона, написание учебников для национальных школ, составление словарей, разработка алфавитов, а также изучение природных ресурсов автономий. Научное руководство их работой осуществляли академические институты и другие научно-исследовательские центры Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону. Центральные и краевые учреждения и сами проводили собственные или совместные исследования на Северном Кавказе, а их сотрудники нередко возглавляли археологические и этнографические экспедиции на территории региона.

Например, в изучении археологии Северной Осетии в конце 1920-х гг. участвовал Государственный исторический музей, этнографии – Центральный музей народоведения, лингвистики – Академия наук СССР, истории и археологии – Государственная академия материальной культуры, геологии – Геологический комитет. Из краевых учреждений – крайисполком, Северо-Кавказская краевая ассоциация научно-исследовательских институтов, краевое бюро краеведения,

¹ *Батчаев Ш.* У истоков науки горского края. URL: <http://www.denresp.ru/index.php/obshestvo/504-uist> (дата обращения: 23.09.2014).

² *Урусов Б.Г.* О местных истоках научного кавказоведения в Карачаево-Черкесии: довоенный период // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: материалы Всерос. науч. конф., посв. 180-летию присоединения Карачая к России. Карачаевск, 2008. Ч. II. С. 235.

Горский научно-исследовательский институт, Горский сельскохозяйственный институт, Горский педагогический институт, Терский водный комитет, Прикаспийское гидрологическое бюро, станция защиты растений. Из областных – помимо Осетинского научно-исследовательского института краеведения – Осетинский музей материальной и духовной культуры, архивное бюро, облисполком и другие учреждения. Студенты и учащиеся Горского педагогического и Горского сельскохозяйственного институтов, Осетинского педагогического техникума, Горского рабфака, Закавказского коммунистического университета имени 26 бакинских комиссаров и других учебных заведений объединялись в краеведческие кружки¹. Схожая ситуация существовала и в других национальных автономиях Северного Кавказа.

С ужесточением советского режима в 1930-х гг. были репрессированы многие краеведы, отстаивавшие своеобразие историко-культурного наследия региона. Пострадало немало преподавателей и научных сотрудников научно-исследовательских учреждений Северного Кавказа, другие представители национальной интеллигенции. Среди них У. Алиев, директора Адыгейского научно-исследовательского института М. Хуажев, И. Барон, Института карачаевского языка и литературы И. Тамбиев, М. Халилов, Я. Джабаккуев, Черкесского научно-исследовательского института Х.Ш. Булатуков. Стремление к унификации вело к вытеснению из школьного образования краеведения. Отрицательно сказались репрессии и на учебной литературе, периодически подвергавшейся проверке и «зачистке» от «врагов народа». Так, в 1930 г. были признаны негодными вообще все учебники для национальных школ национальных областей Северного Кавказа. Они обвинялись в отходе от марксистско-ленинских позиций, в попытке «в культурной работе среди националов протянуть великодержавнические или буржуазно-националистические идейки»².

В годы Великой Отечественной войны большинство созданных на Северном Кавказе научно-исследовательских учреждений краеведческой направленности прервало свою деятельность. Вследствие боевых действий и нацистской оккупации значительно пострадали библио-

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 201.

² Бунегин М. О классово-политической физиономии и основных недочетах горских учебников // Революция и горец. 1930. № 12. С. 70–71.

теки и архивы Адыгеи и Кабардино-Балкарии, Карачая и Черкесии. Депортация балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей привела к тому, что сбор материалов о них фактически прекратился, а выполнявшие данные задачи научные учреждения были ликвидированы. Даже книги и каталоги литературы о репрессированных народах в библиотеках были переведены на режим специального хранения¹.

В послевоенное время борьба с «идеологическими извращениями в освещении вопросов истории, языкознания, искусства и литературы» продолжилась. Так, в марте 1950 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) обсудил вопрос о хрестоматиях по осетинской литературе, вскрыв в них «грубейшие ошибки». В результате из хрестоматий «были изъяты произведения реакционных писателей Тлатова, Мамсурова Темирбулата и целый ряд идейно невыдержанных, вредных произведений других авторов». Серьезной переработке подверглись школьные программы и хрестоматии. Однако в январе 1952 г. секретарь обкома партии К. Кулов сообщал о том, что по-прежнему «еще в хрестоматиях обнаруживаются отдельные ошибки и недостатки»².

Восстановление работы научно-исследовательских учреждений Северного Кавказа после войны было длительным процессом. Только в 1951 г. возобновил свою деятельность Черкесский научно-исследовательский институт³. С возвращением из ссылки карачаевцев в 1957 г. он был преобразован в Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. В том же году был воссоздан Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт. В 1965 г. в Адыгейском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории работало 20 чел. (в том числе 14 научных сотрудников), в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте истории, языка, литературы и экономики – 32 чел. (24), в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы – 17 чел. (13), в Северо-Осетинском научно-исследовательском

¹ История советской цензуры. Документы и материалы. М., 1997. С. 506.

² Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. С. 132.

³ Пафова С.Ю. Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт в послевоенный период: возрождение и развитие (1950–80-е гг.) // Горские общества Кавказа... Ч. II. С. 168.

институте языка, литературы и истории – 21 чел. (14), в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы – 23 чел. (15)¹.

Главное внимание данных научно-исследовательских учреждений, находившихся в ведении местных органов власти – советов министров в автономных республиках и облисполкомов в автономных областях – уделялось изучению вопросов истории автономий, современной национальной литературы и фольклора, языкознания (составление словарей, разработка проблем грамматики и т.д.), реже – археологии, этнографии и экономики народного хозяйства. При этом в области истории приоритетным являлось исследование процессов образования северокавказских наций и национально-государственного строительства, история рабочего класса и крестьянства в автономиях². Во всех автономных областях и республиках Северного Кавказа в 1950–1980-е гг. были изданы обобщающие труды по истории данных образований. В духе советской историографии существенное значение в них уделялось классовой борьбе, революционному движению, социалистическому строительству и героическому вкладу народов в Победу в Великой Отечественной войне. Тем не менее само их издание стало важным шагом на пути складывания национального самосознания северокавказских народов, формирования у них представлений о своем прошлом и настоящем. Этому же способствовало издание крупных трудов о национальной литературе и фольклоре. В связи с этим постепенно возрастали статус и влияние национальной интеллигенции.

В школе элементы исторического краеведения сохранялись благодаря энтузиазму отдельных педагогов. В основном, эта деятельность носила внеклассный характер, представляя собой дополнительный вид воспитательной работы. Немало учащихся занималось в краеведческих кружках при школах или домах пионеров. Элементы краеведения также включались в учебные программы средней школы по предметам естественнонаучного цикла. Например, на необходимость тесной связи с краеведением указывалось в учебных программах по

¹ ГАКЧР. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 132. Л. 7–9.

² ГАКЧР. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 132. Л. 21–25.

географии. Здесь отмечалось, что «географический район или область, где находится школа, следует изучать значительно подробнее, чем остальные районы»¹. В 1950–1970-е гг. школьное краеведение получило новые импульсы благодаря поисковой работе, в большинстве случаев сконцентрированной на выявлении и сборе материалов о наиболее знаменитых уроженцах местности, участниках революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Массовым явлением стали экскурсии и походы школьников по местам боевой и трудовой славы, приглашение на уроки ветеранов войны и участников других исторических событий.

Со второй половины 1980-х гг. под влиянием процессов демократизации началось настоящее возрождение краеведения как массового общественного движения, что привело к созданию Союза краеведов России в 1990 г. Его председателем стал С.О. Шмидт. Значительно выросло количество изданий краеведческой направленности, включая переиздание ранее опубликованных работ, систематически проводятся конференции, открываются новые мемориалы, музейные экспозиции и выставки. К участию в этой работе активно привлекаются учителя и учащиеся.

В то же время современные процессы нацистроительства привели к новым тенденциям в развитии образования, выходящим далеко за рамки прежнего краеведения. В первую очередь, указанные тенденции проявились в разграничении компетенций федеральных и региональных властей в образовательной сфере. В соответствии с законом Российской Федерации «Об образовании» 1992 г. был утвержден Государственный образовательный стандарт общего образования – совокупность требований, обязательных при реализации образовательными учреждениями основных образовательных программ. Он включал в качестве обязательных составных частей федеральный и национально-региональный компоненты, а также компонент образовательного учреждения. Федеральные компоненты государственных образовательных стандартов устанавливались федеральными органами государственной власти и управления, а национально-региональные компоненты – субъектами России. Федеральный компонент призван обеспечить общегражданскую российскую идентичность личности на базе общечеловеческих

¹ См.: Программы средней школы. География. М., 1948 и др.

ценностей, единство образовательного пространства России и интеграцию личности в систему мировой культуры. Переданный в ведение субъектов Федерации национально-региональный компонент призван удовлетворить потребности регионов страны и определить национальные и региональные проявления тех сущностей, которые раскрывались в федеральном компоненте¹. В федеральном базисном учебном плане региональный (национально-региональный) компонент должен был составлять не менее 10 и не более 15 % от общего времени, отводимого на освоение образовательных программ общего образования. Заняв устойчивые позиции в системе российского школьного образования, он получил соответствующее учебно-методическое обеспечение².

Предполагалось, что региональный компонент будет разработан в соответствии с требованиями федерального компонента, с учетом интересов регионов и позволит максимально реализовать интересы личности. Однако в некоторых субъектах Федерации в содержании образования закреплялись приоритеты национально-регионального компонента над федеральным. Так, на изучение исторических дисциплин национально-регионального компонента стало выделяться от 10 до 50 % общего учебного времени, отводимого на школьный курс истории. К тому же реализация национально-регионального компонента столкнулась с многочисленными трудностями, связанными с недостатками в подготовке учителей, слабой согласованностью между предметами федерального и национально-регионального компонентов³. В результате часть школ отказалась от национально-регионального компонента, передав соответствующие часы на изучение предметов федерального компонента.

С целью устранить противоречия между федеральным и региональным компонентами, достичь согласования *«в сфере образования общегосударственных интересов и потребностей с потребностями и интересами общества, его народов, граждан»*, развития языков

¹ Об образовании: Закон Российской Федерации с изменениями и дополнениями. М., 2003.

² См.: Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Национально-региональный компонент исторического образования. Пособие для учителя. М., 2008.

³ Белогуров А.Ю. Проблемы развития этнорегиональных образовательных систем // Педагогика. 2003. № 1. С. 102.

и культур народов страны, в августе 2006 г. была принята концепция национальной образовательной политики России. В ней отмечалась необходимость, с одной стороны, «организации в структуре всеобщей единой и целостной системы образования учреждений, реализующих общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением в том или ином объеме на родном (нерусском) и русском (неродном) языках, с содержанием гуманитарного образования, выстроенном на иной, нерусской культуре». С другой стороны, «включения в число главных приоритетов образования (наряду с собственно образовательными целями) также и цели духовной консолидации многонационального народа России в единую политическую нацию». Образование рассматривалось в концепции «как инструмент реализации этнонациональной политики в процессах модернизации – социокультурной трансформации многомерно-сложного полиэтничного российского социума в полиэтничное, но внутренне гомогенное гражданское общество»¹.

Вскоре руководство страны пошло на отмену трех обязательных компонентов в содержании образования, приняв 1 декабря 2007 г. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта»². Введенные по данному закону федеральные государственные образовательные стандарты должны обеспечивать единство образовательного пространства Российской Федерации. Комментируя данное решение, руководитель Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования О.И. Артеменко утверждает: «Федеральный образовательный стандарт теперь не определяет минимум содержания образования, а предусматривает требования к результатам освоения основных образовательных

¹ Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_06/prm201-1.htm (дата обращения: 11.05.2014).

² Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» // Российская газета. 2007. 5 декабря.

программ». Далее она проясняла, что речь не шла об отмене именно национально-регионального компонента, «убрали все компоненты, и федеральный, и национально-региональный, и школьный. Все три. Совершенно другой подход к стандарту. Сегодня образовательный стандарт позволяет людям, где бы они ни находились, выдвигать определенные требования в части удовлетворения этнокультурных, языковых потребностей, а администрация школы должна создавать условия для удовлетворения этих требований»¹.

Тем не менее национально-региональный или региональный компонент сохраняется в учебных планах образовательных учреждений многих субъектов Российской Федерации, включая и северокавказские республики. В частности, региональный компонент учебного плана образовательного учреждения в Республике Северной Осетии-Алании включает следующие учебные предметы: «Осетинский язык и Осетинская литература» (изучается в 1–11-х классах), «История Осетии», «География Осетии», «Традиционная культура осетин». Согласно информации отдела национального образования Министерства образования и науки Республики Северная Осетия-Алания, на реализацию регионального компонента отводится 10,8 % от общего нормативного времени².

В национально-региональный компонент учебного плана образовательного учреждения в Республике Адыгея с русским языком обучения включены учебные предметы: «Адыгейский язык», «Адыгейская литература», «Культура народов Республики Адыгея», «История Адыгеи». Изучение всех указанных предметов, за исключением общеобязательной «Истории Адыгеи», осуществляется по выбору учащихся. В национально-региональный компонент учебного плана образовательного учреждения с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения включены учебные предметы: «Адыгейский язык», «Адыгейская литература», «Адыгэ хабзэ

¹ Артеменко: Нам нужна до мелочей продуманная языковая политика в системе образования. URL: <http://nazaccent.ru/interview/21/> (дата обращения: 23.09.2014).

² Информация отдела национального образования Министерства образования и науки Республики Северная Осетия-Алания. Июль 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

(адыгский этикет)», «История Адыгеи». «География Республики Адыгея» изучается в 8–9-х классах общеобразовательных учреждений в составе предмета «География» федерального компонента¹.

В Кабардино-Балкарской республике в качестве предметов национально-регионального компонента изучаются «Кабардинский язык и литература» и «Балкарский язык и литературе» в 1–11-х классах, «История Кабардино-Балкарии» и «География Кабардино-Балкарии» в 8–9-х классов, «Традиционная культура народов Кабардино-Балкарии» в 10–11-х классах.

В образовательных учреждениях Чеченской Республики в соответствии с учебными планами как предметы национально-регионального компонента изучаются «Чеченский язык», «Чеченская литература», «Чеченская традиционная культура и этика», «История религий». «История Чеченской Республики» и «География Чеченской Республики» в настоящее время не выделяются как самостоятельные предметы, а изучаются в рамках курсов федерального компонента «История России» и «География»².

В Республике Ингушетии в качестве предметов национально-регионального компонента изучались «Ингушский язык и литература», «История Ингушетии», «Экология и география Ингушетии». Но 31 октября 2011 г. был принят Закон Республики Ингушетия «О поправке к Конституции Республики Ингушетия». Из конституции была исключена норма о том, что Республика Ингушетия устанавливает национально-региональные компоненты государственных образовательных стандартов³. Это вызвало общественное недовольство, не вышедшее, впрочем, за рамки социальных сетей: «Наши власти все сделали как обычно: тихо, без огласки. А в других субъектах, где

¹ Письмо первого заместителя министра образования и науки Республики Адыгея Н.И. Кабановой. 19.10.2011 // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Письмо министра образования и науки Чеченской Республики А.А. Музаева. 20.06.2011 // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

³ Закон Республики Ингушетия «О поправке к Конституции Республики Ингушетия». 31 октября 2011 г. № 3-РЗП. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453116091> (дата обращения: 23.09.2014).

была сделана аналогичная поправка (например, в Башкортостане, Чувашии), прошли митинги и акции протеста»¹.

В школах Карачаево-Черкесской Республики часы национально-регионального компонента в 1–9-м классах используются для изучения родного языка (абазинского, карачаевского, ногайского, русского и черкесского) и родной литературы. В 6-м, 8-м и 9-м классе рекомендуется преподавание интегрированного учебного предмета «Краеведение» или краеведческих модулей в рамках учебных предметов федерального компонента «География», «Биология», «Искусство», «Технология» и «История». В 10–11-м классах изучаются родная литература и «История и культура народов Карачаево-Черкесии»².

Большинство предметов национально-регионального компонента обеспечено необходимой учебной и учебно-методической литературой. В Республике Северной Осетии-Алании только в 2011/2012 г. было издано 7 учебников и учебно-методических пособий общим тиражом в 16 тыс. экземпляров, в 2012/2013 г. – еще 7 учебников и пособий общим тиражом в 21,5 тыс. экземпляров, в 2013/2014 г. – 31 учебник и учебно-методическое пособие общим тиражом в 52,9 тыс. экземпляров³. В Карачаево-Черкесской Республике «обеспеченность учебниками находится на контроле правительства», ежегодно на их издание выделяется 3 млн руб. С 2010 г. издано 34 учебника общим тиражом 45 тыс. экземпляров⁴.

Сохранение национально-регионального компонента в противоречие принятому федеральному закону вызвало конфликтные

¹ В Ингушетии отменены национально-региональные компоненты образовательных стандартов. URL: <http://niysa.livejournal.com/10752.html> (дата обращения: 23.09.2014).

² Базисный учебный план для общеобразовательных учреждений КЧР. URL: <http://www.prikrmk.sfedor.ru/base.html> (дата обращения: 23.09.2014).

³ Информация отдела национального образования...

⁴ Интервью с Агановой Нелли Галим-Гериевной, консультантом отдела непрерывного образования министерства образования и науки Карачаево-Черкесской Республики. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 24.04.2014. Продолжительность 37 мин. Место проведения: г. Черкесск, Министерство по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати Карачаево-Черкесской Республики // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

ситуации в республиках Северного Кавказа. В сентябре 2008 г. прокурор Карачаево-Черкесии В.М. Кузнецов опротестовал изучение в школах республики родных языков в качестве обязательных предметов, считая, что они могут изучаться только факультативно, и потребовал приведения республиканского закона «Об образовании» в соответствие с федеральным законодательством. Депутаты Народного Собрания Карачаево-Черкесской Республики не согласились с таким решением, подчеркивая, что «обязательное изучение родных языков не может квалифицироваться как ущемление и ограничение прав граждан по их языковой и национальной принадлежности, когда речь идет о родных языках». Верховный Суд Карачаево-Черкесской республики 11 февраля 2009 г. поддержал иск прокуратуры и признал недействительной соответствующую правовую норму, мотивируя это тем, что «субъект Российской Федерации утратил полномочия по установлению обязательных требований к основным образовательным программам, в данном случае по введению обязательных предметов». Однако депутаты направили кассационную жалобу в Верховный Суд Российской Федерации, ссылаясь на нормы действующей Конституции России, федерального и республиканского законов о языках. 15 апреля 2009 г. судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение об отмене решения Верховного Суда Карачаево-Черкесии и отказала в удовлетворении требований прокуратуры¹.

Отмена национально-регионального компонента отрицательно воспринимается представителями органов власти и национальной интеллигенции как подрыв самих возможностей дальнейшего существования этносов: *«Как без традиционной культуры? У нас все связано. Даже вот в учебнике – там материал из устного народного творчества – это основа всего нашего. Мы вообще как считаем? Если у нас не будет своих традиций, обычаев, то вообще как народ мы исчезнем»*². Показательно, что, согласно результатам

¹ Родной язык изучать обязательно // День республики. 2009. 6 июня.

² Интервью с Шанаевой Ритой Руслановной, начальником отдела национального образования Министерства образования и науки Республики Северная Осетия-Алания. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина.

опросов, дисциплины национально-регионального компонента наибольший интерес вызывают именно у учащихся «титульных» национальностей, у которых сильнее выражена национальная и этническая идентичность. Например, в Адыгее 60,8 % русских отдали приоритет идентификации с гражданами России, а 26,1 % ощущали себя «людьми своей национальности». В то же время у адыгейцев названные предпочтения распределились как 24 % и 28,2 % соответственно¹.

Интерес к местной истории, активно прививаемый, а зачастую и насаждаемый советской властью, вылился в развитие краеведения. Отвечавшие за его состояние инстанции в лице первых научно-исследовательских институтов краеведения, помимо прочего, участвовали в разработке материалов для школ. Со временем этот интерес трансформировался в региональную историю, главными разработчиками которой оставались региональные научные учреждения, не терявшие связей со школой. Несомненно, что обращение к проблемам региональной истории и культуры имеет положительное значение, способствуя преодолению отчуждения школьников от прошлого, формированию у них уважения к истории «малой Родины», наконец, удовлетворяя определенные образовательные потребности части общества. Поэтому введение национально-регионального компонента отвечало новым идеологическим и политическим реалиям страны. Оно соответствовало и новым целям образования, все больше ориентировавшимся на воспитание у учащихся чувства сопричастности к родной истории и самобытной культуре. Однако практическая реализация национально-регионального компонента на Северном Кавказе не только сопровождается многочисленными противоречиями, выходящими далеко за рамки методических разногласий, но и создает возможности для дезинтеграции образовательного и культурного пространства России.

Запись 11.07.2013. Продолжительность 42 мин. Место проведения: г. Владикавказ, Министерство образования и науки Республики Северная Осетия-Алания // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

¹ Российская идентичность на Северном Кавказе. М.–Майкоп, 2010. С. 52.

6.2. Региональные учебники в «боях за историю»

Учебник представляет собой особый жанр литературы, предназначенной для использования в образовательных целях. Исходя из своего предназначения, он должен содержать систематизированную информацию по определенной области знания, излагая ее с учетом социально-демографических особенностей потенциальных читателей. Создание учебника – процесс долговременный и трудоемкий, на содержание учебных текстов оказывают влияние самые различные факторы. Учебники отражают не только личные взгляды авторов, их приверженность той или иной методике преподавания, но и социальный заказ уже потому, что всегда рассчитаны на определенную целевую аудиторию.

Советские учебники истории были призваны способствовать формированию у молодых граждан общей системы коммунистических ценностей. В условиях активных педагогических экспериментов издавались разнообразные учебные пособия, но с переходом к строительству социализма руководством страны был взят курс на унификацию содержания учебной литературы и централизацию в ее издании. 12 февраля 1933 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об учебниках для начальной и средней школы». Оно отменило прежний *«порядок издания учебников самостоятельно каждой областью, краем и автономной республикой РСФСР»*. Устанавливались новые правила, согласно которым *«по каждому отдельному предмету должен существовать единый обязательный учебник, утверждаемый Наркомпросом РСФСР и издаваемый Учпедгизом»*. В то же время каждому краю и области предоставлялось право *«с разрешения Наркомпроса и с его утверждения, издавать краевую учебную книгу для начальных школ на базе местного краеведческого материала»*¹. Со следующего 1934 г. во всех школах страны изучался единый систематический курс истории СССР. При этом различные «острые углы» или спорные вопросы в трактовке тех или иных сюжетов (например, об обстоятельствах вхождения отдельных народов в состав

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа... С. 165.

России, межэтнических конфликтах и других негативных явлениях) затушевывались или трактовались в контексте их совместной борьбы против самодержавия и построения социалистического общества.

В результате изучение региональной, национальной, этнической или локальной истории носило в большинстве случаев эпизодический характер. В учебниках приводились в лучшем случае краткие сведения об отдельных народах, их вхождении в состав России, как правило, после изучения соответствующих тем и сюжетов российской или всемирной истории. Это создавало представление о подчиненности, вписанности местной истории в общемировые тенденции развития. Изложение опиралось на формационный подход, и прогресс в общественном развитии народов связывался не с сохранением специфики, а с унификацией путей их историко-культурного развития.

В советское время были изданы и небольшие по объему учебные пособия по истории краев, областей и автономных республик Северного Кавказа, призванные дополнить местными материалами курс истории СССР. В них неизменно подчеркивалось, что прошлое отдельных регионов представляет собой «неотъемлемую часть истории Родины»¹. Главное внимание уделялось дружбе, добрососедским отношениям, боевому союзу различных народов Северного Кавказа на протяжении всей истории их взаимоотношений, добровольности их вхождения в состав России и его благоприятным последствиям. Немало места отводилось совместному участию народов региона в революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах и ничего не говорилось об этнических депортациях. Данные оценки отвечали общим представлениям советской историографии, а сами учебные тексты, выдержанные в духе определенной идеологии, должны были способствовать воспитанию интернационализма и патриотизма у советских школьников.

В 1990-е гг. в российском школьном историческом образовании произошли существенные изменения. Прежде всего, они выразились в его переходе к двухступенчатой концентрической системе, появлении вариативных программ, учебников и учебных пособий, отказе

¹ Юркин Н.Ф., Бринь М.Ф. Старшеклассникам о родном крае. Учеб. пособие по истории для учащихся 9–10 кл. школ Краснодар. края. Краснодар, 1978. С. 3.

от государственной монополии на издание учебно-методической литературы, обновлении содержания и самого перечня учебных дисциплин, активном поиске оптимальных форм и методов работы. Далеко не все новации получают положительную оценку, вызывая во многом справедливую критику, выходящую далеко за рамки профессионального педагогического сообщества. Наряду с ностальгическими чувствами по прежним временам, в ней отражается и четкое осознание того, что советская модель школьного исторического образования имела более цельный, систематизированный характер, адекватный стоявшей перед ней задачам, в то время как современная школьная практика достаточно противоречива.

Оживленную дискуссию вызвал и вопрос о целях исторического образования¹. В ходе обсуждения немало авторов связало изучение истории в школе с воспитательными задачами, прежде всего, патриотической направленности. При этом патриотизм в школьном курсе истории, обычно рассматриваемый как преданность государству, приобрел исключительно военный характер. Ведущее место в учебных пособиях по-прежнему занимает изучение войн, революций и других социальных катаклизмов, а в качестве наиболее значимых положительных образов выступают знаменитые правители, прославленные полководцы и герои, отдавшие свои жизни за Родину. История России преподносилась и преподносится школьникам как вечная, успешная и справедливая борьба против бесчисленных врагов, в качестве которых нередко изображаются не только прежние

¹ См.: *Богоявленский Б.Д., Митрофанов К.Г.* Преподавание истории: старые вопросы, новые подходы, вечные проблемы // *Преподавание истории в школе*. 1995. № 3. С. 29–41; *Безносков А., Кушнерева Ю.* О стандартах образования // *История*. 1996. № 48. С. 1–3; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Размышления о школьной истории, ее возможностях, а также о том, чего же мы от нее все-таки ждем // *История*. 2000. № 20. С. 1–2; *Вяземский Е., Стрелова О.* Учебники истории – «хорошие» и «правильные»? // *История*. 2001. № 36. С. 14–16; *Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Уймаева К.А.* Историческое образование в России (конец XIX – начало XXI вв.). Ставрополь, 2005; *Кринко Е.Ф.* «Как слово наше отзовется...»: о целях и ценностях школьного исторического образования в России // *Актуальные проблемы исторического и обществоведческого образования в школе и вузе: материалы всерос. науч.-практ. конф. (28–29 марта 2008 г.)*. Армавир, 2008. С. 21–24 и др.

и нынешние соседи, но и современные народы России (татары, немцы, поляки, турки и другие).

Эта ситуация характерна, впрочем, не только для России. Эксперты Совета Европы отмечали, что наиболее распространенной формой убеждений в учебниках истории во второй половине XX в. оставалась национально-государственная интерпретация прошлого. В большинстве случаев она выражалась в том, что история преподносилась как подъем и упадок великих наций. В результате Англия во французских учебниках истории выступала «вероломным Альбионом», турки в германских учебниках истории изображались как жестокие фанатики и варвары, преследовавшие христиан, евреи отождествлялись с ростовщиками. В результате националистические предрассудки были во многом спровоцированы учебниками истории, авторы которых чрезмерно акцентировали внимание на достижениях собственных народов. Осознание необходимости создания такой модели изучения исторических событий, которая исключала бы мотивы расового и культурного превосходства, позволяет рассматривать в качестве положительного примера учебники истории скандинавских стран, насыщенные обращениями не к военной, а к научной и культурной проблематике¹.

Безусловно, что России не раз приходилось отстаивать свою независимость в кровопролитных войнах, а вопросам военной истории должно отводиться существенное место в школьном образовании. Однако в истории России было немало выдающихся ученых и писателей, художников и композиторов, предпринимателей и меценатов, педагогов и врачей, инженеров и чиновников, представителей других профессий и сфер общественной жизни, являвшихся не меньшими патриотами, чем военные. Их мирный созидательный и внешне «негероический» труд приносил свою пользу становлению российского общества и государства. Воспитание гражданственности, связанной с осознанием школьниками своих прав и обязанностей, оказывается в реальности гораздо более сложным делом, чем механическое декларирование патриотических лозунгов, поскольку нуждается в реальном подкреплении слов делами и требует уважительного отношения к личности учителя и ребенка.

¹ Лицейское и гимназическое образование. 1998. № 4. С. 36.

Другая часть авторов видит главной целью сам процесс познания прошлого и его результаты, выражающиеся в приобретении детьми определенной суммы знаний. В той или иной интерпретации эту позицию отстаивает немало педагогов-практиков, полагающих своей главной задачей освоение школьной программы. Однако доведенный до крайности данный подход приводит к утверждению репродуктивного способа обучения, при котором школьник механически заучивает основные положения учебника, чтобы успешно сдать выпускные или вступительные экзамены, а затем также благополучно забыть их. Получая «готовые» знания, учащиеся не приобретают умений и навыков анализа событий, не осознают их логику, что ведет к утрате самого смысла изучения истории как процесса интеллектуального постижения прошлого. Кроме того, достаточно сложно определить, что именно будет необходимо сегодняшним школьникам уже через 10–15 лет, что неминуемо создает проблему отбора содержания школьного исторического образования. В ином случае школьники будут рассматривать исторические факты как очередную совокупность совершенно «не-нужных вещей», не утруждая себя проникновением в сущность далеко отстоящих от них во временном и в культурном отношении изучаемых явлений.

Сторонники третьего подхода предлагают в качестве главной цели становление исторического мышления школьников, под которым понимается набор мыслительных стратегий, дающих им возможность самостоятельно интерпретировать те или иные события. Пожалуй, наиболее четко эту позицию выразил руководитель новосибирской лаборатории экспериментального школьного и вузовского образования «Текст» Ю.Л. Троицкий, предложивший вообще отказаться от школьных учебников и обосновавший инновационную технологию исторического образования. Ее главный смысл заключается в том, что школьники работают с документально-методическими комплексами и сами выдвигают те или иные версии исторических событий¹. Однако массовая школа не должна готовить специалистов – историков, а общий уровень

¹ Троицкий Ю.Л. Self-history, или Историю пишут дети // Коммуникативная педагогика: от «школы знания» к «школе понимания»: материалы науч.-практ. конф., 28–29 марта 2003 года, г. Новосибирск. Новосибирск, 2004. С. 20–32.

подготовки современных школьников вряд ли позволяет успешно решать подобные задачи в отводимое учебное время, да и отказ от систематического изложения истории чреват негативными последствиями для формирования исторической памяти российского общества.

Несмотря на кардинальные перемены в системе образования, вопросы региональной и национальной истории по-прежнему редко находят отражение в общероссийских учебниках уже в силу ограниченности количества выделяемого учебного времени (еще более сократившегося в условиях работы по двум концентрам). Свою роль играет и традиция рассматривать курс отечественной истории как историю Российского государства. В связи с этим Л.С. Гатагова полагает, что «ярко выраженный русскоцентризм подавляющего большинства учебников допускает весьма ограниченное пространство для описания инородцев и обстоятельств их вхождения в Российское государство»¹. В результате «в большинстве учебников последнего поколения практически игнорируется фактор полиэтничности и мультиконфессиональности как СССР, так и Российской Федерации»². В лучшем случае, развитию отдельных народов и их взаимоотношениям в учебниках по истории России уделяется от нескольких страниц до нескольких абзацев, а то и строк.

Однако активизация национальных движений в различных регионах России на рубеже 1980–1990-х гг. усилила интерес к проблемам национальной истории и культуры. Существовавшая учебная литература подвергалась резкой критике, прозвучали призывы к ограничению преподавания всеобщей и российской истории с целью увеличения времени на изучение региональной истории. Попытки введения в конце 1980-х гг. новых краеведческих курсов («Культура, литература, история родного края», «История и культура родного края») уже «не решали проблем»³. Ситуацию кардинально изменило

¹ Гатагова Л. Как в сегодняшней школе рассказывают о внешних и внутренних конфликтах // Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. М., 2002. С. 159.

² Гатагова Л. Как в сегодняшней школе рассказывают... С. 166.

³ Джазаева З.М. Проблемы реализации национально-регионального компонента в историческом образовании (на примере школ Карачаево-Черкесии) // Горские общества... Ч. 1. С. 154.

появление национально-регионального компонента в российском образовании¹. Уже в первой половине 1990-х гг. в республиках Северного Кавказа было фактически узаконено создание учебников и учебных пособий по предметам национально-регионального компонента. Перечни учебников утверждаются законами республик, а сами учебники и учебные программы – республиканскими министерствами образования².

Издание учебников значительно облегчило преподавание дисциплин национально-регионального компонента. Уже с 1993 г. во всех школах Карачаево-Черкесии изучался курс «История и культура народов Карачаево-Черкесии» для 8–11-х классов. Но первоначально программы и учебника не было, имелись лишь «отдельные авторские разработки по конкретным темам, часто сильно отличающиеся как субъективным отношением к рассматриваемым проблемам, так и не вполне учитывающие познавательные возможности учащихся»³.

¹ О регионализации российского образования и связанных с этим проблемах см.: *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Проблемы региональной истории в современном школьном образовании // Особенности развития образования в условиях полинационального города: тезисы городских педагогических чтений. Майкоп, 2001. С. 49–50; *Кринко Е.Ф.* Роль образования в формировании гражданского общества в России // Гражданское общество в России: проблемы формирования и развития: материалы межвузов. науч.-практ. конф. Майкоп, 2003. С. 76–83; *Хлынина Т.П.* Мифотворчество или увлекательное путешествие в прошлое? Региональный компонент в историческом образовании современного российского школьника: субъективные суждения и приглашение к заинтересованному разговору // История. 2003. № 45. С. 21–25; *Кринко Е.Ф.* Региональное образование и формирование гражданского общества на Юге России // Проблемы становления гражданского общества на Юге России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (17–18 апреля 2004 г.). Армавир, 2004. С. 276–281; *Калинченко С.Б.* Проблемы изучения региональной истории в современном историческом образовании (на примере Северного Кавказа) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2012. Вып. № 78(1) С. 34–37 и др.

² См. например: Закон Кабардино-Балкарской Республики «О республиканском комплекте учебников». 18 июля 2011 г. № 67-РЗ // Официальная Кабардино-Балкария. 2011. 22 июля и др.

³ *Джазаева З.М.* Проблемы реализации национально-регионального... С. 155–156.

Специальное пособие было издано только через пять лет, и с тех пор больше не переиздавалось, что превращает его в своеобразный раритет¹. В настоящее время предусматривается синхронное изучение всеобщей, отечественной и региональной истории: в 6–9-х классах материал по истории Карачаево-Черкесии включен в общий курс истории (10 часов ежегодно), а в 10–11-х классах изучается специальный курс (34 часа в год)². С 2004 г. в его рамках также изучается курс «История и культура традиционных религий народов Карачаево-Черкесии» (по 12 учебных часов в 10–11-х классах), для которого издано специальное учебно-методическое пособие³. Разработку курса министерству образования республики поручал президент Карачаево-Черкесии М.А.-А. Батдыев по просьбе православного и мусульманского духовенства⁴.

«История Осетии» с начала 1990-х гг. изучалась в 5-х классах (в последней четверти 1 час в неделю). В настоящее время «История Осетии» изучается в 10–11-х классах (1 час в неделю). Учебники для 5-го и 10-го класса написаны по заказу и утверждены республиканским министерством образования⁵. В 11-м классе вследствие отсутствия учебника при изучении курса истории Северной Осетии в XX в. использовался коллективный труд, подготовленный осетинскими историками под редакцией А.С. Дзасохова⁶. Учебник В.Д. Кучиева имеет только гриф допущенного Министерством образования и науки Республики Северной Осетии-Алании⁷. В 2006 г. Р.С. Бзаровым – автором и со-автором двух других школьных учебников – разработана программа

¹ Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Черкесск, 1998.

² Джазаева З.М. Проблемы реализации национально-регионального... С. 158.

³ История и культура традиционных религий народов Карачаево-Черкесии. Книга для учителя. Черкесск, 2005.

⁴ В Карачаево-Черкесии издан учебник «История и культура традиционных религий народов КЧР». URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=205902> (дата обращения: 23.09.2014).

⁵ Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. 3-е изд. Владикавказ, 2008; Бзаров Р.С. Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. Изд. 4-е, дораб. Владикавказ, 2009.

⁶ История Северной Осетии: XX век.

⁷ Кучиев В.Д. История Осетии. XX в. Владикавказ, 2011.

по истории Осетии для 5-х и 9–10-х классов общеобразовательных учреждений. Но сотрудники отдела национального образования республиканского министерства образования предлагают, «исходя из реальных условий и этнокультурных потребностей участников образовательного процесса», преподавать «Историю Осетии» как самостоятельный предмет в 8–9-х и 10–11-х классах (по 1 часу в неделю)¹.

Первые учебники по истории Адыгеи были изданы в начале 1990-х гг. В 8–9-х классах изучался курс истории Адыгеи с древнейших времен до конца XIX в., а в 10–11-м классах – история Адыгеи в XX в. (по 1 часу в неделю)². В условиях практически полного отсутствия литературы, адаптированной для младших школьников, Э.А. Шеуджен издала курс рассказов по истории Адыгеи³. С переходом к двухступенчатой системе школьного исторического образования преподавание истории Адыгеи было перенесено в первый концентр, в 5–9-е классы (также по 1 часу в неделю). По заказу республиканского министерства в начале 2000-х гг. был издан комплект из пяти учебников⁴. Однако в настоящее время количество часов, выделяемых на изучение «Истории Адыгеи» сократилось. При сохранении принципа синхронности изучения в 5–7-х классах данный материал включается в общий курс истории (8–10 часов в год), а в 8–9-х классах изучается как самостоятельный предмет (по 1 часу в неделю).

Создание региональных учебников истории потребовало немалых организационных, материальных и финансовых затрат, усилий целых авторских коллективов, исследователей и методистов. В их разработке

¹ Информация отдела национального образования...

² Керашев А.Т., Чирг А.Ю. История Адыгеи. Учеб. пособие для учителей 8–9 кл. Майкоп, 1991; История Адыгеи. Учебник для 10–11 кл. Майкоп, 1992.

³ Шеуджен Э.А. История Адыгеи: рассказы для детей. Ч. 1. Майкоп, 1995; Ее же. История Адыгеи: рассказы для детей. Ч. 2. Майкоп, 1997.

⁴ Ачмиз К.Г., Мальцев В.Н., Чеучев Н.Ш., Шибзухова Ф.Х. История Адыгеи. Учеб. пособие для 9 кл. общеобразоват. учреждений. Майкоп, 2000; Булгаков С.Ю., Каракаев З.Х. История Адыгеи, XVI–XVII вв. Учебник для 7 кл. общеобразоват. учреждений. Майкоп, 2002; Ловтаче Н.Г., Панеш А.Д., Чич Б.П. История Адыгеи. Учебник для 6 кл. общеобразоват. учреждений. Майкоп, 2002; Шеуджен Э.А. Рассказы по истории Адыгеи. Учебник для 5 кл. Майкоп, 2002; Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). Учебник для 8 кл. общеобразоват. учреждений. Майкоп, 2002.

принимали участие преподаватели и научные сотрудники местных вузов, школ и научно-исследовательских институтов. По мнению специалистов, само введение новых курсов истории в рамках национально-регионального компонента имело несомненный положительный результат: *«Ребенок живет в каком-то определенном населенном пункте, в какой-то определенной местности. Если он не будет знать то, где он находится, то у него будет уже отрыв, отчуждение [от прошлого]. История превратится в некий абстрактный материал <...>. А здесь уже что-то свое, что-то родное. Т.е. он может это даже просто-напросто потрогать, прийти и увидеть какое-то старое здание, памятник. В музее увидеть, что здесь было раньше. Уже возникает чувство сопричастности <...> И национально-региональный компонент – он чем хороши? Он во многом пробуждает в детях любовь к истории»¹.*

В то же время собственно региональная проблематика в учебниках нередко подменялась этнической, относящейся к «титულიному» этносу. Большинство изданных региональных учебных пособий страдает этноцентризмом в разных его проявлениях (адыгоцентризмом, ала-ноцентризмом, тюркоцентризмом, а также казакоцентризмом, кубаноцентризмом и т.д.), что уже не раз отмечали авторы специальных рецензий². В учебниках по истории Адыгеи главное место отводится адыгам и их предкам, в учебниках по истории Осетии – осетинам и т.д. При этом исторические судьбы региона и сам опыт взаимоотношений различных народов Северного Кавказа рассматриваются сквозь призму ценностей определенной этнической общности.

Введение новых курсов вызвало ряд проблем, касающихся как содержательных, так и организационно-методических аспектов обучения: «на каких принципах должно формироваться содержание

¹ Интервью с Булгаковым Сергеем Юрьевичем, старшим методистом кабинета общественных дисциплин Адыгейского республиканского института повышения квалификации (далее – АРИПК). Интервьюер Е.Ф. Кринко. Запись 09.08.2012. Продолжительность 52 мин. Место проведения: г. Майкоп, АРИПК // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² См.: Хлынина Т.П. Мифотворчество или увлекательное путешествие...; Школьные учебники «История Адыгеи»: «за» и «против». Армавир, 2003 и др.

предмета, как предмет должен вписываться в систему исторического образования в целом, каким должно быть соотношение всемирной, российской и региональной истории». З.М. Джазаева в связи с этим отмечает, что «механическое встраивание в учебный план дополнительного предмета, как первоначально был решен вопрос о регионализации исторического образования, не является оптимальным. У школьников не складывается целостная картина исторического прошлого»¹.

Сами изданные учебники, по оценкам специалистов, имеют немало недостатков. В них слабо представлена взаимосвязь истории народов региона, «при таком способе изучения у учащихся складывается впечатление об обособленном развитии народов, отсутствии взаимодействия и взаимовлияния между ними, хотя они и веками проживают по соседству». Слабо разработан методический аппарат, в частности, параграфы «сопровождаются только вопросами, предполагающими простое воспроизведение материала (что? где? когда?), что не способствует развитию познавательного интереса, отсутствуют задания проблемного характера»². Структура и объем не всегда соответствуют учебно-тематическому планированию (учителям приходится соединять или, наоборот, разделять на части материал параграфов). Многие учебники, написанные и изданные в сжатые сроки, содержат ошибки, опечатки и другие издательские погрешности. Часть пособий написана сухо, сложно и неинтересно для учащихся, без учета их возрастных особенностей, плохо иллюстрирована. Но переиздание региональных учебников истории оказывается уже слишком дорогим для бюджетов ряда северокавказских республик.

Широкое распространение в учебных текстах получили тенденции к героизации и удревлению истории «своих» этносов, завышению уровня их общественно-политического, социально-экономического и культурного развития, другие формы самоутверждения, в том числе, за счет соседей, а то и придание им характерных черт образа «врага», что создало питательную почву для появления новых исторических

¹ Джазаева З.М. Проблемы реализации национально-регионального... С. 154–155, 157.

² Джазаева З.М. Проблемы реализации национально-регионального... С. 156.

мифов. Учебники в данном случае следуют за перипетиями в развитии региональной историографии. Современные исследователи отмечают: «Наукообразное мифотворчество, проявляющееся в идеализации далекого прошлого, получило довольно широкое распространение и в историографии абхазо-адыгских народов. Эти коренные народы Северного Кавказа, подобно тюркам, имеют богатое и яркое прошлое, не нуждающееся в красивых дополнительных декорациях и в столь модных в наше время преувеличениях и гиперболизациях. И, тем не менее, главные тенденции параистории – “кто древнее”, поиск “великих предков”, “родных” цивилизаций – пронизывают современную паранаучную историографию абхазо-адыгов»¹.

Анализ комплекта из пяти учебников по истории Адыгеи позволяет утверждать, что только в одном из них данный школьный курс «вписывается» в контекст истории страны, а вместе с ней и во всемирную историю². В другом учебнике упоминается лишь о том, что Адыгея прошла свой исторический путь «со всеми народами страны» и является «неотъемлемой частью России»³. Напротив, авторы третьего учебника прямо говорят, что их книга рассказывает «о том, какой была земля адыгов», тут же отмечая: «Здесь дружной семьей живут теперь много народов: адыгейцы, кабардинцы, русские, татары, армяне, греки, украинцы и другие»⁴.

Дальше всех пошли авторы учебника для 6-го класса, утверждающие, что на территории современной Адыгеи «во все времена был культурный центр Западного Кавказа, а часто политический и религиозный». В подтверждение этого они уже во введении сообщают школьникам о том, что именно здесь существовала «самая высоко-развитая в России Майкопская культура», найдена Майкопская плита «с самой древней надписью на территории России», наконец, только

¹ Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. Критика современно этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006. С. 101–102.

² Шедужен Э.А. Рассказы по истории Адыгеи. Учебник для 5 кл. С. 3.

³ Ачмиз К.Г., Мальцев В.Н., Чеучев Н.Ш., Шебзухова Ф.Х. История Адыгеи. Учеб. пособие для 9 кл. С. 3.

⁴ Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). Учебник для 8 кл. С. 3.

на Западном Кавказе имеются дольмены¹. Перечень замечательных достижений древних жителей Адыгеи приумножается с каждой новой страницей учебника. Приводя легенду «о семитысячелетнем пребывании адыгов в Западной Черкесии» авторы считают, что подобные факты «вовсе не фантастичны». Более того, в указанных преданиях, по их мнению, вполне мог отразиться и «процесс первичного освоения северных склонов Кавказа» питекантропами 400 тыс. лет назад². В то же время появление «первых точных сведений о славянских племенах и русских городах» в письменных источниках датируется началом X в.³

Во многих учебниках переосмысливаются вопросы присоединения северокавказских народов к России. В учебниках по истории Адыгеи договоры черкесских князей с Россией середины XVI в. характеризуются как установление союзнических отношений, подчеркивается их недолговечность⁴. В том же духе трактуется сближение России с народами Северного Кавказа в XVI–XVII вв. учебник по истории Кабардино-Балкарии. В нем подчеркивается обоюдная заинтересованность русского правительства и адыгских князей в установлении добрососедских отношений: «В условиях постоянной борьбы с захватчиками и непрекращающихся междоусобиц, адыги, как и другие народы Северного Кавказа, вынуждены были искать покровительства и поддержку извне. Такую помощь им могла оказать Россия. Это и привело к сближению адыгов с Россией <...> Русское правительство, в свою очередь, стремилось расширить свое влияние на Кавказе. Поэтому оно всячески поддерживало русскую ориентацию среди народов Кавказа»⁵. Немало места в учебнике уделено русско-кабардинскому боевому сотрудничеству в XVI–XVIII вв., выходцам из Кабарды князьям Черкасским, занимавшим «видное положение

¹ *Ловпаче Н.Г., Панеш А.Д., Чич Б.П.* История Адыгеи. Учебник для 6 кл. С. 3.

² *Ловпаче Н.Г., Панеш А.Д., Чич Б.П.* История Адыгеи. Учебник для 6 кл. С. 28–30.

³ *Ловпаче Н.Г., Панеш А.Д., Чич Б.П.* История Адыгеи. Учебник для 6 кл. С. 141.

⁴ *Булгаков С.Ю., Каракаев З.Х.* История Адыгеи, XVI–XVII вв. Учебник для 7 кл. и др.

⁵ *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. Учебник для 8–9 кл. общеобразоват. учеб. заведений. Нальчик, 2011. С. 73.

при царском дворе и в русском правительстве»¹. От идеи добровольности вхождения народов региона в состав России отказался и ряд других авторов учебников, приведя факты их «антиколониальных выступлений».

Достаточно традиционно освещаются в учебной литературе Северного Кавказа события Великой Отечественной войны. Современные оценки оккупационной политики, партизанского движения, сотрудничества с противником жителей региона² пока не находят своего места на страницах региональных учебников истории, поскольку мало вписываются в создаваемые учебниками представления о северокавказских народах. Как и прежде, характеристика данных вопросов сводится к показу совместного участия в войне представителей разных национальностей Северного Кавказа в борьбе за победу.

К новым сюжетам в учебниках истории, изданных в Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Чеченской Республике и Республике Ингушетии, по сравнению с учебной литературой, вышедшей в советское время, следует отнести депортации репрессированных народов. Авторы всех учебников сходятся в осуждении сталинского руководства за необоснованные жестокие репрессии в отношении целых народов, к тому же проявлявших героические подвиги на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны.

Немало событий региональной истории по-разному оцениваются авторами учебников и учебных пособий, изданных в разных республиках Северного Кавказа. В частности, это касается споров о том, какой из народов региона является прямым потомком алан. В учебнике по истории Северной Осетии ими однозначно считаются осетины: «Аланский язык звучит и сегодня. На нем говорят современные осетины. В странах Востока алан называли асами, а на Руси – ясами. В Грузии аланы назывались осами, а их страна получила название “Осети”. Все это разные названия одного народа.

¹ Бекалдиев М.Д. История Кабардино-Балкарии. Учебник для 8–9 кл. общеобразоват. учеб. заведений. Нальчик, 2011. С. 76–86.

² См.: Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг...

В наши дни принято название “осетины”, которое происходит из осетинского языка»¹. В учебнике по истории Кабардино-Балкарии приводится иная точка зрения: «Примечательно, что осетины своих соседей-балкарцев называют ассами, а Балкарию именуют Ассиаг, т.е. Страна асов. Слово “алан” до наших дней сохранилось только у балкарцев и карачаевцев как форма внутриэтнического обращения друг к другу. В материальной и духовной культуре балкарцев сохранилось много аланизмов. Все это предполагает весомое участие алан в формировании балкаро-карачаевской народности». Впрочем, в дальнейшем признается, что и осетины имеют отношение к аланам: «Аланы являются предками балкарцев и осетин»². Тем не менее очевидно, что существующие различия обусловлены не столько методологическими и содержательными разногласиями сторонников тех или иных научных подходов, сколько их отчетливо выраженными национальными предпочтениями, а учебные тексты закрепляют «свой» взгляд на прошлое представителей различных этнических общностей.

Особые сложности в создании учебной литературы существуют в республиках с двумя и более «титульными» этносами. Они связаны с необходимостью закрепить в образовательных формах их непростые современные взаимоотношения, не нарушив хрупкого межнационального согласия. Так, в учебном пособии по истории и культуре народов Карачаево-Черкесии абазинам отведена 81 страница, карачаевцам – 118 страниц, казакам – 95 страниц, ногайцам – 94 страницы и черкесам – 108 страниц. Выделяемый объем материала выступает своеобразным отражением современной этнополитической ситуации в республике. Однако в тематическом планировании этот «паритет» не всегда удается соблюсти вследствие особенностей распределения учебного времени по отдельным учебным периодам – четвертям и полугодиям. Отдельные сведения, содержащиеся в пособии, плохо согласованы между собой. В частности, приводятся различные версии происхождения карачаевцев и адыгов, каждая из

¹ *Бзаров Р.С.* Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. С. 16.

² *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. Учебник для общеобразоват. учреждений. Нальчик, 2011. С. 9, 100.

которых претендует на закрепление за «своим» этносом права на самое древнее происхождение¹.

Учебник по истории Кабардино-Балкарии, написанный М.Д. Бекалдиевым с использованием материалов Х.-М.А. Сабанчиева, а затем А.Н. Таковой, также отличает стремление соблюсти «паритет» в изложении судеб двух «титulyных» этносов республики на протяжении различных периодов ее истории. За это, впрочем, он подвергается критике со стороны специалистов, считающих, что подобный подход не соответствует исторической действительности. Учебник укоряют в «перегруженности фактами элементарной безграмотности», подчеркивая «некомпетентность автора и фигурирующих в учебнике рецензентов»². Однако данный учебник одним из немногих в регионе выдержал несколько переизданий, в ходе которых в него были внесены изменения, в том числе, с учетом высказанных замечаний. В частности, в первых изданиях при характеристике Майкопской культуры указывалось, что ее носители «были предшественниками адыгов, балкарцев и других народов Северного Кавказа»³. Это положение вызывало критику рецензентов⁴. В последующем издании носителями Майкопской культуры выступают уже «предшественники абхазо-адыгов»⁵. Учебник дополнили материалы о современном развитии Кабардино-Балкарии, фактически составившие новую главу, при этом общее количество параграфов изменилось незначительно.

В связи с произошедшими изменениями в законодательстве автор отказался от фразы, с которой начинались первые издания: «Кабардино-Балкарская Республика – суверенное демократическое правовое государство в составе Российской Федерации». Зато последующий текст сохранен в неизменном виде: «Кабардино-Балкария – многонациональная

¹ Народы Карачаево-Черкесии: история и культура.

² См.: *Алов Т.Х.* Повторение ошибок (Рецензия на учебник М.Д. Бекалдиева История Кабардино-Балкарии для 8–9 классов общеобразовательных учебных заведений) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 18. Нальчик, 2011. С. 155.

³ *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. Учебник для общеобразоват. учреждений. Нальчик, 2005. С. 11.

⁴ *Алов Т.Х.* Повторение ошибок... С. 154.

⁵ *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. Учебник для общеобразоват. учреждений. Нальчик, 2011. С. 9.

республика в составе Российской Федерации. На ее территории <...> проживают представители более 100 национальностей: кабардинцы, балкарцы, русские, украинцы, осетины и др. <...> На протяжении веков кабардинцы, балкарцы, русские и другие народы жили и живут на территории Кабардино-Балкарии в дружбе и согласии»¹. Особенно подчеркиваются хорошие взаимоотношения двух «титულных» этносов: «Отношения между кабардинцами и балкарцами были всегда мирными, дружественными. Примечательно, что за всю историю взаимоотношений кабардинцев и балкарцев между ними не было ни одного серьезного случая столкновения, а тем более войны на межнациональной почве»². Однако в тексте скудно представлены сведения о представителях «нетитулных» национальностей, проживающих в республике.

Учебники по истории Осетии решают иную проблему – соединения под одной обложкой истории разделенного государственным границами этноса. Обращает на себя внимание само название курса и изданных учебников – «История Осетии», без деления на Северную и Южную. Действительно, многие вопросы социально-экономического и политического развития Северной и Южной Осетии излагаются совместно. При характеристике образования двух автономий подчеркивается: «Северо-Осетинская автономная республика по желанию ее народа вошла в состав РСФСР, **Южная Осетия, вопреки желанию народа, вновь** [выделено автором учебника – Т.Х., Е.К.] оказалась в составе Грузии»³. Но и в первом учебнике для 5-го класса, в названии которого еще указывается Северная Осетия, существует специальный параграф «Беженцы с юга», посвященный восстанию 1920 г. и его жестокому подавлению грузинскими войсками⁴.

В обоих осетинских учебниках, рассказывающих о событиях XX в., для 5-го и 11-го классов, серьезное значение уделяется трагическим

¹ *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. Учебник для общеобразоват. учреждений. Нальчик, 2005. С. 3; *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. Учебник для общеобразоват. учреждений. Нальчик, 2011. С. 3.

² *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. Учебник для общеобразоват. учреждений. Нальчик, 2011. С. 106.

³ *Кучиев В.Д.* История Осетии. XX в. С. 141.

⁴ *Бзаров Р.С.* Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. С. 79–81.

событиям из жизни Северной и Южной Осетии конца 1980-х – начала 1990-х гг. В учебнике для 11-го класса предпоследний параграф называется «Попытки профашистского руководства Грузии ликвидировать Южную Осетию. Грузино-юго-осетинская война (1989–1991)». События вооруженного конфликта излагаются подробно, с цитированием очевидцев. При анализе причин и предпосылок войны указываются проводившаяся в Грузии «политика, направленная на грузинизацию осетин» и ответные действия Южной Осетии, которая «не выдержала и выступила против продолжающейся не одно десятилетие дискриминации негрузин в Грузии»¹. Следующий параграф носит название «Вторжение ингушских бандформирований на территорию Северной Осетии»². Из текста следует, что ответственность за происшедшее лежит только на одной, ингушской стороне конфликта.

В учебнике для 5-го класса эти события рассматриваются в параграфе «Через новые испытания». Но оценки в нем еще более резки: «С 1989 года банды грузинских фашистов нападали на Южную Осетию. Осетин преследовали по всей Грузии, выгоняли из домов, грабили и убивали. Когда фашисты пришли к власти, они отменили автономию Южной Осетии <...>. Фашисты издевались над женщинами и стариками, разгромили театр, школы и библиотеки <...> Война, которую защитники отечества ведут против захватчиков, называется Отечественной войной». Столь же однозначно излагаются события осетино-ингушского конфликта: «Ночью 31 октября 1992 года отряды преступников вторглись на землю Северной Осетии. Они пришли из Ингушетии, чтобы захватить часть Пригородного района»³.

Обращает внимание, что в обобщающей работе осетинских историков, рекомендуемой для использования в 11-м классе, при характеристике грузино-южноосетинского конфликта не применяется такой термин, как «фашисты», связанный с другими историческими событиями и имеющий в нашей стране однозначно негативную коннотацию. Более выдержанный характер в нем носит и изложение событий в Пригородном районе, в частности, отмечаются их негативные последствия для представителей разных национальностей: «Десятки

¹ Кучиев В.Д. История Осетии. XX в. С. 248, 249.

² Кучиев В.Д. История Осетии. XX в. С. 250–252.

³ Бзаров Р.С. Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. С. 107.

тысяч жителей Северной Осетии: ингушей, осетин, русских – стали вынужденными переселенцами»¹. Использование в учебной литературе подобной терминологии, как и четкое определение конкретных «врагов», призвано усилить впечатление от глубины и масштаба трагедии, выступающее даже более значимым фактором формирования нации, чем восхваление ее побед.

Тема войн и вооруженных конфликтов, насилия вообще является преобладающей в учебной литературе, выходящей на Северном Кавказе, как, впрочем, и во многих других регионах страны. Например, из 360 избранных основных дат по истории ингушского народа 100 фиксируют акты притеснений, оскорблений, унижений, изгнания². Как отмечает Т.С. Гузенкова, учебники, написанные в зонах конфликтов, способны не только сформировать комплекс жертвы, но и спровоцировать в дальнейшем усиление ответной агрессивности³.

В данной связи следует отметить появление учебников, в которых предпринимаются попытки познакомить учащихся не только с историей своих народов, но и с их традиционной культурой. Они дают представление о хозяйственной практике, материальных и духовных особенностях быта, общественно-политическом укладе населяющих регион народов⁴. Полезность таких курсов видится и в том, что учащиеся получают возможность соприкоснуться с живыми носителями традиций, ощутив, тем самым, непрерывность и изменчивость истории. В то же время выбор объектов изучения, как правило, ограничен культурами «титულных» этносов. Практически не уделяется внимания вопросам истории и культуры этнических меньшинств и диаспор, даже относительно крупных и проживающих в республиках на протяжении достаточно длительного времени.

¹ История Северной Осетии: XX век. С. 548.

² Хамчаев С. Хронология истории ингушского народа. Саратов, 1996.

³ Гузенкова Т.С. Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003. С. 264–265.

⁴ Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Учеб. пособие для учителей и учащихся средних школ, ПТУ и техникумов. Изд. 5-е, испр. и доп. Нальчик, 2008. С. 7.

В Адыгее первый учебник по национальной культуре носил отчетливо выраженный этнический характер. Показательно, что его предлагалось использовать «по преподаванию адыгской культуры на разных уровнях – от старших классов средних школ до студентов вузов Адыгеи, Кабарды и Черкесии»¹ – проживающим в различных республиках представителям адыгского этноса. Через несколько лет была предпринята попытка создать курс «Культура народов Адыгеи» для 1–11-х классов, начата подготовка учебных пособий трех уровней – пропедевтического курса для младших школьников, основного – для среднего звена, обобщающего – для старшеклассников. Особенность курса заключалась и в том, что «воспитание уважения к национальным традициям своего и других этносов, населяющих Адыгею» предполагалось решить «через раскрытие культурного своеобразия народов Адыгеи (адыгов, славян, армян, евреев, греков, курдов и др.)»². Но разработка курса так и не завершилась, была издана только программа, одобренная республиканским министерством образования.

Степень воздействия учебника на формирование национального самосознания народов намного выше, чем у профессиональных исторических трудов, рассчитанных, как правило, на узкий круг специалистов. Именно поэтому его разработка требует большей деликатности и эмоциональной сдержанности в оценках событий отдаленного и недавнего прошлого, особенно тех, которые стали ключевыми во взаимоотношениях с соседями по региону и Российским государством в целом. Многие региональные учебники истории на сегодняшний день превратились в манифестацию личных профессиональных и гражданских взглядов их авторов, зачастую производя впечатление некоего компенсатора за былые обиды и унижения, нанесенные народам историей. Однако ее «выправление», выражающееся в заполнении историографических лакун новыми мифами, порождает новые предубеждения и предрассудки, что едва ли будет способствовать формированию прочной основы нациестроительства в регионе.

¹ Нансо М. Адыгская художественная культура. Майкоп, 2000. С. 6.

² Культура народов Адыгеи (1–11 классы). Программа курса. Проект. Майкоп, 2007. С. 4–5. В подготовке курса принимала участие один из авторов настоящей книги.

6.3. Тема Кавказской войны в учебной литературе

Одной из наиболее болезненных тем, острые споры о которой из профессиональной историографии перенесены в учебную литературу, является Кавказская война. Память о войне как одном из главных исторических и мемориальных событий в регионе нередко превращается в действенный фактор этнической мобилизации. Она может способствовать сплочению членов одних этнических общностей и разделять их с носителями других культурных традиций. В данной связи целесообразно сопоставить тексты различных школьных учебников – дореволюционных, советских и современных, уделяя главное внимание месту, которое отводилось и отводится в них Кавказской войне, ее общим оценкам, анализу причин и характера войны, а также описанию роли ее отдельных участников.

В дореволюционных учебниках истории Кавказской войне не уделялось значительного внимания. В ряде учебных пособий указывался лишь сам факт присоединения Северного Кавказа к России. Так, в выдержавшем 32 издания «Элементарном курсе всеобщей и русской истории» писателя и педагога И.И. Беллярминова, упоминается об окончательном покорении кавказских народов, «борьба с которыми продолжалась около 60 лет»¹. В другом учебнике тот же автор изложил более подробно данный вопрос, указав, что война «с кавказскими горцами, постоянно тревожившими соседние русские земли (грабежи, обращение русских пленных в рабство)», много лет была нерешительна, «наши войска терпели поражения». Наконец, Шамиля вынудили удалиться в горную часть Дагестана. Доступ к горным аулам, защищенным лесами и пропастями, был затруднен, «и много пролилось русской крови», прежде чем Шамиль оказался окружен и сдался². И.И. Беллярминов осуждает войну как аморальное явление, но признает ее вынужденный характер со стороны. Он подчеркивает, что не Россия была инициатором войны, а кавказские горцы. Из текста следует, что русской армии приходилось защищаться от горцев, неся потери, и только неимоверными усилиями ей удалось достичь победы.

¹ *Беллярминов И.* Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 171.

² *Беллярминов И.И.* Курс русской истории (элементарный). М., 1994. С. 96.

В «Кратких очерках русской истории» Д.И. Иловайского, издававшихся 36 раз с 1860 по 1912 гг., начало Кавказской войны связывается с присоединением Грузии к России, в результате чего территория Северного Кавказа «оказалась между русскими владениями, и открылась продолжительная борьба с кавказскими горцами». Таким образом, по сравнению с предыдущим автором, Д.И. Иловайский видел причины войны в распространении влияния России на территорию Кавказа. В то же время он, как и И.И. Беллярминов, подчеркивал отсутствие у России агрессивных планов в отношении народов Северного Кавказа. По его словам, «сначала русские ограничивались оборонительными действиями от набегов разбойничьих племен» и перешли к активным действиям лишь с назначением главнокомандующим генерала Ермолова в 1816 г. Однако «успехи русских были остановлены появлением новой мусульманской секты – мюридизма, который «мелкие разъединенные дотоле племена соединил общим религиозным фанатизмом». Это вызвало необходимость изменить саму систему ведения войны: «Тщетно время от времени войска совершали экспедиции в разные горные области, жгли и разоряли черкесские аулы; предприятия эти были отрывочны, и покорение племен началось только с проложением широких лесных просек и открьтием более правильных и постоянных наступательных действий»¹.

Непосредственно на основе местных материалов было написано пособие А.П. Певнева о кубанских казаках. Оно было издано небольшим тиражом накануне Первой мировой войны «для учеников станичных школ Кубанской дирекции при изучении истории родного войска»². В пособии немало места отводилось описанию их борьбы с горцами. Автор указывал, что первоначально «горцы весьма дружелюбно встретили» появившихся на Кубани казаков. Об этом писали в то время и местные историки, например, Ф.А. Щербина,

¹ *Иловайский Д.* Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. С. 376.

² В 1995 г. пособие переиздали с рекомендацией управления образования администрации Краснодарского края в качестве учебного пособия по истории родного края при изучении истории Отечества, что само по себе показательно. См.: *Певнев А.П.* Кубанские казаки. Пособие по истории для учащихся школ, гимназий, лицеев Краснодарского края. Краснодар, 1995.

отмечавший, что вплоть до начала Кавказской войны между представителями разных народов, по-видимому, не было открытой враждебности. И при переселении черноморцев на Кубань черкесы первоначально встретили их достаточно дружелюбно. Но вскоре мирные отношения сменила взаимная вражда: «Стали лицом две различные по этническим особенностям и степени культуры народности, и в связи с этим глубоким различием должны были неминуемо возникнуть недоразумения из-за земли, из-за вольных мест, из-за скота, из-за добычи, из-за чужой собственности и т. п. Так и было»¹.

А.П. Певнев отмечал, что после перехода части черкесов в подданство России «враждебные племена горцев начали мстить, <...> они переправлялись через Кубань, нападали на казачьи поселения и хутора; грабили их, угоняли скот и уводили людей в плен». Как и другие авторы его времени, он связал причины войны с набегами горцев: «Для наказания горцев за учиняемые набеги Войсковое Правительство посылало черноморцев за Кубань, которые, в свою очередь, жгли горские аулы, угоняли скот и уводили в плен людей. Таким образом, началась война, тянувшаяся около семидесяти лет»². В нескольких разделах пособия описываются нападения черкесов на казачьи станицы и посты, ответные действия войсковых и наказных атаманов, строительство укреплений, трудности воинской службы казаков, жизнь и собственность которых постоянно подвергались постоянной угрозе со стороны горцев.

Оценки Кавказской войны в советских учебниках неоднократно менялись, вслед за профессиональной историографией, находившейся под влиянием идеологии. В последнем советском и первом российском учебнике И.А. Федосова по истории СССР XIX в., шесть раз издававшимся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., данной теме был посвящен специальный параграф «Народы Северного Кавказа». Здесь отмечались давние связи России с народами региона, причины войны объяснялись продвижением царских войск вглубь Кавказа, строительством дорог и крепостей и ответным сопротивлением свободолюбивых горцев Дагестана, Чечни и Адыгеи. И.А. Федосов указал, что большую роль

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II. С. 1.

² Певнев А.П. Кубанские казаки... С. 16.

«в разжигании войны сыграли реакционные слои мусульманского духовенства», использовавшие в своих целях «воинствующее течение ислама – юридизм». Автор охарактеризовал войну как затяжную и изнурительную для царской армии и «горцев, которые мужественно сражались за каждый аул». Он отметил, что движение горцев «было направлено не только против эксплуататорских классов России, но и против гнета местных феодалов». Однако горская знать «использовала эту борьбу в своих корыстных целях» и пошла «на сговор с султанской Турцией». При этом само включение народов Северного Кавказа в состав России оценивалось положительно: «Сближение горских народов с русским народом способствовало развитию их культуры и экономики, в совместной борьбе «против царизма крепили дружеские отношения русского народа с народами Кавказа»¹.

Эти оценки переносились и в выходявшие в советское время пособия по истории родного края. В одном из таких пособий, подготовленном краснодарскими авторами, события Кавказской войны рассматривались в параграфе «Народы Северо-Западного Кавказа и царизм». Война оценивалась как колониальная, проводившаяся «в классовых интересах русских помещиков и буржуазии». В то же время отмечалась и «классово-эгоистичная политика адыгейской знати, боявшейся потерять право “независимо” угнетать свой народ». Критике подвергалось вмешательство Англии и Турции, стремившихся не допустить выхода России к морю. Указывалось на негативные последствия войны, «бесправие, голод, рабство и часто смерть» адыгов, покинувших Родину и уехавших в Турцию, тяжелую участь тех, кто остался в «тюрьме народов». Однако авторы подчеркивали, что между самими «трудящимися Адыгеи и России не было вражды. Казаки и адыгейские крестьяне жили мирно, торговали, учились друг у друга земледелию, садоводству и ремеслу»². Стремление создать исключительно позитивную картину развития взаимоотношений различных народов региона объясняет отсутствие упоминаний о Кавказской войне в некоторых других учебных пособиях.

¹ Федосов И.А. История СССР. Учебник для 9 кл. ср. шк. 6-е изд. М., 1992. С. 78–80.

² Анфимов Н.В., Юркин Н.Ф., Кусый В.А. История родного края. Учеб. пособие для 7–8 кл. Краснодар, 1976. С. 29–31.

Характерной особенностью современного этапа в развитии российского исторического образования стало появление различных учебников и учебных пособий, нередко предлагающих альтернативные версии прошлого. Если в 1992 г. в России было издано 140 учебников по всем предметам, то в 1999 г. – 1152, в том числе 68 учебников истории¹. В то же время многие из них выходили небольшим тиражом, что сужало возможности их распространения в массовой школе. Кроме того, выбор учебника, по крайней мере, для муниципальных общеобразовательных школ, ограничивает наличие или отсутствие у него соответствующего грифа Министерства образования России.

Наиболее широкое распространение в качестве основного учебника по истории России XIX в. в российской школе в 1990-х – начале 2000-х гг. получил неоднократно переиздававшийся в разных вариациях учебник П.Н. Зырянова, что и позволяет на нем остановиться подробнее. Написанный первоначально в качестве учебной книги для 9-го класса, он вскоре получил статус «полноценного» учебника. С переходом школьного исторического образования к двухступенчатой системе был переиздан в качестве учебника для 8-го класса (первого концентратора) и одновременно вошел без серьезных изменений в совместный учебник с А.Н. Сахаровым для 10-го класса (второго концентратора). Кавказская война рассматривается в параграфе, посвященном царствованию Николая I. В оценках войны автор возвращается к дореволюционной традиции, подчеркивает, что конфликт на Кавказе «имел давнюю историю». В качестве его истоков указаны набеги горцев, в ответ на которые «местные военные власти снаряжали в горы карательные экспедиции». В более полном издании происхождение набеговой системы горцев объясняется определенным этапом в их общественном развитии (военной демократией). П.Н. Зырянов указывает, что планомерное наступление на горцев началось в 1817 г. (в одном издании упоминается деятельность генерала А.П. Ермолова), что вызвало «подъем народного движения», которое «развивалось под

¹ Пушкарева Т. Совет Федерации о школьных учебниках // Учебники (приложение к газете «Первое сентября»). 2000. 16 мая. С. 1.

знаменем ислама». Завершение Кавказской войны связывается со сдачей Шамиля в ауле Гуниб в 1859 г., при этом автор подчеркивает, что затяжная и изнурительная война «принесла много горя и страданий всем участвовавшим в ней народам»¹.

В 2000-х гг. среди учебной литературы по истории России XIX в. для основной школы на первое место по степени популярности вышел учебник для 8-го класса А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной, переизданный разными издательствами свыше полутора десятка раз тиражом в сотни тысяч экземпляров. Причина Кавказской войны в нем связывается с тем, что «территории обитания многочисленных народов Северного Кавказа (их называли горцами) оказались окруженными российскими властями». Попытки внедрения российских законов вызвали сопротивление ряда северокавказских народов. В одном из первых изданий авторы увидели в этом конфликте «столкновение двух непохожих культур, традиций, образов жизни»². Однако это культурологическое объяснение не получило дальнейшего развития. В последующих изданиях авторы пришли к более традиционным описаниям противостояния: «Горцы особенно были возмущены запретом совершать набеги на соседей и торговать захваченными пленными». Отметив «многочисленные походы» против горцев при А.П. Ермолове, А.А. Данилов и Л.Г. Косулина указали, что «сопротивление горцев усилилось, приобретая характер национально-освободительной войны». Подчеркивается, что «длительная и тяжелая» для России Кавказская война «стоила больших жертв и материальных средств, замедляла экономическое развитие страны»³. В то же время ничего не сообщается о негативных последствиях войны для горцев, понесенных ими потерях и махаджирстве.

¹ Зырянов П.Н. История России, XIX век: Учебная книга для 9 кл. сред. шк. М., 1994. С. 59; Буганов В.И., Зырянов П.Н. История России, конец XVII–XIX в. Учебник для 10 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1997. С. 159; Зырянов П.Н. История России, XIX – начало XX вв. Учебник для 8–9 кл. М., 1997. С. 71–73 и др.

² Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России XIX в. Учебник для 8 кл. М., 2001. С. 93.

³ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XIX в. 8 кл. Учебник для общеобразоват. учреждений. 12-е изд. М., 2011. С. 82–83.

Значительно больше внимания уделяется данной теме в учебниках, изданных на Северном Кавказе в рамках национально-регионального компонента. Так, в самом первом учебнике по истории Адыгеи с древнейших времен до конца XIX в. роль адыгов в международных отношениях в XVIII–XIX вв. и собственно Кавказская война рассматривалась в 8 параграфах из 38, занимая не менее пятой части всего учебного текста. В учебнике по истории Адыгеи для 8-го класса данным вопросам посвящены уже две главы из пяти (8 параграфов из 33, более четверти учебного текста). В учебнике по истории Чечни они занимают две главы из пяти (13 из 32 параграфов, более 45 % общего текста)¹.

В указанных учебниках достаточно подробно рассматривается дипломатическая борьба России, Турции, Англии за господство в регионе, активизация действий царских войск, ход и формы военных действий на Северном Кавказе в 1817–1864 гг., возникновение и развитие народно-освободительного движения горцев, его этапы, создание имамата Шамиля, а также Сочинского меджлиса, тяжелым последствием Кавказской войны для горцев, их вынужденному переселению в Османскую империю и положению на чужбине. Если в советское время было принято подчеркивать, что не все горские народы участвовали в Кавказской войне, а некоторые, например, ингуши, даже помогали русским войскам, то современные учебники, напротив, стремятся создать представление о чуть ли не едином фронте борьбы северокавказских народов с Россией. Так, одним из важнейших событий Кавказской войны изображается Назрановское восстание ингушей в 1858 г.²

Только в учебнике по истории Осетии ничего не говорится о Кавказской войне и подчеркивается добровольность ее присоединения к России в соответствии с советской историографической традицией. Но и здесь указывается: «Вместе со всеми народами России осетины вступали в борьбу против несправедливости и угнетения

¹ Керашев А.Т., Чирг А.Ю. История Адыгеи. Учеб. пособие для учителей 8–9 кл.; Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). Учебник для 8 кл.; Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Я.З., Асталов В.А., Хасбулатов А.И. История Чечни (XIX век). Грозный, 2007.

² Кодзоев Н.Д. История ингушского народа. С древнейших времен до конца XIX вв.. Учеб. пособие для 7–9 кл. общеобразоват. школ. Магас, 2002. С. 162–165.

<...> В начале 19 века осетины не раз восставали против начальников, которых назначал им царь»¹.

Находит свое отражение тема Кавказской войны и в учебниках по близким истории школьным предметам. Так, в учебнике М. Напсо, прославляющем культурные достижения адыгов, немало места отведено показу негативных последствий присоединения к России свободолюбивых горцев Северного Кавказа. В частности, в разделе, посвященном «Хасэ – совету мудрейших», отмечается: «И вот в страну, где каждый человек являлся арбитром, где не был ни тюрем, ни цепей, в страну, который управлял Народный Форум, опираясь на мудрые обычаи и традиции, пришел старый русский бюрократизм, построенный на взяточничестве и продажности чиновников»². При этом автор использует крайне редко встречающееся в учебной литературе понятие «Русско-Кавказская война», придающее вооруженному противостоянию межэтнический характер³.

В то же время в учебниках, изданных в соседних «русских» регионах, приводится иной взгляд на Кавказскую войну. Например, в учебниках по истории Адыгеи и Кубани одни и те же события порой описываются с прямо противоположных сторон, соответственно, различаются и симпатии авторов. В учебниках по истории Адыгеи внимание акцентируется на стремлении адыгов к независимости, масштабе понесенных ими потерь, жестокости царских войск. Авторы подчеркивают мужество храбрых горцев, «смелые вылазки» которых «часто ставили в тупик прославленных генералов», указывают на то, что «прогрессивные деятели всего мира» сочувствовали освободительной борьбе адыгов и восхищались ею⁴. В учебниках по истории Кубани показывается сложность пограничной службы казаков – черноморцев и линейцев, постоянно повергавшихся набегам со стороны горцев, их бесстрашие и воинское мастерство: «Многие эпизоды Кавказской войны принесли

¹ Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Учебник для старших классов средних школ. Владикавказ, 2000. С. 218; Бзаров Р.С. Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. С. 44.

² Напсо М. Адыгская художественная культура. С. 155.

³ Напсо М. Адыгская художественная культура. С. 22.

⁴ Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). С. 83, 88.

линейцам славу бесстрашных воинов, доблестных защитников родной земли»¹. Тексты, содержащие подобные представления, составили и основу хрестоматии по литературе Кубани², вызывая резкую критику адыгских авторов³.

Несмотря на эти различия, в объяснении причин войны в большинстве региональных учебников господствует подход, сложившийся в советской историографии и возлагающий ответственность за то, что «изначально дружественные отношения между казаками и западными адыгами» были нарушены, на «своекорыстную политику царизма». Некоторые авторы указывают, в соответствии с традицией, что «адыги вели войну не против русского народа, а против царского самодержавия. И в те суровые годы не прерывалось дружеское общение между русскими и адыгами. Многие из простых русских солдат, которых царь гнал на Кавказ, сочувствовали горцам»⁴.

В ряде учебников отмечается, что в ходе Кавказской войны «было проявлено немало мужества и героизма со стороны как горцев, так и русских воинов. Но время это изобиловало не только жестокими столкновениями, но и примерами взаимовыручки и дружбы между русскими и горцами, оно отмечено ростом торговли и взаимовыгодного обмена». В данной связи необходимо отметить появление в учебных пособиях специальных разделов, рассказывающих об адыгах – офицерах русской армии, а противостояние горцев и казаков получает дихотомическую характеристику «друзья – враги»⁵. Однако в целом сюжетам мирного сосуществования, торговле, дружбе, куначеству, вопросам боевого сотрудничества жителей региона различных национальностей уделяется меньше внимания, чем истории их вражды.

Из героев войны наиболее популярным в учебной литературе был и остается имам Шамиль, при этом его оценки заметно

¹ Родная Кубань. Страницы истории. Книга для чтения. Краснодар, 2003. С. 89 и др.

² Литература Кубани. Хрестоматия. 5–11 классы. Краснодар, 1995.

³ Нибо А. Зомбирование продолжается... // Шапсугия. 2006. 26 февраля. С. 4 и др.

⁴ Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). С. 76

⁵ Родная Кубань. С. 85; Шеуджен Э.А. Рассказы по истории Адыгеи. Учебник для 5 кл. С. 120–121, 131–132 и др.

эволюционировали от «платного английского шпиона» до «руководителя национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа». Во многих дореволюционных, советских и современных российских учебниках содержится достаточно подробная характеристика Шамиля, авторы отмечают такие его личные качества, как мужество, ум, выносливость, отвагу, храбрость, красноречие и, в то же время, жестокость.

Другим героям войны менее «повезло». В дореволюционных учебниках упоминались русские генералы, завершившие войну: князь Барятинский, генерал Евдокимов («все тело последнего было покрыто ранами, полученными в борьбе с горцами»¹). В советских учебниках указывалось на то, что «волею обстоятельств в числе участников войны находились и известные в русском обществе своими прогрессивными взглядами люди»: начальник Черноморской береговой линии генерал Н.Н. Раевский, командир Черноморского флота адмирал М.П. Лазарев, адмиралы П.С. Нахимов и В.А. Корнилов².

В новых учебниках по истории Адыгеи деятельность многих русских генералов получила негативную оценку. А.П. Ермолов охарактеризован как «сторонник беспощадных мер в порабощении народов Кавказа», Г.Х. Засс выделялся своими «жестокими набегами», Н.И. Евдокимов вошел «в историю как палач-истребитель адыгских народов». Напротив, положительно оцениваются действия Мухаммеда Амина – «вождя борьбы адыгов за независимость», «крупнейшего черкесского политика того времени» Сефер-бей Заноко и других «прославленных вождей адыгов и убыхов». Новые оценки закрепляет и соответствующим образом подобранный визуальный ряд, используемые в оформлении учебных пособий иллюстрации, карты, а также отрывки из исторических документов.

Необходимо отметить, что и в отношении отдельных участников войны в современных учебниках по истории Адыгеи и Кубани порой складываются полярные оценки. В частности, авторы учебника «Родная Кубань» посвятили специальный параграф «Во славу русского оружия» описанию подвига солдата Архипа Осипова, названного

¹ *Беллярминов И.И.* Курс русской истории (элементарный). С. 96.

² *Анфимов Н.В., Юркин Н.Ф., Кусый В.А.* История родного края. Учеб. пособие для 7–8 кл. С. 30–31.

героем России. В то же время в «Рассказах по истории Адыгеи» его характеристика завершается утверждением, что «в истории нередко бывают случаи, когда люди совершают подвиги и гибнут, отстаивая неправое дело»¹.

Авторы учебника по истории Чечни XIX в. стремятся уйти от крайних оценок в описании Кавказской войны. Указывая, что «это была борьба горских народов за свою свободу, за уважение к себе и к своим обычаям, за право на самоопределение и, наконец, за право свободно и спокойно жить на земле своих предков», они подчеркивают, что «ни о каком национальном антагонизме, ни о какой “ненависти к русским и ко всему русскому” не могло быть и речи». Особенно показательны оценки лидеров Кавказской войны. Указывая на «несоизмеримость сил» противоборствующих сторон, авторы делают вывод о том, что «нельзя было ввергать народ на заведомо гибельную и проигрышную войну». В духе прежней традиции отмечается и влияние «передовой русской культуры и революционно-демократического движения в России»². В этих оценках видится стремление к историческому компромиссу, столь необходимому для современного чеченского общества, уставшего гораздо больше от настоящей войны, чем от «войн памяти».

Таким образом, оценки в учебной литературе Кавказской войны заметно эволюционировали. Они существенно различаются и в современных федеральных и региональных учебных пособиях. В учебниках по истории России и СССР данной теме уделялось и продолжает уделяться немного места, что объясняется общим количеством учебного времени, выделяемым на данные курсы. При этом главное внимание в учебниках уделялось событиям в Дагестане и Чечне, а борьба адыгов за независимость практически не рассматривалась, в лучшем случае лишь упоминался сам факт окончания войны в 1864 г. Напротив, в большинстве современных региональных учебников истории изучению темы Кавказской войны отводится значительное количество учебного времени.

¹ Родная Кубань. Страницы истории. Книга для чтения. Краснодар, 2003. С. 94–97; Шеуджен Э.А. Рассказы по истории Адыгеи. С. 131.

² Ахмадов Ш.Б., Ахмадов З.Я., Асталов В.А., Хасбулатов А.И. История Чечни (XIX век). С. 7–8.

Вместе с тем столь пристальное внимание, уделяемое истории Кавказской войны, наглядно свидетельствует об остроте и непроработанности национальной памяти одной из самых трагических страниц северокавказской истории. Ее открытость и продолжающееся обсуждение – наглядное подтверждение все еще идущим в регионе процессам выработки основ национального самосознания народов и форм его поддержания. Их окончательный выбор во многом будет зависеть и от оценок Кавказской войны.

* * *

Среди многочисленных функций, которое выполняет образование как социальный институт, немаловажное значение имеет сохранение и трансляция господствующих в обществе ценностей. Именно школа призвана закладывать тот набор представлений, которые со временем должны определять не только матрицы поведения человека в обществе, но и его принадлежность к определенной социальной группе, возникающую на основе чувства сопричастности к ней, осознания общности языка, истории и культуры с другими ее членами. Поэтому образовательные технологии служат важнейшими инструментами формирования и поддержания национальной идентичности.

Вплоть до начала 1990-х гг. знакомство школьников с историей и природой родного края считалось прерогативой краеведения, отношение к которому со стороны советского руководства менялось. Выделение национально-регионального компонента в содержании российского образования в условиях демократизации всех сфер общественной жизни было призвано закрепить баланс интересов различных субъектов образовательного процесса, предоставив им новые возможности для их реализации. Действительно, многие жители Северного Кавказа стали изучать родной язык, историю, природу и культуру своих регионов в рамках школьных программ, что, несомненно, имело положительное значение. В то же время институционализация образовательных практик дала неожиданный результат. Национально-региональный компонент как один из символов национальной государственности, стал восприниматься как гарантия реализации прав и возможностей северокавказских

республик в сфере образования, негативно воспринимающих вторжение в данную область со стороны любых других субъектов.

За два с лишним десятилетия в республиках Северного Кавказа проделана большая работа по разработке и созданию учебных и учебно-методических материалов в рамках национально-регионального компонента. Практически везде изданы необходимые учебники и учебные пособия по родному языку и литературе, истории и географии, другим дисциплинам. Тем не менее качество наполнения учебников и учебных программ в настоящее время вызывает определенные вопросы. В большинстве случаев в их содержании преобладает материал о «титულных» этносах, в значительно меньшей степени представлены сведения регионального и локального характера, а также информация о других этнических общностях, что вызывает определенные противоречия. Особенно острые разногласия возникают в изложении региональными учебниками событий Кавказской войны.

Многие учебные пособия по региональной истории не соответствуют современным методическим требованиям, для них характерны более «авторитарные» тексты, нацеленные на заучивание содержащихся положений, авторский монолог как господствующий стиль изложения. К тому же, как и большинство других гуманитарных предметов в школе, они во многом проигрывают другим информационным каналам, используемым современными школьниками. В условиях общей перегруженности учащихся, в том числе в связи с проведением итоговой государственной аттестации, в материалах которого национальная и региональная специфика не нашла соответствующего отражения, дисциплины данного блока нередко воспринимаются как второстепенные и самими учащимися, и учителями.

Очевидно, что поиск соотношения между различными уровнями исторических знаний школьников, соответствующих различным событиям – мировым (всеобщая история), национальным (отечественная история), региональным, этническим и локальным (история населенного пункта) – должен быть продолжен. В школьном курсе истории необходимо найти оптимальное сочетание общих закономерностей, дающих представление о логике исторического процесса, и более частных сюжетов, связанных с историей конкретного региона,

этноса, населенного пункта. Решить эти проблемы могла бы более гибкая и динамичная структура учебных курсов, включающая как инвариантную часть, знание по которой подвергается проверке в ходе итоговой государственной аттестации как показатель выполнения учебным заведением федеральных стандартов, так и вариативную, наполняемую конкретным материалом в зависимости от места и типа учебного заведения. Очевидно, что наше общее «непредсказуемое прошлое» и его отражение в школьном историческом образовании должно перестать быть дестабилизирующим фактором развития региона и страны в целом.

ГЛАВА VII.

«И ЗА ПРЕДЕЛАМИ СВОИХ ГОСУДАРСТВ МЫ ОСТАЕМСЯ НЕ ПРОСТО РОССИЯНАМИ»: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АВТОНОМИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Интерес современного исследователя к этническому измерению жизни современного российского общества сопряжен не только с участвовавшими в последние годы межнациональными столкновениями. Повышение мобильности этнических групп и нередко возникающие трудности в освоении ими нового социокультурного пространства актуализирует проблему адаптационных возможностей принимающего сообщества. Существующие на сегодняшний день механизмы удовлетворения потребностей граждан в поддержании их культурной инаковости в виде разнообразных общественных организаций и фольклорных коллективов, по оценкам экспертов, оказываются не всегда эффективными. Неэффективностью эта связывается с формализованным характером деятельности самих организаций, а также отсутствием надлежащей поддержки со стороны официальной власти.

Между тем привычное восприятие общественных организаций объединениями единомышленников, ставящих перед собою социально значимые цели, на сегодняшний день все чаще оказывается если и не полностью, то отчасти не соответствующим действительности. Их возникновение и последующая деятельность нередко оказываются результатами стечения непредвиденных обстоятельств, а цели не выходят за пределы реализации личных устремлений организаторов. Появление такого рода объединений с ярко выраженной этнической спецификой свидетельствует, помимо всего прочего, и о желании определенной части общества найти свое место в глобализирующемся и все более теряющем свою индивидуальность мире. Одной из форм такого напоминания о себе становится заново переживаемая этничность, находящая воплощение в различного рода инициативных проектах по сплочению «своих».

7.1. «Евреи – это, прежде всего, религия»

Наше профессиональное знакомство с деятельностью еврейской религиозной общины г. Таганрога началось четыре года тому назад. В октябре 2010 г. при подведении итогов работы над одним из исследовательских проектов возникла идея дополнить его серией экспертных интервью с лидерами этнических объединений Ростовской области. В списке потенциальных интервьюеров еврейская община заняла далеко не первое место и рассматривалась скорее как некий информационный резерв. Тем не менее именно она оказалась одной из немногих организаций, руководство которых сразу и безоговорочно откликнулось на наше предложение. Его суть сводилась к оценке возможностей современного исторического знания в обеспечении развития нынешнего российского общества. Однако в ходе начавшихся переговоров и личных встреч с руководством общины, ее председателем Т.М. Отерштейном, наши планы изменились и от истории мы постепенно перешли к обсуждению практик поддержания этнической идентичности еврейского населения города.

Возрождение общественной жизни евреев Таганрога пришлось на конец 1980-х гг. По мнению нашего респондента, советская эпоха с ее антинациональными кампаниями не способствовала престижности принадлежности к еврейству: *«С начала перестройки, где-то в 1989 г., когда занавес приподняли, и о национальности можно было смело говорить, а особенно о евреях, что раньше не очень приветствовалось властями, вот в это время в Таганроге было создано общество еврейской культуры “Лэхаим”»*¹. Обстоятельства его возникновения были подробно освещены на страницах «Таганрогской правды». Клуб образовался явочным порядком в июне 1989 г. по завершении концерта известного эстрадного певца В. Мулермана.

¹ Интервью с Отерштейном Танхой Моисеевичем, руководителем еврейской религиозной общины г. Таганрога. Интервьюеры Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Запись 23.10.2010. Продолжительность 155 мин. Место проведения: г. Таганрог, помещение общественной организации // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Тогда же в качестве основных направлений его деятельности инициативной группой были предложены изучение языка, истории и культуры еврейского народа, чтение и обсуждение еврейских периодических изданий, выходивших в стране на русском языке. В перспективе планировалось создание театра кукол из народных персонажей, передвижной библиотеки, кустарных промыслов с национальной символикой; увековечивание памяти евреев, погибших в годы немецкой оккупации города¹.

Клуб так и не был официально зарегистрирован, не обрел он и своего постоянного помещения. Однако это не помешало начавшемуся процессу возрождения еврейской общины: *«Помещения у нас не было, и встречи проходили в местах, которые представляли различные организации, а именно в домике Чайковского, там собирались в теплом уютном помещении, в городском Доме культуры, а летом просто на скамеечке в парке»*². В тот период особенно заметными стали встречи на еврейских праздниках, отмечаемых на частных квартирах, где подолгу говорили об истории, традициях евреев, об их жизни в Израиле. Именно с этим обстоятельством Т.М. Отерштейн связывает начавшийся выезд таганрогских евреев в Израиль: *«В основном это общество было связано с надеждами и проблемами государства Израиль. Многие захотели уехать на историческую родину. В основном мотивация была связана не столько с моральной, а больше с материальной стороной <...> За период примерно 10 лет с 1989 г. уехало более 600 человек – это большое количество. В основном уезжали пожилые вместе с детьми и внуками»*³.

Текущая жизнь «Лэхаима» сосредоточилась на обсуждении писем, получаемых от родственников из Израиля, чтении газет, присылаемых из Москвы и встречах *«по большим праздникам на квартире одного из наших»*. Отсутствие постоянного помещения все же сказалось на характере активности евреев города и односторонней направленности его деятельности. Характеризуя степень вовлеченности еврейского

¹ Миненкова Л. Клуб назвали «Лэхаим» // Таганрогская правда. 1990. 7 февраля

² Интервью с Отерштейном Танхой Моисеевичем...

³ Интервью с Отерштейном Танхой Моисеевичем...

населения города в происходившие процессы кристаллизации национального самосознания, Т.М. Отерштейн выделил три группы евреев: пассивных (чаще всего ассимилированных во втором и третьем поколении) и безразлично относящихся к своему происхождению; озабоченных проблемами репатриации и абсорбции; небезразличных к возрождению национальных традиций и активно участвующих в еврейской жизни города и России. Последних, по его оценкам, не так много, но благодаря их настойчивости и усилиям в Таганроге были созданы воскресная школа, «Еврейский дом», группа милосердия, установлен памятник евреям – жертвам Холокоста¹. В этом отношении показателен и личный опыт приобщения к жизни еврейской общины ее нынешнего руководителя: *«Поначалу я не принимал в нем [речь идет о клубе «Лэхаим» – Т.Х., Е.К.] участия, так как был связан с секретной работой, и мне, в общем-то, некогда было этим заниматься. С уходом на пенсию, а я ушел в 1990 году, и я волей-неволей приобщился и стал посещать это общество».*

Именно у «небезразличных к возрождению национальных традиций» евреев и родилась идея создать более солидное объединение: *«... постепенно разговоры переросли в то, а почему нам, тем, кто не собирается уехать, не создать свою организацию и не зарегистрировать ее юридически, и тогда иметь основание просить и требовать какое-то помещение».* В 1996 г. руководством клуба было принято решение о регистрации еврейской организации в форме «еврейской религиозной общины, так как большинство евреев пожелало находиться под “крышей” еврейской синагоги и фонда “Хабад-Любавич – ОР Авнер”»². Несмотря на отсутствие среди евреев города умеющих молиться и желающих соблюдать религиозные законы, инициаторы ее создания исходили из трех основных признаков принадлежности к еврейству – кашрута (согласованности с традиционным иудейским правом), милосердия и субботы. В условиях значительной ассимиляции «эти признаки должны были отличать нас на бытовом уровне»³. С официальной регистрацией община получила и помещение, которое ее члены называют «Еврейским домом». История его обретения

¹ Отерштейн Т.М. Евреи Таганрога. Таганрог, 1999. С. 55.

² Отерштейн Т.М. Евреи Таганрога. С. 56.

³ Отерштейн Т.М. Евреи Таганрога. С. 58.

была долгой. Община какое-то время пыталась вернуть помещение бывшего религиозного общества «Талмуд – Тора», в настоящее время занимаемого средней образовательной школой. И только личное содействие бывшего мэра г. Таганрога привело к получению общиной своего помещения.

По оценкам Т.М. Отерштейна, община жила своей полнокровной жизнью именно в 1990-е гг. Тогда в «Еврейский дом» приходило много народу поделиться своими воспоминаниями, отпраздновать религиозные праздники: «...у евреев праздников много, нам материально помогала Москва, т.е. присылали деньги на трапезу, а остальное мы сами. На большие праздники, такие как еврейская Пасха, которая бывает весной, много людей приходило, приходили за мацой, которую тоже Москва присылала. В последние годы снимали помещение ресторанный типа, настолько много денег присылали». В проведении религиозных праздников принимали участие раввины из Америки и Израиля, под руководством которых таганрогские евреи «вспоминали» утерянные традиции. Одним из основных направлений деятельности общины в тот период стали организация и поддержание культурной жизни евреев города, что выражалось в коллективных чтениях и обсуждении газет, журналов, книг об истории и культуре евреев.

Наряду с еврейской общиной в городе в 1990-е – начале 2000-х гг. действовало несколько международных еврейских организаций – «Сохнут» («Еврейское агентство для Израиля») и «Джойнт», чья деятельность была направлена на оказание благотворительной помощи и содействие выезда евреев в Израиль. Оказание благотворительной помощи стало одним из действенных каналов «возрождения» принадлежности к еврейству среди населения города и способствовало появлению еще одной общественной организации «Хесед».

Однако самым своим большим долгом перед еврейским населением города община считает увековечивание памяти жертв Холокоста. События 26 октября 1941 г., когда в Петрушинской балке было расстреляно по разным данным от 3 до 7 тыс. евреев¹, по мнению ее

¹ Волошин В., Ратник В. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог, 2008. С. 187.

руководства, так и не получили своего должного отражения в мемориальном пространстве города. В 1993 г. в городе по инициативе Т.М. Отерштейна открылось отделение Всероссийского научно-просветительского центра «Холокост», одной из первых акций которого стала газетная публикация о событиях октября 1941 г. В результате полученных на нее откликов горожан удалось восстановить более 300 фамилий расстрелянных евреев.

Отделение наладило работу со школами города, где по договоренности с администрацией от одного до двух – трех раз в год проводятся уроки толерантности, рассказывается об истории и традициях еврейского населения Таганрога, о трагедии Холокоста. С учреждениями высшего образования такого понимания достигнуть не удалось, причиной чему видится отсутствие всесторонней поддержки со стороны администрации вузов. На вопрос о том, как сами школьники воспринимают такого рода встречи, наш собеседник ответил не сразу. В целом, по его мнению, юные таганрожцы с пониманием относятся к необходимости сохранения памяти о прошлом народов города, в том числе и евреев. Иногда, правда, возникает *«недовольство, зачем опять про евреев»*, но это происходит нечасто. Явного антисемитизма в городе не наблюдается, хотя время от времени *«бывали хулиганские выходки»*, относившиеся ко времени возникновения общины: *«Рисовали эти фашистские символики, мы их закрасили. Писали “Жиды – убирайтесь”. Были случаи, что врывались сюда, но это уже было давно лет 5–7 назад»*. Руководитель еврейской общины оценивает уровень антисемитизма в городе как *«патологию в норме»*. Его проявления связываются с недостатками семейного воспитания. Отношение к мероприятиям по увековечиванию памяти жертв Холокоста со стороны власти рассматривается руководством общины как *«лакмусовая бумажка»* отношения к евреям города. Показательно, что наличие в городе именно этого «места памяти» воспринимается общиной показателем *«самосознания еврейского населения Таганрога»*.

Дальнейшее существование общины ее руководитель связывает с поддержкой сторонних еврейских организаций и притоком молодого пополнения. Он с горечью говорил о старении общины и отсутствии так и неподготовленного им приемника. В процессе нашего общения,

которое не ограничилось лишь рамками двухчасовой беседы «на диктофон», мы не раз задавали нашему собеседнику «неудобные» вопросы относительно незначительной численности еврейского населения города, еще меньшей части тех, кому действительно нужны религиозная община и память о прошлом.

В результате проведенного исследования мы пришли к ряду выводов. Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. о численности евреев города в количестве 372 чел.¹ разительно расходились с данными самой общины, полагающей таковыми 2 тыс. чел. Из них, по словам самого руководителя общины, только 20–30 чел. *«искренне огорчатся, узнав об ее исчезновении»*. «Костяк» общины составляют 5–10 чел. Они принимают активное участие в проведении празднования субботы, которая лишь отчасти напоминает религиозное мероприятия и представляет собою скорее «посиделки» людей, которым есть что вспомнить и о чем поговорить, и немногочисленных городских мероприятиях, так или иначе связанных с историей и культурой еврейского народа. Согласно воспоминаниям старожил, еще хранящим память о «вкусе родного языка и запахе еврейской кухни», послевоенное поколение евреев уже таковыми, собственно говоря, не были. Источниками (каналами) возрождения этнического самосознания для евреев Таганрога в большей степени стали внешние обстоятельства (падение «железного занавеса», начавшаяся иммиграция на историческую родину, появление еврейских международных организаций в городе), нежели внутренние потребности. Вероятнее всего, создание именно религиозной общины и призвано было усилить эту внутреннюю составляющую возрождения самосознания евреев города. Основным «оселком», местом напоминания о присутствии в городе еврейского населения становится не «Еврейский дом», а мемориальный комплекс, связанный с увековечиванием памяти жертв Холокоста. Большинство евреев города, как показало городское собрание, не проявляет интереса к такого рода мероприятиям, что превращает их в «память для чужих». Уровень антисемитизма в Таганроге определяется не столько прорехами в семейном воспитании населения или незнанием им

¹ Распределение населения Ростовской области по национальности. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический сб. Ростов н/Д, 2005.

истории, сколько во многом связан с активизацией деятельности самой общины, которая поднимая тяжелые и неприятные вопросы из прошлого, провоцирует раздражение и агрессию настоящего.

Еврейская религиозная община выступает в качестве основного канала поддержания этнической идентичности для сравнительно небольшой части евреев города. Она все больше утрачивает свою изначальную роль хранильницы традиционных ценностей и оказывается небольшим «домом для своих», где можно прикоснуться к древней истории, насладиться звучанием родной речи и просто *«поговорить за современную жизнь»*.

7.2. «Здесь на юге армяне живут испокон веку»

Этнизация различных сторон жизни современного российского социума стала «общим местом» в рассуждениях о его дальнейшей судьбе. Об отечественном «взрыве этничности» заговорили с конца 1980-х гг. в связи с парадом суверенитетов, объясняемым, как правило, спецификой административно-территориального устройства страны и «несовершенством» проводившейся национальной политики. С тех пор в понимание направленности экспансии этого взрыва мало что изменилось. Между тем победное шествие этничности охватило собою не только сферы политики, экономики и культуры. Мы все чаще сталкиваемся с ее проявлениями в окружающей нас повседневной жизни в лице монополизовавших уличную торговлю цветами и фруктами азербайджанцев или танцующих лезгинку на улицах российских городов северокавказцев. Возрастающее по этому поводу раздражение определенной части общества становится индикатором его социального неблагополучия, а многочисленные усилия по превращению этничности в культурный маркер гражданского единства так и остаются нереализованными проектами. Вместе с тем, как свидетельствует опыт традиционных для нашей страны диаспор, многие из них нашли свои механизмы интеграции в общероссийское гражданское и культурное пространство, не утрачивая при этом этнической идентичности.

По мнению экспертов, армянской общине на юге России не только удалось успешно справиться с этими задачами, но и выработать фактически идеальную модель адаптации к принимающему обществу¹. Попытка разобраться, насколько подобные утверждения соответствуют действительному положению дел, вылилась в серию интервью и бесед (июнь – ноябрь 2011 г., январь 2012 г.) с армянами трех южнороссийских городов – Ростова-на-Дону, Таганрога и Шахт Ростовской области. Их выбор в качестве исследовательских площадок предопределен традиционным проживанием в них армянских диаспор, так и нашими возможностями в организации и проведении интервью. Исследование основывалось на методике, предложенной в свое время неутомимой собирательницей «русских перестроечных разговоров», американским антропологом Н. Рис². Услышанные и выслушанные ею жизненные истории случайных попутчиков и коллег по профессиональному цеху стали основой для изучения массового сознания россиян эпохи перестройки. Удачно найденное и используемое в качестве ключевой метафоры словосочетание «русские разговоры» позволило ей не только очертить круг волнующих россиян проблем, но и раскрыть механизмы их возможного разрешения. В свою очередь, собранные нами «армянские разговоры» помогли разобраться в конкретных составляющих успешной адаптации армян к реалиям современного российского общества и ответить на ряд вопросов, связанных с индивидуальными и групповыми практиками использования этничности в обыденной жизни.

Полученные данные (опрошено 120 чел.) используются в обобщенной форме и передают оценочные суждения трех групп респондентов – «местных» армян; мигрантов; руководителей армянских национально-культурных объединений и общественных движений. При этом «местными» армянами, по укоренившимся представлениям самого армянского населения, признаются те из них, которые проживали в области до начала 1990-х гг. Водоразделом, отделяющим их от собственно мигрантов или «приезжих армян», несмотря на

¹ Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов н/Д.–М., 2011.

² Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 36–37.

несколько миграционных потоков, называются процессы, связанные с распадом Советского Союза. Вызванный ими массовой приток армян из Армении и Азербайджана стал тем оселком, вокруг которого выстраиваются повествовательные различия в отношении представителей, казалось бы, единого этнического массива: *«Как местный житель, могу сказать, что приехавшие сюда после 1990-х гг. армяне, – это совершенно другие армяне. У них все другое – мировоззрение, какая-то непонятная тяга ко всему своему, я бы сказал, такая вот армянская выпренность»* (Ростов-на-Дону, 34 года). *«Мы перебрались сюда из Баку. К армянам там в одно время совсем плохо относиться стали. Знакомые перетянули, сказали, что здесь армяне испокон веков живут <...> Поначалу тяжело было. Знаете, даже не в плане быта. Просто странно как-то: вроде армяне, а что-то в них другое. Обрусевшие что ли»* (Ростов-на-Дону, 60 лет).

Показательно, что мотив культурной дистанции между различными группами армянского населения области особенно остро фиксируется респондентами, считающими себя местными жителями. В одной из бесед даже прозвучала мысль о необходимости силами армянской общины *«проводить работу по адаптации приезжих армян к нашей культуре»*. На последовавший вопрос о том, в каких конкретных формах проявляется эта культурная несхожесть, последовал неожиданный ответ: *«Я живу в довольно тихом месте. И вот год тому назад приехали степанокертовские армяне. Молодежь громко разговаривает, музыку громкую слушает поздно <...> Вообще как-то ведет себя демонстративно. На замечания грубо отвечает, не здороваются. У нас такого нет»*. Все попытки перевести рассматриваемую проблему в плоскость присущих молодежи «издержек возраста» были категорически отвергнуты. Респондент, будучи сам относительно молодым человеком, полагал, что *«такого поведения у ростовских армян просто быть не может. Все-таки это очень образованный народ»* (Ростов-на-Дону, 42 года).

Несколько иного взгляда на проблемы «пришлости/укорененности» придерживаются приехавшие в Ростовскую область в 1990-х гг., для которых главным опознавательным знаком принадлежности к местному населению является *«прожитая здесь вся сознательная жизнь»*: *«Когда мы переехали, мне было, как рассказывали год – полтора,*

т.е. совсем еще ребенком, и, следовательно, я и в садик ходила в России, и жила среди русскоязычного населения, и в школу пошла <...> во многом могу считаться коренной жительницей, хотя родилась я в Армении» (Таганрог, 18 лет). «Мне тогда было 10 лет, когда приехали. Проблем особых, насколько помню, не было <...> Считаю себя коренной жительницей, потому что всю сознательную жизнь я прожила в России. Гражданство российское» (Шахты, 26 лет). Получение российского гражданства практически всеми респондентами расценивается как признание «своими, такими же, как русские. Конечно мы в культурном плане, языке, да и по виду совершенно другие. Но главное – один народ, все одинаковые граждане» (Шахты, 54 года).

Главным слагаемым успешной адаптации армянской общины к реалиям южнороссийских городов представляется сознательно культивируемая ее представителями идея *обретенного дома*. Ее суть довольно проста и сводится к существованию исторической родины Армении, воспринимаемой скорее овеянным романтикой символом, нежели реальностью, и места постоянного проживания, именуемого домом: «*Есть историческая родина, которую я очень люблю. Есть дом, вторая родина, и Россию я также считаю своей второй родиной, все-таки я здесь живу»* (Ростов-на-Дону, 56 лет). Показательно, что подавляющее большинство опрошенных не связывает свою дальнейшую судьбу с Арменией, хотя и настойчиво подчеркивает личную неразрывную связь с ней: «*Я в Армении никогда не был, может и соберусь когда. Но не это важно <...> Я – армянин, и у меня должна быть Родина. Я знаю, где она находится, и в любую минуту могу туда поехать. А здесь у меня дела, дети ходили в школу, у них – друзья. Как все бросить? Знаете, это как во сне: там все лучшее. Есть дом, и есть Родина. У Вас русских – это все одно, а мы народ разбросанный»* (Шахты, 42 года).

Для многих респондентов молодого поколения Армения стала местом исторической и культурной памяти, посещение которого входит в интеллектуальный багаж современного армянина: «*Ну, откровенно говоря, я довольно долго хотела приехать в Армению, но потом я поняла, что когда у меня будет больше возможностей финансовых, то я это сделаю, но выжимать из себя последние соки я не буду. Как бы это одна из <...> для меня это как поехать в Рим. Я имею в виду, что это способ приобщения, это в первую очередь побывать.*

Потому что чтение книг, ну я могу и о китайской империи почитать, но для меня важно соприкоснуться» (Ростов-на-Дону, 27 лет). *«В Армении никогда не был, но поехать планирую. Зачем? Это очень древняя страна и народ, первым в России принявший христианство. И потом, Родину надо хоть раз в жизни увидеть»* (Ростов-на-Дону, 34 года). При этом домом, с которым они связывают свою дальнейшую жизнь, остается Россия, метко названная одним пожилым армянином «домом, где каждый приезжий пытается затеять свой генеральный ремонт». Армяне, по его мнению, являются немногим народом, который *«не ходит в чужой монастырь со своим уставом. А если кто и пытается, мы быстро его урезониваем. Нам конфликты ни к чему»* (Шахты, 72 года).

В ряде интервью, в том числе и с представителями Армянской апостольской церкви, отчетливо прозвучала мысль об исторической легитимности пребывания армянского населения на южных окраинах России. Длительное существование в составе Области Войска Донского Нахичевани-на-Дону, основанной во второй трети XVIII в. крымскими армянами, приводится нашими собеседниками в качестве неоспоримого факта «особой близости армянского народа к России»: *«Я не ученый, но историю своего народа хорошо знаю. Так вот, сюда, на беспокойный юг, пригласили жить именно армян. В книгах об этом подробно рассказывается, можете прочитать. Армяне и по вере русским близкие, и много чего хорошего для страны сделали. Такое властью не забывается. Поэтому и ехали сюда, земли-то нам давали»* (Ростов-на-Дону, 56 лет). *«В Шахты ехали по двум причинам: во-первых, тут муж работал; во-вторых, в области всегда много армян было. Слышали про Нахичевань? Город такой армянский был, а потом район сделали»* (Шахты, 32 года). Вошедшая в советское время в состав донской столицы Нахичевань в настоящее время является одним из «мест памяти» армянского населения города, с которым как раз и связывается возможность «прикоснуться к своему»: *«Это Нахичевань, это название и <...> это церковь, это которая там, где кладбище <...> Вот там могилы и даже не то что могилы, а склепы, которые заставляют присмотреться, напомнить о нашей истории. Побродил по улицам и ощущаешь: тут все родное, близкое. Хорошо, что есть такое место»* (Ростов-на-Дону, 27 лет).

В то же время территория существовавшего в 1920–1930-х гг. в Донском округе армянского национального района таким местом не стала. Хотя его центр село Чалтырь («самое армянское село» области), находится в 15–20 км от Ростова-на-Дону. Причиной тому, как представляется ряду наших собеседников, является до некоторой степени искусственность его существования: *«Его создавали большевики. Но как они его создавали? Об армянах мало кто из них думал, все больше о своих интересах. Помните там нечего»* (Таганрог, 40 лет). Вместе с тем в одном из интервью было высказано опасение относительно возможности возрождения национального района: *«Ведь подумают, что мы чем-то недовольны. Не надо раздражать людей и официальные власти. У нас есть община, а если будут все в Чалтырь ездить, возникнут соответствующие вопросы <...> Про Нахичевань ничего не скажут: тут армяне жили всегда и сами»* (Таганрог, 47 лет). Многие респонденты обращали наше внимание на отсутствие прямой взаимосвязи между территориальной автономией и сохранением этноса: *«Нам никакие автономии на территории России не нужны. Они нужны тем, кто боится раствориться среди соседей. Мы в любом случае выживем. Нам важнее культура, язык. Пока Армения есть, у нас с этим все будет в порядке»* (Ростов-на-Дону, 51 года)

Довольно непривычным оказалось и восприятие роли общины в жизни армянского населения. Для мигрантов последней волны она видится, прежде всего, институтом социальной адаптации и взаимопомощи. По признанию одной из респонденток, *«в последнее время мне все больше и больше нравится работа общины. Община нас сблизила. Сблизила армян разных уровней, положений, местонахождений, возрастов. Особенно социальных уровней. Сейчас в совете общины есть люди разных социальных уровней, но чувствуешь, все равно эта любовь к Родине нас объединяет»* (Шахты, 54 года). Причем эффективность ее деятельности признали лишь немногие из опрошенных. Подавляющее большинство необходимую помощь и поддержку получило от родственников, соседей и знакомых, а мероприятия общины стали посещать лишь после обустройства на новом месте. В ряде бесед особо была отмечена роль семьи: *«Здесь у нас родственников не было. Но адаптация, в первую очередь, зависит от человека, от того, как он будет себя вести. Для меня здесь особую роль ни соседи,*

ни продавщицы в магазине, никто не сыграл. Вот разве что, то, что родители говорили, как себя вести, как общаться» (Шахты, 25 лет)¹.

В свою очередь, «коренные» армяне разошлись в оценках значимости существования и деятельности общины в их жизни. Часть из них полагает ее важным институтом поддержания этнического самосознания армянского населения полиэтничных городов, где «*порой забываешь, кто ты есть на самом деле*». Другая видит в ней не более чем «*группу людей, решающих свои сугубо частные вопросы и полагающих, что они кого-то представляют в реальности*». Наконец, третья исходит из необходимости наличия общины в силу возникающих «*специфических потребностей, которые нельзя больше нигде удовлетворить*». Община представляется не столько национально-культурной организацией, сколько «*конкретным местом, куда можно прийти и глотнуть воздуха армянской культуры*». Прозвучала и мысль о «*непонимании руководством общины сути нынешних национальных проблем. Вот мы живем в Ростове, здесь помимо нас, армян, кого только нет. Мы хотим, чтобы не было межнациональных конфликтов. Но у себя [в общине – Т.Х., Е.К.] только и говорим о своих корнях, истории и великой культуре <...> Неправильно это как-то. Вы понимаете, то, что мы народ древний и много чего в истории наделали – не может не радовать, гордиться собою. А как быть с остальными? Этому там не учат. Я туда давно не хожу. Если что узнать надо, иду в библиотеку или к друзьям, они много всего знают*» (Ростов-на-Дону, 54 года). В данной связи весьма примечательна позиция самих организаторов и лидеров армянских организаций относительно целей их создания и решаемых на сегодняшний день задач. Обращение к опыту деятельности двух организаций (армянской общины «Наири» г. Таганрога и общественной молодежной организации «Армяне Таганрога») свидетельствует о том, что мотивы сугубо этнического свойства не всегда являются основополагающими в их появлении.

¹ Основополагающая роль семьи в поддержании идентичности армянского населения Ростовской области отмечалась и в проведенном в 2011 г. сектором армяноведения Южнороссийского филиала Института социологии РАН социологическом исследовании. См.: В Ростове-на-Дону представлены результаты исследования «Армянские диаспоры Юга России». URL: www.peoples-rights.info (дата обращения: 01.03.2012).

Для нынешнего руководителя армянской городской общины «Наири» ее возрождение стало семейным делом. Созданная в 1997 г. по инициативе его отца, она прекратила свое существование в 2004 г. и была воссоздана в декабре 2011 г. Семья переехала в г. Таганрог в середине 1970-х гг.: *«В 1976 г., когда отец сюда приехал, здесь было всего 2 армянина. Вот он у них жил, они его приняли, как своего <...> Приехал с матерью, потому что ее отправили как специалиста сюда. Естественно, что ни о какой общине в то время не могло быть и речи: время не то, да и армян толком не было».* По мере увеличения их численности и появления «частных проблем» возникла идея создания организации, *«чтобы не один конкретный человек занимался, а организация, т.е. это все официально».* «Глобальных целей» перед собой она не ставила, *«так помощь, в пределах разумного, армянскому населению города <...> Например, человек, приехал, а здесь что-то не получилось, и уехать не за что, вот, он приходил, объяснял свою причину, и община выделяла деньги и покупала билет».* В рамках общины действовала воскресная школа, ее члены принимали участие в различных культурных и памятных мероприятиях, проводимых городской администрацией. Произошедшая смена руководства, отход от дел основателя общины, привели к постепенному прекращению ее деятельности, а затем и самого существования.

Из собранных нами разговоров выяснилась и причина, по которой община так долго не возрождалась. При сохранявшейся (или признаваемой) значимости этнического самосознания (*«Я всегда помню, что я – армянин», «Мы всегда, сколько тут живем, отличали себя от других»*) не находилось человека, который взял бы на себя инициативу возобновления деятельности общины. Более того, таковым мог оказаться не любой желающий, а человек из уважаемой в городе семьи, с авторитетом среди местных армян и обязательной поддержкой ростовской общины: *«Должность не то, чтобы выборная, но какой-то круг людей все равно решает: уважаемые люди города, в Ростове есть диаспора большая, которая тоже как бы принимает участие в нашей деятельности <...> Простому человеку, который ни с того ни сего захотел, к нему тоже сразу возникнут вопросы».*

В конечном итоге выбор пал на нашего собеседника – относительно молодого и, судя по тем же собранным «армянским» разговором,

успешного бизнесмена «средней руки». Уроженец Таганрога, получивший образование в элитной городской английской школе и не связывающий свою судьбу с Арменией, он, тем не менее, остался верен национальным традициям: женился на армянке и общается дома, а также «со своими» на родном языке. Оба его брата женаты на русских девушках, но ему *«хотелось бы свое что-то, все-таки есть традиции, менталитет, обычаи, которые станут точкой притирания»*. Он регулярно ездит в Армению, поддерживает связи с родственниками. Самой главной своей задачей в качестве руководителя возрожденной общины считает строительство армянской церкви в городе, полагая ее *«делом семьи. Это как бы после отца. Хотелось закончить его дело <...> Может быть после того, как будет сделан и решен этот вопрос, я отдам свои полномочия достойному человеку и уйду в свою стихию, в которой я до этого существовал. Поэтому я не планирую [использовать свое нынешнее положение в каких-то иных целях – Т.Х., Е.К.], еще раз говорю, а тем более политические моменты я вообще не преследую, мне вообще это не интересно»* (Таганрог, 37 лет).

Реакцией на длительное отсутствие в городе армянской общины стала молодежная организация «Армяне Таганрога». Ее история началась с появления в социальной сети группы с аналогичным названием, а изначальная цель ограничивалась простым желанием *«собрать своих»: «Когда я создавала эту группу, то не было идеи, чтобы как-то спланироваться, делать какую-то молодежную организацию, просто собрать своих, так как маленький город, чтобы знать своих, знакомиться, общаться, ходить на какие-то мероприятия, но опять же каких-то углубленных понятий не было»* (Таганрог, 18 лет). Однако по мере расширения активных пользователей, многие из которых практически ничего не знали об армянской культуре и истории, зародилась идея о проведении своими силами какого-нибудь мероприятия: *«Как раз это было накануне 24 апреля – Дня геноцида армянского народа <...> И вот решили и буквально за 2 недели собрались и подготовили, а далее уже задумались»* (Таганрог, 18 лет). Причем приняли решение и задумались о необходимости возрождения общины две девушки-единомышленницы, усилиями которых в марте 2011 г. и была создана молодежная организации. Уже один из

первых вопросов относительно длительности проживания в городе и степени «родства с Россией» показал несхожесть отправных траекторий их движения к общей цели. Обе уроженки Армении, в разном возрасте (12 и 1,5 лет) приехавшие в Таганрог и заставшие тогда еще действовавшую общину, увидели в ней разные, но в принципе не расходящиеся цели: обретения второго дома, новой исторической родины и живой памяти, властно напоминающей о своих истоках. *«Почему нельзя собираться все вместе? Даже живя вдали от родины, как-то чувствуется тяга к этому, и хотя бы вокруг себя создать такую обстановку»* (Таганрог, 18 лет). *«Я родилась в Армении, прожила там 12 лет. В 2001 г. приехала сюда, здесь продолжала учиться в школе, сейчас учусь заочно в университете. Всю сознательную жизнь провела в этом городе. Здесь друзья и школьные, и университетские и работа. Иногда начинаешь забывать, кто ты есть. А надо помнить»* (Таганрог, 22 года).

По признанию обоих респондентов, мысль о необходимости возрождения общины, с которой связывалось множество теплых воспоминаний, практически постоянно присутствовала в их «взрослой» жизни. Однако личный опыт сопричастности к ее деятельности оказался разным: *«У нас существовала община, моя мама даже входила в ее состав. Она называлась “Наури”, там была воскресная школа, мы собирались, молодежь и дети, организовывали различные мероприятия, активно участвовали в этом»* (Таганрог, 18 лет). *«Когда мы приехали, здесь была армянская община. Я тогда еще была маленькая, в школе училась, не очень интересовалась. Мы ходили на концерты, которые они организовывали, посещали ее мы дети как-то так»* (Таганрог, 22 года).

Весьма показательным мотивом, подведшим респондентов к решению своими силами «объединить молодежь», стало бездействие взрослых и бесконечные разговоры в сети о том, что *«надо собраться»*. По признанию одного из них, в какой-то момент стало *«абсолютно ясно, что долгие разговоры ни к чему не приведут. Кому-то надо было за все это браться. Так получилось, что этими людьми оказались мы двое»* (Таганрог, 18 лет). Совместными силами собирались *«представлять свою культуру, сохранять наши традиции и обычаи»* и в то же время *«вместе быть. Так-то через одного человека все*

знают друг друга, а так-то общности нет, как таковой, как есть в Ростове, Краснодаре. И мы хотели всех собрать в одном месте» (Таганрог, 22 года)

Принятое решение потребовало не только организационных усилий, но и выбора значимого события из истории и культуры армянского народа. Им по обоюдному признанию инициаторов стало 24 апреля: *«В этот день мы отмечаем День геноцида, и мы хотели организовать какое-нибудь мероприятие к этому дню. Потому что в этот день для любого армянина <...> люди могут забыть про свой день рождения, скажем так, но не могут забыть про геноцид. Это наша боль, испокон веков передается, это у нас в крови»* (Таганрог, 22 года). Показательно, что с памятью о геноциде один из респондентов связал и отличие «настоящих» армян от таковых по названию¹.

Однако проведенное мероприятие, поддержанное городской администрацией, не стало акцией консолидации армянского населения Таганрога. Собрав по оценкам организаторов 60 чел., а по данным проведенной нами независимой экспертизе около 30 чел., оно, тем не менее, *«для первого раза было на должном уровне <...> Зал был рассчитан на 90 человек, мы столько и пригласили. Получилось так, что пришло всего 60, но это неплохо, всем, кто пришел, понравилось»* (Таганрог, 22 года). Среди присутствовавших оказались не только армяне, но и представители других народов. По словам организаторов, многие из них накануне проведения мероприятия говорили, что *«хотят посмотреть, что получится»*.

В дальнейшем организация, которая так и не получила статуса юридического лица и после возрождения общины в декабре 2011 г. влилась в ее ряды, приняла активное участие в праздновании Дня города, отмечаемого 10–11 сентября: *«В этом году [2011 г. – Т.Х., Е.К.] была такая программа, что Таганрог – это многонациональный город, и все вместе дружат. Мы тоже несли свой флаг. Все были в национальных костюмах, на таганрогских сайтах есть фото. Дальше, второй день 11 сентября, в парке проводился большой концерт, накрывали столы <...> Мы готовили все национальные блюда, которые смогли*

¹ Столь острое восприятие исторической трагедии свойственно по преимуществу выходцам из Армении последней миграционной волны. «Коренные» армяне менее эмоциональны и сдержаны в ее оценках.

приготовить, выбирали салфетки и стаканчики под цвет флага. Выступали на сцене с танцевальным номером, с песней, и КВН у нас был. Вот потихонечку, по крупицам мы собрали всю нашу организацию» (Таганрог, 22 года). Ко времени проведения интервью «Армяне Таганрога» уже приобрели устойчивую репутацию «дельных ребят». Об их существовании знали не только в сети, но и за ее пределами. При этом число активных участников организации не превышало 10–15 чел.

В оценках понимания окружающими их «подвижнической» деятельности наши респонденты несколько разошлись. Одна из них уверила нас в поддержке и сочувствии к начинаниям организации со стороны сверстников, вскользь упомянув о настороженной реакции администрации учреждения, где она учится, к обсуждавшейся возможности проведения на его территории минуты памяти жертв геноцида. Другая сразу же отметила *«немножко негативную реакцию родителей»*, которые *«боятся, наверно, немного. Боятся каких-то националистических реакций, националистического ответа какого-то <...> Я нахожу общий язык, объясняю, что и почему. С одной стороны, боятся, но видя результаты, очень даже рады, особенно, когда мы выступали на Дне города. Не совсем чтобы категорично, просто есть какая-то опаска. Есть внутри что-то, что заставляет волноваться. Все-таки живем не в своей стране, мало ли, какие люди и как отнесутся, как родители просто переживают»* (Таганрог, 18 лет). Сами собеседницы единодушно признали атмосферу межэтнического взаимодействия в городе бесконфликтной и располагающей к общению. Наглядным подтверждением чему, по их мнению, является существование «Армян Таганрога», деятельность которых вызывает *«живой отклик и неподдельный интерес у молодежи разной национальности нашего города»* (Таганрог, 22 года). Хотя этот интерес не всегда продиктован мотивами этнического свойства и зачастую связан с возможностью *«хоть как-то с интересом провести свободное время в городе»*. На вопрос о том, какое количество людей приходит на мероприятия не для того, чтобы приобщаться к далекой родине, а просто хорошо провести время, наша собеседница с сожалением ответила: *«Да, многие конечно, я думаю, что такое в любой организации есть, что многие приходят исключительно ради интереса, а многие от нечего делать, просто посмотреть. А это, безусловно,*

есть, но я Вам скажу, что с каждым разом число тех, кто интересуется, становится все больше» (Таганрог, 18 лет).

По признанию вдохновителей молодежного объединения с явно выраженной этнической спецификой никто из них (по крайней мере, в ближайшей перспективе) не собирается возвращаться в Армению. Подавляющее большинство респондентов в данной связи мотивировали свое «нежелание» вернуться или просто уехать на родину не столько «плохой экономической ситуацией», сколько сложившимися жизненными обстоятельствами и неизбежным разрывом культурной общности: *«Всю жизнь тут живу, с института. Я уже больше русская, тех армян, из Армении, не понимаю»* (Шахты, 46 лет). Между тем стремление к обретению родины и выбранная для реализации поставленной цели стратегия свидетельствуют о том, что наряду с желанием «остаться армянами» у организаторов «Армян Таганрога» присутствовали и ярко выраженные потребности в формировании и упорядочении собственной досуговой деятельности. В ходе беседы, активно обсуждая вопросы о том, что лично каждой из них дает участие в деятельности созданной с таким трудом организации, мы получили предельно искренние ответы: *«Вот, мне это очень нравится. Это личное удовлетворение, общение со своими земляками, и очень много новых друзей я приобрела среди них»* (Таганрог, 22 года). *«В деле собрания организации <...> лично только то, чтобы добиться какого-то взаимопонимания, взаимоуважения, чтобы поколение не забывало, кто они такие, откуда, то есть это как бы главная цель. Ну и, конечно же, когда вокруг себя собираешь людей, проводишь мероприятия, связанные с твоим народом, как-то становится теплее»* (Таганрог, 18 лет.). В то же время, пытаясь выяснить, почему для самореализации был выбран именно такой, этнически окрашенный проект, обе собеседницы признались, что *«ни читать стихов, ни организовывать тургруппы для поездок за границу просто не умеют»*. В данном случае личные устремления «быть полезными и что-то сделать» нашли свое органическое воплощение в форме молодежной общественной организации с этническим брендом, позволяющим совместить интерес к своей культурной самобытности с современными досуговыми практиками.

Выслушанные и проанализированные «армянские разговоры» эпохи взрыва этничности позволяют заключить, что армянская диаспора

южнороссийских городов далека от своего единства. Она представлена несколькими миграционными волнами, ставшими оселками все увеличивающегося культурного разрыва между «коренными» и «пришлыми» армянами. Причем граница между ними весьма условна, подвижна и воспринимается по принципу «ментальной близости». Своей успешной адаптацией к реалиям полиэтнического пространства южнороссийских городов армяне обязаны как активно культивируемому чувству исторической укорененности на этих территориях, так и восприятием их своим домом. Сохраняющиеся связи с родственниками, друзьями и знакомыми из Армении, возможность в любой момент посетить родину (*«Армяне, которые живут за пределами Армении, они сильны тем, что у них есть своя родина. Если бы Армении не было там, мы бы здесь так хорошо себя не чувствовали»* (Шахты, 54 года)), воплотить ее идею в национально-культурной организации, общественном движении или социальной сети привело к формированию у армянского населения южнороссийского города экстерриториальной идентичности. Армяне ощущают себя в большей степени российскими гражданами¹, нежели отдельной этнической группой, а необходимость сохранения культурной, языковой и религиозной самобытности связывают с *«естественной потребностью любого народа отличаться от других»*. Для подавляющего большинства из них этничность – это, прежде всего, фирменный знак качества, свидетельствующий о давних традициях и помогающий оставаться самими собой в любых обстоятельствах. Как сказал нам «коренной» ростовский армянин, *«мы как хорошее шампанское – и на стол не стыдно поставить, и в самый неподходящий момент не рванем»*. Иными словами, в условиях многонациональной разногласицы южнороссийских городов армяне становятся брендом толерантности, основу которой составляет простая сентенция: *«Я с уважением отношусь ко многим народам и культурам, но при этом хочу делать это, оставаясь армянином»*².

¹ По данным уже упоминавшегося исследования, 78 % донских армян, «не отрицая своих национальных корней, могли бы вы сказать о себе: «моя национальность – россиянин». См.: В Ростове-на-Дону представлены результаты исследования «Армянские диаспоры Юга России».

² *Гарибян С., Сакапетоян Р.* Армянский язык. Элементарно! Поверхностно! Чудо-словарь: Армянский без армянского + учебник: [Б.м.], 2008. С. 7.

7.3. «Свою историю и культуру украинцы знают и любят»

Донские украинцы относятся к представителям старых диаспор, чей миграционный прирост носит в основном временный характер, связанный с трудовой деятельностью. Ее отличительными особенностями признаются: хороший уровень языковой и культурной адаптации; налаженность взаимоотношений с местным населением, воспринимающим украинцев «своими»; интегрированность в социальную жизнь региона. При этом отмечается плохая сплоченность диаспоры, русифицированность ее молодого поколения и слабость этнического самосознания. Деятельность украинских общественных организаций представлена в основном культурно-образовательным направлением и налаживанием внешних связей с Украиной¹. Последняя в лице Генерального консульства в Ростове-на-Дону также стремится не забывать о своих земляках, пытаясь, по возможности, помочь и оказать им всяческую поддержку с тем, *«чтобы люди, которые чтят, помнят этническую родину, могли поддерживать культурные связи, сохранять культуру, самобытность, традиции, изучать язык, литературу. Ну, грубо говоря, помнить о том, откуда они родом, или же, если не они, то их родители, деды и прадеды»*².

Полученные таким образом данные свидетельствуют о наличии на Дону большой диаспоры, по численности уступающей лишь русским и армянам. Однако ее деятельность остается практически незамеченной большой литературой, сосредоточившей свои усилия на освещении более отдаленных сюжетов, связанных с украинской колонизацией юга страны и ее последствиями. Именно это обстоятельство стало решающим для обращения к опыту и современным практикам консолидации украинской диаспоры Ростовской области, давно уже вышедшим за пределы привычно понимаемых общественных организаций.

¹ Полуянов В.К. Характерные черты и деятельность украинской диаспоры на Юге России // Труды аспирантов и соискателей Ростовского государственного университета. Т. IX. Ростов н/Д, 2005. С. 384.

² Интервью с Арсением Александром Сергеевичем, консулом Генерального консульства Украины в г. Ростове-на-Дону. Интервьюеры Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко. Запись 17.05.2013. Продолжительность 85 мин. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, помещение Генерального консульства Украины в г. Ростове-на-Дону // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

На сегодняшний день на территории Ростовской области действуют несколько украинских организаций, представляющих собою интересы 1,9 % всего ее населения. Наиболее заметными и типичными из них являются «Союз украинцев Ростовской области» и региональная украинская национально-культурная автономия. Их заметность связана как с непосредственно осуществляемой деятельностью, так и с количеством упоминаний о ней в различных средствах массовой информации. Типичность рассматриваемых организаций проявляется, прежде всего, в настойчиво артикулируемом ими следовании уставным целям и патетике значимости возрождаемой на Дону украинской культуры. При этом регистры актуализации этнического самосознания украинского населения, являющейся непосредственной целью их существования, остаются различными.

«Союз украинцев Ростовской области» был создан в октябре 2005 г. В своей деятельности организация руководствуется *«необходимостью всемерного содействия развитию и укреплению российско-украинских отношений в области культуры, просвещения, экономики <...> способствующих дружбе и взаимопониманию русского и украинского народов»*. Из интервью с руководителем и непосредственным инициатором ее создания следует, что идея появления союза стала воплощением его давней мечты. Будучи уроженцем Одессы, не так давно перебравшимся в Ростов-на-Дону, он испытывал сильную ностальгию по оставленному *«кусочку колоритной украинской жизни, обильно сдобренной шуткой, душевной песней и шумными застольями»*. Успешность его основной деятельности (производство соевой продукции), а также *«абсолютно бескорыстные усилия по сплочению своих»*, в конечном итоге позволили предпринимателю воссоздать на Дону живое напоминание об оставленной родине. Однако в процессе продолжавшегося около двух часов интервью он все время акцентировал внимание на социальной значимости созданной организации, обращаясь к героическому прошлому и богатому культурному наследию Украины, подчеркивая неразрывную духовную связь ее народа с русскими¹. Тем самым официальным мотивом создания

¹ Интервью с Большаковым Александром Захаровичем, председателем общественной организации «Союз украинцев Ростовской области». Интервьюеры Т.П. Хлынина, Е.М. Горюшина. Запись 21.05.2010. Продолжительность 167 мин.

общественной организации с выраженной этнической спецификой становилось не личное устремление отдельного человека к воспроизводству привычной социокультурной среды, а выражение им интересов некой этнически ангажированной общности. Именно этот мотив стал основополагающим в освещении информационными агентствами создания «Союза украинцев Ростовской области»: *«В Союзе считают, что государственными делами должны заниматься в Киеве, а ростовским украинцам, которых на Дону четверть миллиона, необходимо, прежде всего, общение»*. Печатным органом «Союза» должна была стать газета «Громада», несколько номеров которой вышло в декабре 2006 г. на русском и украинском языках. В настоящее время в связи с определенными финансовыми трудностями ее выпуск приостановлен.

«Ростовская региональная украинская национально-культурная автономия» была создана чуть позднее – в ноябре 2006 г.¹. Главным направлением ее деятельности провозглашалась просветительская работа, посредством которой *«виделось приобщение народа к своему прошлому, истокам и культурному наследию»*. С целью разъяснения пользователям Интернета предназначения и ряда организационных особенностей автономии, в сети было размещено интервью с ее председателем под характерным названием «Маленькая Украина на Дону». Интервью предварял небольшой комментарий корреспондента, отметившего, что *«украинская община занимает одно из ведущих мест в жизни многонационального населения Дона, а «донские украинцы – одна из самых многочисленных и, без преувеличения, наиболее активных диаспор края»*. Из текста самого интервью следовало, что *«автономия предусматривает объединение по территориальному признаку, а не по политическим симпатиям, как, например, “союз” или “движение”*. Тем более что с политикой, даже на местном уровне, наша организация не связана никоим образом. Кроме того, накануне официальной регистрации нашей организации идею объединения украинцев Ростовского региона именно по принципу культурной

Место проведения: г. Ростов-на-Дону, помещение общественной организации // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

¹ На момент своего создания она называлась «Ростовская городская украинская национально-культурная автономия».

автономии поддержали большинство нынешних ее участников. Таким образом, к моменту возникновения автономии уже образовался большой и дружный коллектив украинцев Дона, и в сердце каждого живет наша духовная Родина»¹.

Спустя несколько лет в интервью авторам В.П. Макарчук рассказал «немного другую» историю появления в Ростовской области этих организаций: «Губернатор предыдущий, Владимир Федорович Чуб, был тогда в Луганске. С Луганской областью у нас не прерывались [связи – Т.Х., Е.К.], сейчас и с Донецкой областью очень тесные, а с Луганской областью не прерывались ни торгово-экономические, никакие эти отношения. И тогда Ефремов был губернатором Луганской области, Владимиру Федоровичу сказал: “Что ж у тебя в Ростовской области есть все, а вот самой такой многочисленной общественной украинской нету?”. Были чиновники, был тогда первый генконсул Украины Андриенко. Они за это взялись, мне сюда звонят»². В созданном таким образом «Союзе украинцев Ростовской области» нынешний президент региональной украинской национально-культурной автономии оказался заместителем А.З. Большакова, проработав с которым немногим менее года, «не сошелся целями»

¹ Маленькая Украина на Дону. URL: <http://www.nazaccent.ru/news/ns09102003309.htm> (дата обращения: 03.04.2011).

² Именно «украинское участие» в создании общественной организации послужило поводом к появлению в сети ряда аналитических материалов, свидетельствующих о «существовании в России влиятельного украинского лобби», чья «деятельность, направленная на культивирование украинского национализма, очевидным образом имеет целью экспорт оранжевой революции в Россию». Так, комментируя создание «Союза украинцев Ростовской области», один из экспертов Фонда стратегической культуры отмечает: «Организация была создана под эгидой тогдашнего генерального консула Украины в Ростове-на-Дону П. Андриенко. В руководство организации вошли, в основном, граждане России украинского происхождения (главным образом, галичане, в том числе дети репрессированных за националистическую деятельность). <...> Главная цель организаций, подобных Союзу украинцев Ростовской области, – консолидация 5-миллионной украинской общины в России, повышение у ее представителей градуса “национальной свідомости”, перенос “оранжевого” вируса на территорию Российской Федерации». См.: Попов Э. Украинские НПО в России: экспорт оранжевой революции начался. URL: <http://fondsk.ru/article.php?id=331> (дата обращения: 03.04.2011).

и обратился к администрации области с инициативой создания новой организации¹.

Руководители обеих организаций – бизнесмены, средства для проведения культурных мероприятий и оказания шефской помощи ряду школ изыскивают не только из городского бюджета, но и из добровольных пожертвований друзей и коллег: *«Около 40 % необходимых средств наша организация получает из областного бюджета, где предусмотрены расходы на обеспечение культурного развития этнических меньшинств. Остальное обеспечиваем собственными силами. Я руковожу большим акционерным обществом, имею много друзей-украинцев, которые тоже являются крупными бизнесменами в регионе. Они с пониманием относятся к необходимости культурного развития украинцев Дона и оказывают необходимую поддержку»².*

Таким образом, типичными институциональными практиками поддержания и актуализации этнического самосознания украинского населения Ростова-на-Дону выступают как сами общественные организации, так и накладываемый на восприятие их деятельности внешнеполитический контекст. Живым напоминанием о неразрывной взаимосвязи украинцев Дона и их «исторической родины» становятся разнообразные практики освоения украинского культурного наследия – от участия в фольклорных коллективах до декламации стихов Т.Г. Шевченко.

Еще одним механизмом актуализации этнического самосознания украинцев Дона выступает (хотя и крайне редко принимающее

¹ Интервью с Макаrchуком Владимиром Петровичем, президентом «Ростовской региональной украинской национально-культурной автономии». Интервьюеры Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Запись 30.04.2013. Продолжительность 167 мин. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, помещение общественной организации // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Актуальное интервью. Ростовская городская украинская национально-культурная автономия активно развивает контакты с регионами Украины – Председатель организации Владимир Макаrchук. URL: <http://jurkom.ru/857> <http://jurkom.ru/857> <http://jurkom.ru/857-aktualnoe-intervyu-rostovskaya-gorodskaya-ukrainskaya-nacionalno-kulturnaya-avtonomiya-aktivno-razvivaet-kontakty-s-regionami-ukrainy-predsedatel-organizacii-vladimir-makarchuk.html> <http://urcom.ru/857> (дата обращения: 06.06.2012).

институциональные формы) интернациональное наследие советского общества. Именно оно в конечном итоге и стало негласным поводом к возникновению национально-культурной автономии украинцев Таганрога. Первое сообщение в сети о намерении некой инициативной группы объединить украинцев города появилось в феврале 2011 г.: «*Оргкомитет объявляет о создании городской общественной организации “Национально-культурная автономия украинцев Таганрога”.* Приглашаются все, кто хотел бы развивать украинскую культуру в нашем городе, способствовать укреплению дружеских отношений Украины и России». Подчеркивался ее намеренно демократичный характер и стремление совместными усилиями определять планы дальнейшего развития¹. Среди откликнувшихся на сетевое приглашение оказались люди, которых условно можно разделить на три категории: любящих украинскую культуру и увидевших в создаваемой организации возможность «вместе поспивати», а также послушать хорошую украинскую речь («*Вообще люблю украинские песни и украинскую речь слушать. Звучание такое нежное у мовы*»); раздраженных появлением автономии на «фактически украинской земле»² («*Вапице у Таганрозі ажно 150 тисяч хохлів – половина населення. Нахрен нам ця ваша автономія?*»); воспринявших автономию поводом «поговорить о российских территориальных потерях» («*Даєш національну автономію! Таганрог – українська земля! Была тема: предлагалось менять Таганрог на Ялту! Крым наша земелька, а тут даже обмен предлагают, не просто возврат!*»).

¹ Форум «Украинцы Таганрога». URL: <http://www.taganrog.su/phpbb3/viewtopic.php?t> (дата обращения: 22.04.2012).

² Подтверждением тому стал размещенный на форуме «Украинцы Таганрога» материал из Википедии, констатирующий недавнюю принадлежность Таганрога Украине: «*Как центр заселенной украинцами округа Таганрог был определенным очагом украинской жизни: в 1905–1915 годах тут действовало украинское общество. Во время гражданской войны 1917–1921 годов на город претендовала Украинская Народная Республика, с приходом советской власти в 1920–1924 годах Таганрог с округой входил в состав Украинской ССР. По переписи 1926 года украинцы в городе Таганроге составляли 34,6 % всего населения, русские – 55,2 %, но во всей Таганрогской округе украинцы составляли абсолютное большинство – 71,5 %, русские – только 21,9 %. С 1937 года город в составе Ростовской области*». URL: <http://www.taganrog.su/phpbb3/viewtopic.php?t> (дата обращения: 22.04.2012).

Сетевой резонанс, вызванный созданием украинской автономии и так и не вышедший за пределы «электронной паутины», в настоящее время практически полностью сошел «на нет». В числе ее сторонников и активных участников, не превышающем 10 чел., люди, по преимуществу далекие от большой политики. Их интерес к украинской истории, культуре и языку продиктован разбуженным таким образом этническим самосознанием и, судя по динамике проводимых организацией мероприятий, не высок.

Инициатор развернувшегося в сети форума «Украинцев Таганрога» и руководитель созданной в апреле 2011 г. украинской автономии В.И. Кравченко неоднократно отмечал неполитическую направленность организации, ее стремление к тому, чтобы *«сделать как можно незаметной границу между нашими странами и народами России и Украины. Мы же все недавно жили под одной крышей, и еще это помним»*¹. По его словам, в настоящее время организация переживает трудные времена (*«финансово мы не богаты»*), сосредоточив все свои усилия на *«проведении мероприятий, связанных с праздниками»*. В ее активе – январская 2012 г. русско-украинская встреча, посвященная Переяславской Раде, в ближайшей перспективе – организация фестиваля национальных культур. Собираются члены общественной организации нечасто, пытаясь решать текущие вопросы в рабочем порядке.

Заслуживают пристального внимания обстоятельства ее появления в одном из наиболее «украинских» городов России. По свидетельству руководителя национально-культурной автономии, она оказалась результатом поступившего предложения от близких друзей, появившегося у него свободного времени и *«определенных этнических корней»*: *«Мои друзья из Ростова <...> Там активность была больше. И там были политические даже у них войны на основе того, что одна часть поддерживала крайний националистический блок, какая-то часть осталась на другом полюсе. Ну, в общем, они мне, значит, предложили: “Давай, в Таганроге посмотрим [речь идет*

¹ Интервью с Кравченко Владимиром Ивановичем, председателем городской национально-культурной автономии украинцев г. Таганрога. Интервьюеры Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Запись 24.04.2012. Продолжительность 128 мин. Место проведения: г. Таганрог, помещение общественной организации // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

о наличие в городе украинских организаций и возможности их создания – Т.Х., Е.К.]” Я посмотрел – действительно нет. Сделал вопрос в Интернете <...> И оказалось, что очень многие люди дополняют, там песни нравятся, да, вот, у меня там бабушка, да, вот, у меня там родственники Да, вот, на вскидку чуть не 30 % признают какую-то связь – эмоциональную или прочую родственную Ну, оказалось, нет организации такой. Ну, нужна она или не нужна – вопрос такой мне, в общем-то, задают. Мне часто задают. Я считаю так: кому нужно – нужно, кому не нужно, тот просто мимо проходит».

Создание организации с определенной этнической спецификой стало и личным ответом ее руководителя на «пятилетнее правление Ющенко»: «Мне кажется, что все-таки интернациональное сознание у меня не утеряно потому, что меня очень покорило, когда, во-первых, возникло вот это разделение и все эти границы. Особенно, конечно повлияло пятилетие Ющенко, вот эти все поползновения в том, что настроить друг против друга <...> Пусть, ладно, государство существует, но сами жители должны общаться так свободно, как для этого только возможно <...> Вот мы против такого, мы в этом смысле тоже хотим какую-то лепту внести».

На момент проведения интервью, по крайней мере, сам руководитель национально-культурной автономии освоил «приличный массив украинской художественной литературы», попытался усовершенствовать знание украинского языка и выражал уверенность в нужности «затеянного им дела». В отличие от своих ростовских коллег, он бывший преподаватель, в настоящее время занявшийся издательским делом. К обязанностям председателя относится очень ответственно, понимая, что только так «можно преодолеть присущую славянам лень»: «В городе 300 чел. узбеков появилось из Средней Азии, и они тоже мыслят как-то организовать <...> Ну а нам хоть культуру представлять надо». О своих украинских корнях знал давно. Однако в условиях единого союзного государства большого значения им не придавал. Актуализацию собственного этнического самосознания связывает с распадом СССР и последовавшим за ним возведением границ между, «по сути дела, одним народом». Главным предназначением деятельности созданной им организации считает «сохранение возможности общения людей, разделенных

государственными границами», и если удастся доказать, что *«не все украинцы, думают как Ющенко»,* то будет считаться его полностью реализованным.

В данном случае общественная организация выступает нетипичным институциональным механизмом поддержания и актуализации этнического самосознания украинского населения города. Ее мобилизационный потенциал прямо противоречит официально декларируемым целям. В отличие от ростовских организаций, стремящихся быть живым воплощением украинской культуры и, тем самым, формирующих у ее носителей представление о своей инаковости, Таганрогская национально-культурная автономия рассматривает историко-культурное наследие в качестве компоненты досуговой деятельности, инкорпорирующей украинское население в поликультурное пространство города. Однако и в том, и другом случаях результатами их деятельности неизбежно должен был бы стать рост этнического самосознания украинского населения области. В действительности же процесс этот оказывается не столь однозначным: стремительного роста украинцев в Ростовской области не наблюдается, а их участие в деятельности общественных организаций отставляет желать большего.

В ситуации отмечаемой экспертами успешной этнокультурной адаптации украинцев Ростовской области общественным организациям приходится выполнять не совсем привычные для них функции. Они становятся не только выразителями интересов определенной части населения, но и непосредственными каналами формирования ее этнически маркированных потребностей и поддержания этнического самосознания.

* * *

Проанализированные практики организации и жизни этнических коллективов, находящихся за пределами своих «больших» родин, свидетельствуют, что для многих из них поддержание национальной идентичности давно уже вышло за пределы ее традиционного понимания. Вместо привычного приобщения к истории и культуре своих народов она все чаще оказывается направленной на проведение досуга,

на оказание помощи своим, а нередко и на возвращение к временам «интернационального единства советских народов». При этом ключевые слагаемые идеальной модели нациестроительства – широкое использование самоуправления и родного языка, формирование элиты и сохранение традиций – остаются практически невостребованными в диаспоральной среде. Нации «поддерживаются» и «достраиваются» за счет обращения ее представителей к значимым вехам прошлого, по преимуществу сосредоточенного в локальных «местах памяти»; участия в коллективных мероприятиях (фестивалях народных культур, выставочной деятельности) и говорения на родных языках. Координатором этого процесса, как правило, выступают общественные организации, усилиями которых во многом «держатся» представления о существовании особого рода этнических интересов. Характер и формы их удовлетворения зависят на сегодняшний день, помимо всего прочего, и от личных качеств лидеров диаспор, умения «сплотить своих» и найти верные направления поддержания интереса к истории и культуре своей группы. Эти направления в условиях большого городского пространства могут связываться с различными по степени чувствительности регистрами этнической инаковости – религией, памятью, традицией, острота проявления которых «снимается» «умелой и правильной» работой, как со стороны руководства общественных организаций, так и власти.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как и любой автор (в значении человека пишущего и рефлектирующего посредством письменного текста) по завершении книги и перед предоставлением ее на суд авторитетного читателя, мы испытываем чувство легкой неудовлетворенности. Неудовлетворенность наша вызвана пониманием того, что не все из задуманного удалось осуществить в полной мере и именно так, как изначально планировалось. Легкость же этого чувства определяется ощущением, что книга все-таки состоялась, но что-то неуловимое осталось за кадром или попало в зону плохого освещения. Именно поэтому в заключительной части хотелось бы «проговорить» несколько принципиально важных для понимания ее основных идей моментов.

Первое, и, пожалуй, основное. Прошлое, с чьей «длинной тенью» мы сталкиваемся в общественно-политической жизни северокавказских народов, по большей своей части таковым не является. И вовсе не потому, что на поверку оказывается мифом или вымыслом. Сам механизм его воскрешения и последующей актуализации превращает историческое событие в горячую память, одним из механизмов поддержания которого выступает профессиональная историография. Обретая со временем и под натиском потребностей совершенно иного времени статус национального «места памяти», конкретное историческое событие начинает жить своей самостоятельной жизнью, что зачастую (как в случае с Кавказской войной) превращает его в ритуальное заклятие, без «снятия» которого не может быть решен ни один вопрос дня сегодняшнего. Заглавная роль в этом процессе преобразования принадлежит исторической науке, чей методологический плюрализм и усиливающаяся политизация становятся добротным подспорьем для выстраивания самых разнообразных образов прошлого. Их присутствие в публичном пространстве, учебной литературе, мемориальных и музейных стратегиях увековечивания непрочной исторической памяти нередко встречает непонимание со стороны государства или соседних народов, что придает конкретному событию прошлого характер жертвы, тем самым, требуя его всемерной защиты. Причем защиты и «по линии науки». Как результат – полыхающие

на Северном Кавказе войны памяти и историографий, острота и длительность течения которых во многом спровоцированы не только политической конъюнктурой, но и состоянием региональной исторической науки, относительно недавно приступившей к избавлению от «родовых пятен советского наследия». Одним из ключевых сюжетов этого избавления/переосмысления и являются процессы нациестроительства, незавершенность или «неправильность» решения которых воспринимаются источником нынешнего бедственного развития региона в целом.

Второе, и, как представляется, необходимое. На Северном Кавказе большевики не застали оформившихся наций. Поэтому их предстояло построить, но не для того, чтобы они были, а с целью упрочения позиций советской власти и построения социализма в регионе, воспринимаемом «оазисом национальной пестроты и земельного голода». Именно с этой целью и под воздействием усвоенных теоретических представлений того времени о природе и характере наций будущие нации наделялись правом на самоопределение, изначально взятом под контроль советскими и партийными органами власти. Их «нормативными атрибутами» стали обязательное наличие государственности в виде национальных районов, автономных областей и республик; формирование национальной интеллигенции; широкое применение родного языка; сохранение и приумножение национальных традиций и культуры. В ходе развернувшегося нациестроительства обнаружилось, что создать монолитные национальные образования не представляется возможным. Сложившиеся в регионе практики проживания и хозяйственной деятельности практически всех народов придавали устанавливаемым административным границам (выполняющим функции внешней скрепы нации) прозрачный и нелегитимный характер. В свою очередь, соображения экономического порядка требовали изменения границ автономий, что неизбежно влекло за собой изменение их этнического состава. В итоге созданные и существовавшие вплоть до 1991 г. разностатусные северокавказские автономии – дву- и односубъектные республики и автономные области – нуждались в очень гибких и одновременно жестких механизмах своего поддержания. Такими механизмами на протяжении

всего советского времени выступали коренизации, в том числе и образования, система ротации кадров и соблюдение негласного принципа этнического паритета при назначении руководителей автономий, создание и поддержка всевозможных институтов памяти, возрождение и сохранение национальной культуры, этнические чистки и депортации. Национальные интересы и потребности были отнесены к особой области, требующей наличия и особого органа власти для их удовлетворения.

Выстраиваемые таким образом нации, фундамент которых покоился на элементах так и неизжитой советскими порядками до-революционной системы образования, судопроизводства, родовых традициях, также как и предоставляемые им формы государственности требовали четко отлаженного механизма их поддержания. Однако механизм этот время от времени давал сбои, собственно, predetermined советской теорией социалистических наций, в соответствии с которой полноты своего существования последние достигали в пространстве собственного государства, высшей формой которого мыслилась союзная или автономная республика. Принятая градация этнических общностей – народности, народы, нации, чью основу составляли количественные показатели, определяла и соответствующую ступень их административно-территориальной и политической самостоятельности – район, область, республика. Нередко в одной области или республике оказывались совершенно разные и в прошлом плохо ладившие между собою народы. За годы советской власти у многих из них сформировались отчетливые представления о неполноценности собственного национального существования.

Третье, и, вероятнее всего, гипотетическое. Нынешний этап нацистроительства северокавказских народов исходит из необходимости преодоления негативных последствий советской эпохи. При этом, как ни парадоксально, это строительство осуществляется посредством все тех же форм и практик, что и в предшествующие советские десятилетия. С той лишь разницей, наиболее характерной для периода 1990-х – начала 2000-х гг., что в расчет берутся по преимуществу «титовые» народы региона. Именно тогда активно разрабатывались и получили всемерную поддержку со стороны

руководства северокавказских республик: система национального образования и его учебное обеспечение; законы о родных языках и защите национальной культуры; новые хранители памяти о прошлом (национальные музеи, институты национальной памяти) и его новый мемориальный ряд. Необходимость их внедрения, помимо всего прочего, была вызвана и разбухенной исторической памятью, в пространстве которой болезненно воспринимаемые события прошлого (Кавказская война и массовый исход адыгов с исторической родины, этнические чистки и депортации Великой Отечественной войны, административно-территориальные преобразования и вызванные ими последствия) обретали статус главных виновников сегодняшнего положения дел на Северном Кавказе. Выпущенная как джин из бутылки, она стала катализатором многих процессов, связанных с непроработанностью прошлого и вылилась в требования признания геноцида адыгов и репатриации соотечественников, создание нового черкесского субъекта, восстановление единства осетинского народа, защиты национальной истории чеченцев, доведения до своего логического завершения реабилитации репрессированных балкарцев и карачаевцев. Все эти требования – наглядные свидетельства идущих процессов сборки северокавказских наций, а их историческая заостренность и вызываемое непонимание – лишь подтверждение постоянного присутствия в нашей жизни «длинной тени прошлого». Тени, чей угол наклона и степень плотности во многом определяются соображениями политического порядка и состоянием научной разработанности ее конкретного носителя. Вместе с тем, как свидетельствует опыт поддержания национального самосознания диаспор южнороссийских городов, прошлое – вещь важная, но вовсе не необходимая в их сегодняшней жизни. Оно играет консолидирующую роль среди «своих» лишь при определенных и настойчивых усилиях, пробуждающих интерес к родной истории и традициям. Причем усилиях, приводящих к созданию организаций, становящихся их хранителем и транслятором. В последние годы мы все чаще становимся свидетелями затихающих войн памяти и мемориальных конфликтов на Северном Кавказе, перемещении болезненных вопросов к прошлому в стены профессиональных аудиторий. Наверное, всем нам, как в свое время

П.А. Столыпину, просто не хватает времени или терпения подождать, пока оно остынет, или, по крайней мере, дистанцируется от «большой» политики.

И, наконец, *последнее*, заключительное. По мере написания книги взаимосвязь истории, политики и нацистроительства на Северном Кавказе становилась для нас все более очевидной. Как и то, что в глобализирующемся мире, требующем жизни в больших и профессионально заостренных пространствах, она постепенно будет терять свою актуальность и со временем станет обходиться без прошлого, все больше ориентируясь на вызовы настоящего.

Научное издание

**Татьяна Павловна Хлынина,
Евгений Федорович Кринко**

**ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА
И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Редактор *И.В. Бобякова*
Оригинал-макет *И.В. Кубеш*
Оформление обложки *Н.В. Лункина*

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Сдано в набор 05.10.14. Подписано в печать 09.10.14.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,32.
Тираж 300 экз. Заказ № 67/13.

Подготовлено и отпечатано DSM Group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081.
г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. 263-57-66, 263-13-17
E-mail: dsmgroup@mail.ru